КАМПАНЕЛЛА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает об ученом, поэте и борце за освобождение Италии Томмазо Кампанелле. Выступая против схоластики, он еще в юности привлек к себе внимание инквизиторов. У него выкрадывают рукописи, несколько раз его арестовывают, подолгу держат в темницах. Побег из тюрьмы заканчивается неудачей.

Выйдя на свободу, Кампанелла готовит в Калабрии восстание против испанцев. Он мечтает провозгласить республику, где не будет частной собственности, и все люди заживут общиной. Изменники выдают его планы властям. И снова тюрьма. Искалеченный пыткой Томмазо, тайком от надзирателей, пишет "Город Солнца". Даже в самых нечеловеческих условиях — в яме, наполненной водой, он умудряется вопреки запретам продолжать работу. Он пишет труды по философии и политике, астрономии и медицине.

Томмазо Кампанелла не только "Городом Солнца", но и всей своей жизнью мыслителя и борца заслужил право на благодарную память потомков. Ни страшнейшие пытки, ни тридцать три года тюремного заключения не смогли поколебать в нем уверенности, что будущее принадлежит общинной жизни. Большую часть своей жизни Кампанелла провел в самых нечеловеческих условиях и, несмотря на это, был одним из крупнейших ученых своего времени.

- Альфред Энгельбертович Штекли
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая. ДУХ ТЕЛЕЗИЯ
  - Глава вторая. КРЕПОСТЬ, РАЗРУШЕННАЯ ДО ОСНОВАНИЯ
  - Глава третья. ВПЕРВЫЕ В ИНКВИЗИЦИИ
  - Глава четвертая. РИМ, ФЛОРЕНЦИЯ, ПАДУЯ
  - Глава пятая. ЗАМОК СВЯТОГО АНГЕЛА
  - Глава шестая. ЗАГОВОР
  - Глава седьмая. ИЗМЕНА
  - Глава восьмая. ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ — ЗНАЧИТ СПАСТИСЬ!
  - Глава девятая. ТЮРЕМЩИКИ, СВЯЩЕННИКИ, ПАЛАЧИ
  - Глава десятая. «КРОКОДИЛЬЯ ЯМА»
  - Глава одиннадцатая. УЗНИК СХОДИТ С УМА
  - Глава двенадцатая. БЕЗУМЕЦ ИЛИ СИМУЛЯНТ?

- Глава тринадцатая. ДИАНОРА
- Глава четырнадцатая. ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА
- Глава пятнадцатая. НЕОЖИДАННЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ
- Глава шестнадцатая. ПОБЕГ ИЗ КАСТЕЛЬ НУОВО
- Глава семнадцатая. ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ
- Глава восемнадцатая. ТЮРЬМА НА ОСТРОВЕ
- Глава девятнадцатая. ГОЛОС В ЗАЩИТУ ГАЛИЛЕЯ
- Глава двадцатая. «ГОРОД СОЛНЦА» ВЫХОДИТ В СВЕТ
- Глава двадцать первая. «КАК ИЗБЕЖАТЬ СУДЬБЫ, ПРЕДСКАЗАННОЙ ЗВЕЗДАМИ»
- Глава двадцать вторая. КОЗНИ И МИЛОСТИ ВРАГОВ
- Глава двадцать третья. СНОВА ЗАГОВОР!
- Глава двадцать четвертая. НА ЧУЖБИНЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КАМПАНЕЛЛЫ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ [19]
- СОДЕРЖАНИЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

Альфред Энгельбертович Штекли
КАМПАНЕЛЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги — прежде всего ученый. Таким он остается до конца, несмотря на то, что в интересах живости изложения он иногда заменяет сухой протокол остроумным диалогом и философское рассуждение превращает в оживленную беседу. Но это строго обосновано источниками, и нет в изложении ничего такого, что выходило бы за пределы научно допустимой гипотезы. Автор тщательно изучил все, что дошло до нас от самого Кампанеллы, все написанное о нем предшествующими исследователями. И на основании изученного материала автор с успехом воссоздал образ Кампанеллы — замечательного мыслителя, социалиста-утописта, великого мечтателя о счастливом будущем человечества.

Такая задача была весьма нелегкой. Образ Кампанеллы чрезвычайно сложен и противоречив, так же сложен и противоречив, как и историческая обстановка, в которой он жил и действовал. Кампанелла — один из тех людей эпохи Возрождения, о которой говорил Энгельс: «Это было время, нуждавшееся в гигантах и породившее гигантов, гигантов учености, духа и характера». Последователь философа-материалиста и естествоиспытателя — Телезия (1509–1588), ученый, доверявший непосредственному опыту в противовес церковному авторитету, мыслитель, близкий к материализму, Кампанелла был разрушителем всякого догматизма, подрывал самые корни средневековой религиозности, а вместе с нею и основы якобы самим богом установленного общественного порядка, и в этом отношении он шел дальше большинства гуманистов. Он поэтому был ненавистен всем силам реакции, бушевавшим в его время. Его несчастьем было то, что он жил и действовал в эпоху разнузданной католической контрреформации, в век инквизиции и иезуитов. Казалось все силы черной реакции ополчились против критики, которой подвергалась католическая церковь со стороны протестантизма, средневековая схоластика — со стороны свободного духа исследования.

Феодальная аристократия и освящавшая ее господство и ее привилегии католическая церковь, боясь потерять свой авторитет, а вместе с ним и материальные блага, собирали все свои силы, чтобы дать отпор новой науке. Мракобесы-инквизиторы послали на костер замечательного мыслителя Джордано Бруно, заставили великого Галилея отречься от своих открытий. Папство, которому был нанесен сильнейший удар реформационными течениями, с

фанатической нетерпимостью относилось ко всякому проявлению мысли, несогласной с догмой. В Италии господствовали испанцы — оплот всеевропейской реакции. И вот в это-то время выступал Кампанелла — гуманист, певец человеческого труда, свободомыслящий философ, ученый и патриот, мечтавший об освобождении родины от испанского ига, а людей труда от эксплуатации. Отсюда своеобразие его деятельности и его многочисленных сочинений. Двусмысленность его утверждений давала повод видеть в нем подчас «лицемера» и «вечного симулянта». В самом деле, философ, почти материалист, ненавидевший всякий авторитет, он вместе с тем может иной раз показаться хвалителем католицизма и папства, итальянец, ненавидевший испанских насильников, он выступал чуть ли не энтузиастом испанской монархии, хотя он знал хорошо, что именно она была самой реакционной силой. Но все это было не больше, чем военные хитрости в ожесточенной борьбе с лютыми и бессовестными врагами. Обмануть врага, усыпить его бдительность или, как выражался в одном из своих сонетов сам Кампанелла, при помощи лжи довести до людей правду — все это Кампанелла считал морально допустимым и все это позволяет понять нам главное в противоречивых взглядах этого мыслителя.

В чем же заключалась его правда? Кампанелла, как и его предшественник Томас Мор, жил в переходное время от феодализма к капитализму. Он собственными глазами наблюдал как феодалы грабили простой народ. Но и новые порядки, которые шли на смену феодальным, были основаны на эксплуатации трудящихся. И он был одним из тех немногих благородных умов человечества, который поставил в общей форме вопрос: чем объяснить, что во все времена плохо живется тем, кто трудится, и хорошо — праздным бездельникам? Виноват во всем социальный строй, покоящийся на собственности, и этот строй должен быть в корне изменен. Кампанелла нарисовал идеальный общественный порядок в своем сочинении «Город Солнца» и наивно думал, что такой порядок может быть осуществлен, едва только люди познакомятся с ним. Но уже то, что Кампанелла понял великое значение коллективного труда и наибольшее зло видел в частной собственности, обеспечивает Кампанелле право на бессмертие.

Академик С. Сказкин

Глава первая. ДУХ ТЕЛЕЗИЯ

Ему велели повторить свое имя.

— Томмазо Кампанелла?..

Нет, его никто не знал.

— Сколько тебе лет?

— Скоро семнадцать.

В церкви резко прозвучал чей-то раздраженный голос.

— Какая наглость! Самоуверенный мальчишка хочет принять участие в сложном философском споре!

В самом деле, было отчего возмущаться. Уже несколько дней по всей Козенце были расклеены рукописные афиши и в городе много говорили о предстоящем диспуте.

В назначенный час церковь наполнилась народом. Старик ученый, которого ждали из Сан-Джорджо, сильно опаздывал. Собравшиеся открыто выказывали нетерпение. Как раз в это время в церковь торопливо вошел высокий юноша в белой доминиканской одежде[1] и сразу направился к тому месту, где, томясь в ожидании, сидели устроители диспута. Он поздоровался и сказал, что его учитель внезапно заболел и не в силах подняться с постели. Кто-то засмеялся. Все это пустые отговорки! Каждому ясно, что он просто струсил!

Юноша бросил на насмешника негодующий взгляд и, волнуясь, добавил, что учитель поручил ему выступить вместо себя. Раздался еще более громкий смех. Братья-проповедники так обеднели на ученых мужей, что, смотришь, скоро заставят спорить и младенцев прямо из купели!

Он стоит перед ними, стройный, худой, с бледным от волнения лицом и черными глазами, горящими от возмущения.

— Смеяться будет тот, кто одержит победу!

Откуда он взялся? Видели, как у городских ворот он вытер о траву запыленные ноги, снял с плеча грубые сандалии, обулся. Он очень спешил.

Имеет ли смысл начинать диспут? Конечно, не велика честь победить самонадеянного юнца, но здесь сегодня он будет выступать как представитель ордена доминиканцев, и пусть на их голову падет весь позор поражения, раз они не смогли выставить более подходящего человека!

Пожилой францисканец[2] поднимается на кафедру. Он выбирает труднейшие места из Аристотеля,[3] чтобы сразу запутать и сбить противника. Свои доводы он основывает только на авторитетах и старательно нанизывает одну цитату на другую. Они так пространны и так многочисленны, что противнику надо

иметь недюжинную память, чтобы удержать в голове всю цепь доказательств и не захлебнуться в потоке схоластической учености. Опытный оратор, он уверенно заканчивает свою речь.

Францисканец возвращается на прежнее место и, снисходительно улыбаясь, наблюдает, как его юный оппонент, угловатый и нетерпеливый, всходит на кафедру. Многие слушатели предвкушают большую потеху. Первые фразы, произнесенные Кампанеллой, вызывают веселое оживление. Куда ему спорить! Он от волнения теряет голос. Никто не принимает его всерьез. По рядам прокатывается смех. Даже те, кому сперва понравилось его мужество, теперь возмущены. Он берется состязаться с таким знаменитым оратором.

Кажется, что во всей церкви у него нет ни одного доброжелателя. И вдруг он замолкает совсем. Он озирается по сторонам. Что он хочет? Бежать? Скрыться от позора?

Слушателям видно, как руки Кампанеллы крепко сжимают крышку кафедры. Усилием воли он подавляет волнение и начинает говорить. Речь его не блещет никакими красотами. В скупых и четких выражениях перечисляет он пункт за пунктом доводы противника. Никто больше не смеется. Всех поражает та точность, с которой Томмазо передает чужие аргументы. Перед ним нет никаких записей, он смотрит прямо в зал и повторяет слово в слово целые куски из выступления францисканца. Феноменальная память молодого монаха заслуживала, чтобы его выслушали! Ясно, что он не пропустил ни одного из доводов и очень хорошо их понял. Но сумеет ли он их опровергнуть?

Звонкий голос Кампанеллы хорошо слышен даже в отдаленных уголках церкви. Речь францисканца была построена на цитировании авторитетов. Каждой его цитате Кампанелла противопоставляет несколько отрывков из библии, из сочинений Аристотеля и его толкователей, из трудов Августина, Альберта Великого, Фомы Аквинского. Он без запинки приводит на память пространнейшие латинские и греческие тексты и не забывает в надлежащем месте указать противника, что тот неправильно цитировал ту или иную фразу, лот текст умышленно сократил, а к этому добавил лишнее слово. Снисходительная улыбка исчезает с уст францисканца. Он явно обеспокоен. Доказательства этого юноши настолько убедительней его собственных, что из рядов слушателей все чаще и чаще раздаются возгласы одобрения. Заключительные слова Кампанеллы тонут среди аплодисментов и приветственных криков.

Францисканец не хочет признать себя побежденным. Потерпеть поражение от мальчишки, значит навлечь позор на весь орден. Да, несомненно, Кампанелла обладает

исключительной памятью и начитан в философских книгах. Но так ли он тверд в вопросах веры?

Озлобленный неудачей, францисканец готов на все, чтобы навредить Томмазо. Он цветисто говорит о взаимоотношении веры и познания. Без веры никакое познание невозможно!

Они спорят, перебивая друг друга и бросая реплики. Францисканец настаивает на непреложности авторитетов. Он то и дело цитирует отцов церкви. На возражения он отвечает только цитатами. Он чувствует, что это сердит Кампанеллу, и ждет лишь случая, чтобы заставить его высказаться откровенно. Спор захватывает Томмазо. Слушатели опрашивают друг у друга, откуда у Кампанеллы такие познания и кто были его учителя. Но никто не знает о нем ничего примечательного. Он родом из Стило, учился в церковной школе, потом пошел в монастырь.

Спор продолжается с еще большим ожесточением, францисканец утверждает, что в сочинениях отцов церкви нет и не может быть ошибочных положений. Кампанелла перебивает его: выходит, что Колумб не открыл Нового Света, поскольку его существование отрицал блаженный Августин! Напряжение слушателей растет. Мало кто решится с такой смелостью выступать на диспуте в церкви!

Старик, сидящий в первом ряду, с восхищением следит за Кампанеллой и, нагнувшись к соседу, говорит:

— Этот юноша со временем станет великим ученым. — Потом, помолчав немного, добавляет: — Если раньше не угодит на костер…

Диспуту не видно конца. Францисканец умело использует слова Кампанеллы об Августине.

— Значит, не сочинения отцов церкви являются критерием истины? Тогда что же?

— Природа! — отвечает Томмазо. Природа? Идеи Кампанеллы начинают попахивать ересью! Слушатели настораживаются.

— Не читал ли фра Томмазо сочинений Бернардино Телезия?

Интуиция подсказывает Кампанелле, что в этих словах скрыта ловушка. Телезий? Кажется, это имя принадлежит какому-то опальному философу. Он отвечает, что книг Телезия не читал.

— Откуда же тогда он знает то, чему его не учили?!

Несмотря на все ухищрения францисканца, Кампанелла выходит из диспута победителем. Окрыленный успехом, он шагает обратно в Сан-Джорджо. А жалкие завистники начинают распространять слух, что Кампанелла водится с нечистой силой.

Монах-францисканец, оскорбленный поражением, впервые задал тот коварный вопрос, которым несколько лет спустя

встретят Томмазо отцы-инквизиторы: «Откуда он знает то, чему его никогда не учили?!».

Многие в Козенце говорят в этот вечер о столь неожиданном исходе диспута. Многие повторяют слова, сказанные кем-то во время спора: «Кампанелла станет великим ученым… если раньше не угодит на костер…».

Скучно тянулась жизнь в монастыре Никастро: строгий настоятель, требующий соблюдения устава, десятки ограничений, долгие, наводящие тоску церковные службы. Но и здесь уже чувствовалось веяние времени. Кое-кого из молодых монахов трудно было отличить от бродячих студентов. Они умудрялись повесничать в городе и вопреки запретам часто носили под рясой оружие.

Однажды в монастырь прибыл семнадцатилетний юноша. Он вручил настоятелю предписание провинциала,[4] в котором говорилось, что Томмазо Кампанелла для продолжения образования переводится в Никастро. Томмазо Кампанелла? Не он ли несколько месяцев назад одержал победу в Козенце? Он самый.

Настоятеля огорчила эта новость. Удивительные способности Кампанеллы породили уже столько слухов! В монастыре и так слишком много умников! Чего стоят хотя бы братья Понцио и фра Пиццони!

Первые дни новичок держался особняком, посещал только лекции престарелого ученого Антонио Фиорентино и обязательные богослужения. Все свободное время сидел над книгами. Его трудолюбие было поразительным. Когда он спит? Ночи напролет в его келье горит свет, а утром он, как и все, присутствует на занятиях. Молодые монахи очень интересовались Кампанеллой. Но он отвечал на вопросы односложно и торопился уйти к своим книгам. Его ночные бдения раздражали настоятеля.

Недовольство достигло предела, когда однажды Кампанелла попросил, чтобы ему выдали еще свечей. За неделю он сжег весь запас, полагающийся на месяц! Приор[5] и слышать не хотел о дополнительных расходах. Тогда новичок набрался наглости и предложил настоятелю, чтобы тот выдал ему на покупку свечей несколько карлино из денег, отпускаемых на питание, и соответственно уменьшил бы его рацион. Настоятель отказал. Слух об этом разговоре распространялся по всему монастырю.

На следующее утро к Томмазо вошел шумливый Дионисий Понцио, его сверстник, один из тех, кто своим непокорным нравом и дурным поведением особенно досаждал приору. Он вытащил из-под плаща светильник и бутыль масла глупо было бы отказываться от чтения книг из-за скупости настоятеля. Томмазо

не мог скрыть своего удивления. Как он умудрился все это раздобыть?

Дионисий признался, что почти каждый вечер, как только раздается сигнал ко сну, он перелезает через ограду и уходит в город. Он не собирается быть образцовым монахом! Если бы не ранняя смерть отца, то он никогда бы не напялил на себя рясу. Семья-то у них хорошая, да денег давно уже нет. Одного лишь счастливчика Ферранте и удалось отправить в Неаполь изучать юриспруденцию, а двум другим братьям, ему и Пьетро, пришлось идти в монастырь.

Вскоре тесная дружба связала Дионисия и Томмазо. Они много бывали вместе. В их беседах принимали участие Пьетро Понцио, Джамбаттиста Пиццони и Пьетро Пресвитера. Всем им было душно в монастырских стенах, они мечтали об огромном мире и героических подвигах. Томмазо охотно рассказывал им о себе.

Детство его было нелегким. Отец-сапожник с трудом кормил большую семью. Сперва они жили в городке Стило, но потом чума заставила их бежать в Стиньяно. Там было не слаще. Томмазо вряд ли мог рассчитывать на более счастливую, чем у его безграмотного отца, судьбу, если бы в самом раннем детстве не столкнулся с человеком, научившим его читать и писать. Имя своего первого учителя, Агацио Солеа, он будет всю жизнь вспоминать с чувством неизменной благодарности. Приятно воскресить в памяти и ветхое здание школы около церкви в Стило, и первые уроки грамматики, и робкие попытки писать стихи. Довольно быстро он перенял у учителя все его знания, и Агацио стал настаивать, чтобы Томмазо продолжал учение. На какие средства? Отец с трудом кормил семью. Единственный для бедняка путь к знанию лежал через монастырскую школу. Не достигнув еще пятнадцати лет, Томмазо был посвящен в монахи. Все свои силы он отдавал учению. У него были большие способности и прекрасная память, но он не хотел, чтобы она была рабской памятью!

Он отличался беспокойным характером и опасной склонностью во всем доискиваться корней. Давно уже его вопросы ставят в тупик учителя. Да и разве может быть иначе? Разве они сами, и Дионисий и Джамбаттиста, пожелают удовлетвориться только той премудростью, которую им преподносят?!

Учителя заставляли его вызубривать наизусть целые страницы священного писания. Из него растили отчаянного софиста-спорщика, а природа продолжала оставаться для него за семью печатями.

Его жадность к книгам была беспредельной. Чем глубже

изучал он перипатетиков,[6] тем большее беспокойство овладевало им. Истины, которые с таким усердием ему с ранних лет вдалбливали в голову, оказывались ложными, а авторитеты, обязательные для поклонения, дутыми. Он без устали изучал комментаторов Аристотеля — греческих, латинских, арабских. Сомнения множились с каждым днем. Он все яснее видел пропасть, лежащую между схоластикой и жизнью.

Друзья восторженно слушали Кампанеллу. Невзирая на молодость, он успел уже столько познать.

Томмазо смеялся. Секрет успеха очень прост — никогда не надо жалеть ни трудов, ни свечей!

Он давно уже задумывался над причинами царящей в мире несправедливости. Учителя ссылались на установленный Богом порядок. Человек, родившийся в грехе, уже в силу своей природы склонен к злу. Только с помощью Благодати Божьей он может устоять на стезе добродетели.

Что же остается делать? Проводить годы в молитвах и постах и ждать, пока всевышний призовет тебя к вечному блаженству на небе?! Он рано начал сомневаться в том, что его заставляли принимать на веру. Рассказы о грехопадении Адама и о последствиях, которое имело оно для всего рода человеческого, казались ему баснями. Он не хотел верить, что люди от природы склонны к злу и несправедливости. С детства он видел, как бедствовал повсюду народ. Люди, задавленные нуждой и непосильной работой, были суровыми и ожесточенными. Спор из-за клочка виноградника приводил к кровной мести, продолжавшейся десятилетиями. Однако кто, как не они, крестьяне и ремесленники, создали все, чем гордилась Калабрия, — построили красивые города, проложили дороги, насадили оливковые, апельсиновые и тутовые рощи? А кто, как не они, проявляли величайшее самопожертвование, когда в стране свирепствовала чума, разражались стихийные бедствия или когда африканские корсары нападали на побережье?

Ему трудно было выбраться из этого заколдованного круга. «Возлюби ближнего своего больше самого себя», — кричат попы с каждого амвона. Но ведь на деле большинство людей думает только о собственной выгоде и изо дня в день творит несправедливость. Значит, основное зло в эгоизме!

Томмазо много думал о том, под влиянием каких причин появляется в человеке себялюбие. Ответ дался ему не легко и пришел не сразу.

В Калабрии было тревожно. Почти целое столетие весь юг Италии находился под властью испанцев. Чиновники испанского вице-короля, обосновавшегося в Неаполе, вытягивали из страны

последние соки. Церковь была заодно с поработителями. С каждым годом все больший отклик находили люди, проповедовавшие идеи направленные против церкви. Римская инквизиция то и дело посылала в Неаполитанское королевство своих уполномоченных для борьбы с еретиками.

Здесь надолго запомнили дикие преступления инквизиторов, которые с помощью нескольких полков испанской пехоты истребили сотни вальденсов.[7] Палачи убивали их словно овец, перерезая ножом горло. Тела казненных были четвертованы и для острастки выставлены по всем дорогам Калабрии.

Даже страшнейшим террором испанцы не смогли подавить сопротивление. Скрываясь от преследований властей люди уходили в горы. Их называли «фуорушити»[8] и одно это слово нагоняло на испанцев страх. Вице-король постоянно усиливал гарнизоны в Калабрии и увеличивал и без того непосильное бремя налогов. Крестьяне, разоренные бесчисленными поборами, бросали поля и вливались в отряды фуорушити.

Кампанеллу глубоко волновало бедственное положение родины и душа его была полна ненависти к угнетателям. Он писал стихи о былом величии Италии, где с горечью говорил о рабских цепях, в которые поработители заковали народ. Он страстно мечтал о том дне, когда восставшие сбросят испанское иго.

Ближайшие друзья Томмазо — братья Понцио, Престера и Пиццони — также готовы были бороться за свободу Калабрии. Каких только планов они не обсуждали! Ночи напролет спорили о заговорах, восстаниях, мятежах. Они говорили о все растущем недовольстве народа и о смелых действиях неуловимых фуорушити. Хорошо подготовленное восстание наверняка закончится победой!

А дальше что? Жизнь ведь не станет намного легче оттого, что новые тираны будут говорить по-итальянски. Какая же форма правления должна быть установлена в Калабрии? Республика? Монархия? Аристократия? Какое государственное устройство больше всего соответствует разуму?

Этого не знали ни Кампанелла, ни Пиццони, ни братья Понцио.

Окружающая действительность вызывала у Томмазо чувство возмущения. Почему люди мирятся с жизнью, основанной на угнетении?! Неужели они не видят как неразумен существующий порядок вещей и в каком вопиющем противоречии находится он с человеческой природой? Какой государственный строй является наилучшим? Он стал искать ответа в книгах. Ни Августин, ни Альберт Великий, ни Фома Аквинский его не удовлетворили.

Своими учеными фразами и проповедью покорности они только прикрывали несправедливость. Может быть греческие философы помогут обрести правильное решение?

Он внимательно вчитывался в диалог Платона «Государство». В основе идеального государства, учил Платон, должна лежать общность материальных благ. Собственность не соответствует природе и не способствует упрочению и процветанию государства. В ней кроется причина раздоров и смут. Жизненные блага делятся поровну между всеми свободными гражданами. Дети воспитываются государством.

Многие высказанные Платоном идеи пришлись Кампанелле по душе. Особенно большое значение имели для него мысли об общественном воспитании детей и о развращающем влиянии собственности. Однако, ряд положений Платона казались Кампанелле неправильными. В его идеальном государстве не было настоящего равенства. Общество делилось на замкнутые разряды граждан, трудом занимались не все, оправдывалось существование рабства.

Не развил ли дальше Аристотель идей Платона? Оказалось, наоборот. В своей «Политике» Аристотель доказывал, что государство, где все блага будут общими, не сможет существовать. Люди, лишенные стимула, заключающегося в приобретении собственности, будут стараться меньше работать, чтобы прожить за счет других. Труженики и ленивцы будут одинаково претендовать на долю общественного богатства. Поля покроются сорняками, производство сократится, распри и ссоры возрастут и государство развалится.

Взгляды Аристотеля не убедили Кампанеллу. Все основное зло в мире происходит от собственности, а именно ее-то Аристотель и объявляет благом! В споре Аристотеля с Платоном, истина оставалась за Платоном.

Чем больше Кампанелла занимался естественными науками и философией, тем дальше он отходил от религии.

Он рано увидел непримиримые противоречия, существовавшие между богословием и настоящей наукой. И он, не колеблясь, предпочел религии науку.

Кампанелла продолжал упорно изучать труды философов, медиков и натуралистов. С каждым днем мир все больше раскрывал перед ним свои тайны. Томмазо был глубоко убежден, что основой науки должно быть непосредственное изучение природы. Каждое положение, которое он вычитывал в книгах, он старался проверить, сравнивая его с тем, что он видел.

Он не скрывал своих взглядов. Если они отражают истину, то их можно проповедовать всюду! Он был еще слишком молод,

горяч и неосмотрителен, чтобы бояться дурных последствий. Флорентино высоко ценил способности Кампанеллы и в душе нередко соглашался с ним, но признаться в этом не мог, потому что был умудрен горьким жизненным опытом. Сомнения, высказанные вслух, бросали на человека опасную тень безверия, а от безверия до костра был один только шаг!

Томмазо договорился однажды до того, что стал подвергать сомнению даже некоторые страницы священного писания. Старик Флорентино пытался его урезонить. Такие речи до добра не доводят! Томмазо не унимался. Учитель сокрушенно качал головой: «Кампанелла, Кампанелла, ты плохо кончишь!».

Приближался к концу третий год его пребывания в Никастро. Он внимательно изучал Аристотеля, Платона, Плиния, Демокрита, сочинения стоиков. Время, проведенное в Никастро, не пропало даром. Он успел очень многое сделать, но ему казалось этого мало.

> Я в горстке мозга весь, а пожираю
> Так много книг, что мир их не вместит.
> Мне не насытить алчный аппетит —
> Я с голоду все время умираю.
> Я — Аристарх и Метродор — вбираю
> В себя огромный мир, а все не сыт.
> Меня желанье вечное томит:
> Чем больше познаю, тем меньше знаю![9]

Всю жизнь, вплоть до смертного часа, его мучила неутолимая жажда знаний.

Дионисий познакомил Кампанеллу с Шипионе Престиначе. В Стило, на родине Томмазо, семья Престиначе славилась ненавистью к испанцам. Скрываясь от преследований властей, Шипионе примкнул к отряду фуорушити. В Никастро он появился тайно.

Шипионе рассказывал о смелых набегах на испанские гарнизоны, в которых принимал участие. Томмазо и Дионисий слушали его, затаив дыхание. Они много говорили о судьбах родины и необходимости перемен. Кампанелла так увлекался, что забывал о всякой осторожности. Он ратовал за справедливость и порицал церковные порядки. Престиначе был религиозным человеком, и речи молодого доминиканца произвели на него неизгладимое впечатление. К несчастью, он навсегда запомнил, что Кампанелла проповедовал ересь.

Томмазо настойчиво искал среди современников философа, который основывал бы свои теории не на старых авторитетах, а

на изучении самой природы. Он перерыл всю монастырскую библиотеку, но ничего не нашел. На диспуте в Козенце его противник упоминал о Телезии. Он, кажется, готовил ему ловушку, когда спрашивал, не читал ли Кампанелла его сочинений. Кто же он, этот Телезий, с которым его пытались сблизить?

Учителя ничего не хотели знать о Телезии. С тем большим упорством Томмазо старался раздобыть что-нибудь из его сочинений. Прошло много времени, пока он впервые получил одну из работ Телезия. Это был знаменательный день.

С волнением открыл он книгу: «Бернардино Телезий «О природе вещей согласно ее собственным основаниям». Пробежавши первую главу, он сразу понял все, что должны заключать в себе остальные главы. Нет, это не Аристотель, у которого на каждом шагу встречаешь противоречия. Книга Телезия явилась для Кампанеллы откровением. Вот, наконец, он нашел философа, который не боится выступать против ошибок Аристотеля. Кампанелла не мог удержаться, чтобы не прочесть друзьям вслух смелых слов Телезия: «Мне совершенно непонятно, каким образом столько самых выдающихся людей, столько народов, даже, можно сказать, почти весь род человеческий, и на протяжении стольких веков чтил Аристотеля, так глубоко заблуждавшегося в стольких важных вопросах».

Теперь дни до предела были наполнены изучением Телезия. Кампанелла чувствовал, что он начинает находить ключ к правильному пониманию всей философии. Телезий доказывал, что познание природы должно основываться не на толковании комментаторов Аристотеля, а на опыте, полученном в результате влияния внешнего мира на органы чувств. Он утверждал, что только на основании опыта можно постичь внутренние закономерности природы: «Критерием истины является опыт!»

Книга Телезия отвечала самым пылким чаяниям Кампанеллы. Критерием истины является опыт! Значит, единственный настоящий авторитет — это природа, а не сочинения богословов!

Телезии был очень осторожен и нигде не делал прямых выпадов против церкви. Он оговаривался, что верует, как добрый христианин, и высказывал готовность взять обратно свои слова, которые могут быть поняты, как противоречащие религии. Он не только берет их назад, но заранее осуждает и проклинает их! Однако созданного Телезием уже не уничтожить ни словами осуждения, ни проклятьями. Хорошо, если хитрые оговорки помогут ему уберечься от костра!

Телезий открыл перед Кампанеллой новые горизонты. Томмазо был счастлив от ощущения беспредельности

человеческого разума.

Родился я, чтоб поразить порок:
Софизмы, лицемерие, тиранство,
Я оценил Фемиды постоянство,
Мощь, Разум и Любовь — ее урок.
В открытьях философских высший прок,
Где истина преподана без чванства, —
Бальзам от лжи тройной, от окаянства,
Под коим мир стенящий изнемог.
Мор, голод, войны, козни супостата,
Блуд, кривосудье, роскошь, произвол —
Ничто пред тою тройкою разврата.
А себялюбье — корень главных зол —
Невежеством питается богато.
Невежество сразить я в мир пришел.

Мысль о том, что основное зло заключается в эгоизме людей, заставила Кампанеллу искать причину его возникновения. На меже из-за клочка пашни спорят два крестьянина. Они замахиваются мотыгами и готовы разбить друг другу голову ради лишней горсти земли. А если бы поле было общим? Ведь тогда бы исчезла причина ссор. Значит дело не в каком-то врожденном эгоизме, а в частной собственности. Она порождает бедность и богатство, а от них проистекают все пороки.

Чем больше Томмазо об этом думал, тем сильнее проникался уверенностью, что он наконец нашел основную причину царящего в мире зла. Ему хотелось поделиться своими мыслями с товарищами, но Пиццони был переведен в Альтомонте, Дионисий направлен в Неаполь, а Престиначе скрывался в горах.

Неожиданно Томмазо узнал, что Телезий, вернувшись на родину, живет в Козенце. Чем он занимается? Что пишет? Его интересовало все, что касалось Телезия. Но разузнал он немного. Телезий странствовал по Италии, учился, учил других, сидел в тюрьме, писал книги. В Неаполе он основал академию, которая имела несчастье привлечь к себе внимание инквизиции. Академию разогнали, учеников бросили в темницу. Телезий бежал. Теперь, по слухам, он был очень плох — сказывались годы преследований.

Кампанелла задумал отправиться в Козенцу. Он должен от всего сердца поблагодарить учителя за его книгу. Разве не сам Телезий высказал уверенность, что другие, более молодые ученые доведут до конца начатое им дело и заложат прочные основы науки, которая сделает людей хозяевами природы?

Томмазо спросил разрешения поехать в Козенцу. Ему ответили отказом. Но Кампанелла был упрям. Он обязан повидать человека, который больше всех других имеет право называться его учителем!

Он знал к чему может привести непослушание и готов был на все. Угрозы его не остановили.

В августе 1588 года он пустился в путь и быстро прошел расстояние от Никастро до Козенцы. Но все равно он прибыл слишком поздно…

Глава вторая. КРЕПОСТЬ, РАЗРУШЕННАЯ ДО ОСНОВАНИЯ

Телезий был при смерти. Врач никого к нему не пускал. Два месяца Томмазо безуспешно пытался увидеть учителя, пока однажды в октябре Козенцу не облетел слух, что Бернардино Телезий скончался. В церкви Кампанелла долго стоял у гроба. Он благоговейно поднял покров, который закрывал лицо Телезия, и смотрел на его замечательный череп. Сколько светлых мыслей было в этой голове!

Когда утихло первое горе, Кампанелла написал в честь Телезия стихи. Он гордился подвигом великого козентинца:

Твоего колчана стрелы
Тьму софистов разогнали…

Возвращаться в Никастро не хотелось. Здесь больше интересных людей и легче достать необходимые книги.

Осенью в Козенце объявился некий еврей по имени Авраам. Ни один человек толком не знал, кто он и откуда, но вскоре о нем заговорил весь город. Прибывший оказался великим знатоком оккультных наук, магии и астрологии. Он объездил полсвета, бегло изъяснялся на многих языках, был остроумен и приятен в обхождении. А самое главное — он обладал редким даром читать судьбы, мог рассказать человеку его прошлое, настоящее и будущее. Сперва к нему относились с недоверием, но когда его предсказаниям суждено было исполниться, он стал очень популярен. Именитые люди приглашали к себе Авраама и добивались его благосклонности пышными обедами и подарками. Кто знает, может быть, человек, которому открыта книга судеб, властен влиять на таинственные силы и оберегать своих доброжелателей от злого рока?

О нем отзывались противоречиво: одни уверяли, что он водится с нечистой силой, другие восхваляли его ученость и объясняли его успехи глубоким знанием астрологии.

Однажды он пришел в монастырь, молодой человек лет тридцати, высокий ростом, несколько полноватый, с маленькой бородкой на бледном лице и яркими синими глазами. Он уже слышал об исключительных способностях Кампанеллы и захотел познакомиться с ним. Авраам был страстным приверженцем Телезия и на редкость начитанным человеком. Они быстро

подружились. Кампанелла жадно расспрашивал Авраама о том, как разбираться в предсказаниях звезд. Авраам охотно согласился научить его составлять гороскопы.[10] Томмазо не скрывал от Авраама своих идей. Да, он много занимается медициной и философией, но особенно волнуют его мысли о наилучшем устройстве человеческого общества. Он все больше и больше проникается уверенностью, что собственность — источник всех зол и пороков.

Авраам расспросил Томмазо о дне его рождения и углубился в какие-то расчеты. Когда он их закончил, его охватило волнение: у Кампанеллы было целых семь благоприятствующих планет. Авраам пророчил Кампанелле необыкновенную судьбу и великое будущее.

Встречи Томмазо с Авраамом вызвали недовольство настоятеля. В его глазах Авраам был вдвойне подозрителен: во-первых, он был евреем, а во-вторых, занимался вещами, которые граничили с колдовством. Общаться монаху с таким человеком было весьма рискованно. А Кампанелла не только ходил по городу с Авраамом, посещал книжную лавку, но даже осмеливался приводить Авраама в монастырь и подолгу с ним беседовал или, призвав других монахов, устраивал философские диспуты.

В ноябре 1588 года Кампанелла получил предписание немедленно покинуть Козенцу и направиться в монастырь Альтомонте. Дальнейшее непослушание грозило полной потерей свободы, и Кампанелла повиновался.

Он прибыл в Альтомонте в сопровождении астролога Авраама. Это сразу насторожило начальство. Приор долго увещевал фра Томмазо перестать вести себя вызывающе и дерзко. Но все уговоры ни к чему не привели. Кампанелла тяготился монастырской жизнью. Его влекло к тем, кто занимался естественными науками. Вскоре в городке не осталось ни одного сколько-нибудь образованного человека, с которым бы он не познакомился. Особенно он сблизился с врачами Джованни Бранка и Плинио Рольяно. Они приносили ему редкие книги, сочинения Гиппократа, Галена, перипатетиков. Бранка имел прекрасную библиотеку и большое собрание рукописей. Они часами вели разговоры о философии и медицине.

Кампанелла всегда был страстным спорщиком, но здесь, в кружке друзей, ему не приходилось с жаром отстаивать мысль о первенствующем значении опыта. В этом пункте с ним соглашались все. Здесь Телезий был общим кумиром. Бранка бережно хранил его сочинения. Кампанелла продолжал внимательно изучать произведения великого козентинца.

Однажды после рождества друзья принесли Кампанелле только что появившуюся в Альтомонте книгу Джакопо Антонио Марты «Крепость Аристотеля против принципов Бернардино Телезия».

Чем больше Томмазо читал книгу Марты, тем сильнее росло в нем чувство возмущения. Посредственный неаполитанский правовед взялся изничтожить всю систему взглядов одного из величайших философов Италии! Марта писал, что он работал над своей книгой целых семь лет. Кампанелла негодовал: такой человек, как Марта, может и семьдесят лет просидеть над рукописью, но никогда не опровергнет Телезия.

Марта не хотел видеть, какими гигантскими шагами двигались вперед естественные науки, и упрямо цеплялся за схоластические формулы изуродованного комментаторами Аристотеля.

Книга, даже если не говорить о ее бросающейся в глаза тенденциозности, была написана из рук вон плохо. Марта оказался не в состоянии достаточно тщательно подобрать аргументы, обычно приводимые в защиту положений, набивших оскомину школярам. Трактат изобиловал противоречиями и ошибками. А его содержание! Марта пренебрегал законами природы и с наглой самонадеянностью противопоставлял им все те же надоевшие цитаты. Естественно, что за сочинение Марты с радостью ухватились обскуранты и мракобесы, душители всего живого, смелого, нового.

На грубый выпад против Телезия Кампанелла не может не ответить. Он не оставит камня на камне от «Крепости Аристотеля»!

Он принялся за работу с огромным подъемом. Друзья доставали нужные книги, помогали советами, обсуждали написанное. В келье часто разгорались диспуты и произносились речи, далекие от христианского благочестия. Начальству стало известно, что Кампанелла все более настойчиво защищает учение Телезия. Приор неоднократно упрекал Кампанеллу за слишком оживленное общение с мирянами, с Авраамом и врачами, имеющими репутацию людей неблагонадежных и вольномыслящих. Томмазо пропускал мимо ушей все увещания. Он был слишком поглощен работой над своей первой книгой.

А за его спиной велись разговоры, предвещавшие мало хорошего. Фра Томмазо выходит победителем из всех споров и словно одержимый везде проповедует идеи козентинского философа? В этом нет ничего удивительного — в него вселился с помощью нечистой силы дух Телезия!

Приор пожаловался начальству. Дело принимало серьезный

оборот. Пришлось вмешаться друзьям. Энергичный Муцио Камполонго, чтобы защитить Томмазо, был вынужден прибегнуть к своим обширным связям. Друзья советовали Кампанелле быть более осторожным. Он нетерпеливо отмахивался. Почему, отстаивая научную истину, он должен чего-то вечно опасаться?! Тогда ему рассказали историю, которая заставила его задуматься.

У Телезия было два любимых ученика — Берарди и Чикала. Они тоже не думали об осторожности и смело высказывали мысли, направленные против религии. Они недолго проходили на свободе. Архиепископ Козенцы приговорил их как еретиков к сожжению. В самый последний момент чудом удалось устроить осужденным побег. Марко Берарди бежал в горы и через некоторое время сделался вождем грозного отряда фуорушити, а Чикала благополучно добрался до Турции, принял мусульманство, поступил во флот и стал на море мстить испанцам и папистам.

Работа над книгой в защиту Телезия быстро продвигалась вперед. Ее главный тезис заключался в том, что природу следует объяснять, исходя не из априорных суждений старых авторитетов, а на основании ощущений, полученных в результате опыта. Из этой мысли родилось и название книги — «Философия, основанная на ощущениях».

В августе он закончил рукопись. Ему достаточно было семи месяцев, чтобы полностью опровергнуть сочинение, над которым Марта трудился целых семь лет. Кампанелла переживал радостное волнение. Весь во власти юношеского задора он закончил книгу предупреждением, что готов немедленно снова опровергнуть Марту, если тот еще раз осмелится выступить против Телезия.

«Философия, основанная на ощущениях» была горячо принята друзьями. У них не вызывало сомнений, что работу следует как можно быстрей напечатать. К сожалению, этого нельзя было сделать в Альтомонте. Кампанелла не колебался ни одной минуты: не для того он так упорно трудился все эти месяцы, чтобы трактат оставался в рукописи. Его долг перед учителем опубликовать эту книгу.

Он собрался ехать в Неаполь. Друзья напомнили ему, что новый акт непослушания может повести к тяжелым последствиям. Кампанелла вспылил: он и так уже по горло сыт монастырской жизнью и давно мечтает избавиться от нее. Если его не пустят, он уйдет без разрешения. Он не будет весь свой век сидеть в келье затерянного среди пустынных гор монастыря!

Приор наотрез отказался отпустить его: до тех пор, пока Кампанелла носит монашеское одеяние, он обязан свято

соблюдать устав.

Монашеское одеяние? Он напялил его по глупости, когда был несовершеннолетним. Объяснение с настоятелем закончилось ссорой. Кампанелла сказал, что не останется больше в Альтомонте ни одного дня. Товарищи пытались его отговорить: если он бежит, его сочтут отступником и, поймав, посадят в тюрьму. Бежит? Кампанелла изменился в лице. Он не вор, чтобы тайно бежать. Он пойдет в Козенцу и открыто скажет, что считает себя свободным от монашеского обета.

Авраам вызвался его сопровождать. Их совместное появление в Козенце породило новую волну слухов. Фра Полистина был первым, кто донес начальству о преступных замыслах Кампанеллы. Настоятелю не пришлось долго ждать, пока донос подтвердится. Томмазо сам пришел к нему и объявил, что хочет снять с себя монашеский сан. Он мотивировал свое намерение тем, что был почти ребенком, когда принял посвящение. Разговор был очень бурным. Приор, уставши грозить Кампанелле вечными муками ада, воскликнул, что велит запереть его в тюрьму.

Неужели они воспрепятствуют ему уйти в Неаполь? Томмазо понял, что следует быть более хитрым. Он сделал вид, что согласился с приором. Но он и не думал отказываться от своих планов. Когда наступила ночь, они вместе с Авраамом ушли из Козенцы. Бегство Кампанеллы из монастыря вызвало невиданный скандал. Еврей-астролог, агент дьявола, соблазнил монаха!

Теперь все торопились свести с Кампанеллой личные счеты: и бездарные схоласты, которых он всегда побивал на диспутах, и злые завистники, терявшие сон от его блестящих успехов в науке, и лицемеры, которым так доставалось от его насмешек. Все они изощрялись в придумывании ядовитых, гнусных, злонамеренных слухов, рассчитанных на то, чтобы привлечь к нему внимание инквизиции.

Пройдет немного времени, и кое-кто из них даже станет уверять, что Кампанелла от природы был ограничен и до смешного туп. Он стал проявлять редкие способности только после того, как еврейский раввин, колдун и безбожник, провел у него в келье восемь дней и, заручившись согласием, продал его душу дьяволу.

Томмазо и Авраам малолюдными горными дорогами неуклонно шли по направлению к Неаполю. Но еще быстрее бежала молва.

Слухи сделали свое дело. Инквизиция заинтересовалась Кампанеллой.

Глава третья. ВПЕРВЫЕ В ИНКВИЗИЦИИ

Был воскресный день, когда они пришли в Неаполь. Кампанелла впервые увидел такой большой город, и его радовало все: и высокие дома, и оживленные улицы, и множество книжных лавок, Около францисканского монастыря св. Марии он заметил толпу спешивших в церковь людей. Что они намерены там делать после окончания служб? Желающие приглашались принять участие в философском диспуте. Кампанелла затянул Авраама в церковь: они только послушают, о чем будут спорить монахи. Диспут был очень бурным. В конце концов оратор францисканец одолел своего противника. Все те же аргументы, с которыми Кампанелле приходилось так часто бороться. Разве среди присутствующих нет ни одного человека, способного дать должный отпор спесивому невежеству?! Авраам не успел удержать Томмазо, когда тот вскочил с места и ринулся на кафедру. Он разбил в пух и прах ложные доводы. Слушатели неистово приветствовали Кампанеллу. Братья-проповедники, узнав в нем по одежде доминиканца, радостно выражали свое одобрение. Когда диспут кончился, они окружили его тесным кольцом и хотели увести к себе в монастырь. Ему стоило большого труда избавиться от неожиданных почитателей. Авраам не находил слов от возмущения. Неужели он никогда не научится держать себя в руках и не ввязываться в каждый спор?! Если он будет на любом перекрестке разглагольствовать о своих идеях, его быстро заставят замолчать! Томмазо пытался оправдываться. Что же, так и проходить мимо, когда разные неучи затемняют людям рассудок?

Они остановились на постоялом дворе. Авраам отправился выяснять, кто из издателей согласится напечатать «Философию, основанную на ощущениях», а Кампанелла стал разыскивать Дионисия Понцио. Он нашел его в монастыре св. Екатерины и рассказал ему, что произошло в Калабрии. Дионисий горячо одобрил его поступок — у него самого не хватало смелости бежать из монастыря. Он жаловался на неприятности и проклинал начальство. Особенно допекал всех один из преподавателей — Марко Марчианизе. Его издевательствам не было конца. Тогда Дионисий от имени студентов-монахов написал жалобу папе, но она, как и следовало ожидать, ни к чему хорошему не привела. Жизнь стала совсем невыносимой. Тем более радует его встреча с Томмазо!

Несчастье свалилось неожиданно. Когда Кампанелла вернулся на постоялый двор, Авраама там не оказалось. Он напрасно ждал. Несколько дней спустя он узнал, что Авраама арестовали прямо на улице. Одни утверждали, что его схватили служители инквизиции, другие говорили, что его увели в тюрьму стражники вице-короля. По городу усиленно распространялись слухи, будто Авраам арестован как турецкий шпион.

Все попытки Кампанеллы разузнать что-нибудь определенное потерпели неудачу. Томмазо остался один в большом и незнакомом городе. Что делать? На что жить? Он не собирался идти ни в один из монастырей Неаполя — не для этого он бежал из Калабрии. Вот если бы ему повезло и он нашел издателя для своей книги, то, пока ее печатали, он работал бы корректором и получал соответствующее вознаграждение.

Он вспомнил, что его друзья в Альтомонте много говорили о семье дель Туфо, о Марио и его племяннике Джованни Джеронимо. Дионисий тоже отзывался о них с похвалой. По рассказам, они были страстными поклонниками Телезия. Последнее обстоятельство решило все. Кампанелла задумал обратиться к дель Туфо и показать им свою книгу.

Его приняли с большим радушием. Оказалось, что они давно слышали о нем. Много лет назад ему, тогда еще совсем мальчику, было ведено сочинить приветственную речь по случаю приезда в Сан-Джорджо нового сеньора — Джиакомо Милане. Томмазо написал прекрасные итальянские стихи. Они всем очень понравились. Донна Изабелла, жена Милане, послала эти стихи своим родственникам, дель Туфо, в Неаполь. И позже она неоднократно упоминала в письмах имя Кампанеллы. Он смело защищал Телезия, которого так ценили в доме дель Туфо, и уже только поэтому он мог рассчитывать на гостеприимство и помощь.

Когда дель Туфо прочли рукопись «Философии, основанной на ощущениях», они тут же заявили, что приложат все усилия для ее быстрейшего опубликования, и предложили ему поселиться у них.

Теперь у Кампанеллы было много свободного времени, прекрасная библиотека, заботливые покровители Они тоже не смогли ничего узнать об Авраме, котором у Томмазо постоянно болела душа.

Вся атмосфера в доме дель Туфо благоприятствовала работе. По вечерам здесь собирались профессора университета, писатели, врачи, любители философии. Они жарко спорили о новых книгах и новых идеях. Постепенно Кампанелла познакомился с рядом выдающихся ученых Неаполя. Особенно близко сошелся он с

братьями делла Порта и стал часто посещать их дом. Они жили на Пьяцца делла Карита, в красивом особняке, который внутри больше походил на музей или лабораторию, чем на апартаменты знатных вельмож. Все кругом было заставлено книгами, гербариями, коллекциями минералов, старинных монет, чучелами редких животных, какими-то замысловатыми приборами, колбами, тигелями. Трудно было назвать такую отрасль науки, которой бы здесь не интересовались. Старший из братьев, Джованни Винченцо, страстный собиратель античных древностей, был великим знатоком греческой и латинской словесности, философии, математики, ботаники, алхимии, медицины и астрологии. Другой брат, Джамбаттиста, сочетал в себе любовь к изящной литературе и драматургии с увлечением естественными науками. Огромное внимание уделял он оптике, конструировал подзорную трубу, наблюдал за движением звезд и писал работы по астрологии. Инквизиция следила за ним давно, и ему лишь с трудом удалось избежать ареста.

Джамбаттиста делла Порта, как и Телезий, отстаивал мысль о необходимости основывать всю науку на конкретном опыте. Свои многочисленные исследования по различным вопросам химии, оптики и механики он объединил в сочинение, которое называлось «Естественная магия». Порта утверждал, что, познавая человека, следует начинать не с рассуждений о его духе; первым делом необходимо изучить человеческое тело, а для этого надо, рассекая трупы, основательно ознакомиться со строением внутренних органов.

Братья делла Порта оказали на Кампанеллу большое влияние. Он еще углубленнее стал заниматься естественными науками, медициной и астрологией. Здесь он впервые услышал о Джордано Бруно. Джамбаттиста делла Порта, как и многие преподаватели университета, не забыл его необыкновенно яркой личности. Бруно отличался исключительной памятью, необъятными знаниями и гениальным умом. Доминиканец, как и Кампанелла, он еще юношей вступил в конфликт с церковью и вскоре бежал из монастыря. Спасаясь от преследований инквизиции, он уехал на север Италии, а потом за границу. Его независимый характер, резкие выпады против религии и нетерпимое отношение к схоластам причиняли ему и на чужбине уйму неприятностей. Он бесстрашно критиковал систему Птолемея. В своих философских сочинениях он развивал учение Коперника и доказывал множественность миров и бесконечность вселенной. Он писал памфлеты против папства. Бруно долгие годы скитался по различным странам Европы. Он жил в Швейцарии, Франции, Англии. Теперь, по слухам, он находился в

Германии и в городе Франкфурте-на-Майне, крупнейшем центре книгопечатания и книготорговли, издавал свои произведения.

Томмазо много бродил по Неаполю. Огромный город поражал их своими резкими контрастами. Недалеко от нарядных площадей, украшенных роскошными дворцами, лежали узенькие и кривые улочки, где ютилась беднота. Одни погибали, надрываясь непосильной работой, а другие, уделом которых была праздность, пропадали от безделья и порождаемых им страстей. Богачи портили и развращали множество народа, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты и низкопоклонства. Целые кварталы, такие, как Берго ди Санто Антонио и Фундако дель Четранголо, были заселены проститутками. Босоногие девчонки ради куска хлеба должны были торговать на улице своим телом. Монахи толпами ломились в притоны. Аристократы и епископы по уши погрязли в чудовищном разврате. Город кишел убийцами и разбойниками.

Впечатления от жизни в Неаполе еще больше укрепили в Кампанелле убеждение, что великое неустройство, царящее в мире, имеет своей причиной частную собственность. Будущее государство, построенное на разумных началах, навсегда покончит с ней!

Он, как и прежде, набрасывался на сочинения, трактующие о различных формах государства. Англичанин Томас Мор, казненный Генрихом VIII, своей работой «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове «Утопии» произвел на Кампанеллу большое впечатление. Его радовало, что замечательный английский мыслитель резко осуждал собственность: «…Где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел».

В усиленных занятиях науками и работе над философскими сочинениями незаметно пролетел год. Зимой Кампанелла тяжело заболел. Острая форма ишиаса на несколько месяцев приковала его к постели. Он ни за что не хотел поддаваться недугу и продолжал писать трактат «О смысле вещей», который задумал давно, сразу же после диспута во францисканском монастыре.

Томмазо все еще не вставал, когда из типографии Орацио Сальвиано принесли ему оттиски первых листов «Философии, основанной на ощущениях». Он с увлечением принялся за корректуру, но довести ее до конца не смог. Непрерывно повторяющиеся приступы малярии отняли у него последние силы. Летом Кампанелле удалось побороть мучительную лихорадку. Врачи заявили, что только горячие источники Поццуоли и Аньяно

избавят его от ишиаса. Снова пришел на помощь дель Туфо, он дал необходимые средства и послал Кампанеллу лечиться.

Когда Томмазо вернулся в Неаполь, печатание «Философии, основанной на ощущениях» было уже закончено и книга вышла в свет. Правда, Орацио Сальвиано «из-за отсутствия автора» проглядел много опечаток, но это не особенно печалило Кампанеллу. Главное, что теперь все ложные аргументы Марты, направленные против Телезия, были публично опровергнуты!

Книга Кампанеллы сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Большинство студентов университета восприняли ее с ликованием. Они давно уже отказывались слушать лекции по философии, читаемые схоластами-богословами, и требовали, чтобы философию преподавали люди, хорошо знакомые с естественными науками и медициной. Церковники, поддерживаемые вице-королем, делали все возможное, чтобы отстранить врачей от чтения курса философии. В университете шла ожесточенная борьба.

Для всех почитателей Телезия появление книги Кампанеллы было настоящим праздником. Тем с большей ненавистью встретили ее церковные круги. Вскоре после выхода книги из печати типографию Орацио Сальвиано посетил человек, присланный Святой службой. Он очень интересовался оставшимися экземплярами и не скрыл досады, когда узнал что весь тираж распродан. Визит этот был плохим предзнаменованием и не на шутку обеспокоил друзей Кампанеллы. А Томмазо, стараясь наверстать время, упущенное из-за болезни, был так поглощен занятиями, что не придал ему никакого значения.

Ему не хватало обширной библиотеки дель Туфо, и он часто ходил в монастырь Сан-Доминико Маджоре, славившийся лучшим в Неаполе собранием книг и рукописей.

Кампанелла не знал в занятиях никакой меры. Жадность к книгам делала его очень нетерпеливым. Он нередко приходил в библиотеку еще до ее открытия и вынужден был ждать установленного часа.

Вот и сегодня он явился раньше времени. В маленьком вестибюле толпятся люди. Время тянется медленно. У входа на стене укреплена каменная плита с выбитым на ней латинским текстом. Томмазо от нечего делать читает надпись. Пий V запрещает кому бы то ни было брать и выносить книги без разрешения папы или по крайней мере генерала доминиканского ордена. Всем, кто дерзко осмелится нарушить этот приказ, папа грозит немедленным отлучением от церкви. Кампанелла возмущен. Он не может сдержаться. Громко, с явной насмешкой в

голосе он восклицает:

— Как это так отлучают? Съедают, что ли?!

Кругом много людей. Одни делают вид, что не расслышали его слов, другие торопятся выйти. Никто не смеется. Все знают, что за такие речи инквизиция вправе потянуть к ответу не только острослова, но и его слушателей.

Вечером, вернувшись домой, Кампанелла рассказывает о происшедшем. Марио приходит в ужас. Сколько раз его предупреждали, чтобы он держал язык за зубами, если не хочет закончить жизнь в темнице или на костре!

Томмазо успокаивает друга, а сам невольно вспоминает учителя, старика Фиорентино, как тот, слушая его пылкие речи, сокрушенно качал головой: «Кампанелла, Кампанелла, ты плохо кончишь!..»

Страшные вести пришли из Рима: Авраам, которого он так долго и безуспешно разыскивал, был переправлен из Неаполя в Город св. Петра и там заживо сожжен как еретик на Кампо ди Фиоре. Слухи о «турецком шпионстве» астролога Авраама оказались простой уловкой инквизиторов.

Теперь бесполезно было до боли сжимать кулаки и проклинать палачей. Авраам был первым из друзей Кампанеллы, сожженных инквизицией. Казнь в Риме должна была бы явиться предупреждением ему самому. Не следует ли вернуться в монастырь, покаяться, смириться? Но он ни за что не хотел думать о возвращении. Мысли о казнях только усиливали в его сердце ненависть к палачам. Он никак не мог заставить себя скрывать свои истинные взгляды. Да и было уже поздно…

Его схватили в Сан-Доминико Маджоре, у входа в библиотеку, стражники апостолического нунция. В руках у них были короткие ружья, а поверх монашеских ряс — широкие черные плащи.

Когда Кампанеллу вели по улицам Неаполя, прохожие останавливались, замолкал смех, исчезали улыбки. Сегодня одетые в черное люди тащат на расправу инквизиторам молоденького доминиканца, а завтра кого? Может быть, вас? Навстречу Кампанелле попался знакомый, который тотчас сделал вид, что не узнал его, и поторопился скрыться в толпе.

Томмазо вели по Пьяцца делла Карита ко дворцу нунция.[11] Окна подвального этажа, выходившие в переулок, были затянуты решетками. Нового арестанта принял тюремщик Манат и отвел его в довольно сносную камеру с окном. Кампанелла хотел, чтобы его проводили к нунцию. Почему его схватили? Надзиратель усмехнулся его наивности. И ушел.

К нему никто не приходил, кроме тюремщика, два раза в

сутки приносившего пищу. Его никто не вызывал на допросы, никто не объявил, за что он арестован. Его попросту забыли.

День шел за днем. Кампанелла настаивал, чтобы надзиратель напомнил нунцию о нем. Тот ничего не ответил. Кампанелла кричал, барабанил кулаками в дверь. Бесполезно! Когда в следующий раз Манат принес пищу, Кампанелла снова напустился на него со своими требованиями. Тюремщик удивленно пожал плечами и сказал:

— Куда ты так торопишься? У тебя очень хорошая камера.

В мучительных раздумьях и тревожном ожидании тянулись дни. Он ломал голову над тем, что послужило причиной ареста. Неужели фраза, брошенная в библиотеке? В вестибюле было так много народу…

Как вести себя? Церковь никому не прощала гордыни, но даже большой грешник, если он проявлял смирение, мог рассчитывать на снисходительность. Он часто думал о судьбе Авраама. Такой конец страшил каждого. Что же делать? Отрицать, что он насмехался над отлучением? Или каяться? Угодить на костер из-за такого пустяка? Он старался подавить в себе дух возмущения, боролся с отчаянием, пытался заставить себя быть смиренным.

Однажды, в середине дня, его совершенно неожиданно вызвали на допрос. За ним снова явились два стражника в черных плащах, но теперь без ружей, и повели его наверх, в одну из комнат, где проводились дознания. Он вошел и поздоровался с должной кротостью — скромный молодой монах в белой одежде доминиканца.

Трибунал орденской инквизиции был в полном составе. Кампанелла сразу узнал нунция. Никто из присутствующих не ответил на его приветствие. Стражники ушли. Члены церковного суда внимательно разглядывали арестанта. Кампанеллу поразили их лица, тупые и хитрые, жестокие и равнодушные. Да, люди именно с такими рожами пытают инакомыслящих и посылают их на костер! Они еще что-то будут говорить о книгах и упоминать о науке, когда и существуют они только для того, чтобы давить свободную мысль и уничтожать ее носителей. От смиренного настроения Кампанеллы не осталось и тени. Взор его загорается ненавистью и презрением.

— Откуда ты знаешь то, чему тебя никогда не учили? — внезапно, без всяких предисловий спрашивает нунций.

Один из членов суда с красной, испитой физиономией довольно ухмыляется. Кампанелла, вспыхнув» бросает в лицо судьям:

— Я больше сжег в светильниках масла, чем вы за свою жизнь

выпили вина!

Он ждет, что раздадутся возмущенные крики, угрозы, брань. Но никто не нарушает молчания. Члены трибунала не спускают с Кампанеллы глаз. Потом нунций говорит, что гордыня — смертный грех и узник не должен новыми ее проявлениями пополнять длинный список своих преступлений. Он советует Кампанелле поразмыслить над своим прошлым и над ожидающей его участью. Дорога раскаяния всегда остается открытой, и святая церковь всегда поможет заблудшему обрести ее.

Кампанеллу водворяют в другую камеру, сырую, темную камеру без окон. Вечером тюремщик не приносит пищи: церковный суд больше всего заботится о том, чтобы помочь узнику стать на путь спасения.

Первое время Кампанелла не понимал серьезности своего положения. Но потом в памяти оживали все страхи, которые он слышал об инквизиции. Он думал о судьбе Авраама, и ему становилось ясно, какая смертельная угроза нависла над ним. Несколько недель его держали на хлебе и воде, и когда в следующий раз вызвали на допрос, то от слабости у него кружилась голова, и он был доволен, что стражники ведут его за руки.

Трибунал был в полном составе. Нунций встретил его тем же самым вопросом, что и раньше:

— Откуда ты знаешь то, чему тебя никогда не учили?

Кампанелла молчал. Его стали расспрашивать о фразе, сказанной в вестибюле библиотеки. Почему он так презрительно отозвался о церковном отлучении? Он попытался оправдываться, но вдруг заметил, что на столе перед нунцием лежит его книга «Философия, основанная на ощущениях». Кампанелла сразу понял: главной причиной ареста явилась не дерзкая фраза, а сочинение, где он защищал Телезия. Ему вспомнили все: и первый диспут в Козенце, и вольнодумство, и смелые речи в Никастро и Альтомонте, и увлечение Телезием, и непризнание церковных авторитетов. Кампанеллу поразило, с какой точностью они цитировали его высказывания, многие из которых он давно уже сам забыл, и с какими подробностями говорили о его пребывании в Сан-Джорджо и Неаполе. Они ставили ему в вину преступные сношения с Авраамом, уход из монастыря, жизнь в доме дель Туфо. Они требовали признаний, что его редкая ученость объясняется не талантом и трудолюбием, а общением с нечистой силой. Ему зачитали даже показания одного клирика, который утверждал, что фра Томмазо до встречи с еврейским чародеем был до смешного тупоумен. Кампанелла указал обвинителям на противоречивость их аргументов. Они говорят о

его тупоумии и вместе с тем упрекают его за победу на диспуте в Козенце, происшедшем за три года до знакомства с Авраамом!

Ему напомнили, что он, обремененный столькими преступлениями, должен каяться, а не порочить показания истинно верующих католиков своими хитроумными увертками. Кампанелла понимал, насколько бессмысленно было бороться доводами разума с теми, кто упрятал его в тюрьму только за то, что он именно разуму и опыту отдавал во всем предпочтение.

Он не мог согласиться, когда называли Авраама, этого ученейшего человека, агентом дьявола! Он доказывал, что в занятиях Авраама, великого знатока астрологии и натуральной магии, не было ничего преступного. Нунций заставил его замолчать и прочел вслух официальный документ, из которого явствовало, что Авраам, осужденный за распространение ереси, был сожжен в Риме. Кампанеллу предупредили, что, защищая казненного еретика, он усугубляет тяжесть собственной вины. Подобные речи расцениваются как упорствование в преступных заблуждениях. Церковь милостива, но она отрубает члены, которые начинают загнивать!

Месяц за месяцем продолжаются допросы. Один папский нунций сменяется другим — за Джерманико Маласпина следует Асторджио Сампьетро, за Сампьетро — Альдобрандини, а Кампанелла все еще сидит в подвале, в темной камере без окон, которую называют «секретной». Его по-прежнему держат на тяжелом режиме, не дают прогулок, плохо кормят. Он часто болеет. От холода страшно обостряется ишиас, доставлявший ему столько страданий даже в прекрасном доме дель Туфо.

Инквизиторы не считают нужным прерывать расследования. С трудом отвечает он на одни и те же, из месяца в месяц повторяемые вопросы. Члены трибунала то и дело зачитывают подчеркнутые чернилами места из его книги в защиту Телезия и настаивают, чтобы он признал, что они не имеют ничего общего с церковным учением и граничат с ересью. Он должен был повсюду проповедовать взгляды Фомы Аквинского, а не Телезия!

Когда есть силы, он пытается спорить, ссылается на авторитеты, цитирует отцов церкви, а когда сил нет — а это с каждым днем становится все чаще, — молчит.

Он отрезан от всего мира. Он не знает, что творится в Неаполе, что происходит на соседней улице или даже в соседней камере. Рядом Пьяцца делла Карита, где находится гостеприимный дом братьев делла Порта с его коллекциями, книгами и замечательными людьми, влюбленными в науку. Накануне ареста он обещал им, что придет завтра. Отсюда рукой подать до их дома, но скольким суждено протечь месяцам, если

не годам, пока он сможет преодолеть это расстояние?! Да и сможет ли вообще?

Прошла осень и зима, настала весна. Кампанелла знал об этом только по датам протоколов. В камере было все так же сыро и темно. Допросы стали более редкими. Но он не мог спокойно смотреть на ненавистные физиономии судей. Невежды, важно рассуждающие о науках! Варвары, сжигающие не только прекрасные книги, но и людей, их создавших! Он с тревогой ждал приговора. Неужели ему никогда больше не вернуться к своим рукописям, не побывать в Калабрии, не увидеть весны, не услышать женского голоса?

Внезапно пришло облегчение. Ему дали матрас, стали принимать передачи. Он не понимал причины таких перемен. По изменившемуся поведению Маната он решил, что дело не обошлось без вмешательства друзей. Самым радостным был день, когда ему позволили пользоваться книгами. Ему дали только библию. Он испытывал наслаждение от одного вида типографского шрифта. А когда ему разрешили иметь в камере бумагу и чернила, он почувствовал себя по-настоящему счастливым. Теперь целые дни он писал. Рукописи часто забирали на проверку и придирчиво вчитывались в каждую строчку. Из-за отсутствия книг работать было очень трудно. Его выручала прекрасная память. Он писал о философии Пифагора и Эмпедокла, о метафизике и ораторском искусстве — писал так, словно к его услугам была большая библиотека и горы выписок. Он задумал огромное сочинение, трактат «О вселенной», целую философскую энциклопедию, где были бы изложены основные принципы различных наук, и с необычайным упорством приступил к осуществлению своего замысла. Камера, в которой он теперь сидел, была полутемной, свечей не давали, от чрезмерного напряжения страшно воспалялись глаза.

28 августа 1592 года Кампанелле был объявлен приговор: в семидневный срок он обязан покинуть Неаполь и направиться на родину, в монастырь. На Кампанеллу были наложены различные церковные наказания. Ему было в категорической форме приказано везде и всегда придерживаться учений Фомы Аквинского и осуждать взгляды Телезия.

Кампанеллу целый год продержали в темном, сыром подвале, и все-таки, когда он, больной и начинавший слепнуть, был выпущен на свободу, считалось, что ему чертовски повезло. Его счастье, что им не занялась римская инквизиция, а все дело было решено внутри доминиканского ордена!

В доме дель Туфо Кампанеллу окружили самым тщательным уходом. Но задерживаться в Неаполе он не мог. Приговор был

предельно ясен — он должен, не откладывая, возвращаться в Калабрию. Врачей очень беспокоило зрение Кампанеллы. Джамбаттиста делла Порта взялся его вылечить. Он приготовил какие-то чудодейственные капли, секрет которых был известен ему одному, и сам закапал их Томмазо в глаза.

Выйдя на свободу, Кампанелла узнал, что в то время, как он сидел в тюрьме, случилось непоправимое несчастье. В Венеции по доносу предателя был арестован Джордано Бруно, и теперь римская инквизиция пустила в ход все средства, чтобы заполучить его в свои руки.

От дель Туфо у Кампанеллы не было никаких тайн. Он признался, что ни за что на свете не отправится обратно в монастырь. Его не пугают ни угрозы, ни наказания. К прошлому возврата нет! Друзья не стали его отговаривать и предложили содействие. Марио находил, что ему следует поселиться где-нибудь в другом месте, подальше от Неаполя, и вызвался попросить у великого герцога Тосканы Фердинанда Медичи, чтобы Кампанелле разрешили преподавать в Пизанском университете. Дель Туфо был с великим герцогом на короткой ноге. Правда, в основе их близости лежали интересы, весьма далекие от философии; герцог был страстным любителем чистокровных лошадей, а Марио имел в Минервино прекрасный конный завод, знаменитый далеко за пределами Апулии. Он несколько раз посылал Фердинанду племенных жеребцов, а сам получал от него в подарок особый свежий сыр из молока буйволиц. Поэтому были все основания надеяться, что великий герцог окажет Кампанелле протекцию и поможет обосноваться в Пизе.

На седьмой день после того, как Кампанелла был освобожден из тюрьмы, в особняк дель Туфо пришел человек, присланный нунцием. Он поинтересовался, отбыл ли фра Томмазо в установленный срок. Ему ответили, что Кампанелла давно находится в пути.

Глава четвертая. РИМ, ФЛОРЕНЦИЯ, ПАДУЯ

В конце сентября 1592 года Кампанелла приехал в Рим. Ему нельзя было здесь оставаться. Как только станет известно, что он осмелился нарушить предписание церковных властей и не пожелал возвратиться в Калабрию, его сразу же схватят. Он не мог даже позволить себе вдоволь насладиться достопримечательностями Вечного Города. На правом берегу Тибра, рядом с Ватиканским дворцом, словно предупреждение, высилась грозная громада Замка св. Ангела, где находилась одна из самых страшных тюрем инквизиции.

Кампанелла остановился в доме Лелио Орсини, родственника дель Туфо, с которым он познакомился в Неаполе. Орсини, принадлежавший к очень влиятельной в Риме семье, затратил немало усилий, чтобы помочь Томмазо, когда тот сидел в тюрьме. Любовь к Телезию Орсини привил его наставник Антонио Персио. Кампанелла много о нем слышал и рад был познакомиться с одним из самых верных учеников и последователей Телезия. Антонио Персио не боялся пропагандировать идеи учителя и бережно собирал все написанное им. Ему удалось издать в Венеции в 1590 году целый том сочинений Телезия, большая часть которых раньше никогда не публиковалась. Томмазо нашел в лице Персио не только единомышленника, но и друга.

Кампанелле не хотелось покидать гостеприимный дом Орсини. Здесь так чудесно было беседовать на темы о философии, слушать рассказы о Телезии, жадно листать книги, вышедшие за время, пока он сидел в подвале на Пьяцца делла Карита. Но Персио и Орсини в один голос убеждали его, что все-таки ему следует уехать в какой-нибудь другой город, где он будет в большей безопасности. Томмазо рассказал им о попытке Марио дель Туфо склонить великого герцога Тосканы, чтобы тот разрешил ему читать лекции в Пизанском университете. Они поддержали этот план. Лелио тут же сел писать рекомендательные письма. Было решено, что в ближайшие дни Кампанелла уедет во Флоренцию. Умудренный опытом Антонио предостерег молодого друга, чтобы тот, если хочет получить кафедру, не кричал бы везде, где нужно и не нужно, о своем несогласии с Аристотелем и не подчеркивал повсюду своей приверженности к Телезию. Время для подобных излияний было совершенно неподходящим, и тем более их не должен позволять себе Кампанелла. Многие видные богословы-квалификаторы,

изучая разбиравшиеся в инквизиции дела, обратили внимание руководителей Святой службы на то разлагающее влияние, которое оказывали идеи Телезия на умы молодежи. С каждым днем обнаруживалось все большее число еретиков, выступавших против признанных церковью авторитетов и требовавших, чтобы в основу науки были положены не тексты священного писания, а человеческий опыт. По мнению квалификаторов, сочинения Телезия следовало включить в «Индекс запрещенных книг», и этот вопрос обсуждался теперь в высших церковных инстанциях. Друзья предупреждали Кампанеллу, чтобы тот был вдвойне осторожен. Когда они прощались, Антонио сказал, что если Кампанелле доведется побывать в Болонье, то пусть он разыщет его брата, Асканио Персио, который уже шесть лет как читает в университете греческую словесность.

Покидая Рим, Кампанелла увозил прекрасные воспоминания о днях, проведенных в доме Орсини. У него не было с собой ничего, кроме рукописей и нескольких книг, но когда он прижимал к груди подаренный ему том сочинений Телезия, то чувствовал себя крезом.

Во Флоренции благодаря рекомендательным письмам Марио дель Туфо и Лелио Орсини Кампанеллу встретили благосклонно. Великий герцог Фердинанд согласился дать ему аудиенцию. Он с любопытством разглядывал молодого доминиканца, о котором так много говорили. Герцог выслушал Кампанеллу и сделал вид, что заинтересовался его сочинениями. Томмазо, помня настойчивые наказы Лелио, предложил посвятить его высочеству свой трактат «О смысле вещей». Фердинанд не возражал.

Однако, когда Кампанелла прямо сказал о цели своего приезда и спросил, разрешат ли ему преподавать в университете и издавать свои сочинения, герцог отвечал уклончиво и неопределенно. Кампанелла понял, как ошибались его друзья, думая, что Фердинанд согласится ему покровительствовать. Прощаясь, он попросил позволения осмотреть дворцовую библиотеку, которая в его глазах была самой большой достопримечательностью Флоренции. Эту просьбу герцог удовлетворил. После аудиенции Кампанелле передали в виде подарка небольшую сумму денег. Фердинанда нельзя было назвать щедрым. За посвящение ученого труда он заплатил меньше, чем Кампанелла заработал бы у типографа, держа корректуру этого же трактата.

День шел за днем, а разрешения преподавать ему все еще не давали. Люди, которым герцог поручил заниматься этим, не особенно торопились. Повсюду собирая о Кампанелле сведения, они обратились с письмом и к генералу доминиканского ордена.

Под предлогом необходимости перед печатанием трактата, посвящаемого герцогу, внимательно с ним ознакомиться, они попросили у Кампанеллы рукопись. Он ждал.

В середине октября его вызвали во дворец. Поездка во Флоренцию оправдала себя уже тем, что он повидал одно из богатейших книгохранилищ Италии. После осмотра библиотеки его пригласили на беседу. Он невольно вспомнил о трибунале, когда увидел, с каким рвением трое ученейших мужей — Баччио Валори, Ферранте Росси и известный флорентийский богослов отец Медичи, — принялись расспрашивать его. Они не только прекрасно знали рукопись трактата, но и самым внимательным образом прочли напечатанную в Неаполе «Философию, основанную на ощущениях». Их интересовали те же самые вопросы, что и членов трибунала, которые целый год продержали его в подвальных камерах. Нет, господа, все ваши уловки напрасны и вам не уличить Кампанеллу в опасном образе мыслей!

На первый взгляд казалось, что они обсуждали самые отвлеченные темы, которые не имели ничего общего ни с политикой герцога Фердинанда, ни с догмами католической церкви. Правда, им очень не терпелось узнать истинное отношение Кампанеллы к Аристотелю, но он, помня допросы в Неаполе, оставался благоразумным, хотя ему было очень трудно сдержать себя, когда они начали задевать Телезия. Томмазо не стал говорить о сочинениях философа из Козенцы, вопрос о внесении которых в «Индекс запрещенных книг» обсуждался в Риме. Зато он нарочно подчеркнул важное значение тех идей Телезия, которые не вызывали со стороны церкви никаких нареканий. Ученые мужи, беседовавшие с Кампанеллой, не могли не отдать должного исключительной широте его познаний. Но, восхищаясь его разнообразными дарованиями, они не преминули упрекнуть его в том, что он слишком мало ценит Аристотеля как одного из мудрецов, чьи мысли стали непоколебимым оплотом христианской философии.

Этот разговор убедил Кампанеллу, что ему нечего надеяться ни на кафедру в Пизанском университете, ни на возможность издать во Флоренции свои книги. Здесь господствовал такой же дух нетерпимости и изуверства, как в Неаполе и Риме! Здесь тоже не особенно жаловали людей, имеющих собственные мысли!

Он написал герцогу письмо, учтиво поблагодарил за оказанное внимание, восторженно отозвался о прекрасной библиотеке и объявил об отъезде.

На следующий день Кампанелла покинул Флоренцию. Он пробыл в столице Тосканы неполных три недели. Когда он

уезжал, стояла золотая осень…

Позже на место, которого добивался Томмазо, великий герцог пригласил юриста Джакопо Антонио Марту, того самого Марту, чью книгу «Крепость Аристотеля против принципов Бернардино Телезия» блестяще опроверг Кампанелла. Для герцога благонадежность была во сто крат важнее ума и таланта.

Дорога на Венецию проходила через Болонью. Кампанелла не собирался надолго останавливаться в этом древнем, красновато-коричневом городе, лежащем среди покрытых виноградниками холмов. Но встреча с Асканио Персио, братом Антонио, заставила его задержаться. Профессор Болонского университета Персио познакомил Кампанеллу с несколькими интересными людьми, в том числе со знаменитым математиком Маджини. Томмазо много беседовал и с другими приятелями Персио — с Пьетро Руффо и его племянником Оттавио Лонго. Нередко разговоры заходили на опасные темы, и собеседники высказывали суждения, сильно отдающие ересью. Больше всех горячился Оттавио Лонго.

Не желая стеснять Персио, Кампанелла отказался от его гостеприимства. Комнатушка, в которой он остановился, была почти пустой, но он большего и не хотел: с ним были его рукописи и он мог спокойно работать.

К нему приходили несколько монахов-доминиканцев, они затевали ученые разговоры, восторгались его книгой, изъявляли самые добрые чувства. Кампанелла не ждал от них ничего плохого. Но однажды, когда он вернулся в свою комнату, он с ужасом обнаружил, что все его рукописи украдены. Он понял, что дело не обошлось без вмешательства Святой службы. Низкие душонки, подосланные комиссаром, инквизиции, надев на себя маску доброжелателей, подло воспользовались его непростительной доверчивостью и выкрали его бумаги. Все до последней строчки! Сейчас не время было предаваться ярости и возмущению. Надо было немедленно бежать. Бежать, пока не поздно.

Он постарался уехать из Болоньи незаметно, чтобы сбить со следа вездесущих агентов инквизиции.

В Падуе он ночевал в монастыре св. Августина. Обитель была переполнена бродячими монахами. В кельях стало тесно. Спать было негде. Хорошо еще, что какой-то добряк потеснился и уступил Кампанелле часть своего ложа.

Ночью в монастыре разразился страшнейший скандал. Монахи узнали, что в покоях приора остановился ненавистный всем генерал ордена доминиканцев. Проклятый лицемер и ханжа, он не давал никому жизни и везде пытался вводить свои строгости. Вчера он преследовал монахов за то, что они

приводили к себе в кельи девиц, сегодня он запрещал ставить в монастырях комедии и напиваться допьяна, а завтра того и гляди он оставит монахам только молитвы и посты. А сам-то хорош! Он тратит на дорогих куртизанок церковные деньги и без умолку разглагольствует о пользе нравственности. Он требует, чтобы к обители даже близко не подпускали девчонок. Буйная монастырская братия не знала удержу. Генерал всем отчаянно насолил, и его решили отменно проучить. Воспользовавшись темнотой, толпа вломилась к нему в комнату. Генерал орал, будто его резали. Его никто не собирался убивать. Но над ним сотворили такое, что теперь повсюду — от Венеции до Мессины — монахи будут надрывать от злорадного хохота животы!

Вызванная стража не заставила себя долго ждать. Первым делом в монастыре стали хватать всех пришлых. Схватили и Кампанеллу. Начались допросы. Никто толком не знал, кто оскорбил генерала. Подозрения падали на тех, кто был в монастыре проездом. И надо же было ему оказаться здесь в ночь скандала!

Томмазо больше всего боялся, что если расследование затянется и о нем начнут наводить справки в других городах, то инквизиция разнюхает о его местонахождении. А это не сулило ему ничего хорошего. Но, к счастью, ему удалось быстро и легко доказать, что он всю ночь никуда не выходил из кельи. Его отпустили. Он нашел убежище в одном из густо населенных беднотой кварталов Падуи. Он стал скрываться под чужим именем и выдавать себя за студента-испанца.

Все города, в которых он побывал, имели свое неповторимое лицо. Однако на каждом из них лежал отпечаток великого неустройства. Кампанеллу всегда до глубины души возмущала вопиющая неразумность, господствующая повсюду. Да и разве там, где поклоняются золотому тельцу, может быть иначе? Невозделанными лежат тучные нивы, а в городах тысячам бедняков не хватает хлеба. Почти пустыми стоят просторные дворцы — в глиняных мазанках, лепящихся одна рядом с другой, нет места, чтобы положить на пол лишний тюфяк. Вокруг богача, подорвавшего здоровье кутежами и излишествами, вертятся десятки лекарей, а в то же самое время от недоедания и болезней умирают дети, которых никогда не посещал ни один врач. Гувернеры и учителя толпой ходят за каким-нибудь выродком-аристократом, а подавляющая масса народа остается безграмотной и вместо подписи ставит крест. Одни надрываются от непосильного труда, другие проводят жизнь в безделье, предаваясь порокам. Нет! В мире все должно быть иначе!

Мысли Томмазо о наилучшем устройстве человеческого

общества постепенно становились все более отчетливыми и определенными. В государстве, построенном на разумных началах, все будет общим. Каждый человек будет трудиться в той области, которая в полной мере соответствует его способностям и талантам. Труд, испокон веков бывший бременем и проклятьем, станет приносить ощущение радости и счастья. Короткий рабочий день будет способствовать всестороннему развитию людей. Человек освободится от множества забот. Все необходимое — пищу, одежду, жилище — он получит от государства. Он будет иметь возможность постоянно совершенствовать свое образование, заниматься науками, спортом. А как изменятся отношения между людьми! Навсегда исчезнут вражда и ненависть, завистливость и злоба.

Детей будут любить не потому, что они наследники земельного надела или имущества, добытого с великим трудом. Никто не станет совершать преступлений, чтобы получить для сына выгодную должность или оставить ему состояние. Люди заживут единой и дружной семьей, где каждый человек будет называть сверстников братьями, а старших — отцами и матерями. Кампанелле доставляло огромное наслаждение подробно обдумывать все стороны жизни в будущей республике.

…В распоряжении всех будут палестры для занятия спортом, бассейны для плавания, помещения для занятий, прекрасные библиотеки. Врачи и хранители одежды обеспечат людей в срок платьем, плотным или легким, смотря по времени года. Отпадет необходимость тратить много времени на занятия домашним хозяйством. Почтенные пожилые люди будут наблюдать за общественными кухнями, за чистотой постелей, посуды, одежды, жилья, мастерских, кладовых. Они будут следить, хорошо ли выполняют свои обязанности юноши и девушки, прислуживающие за столом.

Он ясно представлял себе общие трапезы. Какое это будет чудесное зрелище! Длинные, красиво убранные столы. По одну сторону сидят женщины, по другую — мужчины. Во время еды юноша читает вслух какую-нибудь интересную книгу. Мальчики и девочки по очереди прислуживают старшим. За приготовлением пищи наблюдают врачи. Они составляют меню и заказывают поварам блюда на каждый день: что готовить старикам, что молодым и что для больных. Дети, особенно отличившиеся утром на лекциях, в ученых беседах или военных занятиях, в виде награды получают лучшие кушанья. По праздничным дням за столом под аккомпанемент лютни поются песни. Вечерами под колоннадами устраиваются танцы…

Кампанелла мечтал написать книгу об идеальной республике,

где все будет общим. И это должна быть его лучшая книга!

В Падуе Кампанелла жил частными уроками и сильно нуждался. Ему жалко было тратить много времени на добывание денег, и он довольствовался самым малым. Все силы он отдавал работе. Он восстановил первую книгу трактата «О вселенной», украденную в Болонье, и написал девятнадцать следующих. Он закончил задуманное давно сочинение по фортификации, а из лекций по ораторскому искусству, которые читал состоятельным молодым людям, создал «Новую риторику».

Большинство работ Телезия, вошедших в книгу «Различные сочинения о природе» и опубликованных Антонио Персио, раньше никогда не издавались, и только теперь Кампанелла впервые познакомился с ними. Телезий полемизировал со сторонниками Галена, которые, пренебрегая опытом, основывали свои суждения на цитатах из сочинений пятнадцативековой древности.

Томмазо с удовольствием читал Телезия. Тем большее негодование вызвала в нем появившаяся в начале 1593 года книга Андреа Кьокко «Философские и медицинские исследования», в которой автор позволял себе резко нападать на Телезия за его критику Галена. Кьокко не руководствовался какими-нибудь новыми достижениями науки, для него непререкаемый авторитет Галена был выше всех данных, полученных в результате опыта. Он старался опровергнуть Телезия ссылками на античных философов и врачей. Пустое пережевывание одних и тех же цитат! Мертвая схоластика!

Кампанелла решил не оставлять без ответа книгу Кьокко. Он ни на минуту не забывал, что в Неаполе его выпустили из тюрьмы после приговора, где совершенно ясно подчеркивалось, что он обязан впредь во всех своих выступлениях и писаниях придерживаться учения Фомы Аквинского и осуждать Телезия. Опасаясь грядущих кар, подчиниться приговору? Нет, он считает своим долгом повсюду и всегда защищать Телезия от нападок схоластов! Он напишет книгу против Кьокко, чем бы это ему ни грозило! Из письма Антонио Персио, которому Кампанелла сообщил о своей работе, он узнал, что Персио, познакомившийся с Кьокко еще в Венеции, советовал тому воздержаться от критики Телезия и лучше употребить свой досуг на перевод греческих авторов. Но Кьокко, для которого Аристотель и Гален были глашатаями высшей мудрости, пренебрег советом Персио и опубликовал свой опус. Самонадеянный Кьокко не послушал предостережений умных людей — так пусть пеняет на себя! Кампанелла написал одну за другой четырнадцать глав книги, доказывая, что Кьокко руководствуется устарелыми догмами и

ничего не хочет знать о том, как на самом деле происходит в человеческом организме кровообращение и какие причины влияют на деятельность сердца. Кампанелла разбил Кьокко по всем пунктам. Безумие, цепляясь за цитаты, мешать развитию науки! Каждая глава новой книги Кампанеллы была данью уважения к великому ученому из Козенцы.

Когда работа была закончена, Кампанелла не побоялся дать ей название, которое звучало прямым вызовом церковникам, — «Апология Телезия». Рукопись Кампанелла послал в Рим Антонно Персио.

В августе 1593 года возвратившийся из Флоренции преподаватель математики Падуанского университета разыскал Кампанеллу и передал ему письмо великого герцога. Надежда обосноваться в Тоскане окончательно рухнула! Преподавателя математики Фердинанд Медичи принимал куда более ласково, чем Кампанеллу. Его звали Галилео Галилей.

Особенно часто Кампанелла встречался с врачом Джамбаттиста Кларио. В прошлом лейб-медик австрийского эрцгерцога, занимавший видное положение при дворе, Кларио вел теперь скромный образ жизни и все свое время отдавал науке. Тесная дружба связала его с Кампанеллой. Нередко в их беседах принимал участие и Оттавио Лонго, приехавший из Болоньи. Они касались разнообразных тем: обсуждали философские вопросы и спорили о политике. Кампанелла говорил о необходимости объединить Италию и изгнать поработителей. Он высмеивал церковные порядки и читал написанные им недавно сатирические стихи о Христе. Кларио предупредил Лонго, которому очень понравились эти крамольные стихи, чтобы он остерегался декламировать их, где попало. Оттавио клялся, что будет осмотрителен.

В Падуе многие знали Джордано Бруно. Незадолго до ареста он прожил здесь целых три месяца. Теперь о его судьбе было известно только одно — обвиняемый в ереси, он сидел в тюрьме римской инквизиции: Венецианская республика в феврале 1593 года передала его Риму.

Однажды Кларио привел незнакомого человека и попросил, чтобы Кампанелла предоставил ему убежище. Незнакомца звали Антонио, в юности он был капуцином, но ушел из монастыря и бродил по Италии, призывая народ к неповиновению церкви. Слуги инквизиции бросили его в тюрьму. Ему удалось бежать. Сейчас он направлялся на родину, в Верону.

Антонио фанатически ненавидел церковь и, говоря о догмах христианства, высказывался весьма недвусмысленно. В присутствии Кларио и Лонго он с сарказмом разоблачал басню о

Христе как искупителе грехов человечества.

Гость прожил у Кампанеллы несколько дней и потом благополучно выбрался из Падуи.

Кампанелла сидел над книгами, когда за ним пришли. Неужели орденское начальство прислало своих служителей, чтобы силой водворить его в монастырь? Люди в черных плащах были хорошо вооружены. Связав Кампанеллу, они набросились на его рукописи и книги. Сомнений не было: Святая служба!

Он попал в руки жестоких инквизиторов. Они требовали, чтобы он немедленно признался в ереси. Он делал вид, что не понимает, чего от него хотят.

Кампанелла терялся в догадках. Антонио выдал его? Он гнал прочь эту мысль. Кто же донес? Домохозяин или та соседка, которая любила вертеться у чужих дверей? Или его арест — последствие заключений богословов-квалификаторов о рукописях, украденных в Болонье? Неделя шла за неделей, допросы становились все тяжелей, а Кампанелла никак еще не уразумел, что явилось причиной его ареста.

Он внимательно прислушивался ко всему, что происходило в коридоре. Как-то раз до него донесся отчаянный крик. Он узнал голос Оттавио Лонго. Теперь он был почти уверен, что Кларио тоже арестован. Однажды Томмазо выцарапал на стене отхожего места греческими буквами, чтобы не поняли надзиратели, свое имя. На следующий день он нашел там несколько слов, написанных Кларио.

Инквизиторы, потеряв надежду заставить самого Кампанеллу сознаться, стали предъявлять ему обвинения. Сопоставляя их с вопросами, которые задавались ему и Кларио, он, наконец, понял, что случилось. Оттавио Лонго в компании своих приятелей прочел сатирическое стихотворение о Христе. Кто-то донес об этом инквизиции. Лонго схватили. В застенке его начали стращать пыточными инструментами. Он струсил и подтвердил, что действительно читал сонет, высмеивающий Христа. Оправдываясь, он назвал автором этого стихотворения Кампанеллу. Лонго подвергли пытке. На дыбе он рассказал все, что знал. Особенно подробно он говорил о беседе Кампанеллы и Кларио с беглым капуцином, который доказывал, что Христос не искупил грехов человечества.

Мало того, что Кампанелла сочинил еретическое стихотворение, он еще укрывал человека, преследуемого Святой службой, и беседовал с ним о вопросах веры! Инквизитор Падун отдал приказ об аресте Кампанеллы и Кларио. На беду, при обыске у Томмазо нашли запрещенную книгу по геомантии.[12]

Обвинений была целая куча: приписываемое авторство

книжки «О трех обманщиках», сатирическое стихотворение о Христе, связь с «иудействующим» еретиком и, наконец, чтение запрещенных сочинений. Кампанелла и Кларио упрямо отрицали свою вину. Но Оттавио Лонго, поддавшись на лживые обещания инквизиторов, портил все дело. Тяжесть обвинений росла с каждым днем. Спасти от приговора их мог только побег. Томмазо связался с одним из своих учеников. Антонио Бриччи был человеком исключительной храбрости. Вместе они разработали план дерзкий до безумия. Бриччи тайно передаст в тюрьму напильники и веревки. Кампанелла и Кларио темной ночью спустятся на тюремный двор. Одновременно с улицы Бриччи с группой товарищей совершит внезапный налет на стражу и овладеет воротами. Рядом в переулке беглецов будут ждать оседланные лошади. Наградой смельчакам будет свобода!

Сначала все шло хорошо. Томмазо и Джамбаттиста успели перепилить железные прутья. Дул сильный ветер со снегом, когда в кромешной темноте они спускались вниз по тонкой резавшей руки веревке. Как только пробило полночь, они услышали выстрелы и бросились к воротам. Бриччи, связав стражников, отодвигал засовы. К несчастью, рядом случайно оказался ночной патруль. Бриччи не успел распахнуть ворот, когда на него неожиданно напали солдаты. По всей тюрьме разнесся громкий сигнал тревоги. Побег!

Бриччи и его товарищам удалось скрыться, а Кампанеллу и Кларио, зверски избив ногами и древками алебард, солдаты оттащили в карцер. Свобода стала еще более далекой. Положение узников ухудшилось до крайности. Попытка побега неопровержимо доказывала, что все их уверения в невиновности были неискренними. Дело приобрело еще более серьезный оборот. Им занялись руководители Святой службы. По их приказанию Кампанелла, Кларио и Лонго, закованные в кандалы, были в январе 1594 года переправлены из Падуи в Рим.

Глава пятая. ЗАМОК СВЯТОГО АНГЕЛА

Альберто Трагальоло, магистр теологии и генеральный комиссарий римской инквизиции проявлял по отношению к Кампанелле особенный интерес. Он не походил на грубых и невежественных инквизиторов Падуи. Опытный юрист прекрасно образованный богослов, Альберто Трагальоло занимался только теми делами, которые представляли для церкви наибольшую опасность. Он, как правило, вел сложные дела, связанные с посягательствами ученых еретиков на идеологические устои католицизма. Трагальоло не терпел грубой брани и, охотно прибегая к пыткам, всегда напоминал своим жертвам, что это делается для их собственного спасения.

Генеральный комиссарий терпеливо выслушал все что говорил Кампанелла, доказывая свою невиновность. Тот объяснил попытку побега отчаянием, вызванным нежеланием трибунала в Падуе отвергнуть показания клеветников и восстановить истину. Трагальоло не стал скрывать, что хорошо изучил документы неаполитанского процесса и множество других материалов. Улик против Кампанеллы с каждым днем становилось больше, однако он упрямо стоял на своем и все обвинения продолжал называть ложью. Комиссарий указывал на бесполезность отрицания очевидных фактов. Он, конечно, не читал книг, осужденных церковью?! На столе перед Трагальоло лежал трактат по геомантии, отобранный у Кампанеллы.

Другие обвинения были еще серьезней. Лонго, желая во что бы то ни стало спасти себя, продолжал уверять, что автором богохульного сонета был Томмазо. Старания Лонго оправдаться, сваливая всю вину на своих бывших товарищей, наталкивались на решительное противодействие Кампанеллы и Кларио. Они утверждали, что никогда не слышали, даже от Лонго, никаких сатирических стихов о Христе. Их настойчивость и единодушие ослабляли значение показаний Лонго. Когда они поняли, что Оттавио, выдавая друзей, думает только о собственном спасении, они нарочно уличили его в явной лжи и лицемерии. Велико же его раскаяние, если он по-прежнему хитрит и врет на каждом шагу! Кампанелла и Кларио прекрасно знали принцип инквизиционного судопроизводства: «Один свидетель — это еще не свидетель», — и постоянно называли Лонго клеветником.

Им было очень трудно бороться против всех уловок инквизиторов, потому что здесь, в Замке св. Ангела, Кампанелла

и Кларио были помещены в одиночках и никак не могли наладить связи. Их, пытавшихся бежать из тюрьмы, держали на особо строгом режиме, закованными в цепи.

Он сидел в темной, вонючей камере, где вместо матраса на каменном полу валялась охапка прелой соломы. В Падуе солдаты, схватившие Кампанеллу у ворот, жестоко его избили и разорвали всю одежду. Теперь только жалкие лохмотья кое-как держались на плечах. Зима стояла суровая. В камере с вечно сырыми стенами было очень холодно.

Раз в сутки ему приносили жалкую порцию пищи. Он забыл, что значит свежий воздух и давным-давно не видел солнца. Инквизиторы выражали свое неподдельное удивление: зачем он своим упорством обрекает себя на долгие лишения? Глупцы! Что они могли у него отнять? Самодовольные и преуспевающие, они говорили о жизненных благах, а он, оборванный, грязный, ослабевший от длительного недоедания, чувствовал себя несравненно богаче их. Ему принадлежал целый огромный мир! И сознавать это было большим счастьем.

Узники сходили с ума от бесконечно долго тянущихся суток, а ему, запертому в одиночке, жалко было истраченных на сон часов. Его лишили бумаги и книг. Но разве кто-нибудь мог у него отнять высшее счастье — счастье мыслить?!

На ногах гремели кандалы, а цепь, которой он был прикован к стене, позволяла сделать по камере лишь считанные шаги. Но не было на свете таких оков, что могли отнять у него свободу духа! Он сгорал от внутреннего нетерпения. Ему все время казалось, что он еще почти ничего не сделал. Перед ним возникали важнейшие проблемы. Он верил в свое призвание: как колокол, возвестит он людям начало новой эры!

> Мне — знатоку и мастеру — открыт
> И новый век, и времена былые.

Он видел свою задачу не только в том, чтобы развить идею жизни общиной. Он должен заранее дать ответ на множество вопросов, которые появятся у людей, когда они, ликвидировав собственность, начнут на совершенно иных основах строить человеческое общество. Какой непочатый край работы! Какие грандиозные перспективы! Задачи, стоящие перед философами, врачами, педагогами, градостроителями, архитекторами, знатоками ремесел, агрономами и стратегами, в корне отличаются от тех, с которыми они сталкивались раньше. Жизнь общиной поломает многое, что существовало веками. Это скажется не только на облике городов или на одежде — родятся

новые отношения между людьми, возникнет новое мировоззрение и новая мораль.

Он старался охватить все вопросы и не упустить ни одной из сторон будущей жизни общиной.

Неделя за неделей продолжалась тяжелая изнурительная борьба. В Риме Лонго тоже повторил свои показания о беглом капуцине и о еретических речах Кампанеллы и Кларио. Но опять не удавалось ничем подтвердить его показаний. Кларио божился, что он всю жизнь был образцовым христианином, а Кампанелла доказывал, что для него церковные порядки — идеал, который бы он с удовольствием распространил на весь мир. Оба они утверждали, что Лонго лжет: они никогда не встречали никакого беглого монаха и тем более не беседовали с ним о религии.

Все эти заверения чуть было не лопнули, когда однажды Трагальоло прочел Кампанелле донесение инквизитора Падуи о поимке еретика, бывшего капуцина Антонио, и приложенный акт опознания. Неужели и теперь Кампанелла будет утверждать, что он никогда не знал его? Кампанелла и не думал в чем-либо признаваться. Правда, положение стало угрожающим: защитительные речи Кампанеллы и Кларио, окажутся сплошной ложью, если Антонио, не выдержав пытки, расскажет о знакомстве с ними. Трагальоло говорил, что Антонио уже покаялся. Но Томмазо не поддавался на обман. Он был полон решимости по-прежнему все отрицать. Но что делать, если Антонио на самом деле признался?

Большую часть суток он сидел в полной темноте. Одиночка не имела окон. Заключенным разрешалось пользоваться светом с семи утра до четырех часов дня. Но надзиратели, выгадывая на всем, обходили даже это предписание. Как правило, лишь на время еды приносили они в камеру огарок свечи или коптящий фитилек на глиняном блюдечке масла. Едва узник успевал покончить со своей скудной порцией, как тюремщики тут же забирали свечу.

Томмазо старался не потерять счет времени, но нередко по датам протоколов он обнаруживал, что ошибся на день, а то и на два.

На допросы Кампанеллу водили по темным галереям. В застенке, где его ждал инквизитор, чуть шипя, горели факелы. Всю зиму Томмазо не видел солнца. Однажды весной его повели к Трагальоло другой дорогой.

Впервые за долгие месяцы перед ним открыли дверь, выходившую на тюремный двор. Солнце! Он зажмурил глаза. Какое это было счастье! Словно чья-то ласковая рука гладила щеки! Кампанелла жадно подставлял лицо теплым солнечным

лучам…

Еще в юности, увлекаясь Телезием, он научился видеть в солнце вечный источник тепла и жизни. Солнцу должны поклоняться люди!

Он любил его всей душой. Он писал об этом стихи и был убежден, что для людей, отбросивших христианскую религию, именно солнце станет олицетворением всех сил природы.

И государство, где люди живут общиной, государство, которому принадлежит будущее, Кампанелла мысленно называл Солнечным государством, а его столицу — Городом Солнца.

Всю зиму его держали в темной, холодной и сырой камере. Его мучил ишиас. От кандалов на руках и ногах образовались незаживающие раны. Но, несмотря на все усердие инквизиторов, они так и не добились своего. Трагальоло не скрывал, что если бы Кампанелле и удалось опровергнуть все показания Лонго, в глазах Святой службы он бы по-прежнему оставался человеком крайне опасным. Инквизиция имела в своем распоряжении материалы, показывающие его истинное лицо. Когда Кампанеллу однажды ввели в комнату где проходили допросы, он увидел на столе у генерального комиссария рукописи, украденные у него в Болонье. Вот, оказывается, кто вдохновлял воров! Предчувствия его тогда не обманули. Он был уверен, что кража подстроена инквизицией.

Трагальоло не только внимательно изучил «Философию, основанную на ощущениях». Он, не жалея труда, тщательно разобрал все его заметки, выписки из книг, письма. Можно было оставить в стороне прошлое Кампанеллы — связь с еретиком Авраамом, бегство из монастыря, первую сочиненную в юношеской запальчивости книгу и расценивать их как грехи молодости, за которые он поплатился годом тюрьмы, отбытом в Неаполе. Но как повел он себя в дальнейшем? Он пренебрег приказанием орденского начальства и, вместо того чтобы вернуться в Калабрию, своевольно уехал на север и, скрываясь под чужим именем, продолжал жить вне монастыря. А главное, что он писал все это время? Извлек ли он урок из тех бед, которые свалились на его голову благодаря книге, направленной против Марты? Приговор, вынесенный в Неаполе, обязывал его придерживаться учений св. Фомы Аквинского и осуждать идеи Телезия. А что делал он? Рукописи, захваченные в Болонье, а также взятые при аресте в Падуе, давали яркое представление о его занятиях. Он восторгался безбожником Демокритом, читал запрещенные книги, увлекался оккультными науками. В трактате «О смысле вещей», который он восстанавливал в Падуе, он не только не отрекся от идей пресловутой «Философии, основанной

на ощущениях», а развивал их дальше. Он должен был опровергать Телезия — он не сделал этого. Более того, когда Кьокко выступал с книжкой против Телезия, Кампанелла тут же набросился на Кьокко и написал «Апологию Телезия»!

Кампанелла оспаривал утверждения Трагальоло, уверял, что трактат «О смысле вещей» не имеет ничего общего с идеями Демокрита. Когда комиссарий предъявлял ему компрометирующие выписки, сделанные его собственной рукой, Кампанелла, не моргнув глазом, заявлял, что какой-то его недруг нарочно отрезал вторую половину листа, где было написано их опровержение. Трагальоло хотел заставить Кампанеллу согласиться, что многие его мысли, рассыпанные по различным рукописям, прямо противоречат идеям, защищаемым церковью. Но спорить с Кампанеллой и ему, опытному богослову, было очень трудно. Кампанелла умудрялся любому хоть сколько-нибудь порочащему высказыванию придать невинный смысл и истолковать его так, будто оно, напротив, написано в поддержку самым ортодоксальным взглядам.

Единственное в чем Кампанелла соглашался с генеральным комиссарием — это в том, что он действительно всегда высоко ценил Телезия и выступал в его защиту. Томмазо не отрекался от своего учителя. Но у Трагальоло не было оснований для торжества. Кампанелла, настаивая, что любовь к сочинениям Телезия не может считаться преступлением, формально был прав. Ни одна из книг козентинского философа до сих пор не была официально внесена в «Индекс». Кампанелла просил дать ему возможность писать и брался в короткий срок разбить всех врагов Телезия. Трагальоло понял, что никакими аргументами ему не удастся припереть Кампанеллу к стене. Напрасны были все ловушки — Томмазо ухитрялся вывернуться из самого тяжелого положения. Даже Трагальоло при всей своей учености смог в конечном итоге противопоставить разящим аргументам Кампанеллы только один старый, испытанный довод — пытку.

В представлениях Кампанеллы частная собственность была неразрывно связана с существованием семьи. Он думал, что собственность образуется и поддерживается тем, что люди имеют свои отдельные жилища, жен и детей. Ему казалось, что до тех пор, пока будет существовать семья, идеи философского образа жизни общиной осуществить будет трудно. Люди станут по-прежнему добиваться для своих детей богатства и почетного положения: одни ради этого будут грабить государство, чувствуя свою власть, а другие, которым недостает могущества, сделаются лицемерами и скрягами. Отсюда Кампанелла приходил к выводу, что брак и семья в той форме, в которой они существовали,

должны быть уничтожены.

Он хотел продумать все до конца. Люди руководствуются опытом и данными науки, когда выводят лучшие породы домашних животных. Но разве здоровье детей не более важно, чем хорошие статьи лошади? Может ли государство, заботящееся о всеобщем благополучии, допустить, чтобы важнейшая область — деторождение — была бы предоставлена исключительно усмотрению отдельных лиц и в ней царствовала бы случайность? Рождение и воспитание ребенка — это не частное дело родителей. Государство заинтересовано, чтобы ребенок родился здоровым и правильно воспитывался, поэтому, заботясь о наилучшем потомстве, оно должно с помощью врачей и ученых-астрологов регламентировать отношения между мужчинами и женщинами. Дети должны родиться от родителей, которые по своим природным качествам наиболее подходят друг к другу. А не нанесет ли это вреда любви?

Любви? У людей появятся новые представления о любви и дружбе. Да и разве будет кто-нибудь мешать влюбленным поддерживать духовное общение? Они будут разговаривать и шутить, дарить друг другу венки из цветов или листьев, подносить стихи. Любовь будет скорее выражаться в дружбе, чем в пылком вожделении.

Следствие зашло в тупик. Веронец Антонио никаких разоблачений не сделал. Лонго продолжал оставаться единственным свидетелем. Надо было любыми средствами заставить основных обвиняемых подтвердить его показания.

3 мая 1594 года конгрегация Святой службы отдала распоряжение подвергнуть Кампанеллу и Кларио пытке. Последнее время Кампанелла тяжело болел, и Трагальоло надеялся, что он не вынесет мучений и признает свою вину. Палачам было приказано пытать еретиков самым лютым образом. Но, сколько палачи ни бились, все их старания остались безрезультатными. Кампанелла и Кларио продолжали запираться.

Ничто не могло поколебать уверенности Кампанеллы, что в конце концов идеи Города Солнца восторжествуют повсюду. Рано или поздно, но все человечество придет к жизни общиной. Он знал, что это осуществится только в результате ожесточенной борьбы. Богачи и тираны будут всеми силами стремиться сохранить свою собственность и свою власть. Одними проповедями, какими бы пылкими и убедительными они ни были, нельзя добиться торжества справедливости. Еще в юности, видя, как страдает родная земля от ига иноземцев, он мечтал о восстании. Силу можно победить только силой!

Он проявлял большой интерес к военному делу. Врага надо

встретить во всеоружии! Он написал несколько сочинений по фортификации, тактике, кавалерийскому искусству.

Вынашивая идеи Города Солнца, он много думал о военном деле. Он не сомневался, что постепенно идеи жизни общиной победят по всей земле. Но это произойдет не сразу. Люди, на долю которых выпадет счастье быть первыми, столкнутся с многочисленными врагами. Поэтому те, кто нашел наилучшую форму государственного устройства, должны и в военном деле превосходить всех своих соседей. Будущее Города Солнца может быть обеспечено только в том случае, если Город станет неприступной твердыней, а его жители, как мужчины, так и женщины, будут в любую минуту готовы к отпору врагу.

Он чертил на полу планы укреплений, рассчитывал расстояния между стенами, искал наиболее выгодное расположение для башен и места для бомбард. Постепенно картина Города Солнца становилась все более целостной и законченной.

…Постройки Города составляют семь концентрических кругов или поясов. Каждый из них тем больше возвышается над остальными, чем ближе расположен к центру. Из одного круга в другой можно попасть по четырем мощеным улицам сквозь ворота, обращенные на четыре стороны света. Город построен с таким расчетом, что если бы неприятелю и удалось взять приступом первый круг, то для взятия второго ему бы пришлось употребить вдвое больше усилий, а для овладения третьим — еще более. Чем дальше продвигался бы враг, тем ему становилось бы труднее и труднее. Следовательно, тому, кто задумал взять этот город приступом, пришлось бы брать его семь раз. Но невозможно захватить и первый круг: настолько широк земляной вал и так укреплен он бастионами, башнями, бомбардами и рвами.

Все несут военную службу. Ежедневно проводятся военные упражнения и учения. Сами солярии — граждане Государства Солнца — никому не причиняют насилия, но немедленно вступают в бой, когда на них нападает неприятель. Благодаря хорошему вооружению, тщательно разработанной тактике и беспримерному героизму своих воинов они всегда выходят победителями. Все больше и больше распространяется их образ жизни на соседние страны. Город Солнца, процветающий и неприступный, служит примером для всех народов.

Мысль о новом побеге не оставляла Кампанеллу и в Риме, но режим в тюрьме был таким строгим, что не было никакой надежды на реальную возможность осуществить побег. Значит, следовало воспользоваться каким-то иным способом, чтобы вырваться на свободу. Кампанелла стал требовать, чтобы ему

разрешили письменно изложить свои взгляды и тем самым доказать свою невиновность. Он вспомнил, что Кларио долгое время был главным врачом при австрийском дворе, и у него появилась мысль воспользоваться старыми связями друга. Эрцгерцогиня Мария слыла ревностной католичкой, и ее мнение имело значительный вес в глазах папы, тем более что она принадлежала к Габсбургам, чьи владения охватывали полсвета. Но как склонить эрцгерцогиню, чтобы она выступила в их защиту? Мария всегда осыпала милостями тех итальянцев, которые видели в испанском господстве благо Италии. Томмазо находил, что ложь — это военная хитрость и никогда не следует от нее отказываться, если она помогает в борьбе с могущественным противником.

Он решил написать для эрцгерцогини целый трактат, где будет доказывать, что итальянские князья должны строить свою политику на безусловном подчинении Испании и римскому папе. Кларио сопроводит этот опус письмом, в котором попросит Марию о заступничестве.

Кларио одобрил этот план, и Кампанелла быстро написал политический трактат под заглавием «Речи к итальянским князьям». Один из надзирателей в надежде на щедрое вознаграждение согласился переправить его вместе с письмом эрцгерцогине. Замысел удался. Мария тут же обратилась к Клименту VIII. В середине июля ее послание было получено в Риме. Несмотря на все расположение к эрцгерцогине, папа не счел возможным внять ее просьбе.

Через несколько дней, 21 июля, было решено снова подвергнуть Кампанеллу и Кларио пытке. На этот раз пытка была еще более долгой и мучительной. Трагальоло был поражен. Он никак не думал, что Кампанелла сможет вторично перенести страшнейшие мучения. С тех пор Трагальоло считал, что Кампанелла вообще «не боится пыток». Кларио тоже не отставал от него.

Теперь Кампанелла заявлял, что, перенеся пытки, он очистился от обвинений. Его пора уже освободить! Он обвинял Лонго в клевете и требовал вызова свидетелей, которые бы разоблачили Лонго как притворщика и лгуна. Инквизитор Болоньи допросил Асканио Персио и Пьетро Руффо, родного дядю Лонго. Оба они, с похвалой отозвавшись о Кампанелле, охарактеризовали Лонго как лицемера и богохульника. Тем самым его показания снова были сильно обесценены.

Мужество, проявленное Кампанеллой и Кларио во время пыток, оказало решающее влияние на исход процесса. После полутора лет, проведенных в тюрьмах Падуи и Рима,

Джамбаттиста Кларио был приговорен к унизительному церковному покаянию и выпущен на свободу. Лонго был тоже освобожден. А в отношении Кампанеллы дело обстояло иначе. Несмотря на отсутствие каких-либо дополнительных материалов, было решено по-прежнему держать его в темнице. Вторая зима в тюрьме римской инквизиции тянулась особенно долго. Чем больше думал он о Городе Солнца, тем жарче становилось желание свободы. Он должен во что бы то ни стало вырваться на волю! Он продолжал уверять инквизиторов, что исповедует самые ортодоксальные взгляды, и в доказательство написал два трактата — «О христианской монархии» и «О правлении церкви».

14 марта 1595 года Кампанеллу привели в зал, где заседали руководители Святой службы. Ему объявили, что дело его близится к завершению и предложили представить в трибунал окончательную защиту.

Заросший и изможденный узник с желто-синим лицом и слезящимися от яркого света глазами стоял перед инквизиторами и упрямо твердил о своей невиновности. От одежды его остались одни лохмотья, ноги были обмотаны какими-то тряпками. Было приказано выдать ему что-нибудь из одежды и башмаки.

День этот запомнился Кампанелле на всю жизнь, но, разумеется, совсем по иной причине. На тюремном дворе он вдруг случайно лицом к лицу столкнулся со среднего роста арестантом, которого куда-то вели. Они никогда не видели друг друга. Скорее интуицией, чем по описаниям, Томмазо понял, что это Джордано Бруно.

— Здравствуй, Ноланец! — крикнул Кампанелла.

Бруно приветственно поднял руки, скованные кандалами. Надзиратели растащили арестантов в разные стороны.

Кампанелла не ограничился тем, что опроверг пункт за пунктом предъявленные ему обвинения. Используя медлительность квалификаторов, которым было поручено изучение работ Телезия, он счел своим долгом еще раз попытаться оградить учителя от нападок схоластов. Он написал «Защиту последователей Телезия от обвинений Святой службы» и приложил ее в качестве дополнения к собственной защите.

Кардиналы, заседавшие в трибунале, оказались в затруднительном положении. Оттавио Лонго — единственный свидетель обвинения — считался соучастником Кампанеллы и Кларио, к тому же его показания сильно пострадали в результате разоблачений, сделанных Асканио Персио и Пьетро Руффо. А сам Кампанелла дважды выдержал пытку и ни в чем не признался. Вынести суровый приговор, основываясь только на приверженности обвиняемого к Телезию, было невозможно:

учение козентинского философа не было официально осуждено церковью. Но инквизиторы не хотели выпускать Кампанеллу.

Месяц шел за месяцем. Никаких новых материалов, усугубляющих вину Кампанеллы, найти не удавалось. Уже около двух лет его держали в тюрьме, а он по-прежнему оставался несломленным. В середине 1595 года казуисты из конгрегации Святой службы пришли к решению, которое их устраивало: было постановлено перевести Кампанеллу в один из римских монастырей, а дело его считать незаконченным и следствие продолжать.

Условия, созданные Кампанелле в монастыре св. Сабины, мало чем отличались от тюремных. За ним был установлен постоянный надзор, и всякая попытка побега была исключена. Правда, ему разрешали выходить в монастырский сад, сидеть на солнце, наслаждаться зеленью и ароматом травы. Он мог писать, но каждую строчку придирчиво проверяли строгие цензоры. Не проходило дня, чтобы в его келье тайно не устраивали обыск, когда он был во дворе или на богослужении. Кампанелла понимал, что инквизиция, окружив его соглядатаями и доносчиками, нарочно предоставила ему некоторую свободу, чтобы поймать его на неосторожно сказанном слове или на мысли, сгоряча доверенной бумаге. Теперь, когда сердце его и разум были полны идеями Государства Солнца, он, во что бы то ни стало, хотел снова очутиться на воле и поэтому был очень осторожен, избегал лишних разговоров, старательно соблюдал устав монастыря, не пропускал ни одной мессы.

Он писал, но писал совсем не то, что надеялись найти в его рукописях хитрецы из Святой службы. Из-под его пера не выходило ни одной строчки, которая могла бы уличить его в опасном образе мыслей. Он, напротив, проявлял себя ревностным христианином и воинствующим католиком.

Кампанелла сочинил «Диалог, направленный против лютеран, кальвинистов и прочих еретиков» и вместе с письмом послал его никому иному, как Альберто Трагальоло! Даже занимаясь вопросами стихосложения, физиологией, поэзией, философией или теорией кавалерийского искусства, он не забывал об инквизиции. Трактат «Поэтика» он посвятил кардиналу Сан-Джорджо родственнику папы и одному из руководителей Святой службы.

Несмотря на все старания Кампанеллы, дело его затягивалось до бесконечности. Хотя и не было найдено никаких новых улик, судьи с приговором не торопились. После двухлетнего заключения в тюрьмах Падуи и Рима он провел еще целых полтора года в монастыре св. Сабины. Только в декабре 1596 года

трибунал огласил решение: Кампанеллу объявили «сильно заподозренным в ереси» и приговорили к отречению.

Выхода не было. Человек, не соглашающийся отречься от ереси, в которой его подозревали, считался «формальным еретиком», подлежал выдаче светским властям и сожжению заживо. Томмазо не колебался. Пусть он на словах и отречется от любой ереси, от ереси «иудействующих» или какой-либо другой, на деле он ни на йоту не изменит своим убеждениям! Он исполнит гнусный и унизительный обряд только ради того, чтобы, получив свободу, продолжать борьбу. Он верил, что дождется того дня, когда восставший народ сторицею воздаст инквизиторам и палачам за все их злодеяния.

В пасмурное и холодное декабрьское утро Кампанеллу привели в церковь св. Марии-над-Минервой. Он был одет в санбенито — позорное рубище еретика с намалеванной на нем половиной андреевского креста. На шее висел кусок дроковой веревки, голова была увенчана дурацким картонным колпачком, а в руках он держал свечу из зеленого воска.

Его заставили стать на колени, произнести обычную формулу отречения от ереси и скрепить ее своей подписью. Вслед за этим в соответствии с заведенной процедурой от него потребовали изъявить согласие быть подвергнутым самому суровому обращению в случае, если он вновь будет привлечен к суду инквизиции.

Кампанеллу освободили с обязательством никуда не уезжать из Рима. Слежка за ним не прекращалась. Он был очень осторожен и не давал никакого повода для доносов. Тем не менее, на воле ему суждено было оставаться недолго. Через два месяца после освобождения его снова арестовали.

Неужели нашлись свидетели, подтвердившие прежние обвинения? Или, не выдержав пыток, признался веронец Антонио?

Долгие месяцы ему ничего не удавалось узнать. Допросы почему-то касались главным образом далекого прошлого, жизни в Калабрии, его знакомых, друзей, земляков. Кто из них арестован? Возможно, какой-нибудь близкий друг изнывает где-то рядом, в этой же башне, отделенный несколькими камерами?

Вся весна и лето прошли в мучительных допросах. От него требовали признаний в том, что десять лет тому назад, еще в Калабрии, он проповедовал ересь и общался с фуорушити. Кампанелла все отрицал. Мало ли чего не болтали злые языки после его бегства из монастыря! Только осенью, когда ему предъявили показания Шипионе Престиначе, он понял, что произошло. Он был освобожден, а инквизиция продолжала

повсюду собирать о нем сведения. Как раз в эту пору испанским властям посчастливилось, наконец, поймать Престиначе. Во время пыток он назвал нескольких сообщников и вспомнил о давнишних разговорах с Кампанеллой. Его показаниями занялась инквизиция. Епископ Сквиллаче допросил целый ряд лиц, но никто не подтвердил, что слышал из уст Кампанеллы ересь. Престиначе оставался тоже единственным свидетелем.

Инквизиторы, возобновляя следствие, рассчитывали, что смогут ловко сыграть на имени Престиначе и: заставят самого Кампанеллу признаться. Это была единственная возможность использовать историю с плененным фуорушити. Тем более, что он, как только пришел в себя, сразу же отрекся от показаний, сделанных в минуту слабости, и 17 февраля — еще до нового ареста Кампанеллы — был обезглавлен в Неаполе.

Томмазо не дал себя запутать. Очередная затея инквизиторов благодаря его выдержке провалилась. Никакими существенными подробностями пополнить дело Кампанеллы так и не удалось.

В декабре 1597 года, продержав Кампанеллу в тюрьме еще десять месяцев, его освободили с предписанием вернуться в Калабрию. Кампанелла покинул Рим без всякого сожаления. Вид Замка св. Ангела будил в нем слишком тяжелые воспоминания.

Глава шестая. ЗАГОВОР

По дороге в Калабрию Кампанелла почти четыре месяца провел в Неаполе. Ему казалось, что недовольство испанцами достигло предела. Достаточно одной искры, и взрыв народного гнева потрясет до основания все Неаполитанское королевство.

Чего же он медлит? Известия, приходившие из Калабрии, еще больше разжигали его нетерпение. В конце июля он не выдержал, неожиданно объявил, что уезжает, и побежал в порт узнать о ближайшем корабле, плывущем на юг.

Кампанелла возвращался на родину с горячим желанием бороться. Хватит вынашивать идеи и составлять дерзкие проекты. Если он не осуществит своих замыслов теперь, то не сделает этого никогда. Неужели, если еще раз инквизиция приберет его к рукам, чтобы отправить на костер, ему поставят в вину лишь недозволенные мысли и смелые планы?

Родные берега заставили его сердце биться сильнее. Почти десять лет он не был в этих краях. Такой ли он найдет Калабрию, как мечтает? И как его, «сильно заподозренного в ереси», встретят старые друзья? Его неприятно поразило, что на пристани толклись испанские солдаты.

Знакомые места совсем не изменились: та же страшная бедность, крестьяне, надрывающиеся на полях, жалкие лачуги, худая скотина, запущенные виноградники. Приближаясь к Никастро, он уже издали заметил колокольню монастыря, с которым было столько связано.

На главной площади, неподалеку от ратуши, торчала виселица. Рядом с облепленным мухами телом стоял стражник. С каких это пор здесь так развелось воровство, что власти вынуждены опасаться злодеев, похищающих трупы?

В монастыре Благовещенья Кампанелла встретил сразу нескольких друзей. Пиццони никак не мог побороть волнения, а Пьетро Понцио долго не хотел выпускать его из своих объятий. Послушник побежал за настоятелем. У Кампанеллы невольно вырвался крик удивления: Дионисий!

Как все они выросли и возмужали! Расспросам не было конца. Томмазо неохотно говорил о пережитом, зато внимательно слушал рассказы о положений в Калабрии. Пьетро Понцио и Пиццони перебивали друг друга.

Жизнь была тяжелой и беспокойной. Народ задыхался от нищеты и налогов. Испанцы поддерживали свое господство жесточайшим террором; Они не могли обеспечить в стране порядка. Редкий день проходил без убийств, казней, облав.

Повсюду шла борьба за власть. Каждый крупный землевладелец мнил себя всесильным владыкой. В городах бесконечно враждовали различные партии, даже между церковью и испанскими чиновниками не прекращались раздоры. Епископы всеми средствами старались расширить свое могущество и увеличить доходы. Их безмерные притязания наталкивались на сопротивление вице-короля. Тогда они пускали в ход отлучение от церкви. Страшась небесных кар, одни чиновники не осмеливались выполнять приказов правительства, если они хоть в какой-то степени ущемляли церковные интересы, а другие, напротив, открыто применяли силу.

К чему только не приводил страх перед отлучением и боязнь нарушить неприкосновенность духовных лиц! Хитрые попы знали, как играть на суевериях. В Никастро монахи повздорили со слугою испанца-капитана. Слугу посадили, но монахам показалось этого мало. Они ворвались в тюрьму, схватили своего недруга и, затащив в церковь, зверски избили палками. А в это время капитан стоял у дверей и не осмеливался войти.

Другой раз, в Роджиано, солдаты, преследуя разбойников, окружили их в каком-то доме. Монахи, родственники попавших в беду бандитов, со святыми дарами и рясами вошли в дом, набросили им на плечи священнические одежды и на глазах у оторопевших солдат увели в церковь.

Во время раздоров между светскими и духовными властями много говорилось о престиже церкви и о ее неотъемлемых правах судить клириков, а на самом деле в основе конфликта лежала ненасытная жадность попов к земле, недвижимости, деньгам. Светский суд не имел права разбирать дела духовных лиц. Пользуясь этим, епископы готовы были за приличное вознаграждение объявить любого негодяя клириком и спасти его от тюрьмы или казни. Каких только это не вызывало злоупотреблений! Епископ Сквиллаче взял под свою защиту знаменитого своими преступлениями Колелла Буа, объявив его бродячим монахом.

Епископ Джераче, угрожая судьям немедленным отлучением, потребовал выдачи конокрада под предлогом, что обвиняемый двенадцать лет назад носил тонзуру. А епископ Катанцаро за хорошую мзду спрятал в монастыре женщину, убившую жену своего любовника, и вскоре позволил ей безнаказанно скрыться. Церковные власти шли на любые ухищрения, чтобы помочь тем, кто не жалел для них денег. Они не дали наказать человека, похищавшего девушек, ссылаясь на то, что его арест в нарушение обычая произошел сразу же после пасхи. Таковы были пастыри, которые пеклись единственно о том, чтобы поосновательней

стричь свою паству. Они спорили с испанцами за каждый грош, но, ненавидя их, действовали с ними заодно.

Дионисий подробно рассказывал о своей жизни. Радостного было мало. Жестокая борьба за прибыльные церковные должности не оставила и его в стороне. Служители церкви мало чем отличаются от разбойников, когда, околотивши партии, рвутся к доходным должностям.

Так и прошли все эти годы: в бессмысленных распрях, в долгих тяжбах, в препирательствах с начальством. Чем он мог похвалиться? Способности к наукам, которые он проявлял, будучи студентом, казалось, заглохли. У него не было времени для серьезных занятий. Зато он отличался редким красноречием. Когда он с амвона произносил свои проповеди, церковь всегда была полна народу. Он делал с аудиторией что хотел и, как хороший актер, мог в нужный момент разрыдаться. Однажды, выступая с проповедью в женском монастыре, он привел монахинь в исступление, а потом еще притворно упал в обморок. Ему нечего повторять Кампанелле, что он всегда тяготился сутаной и не по собственной воле выбрал профессию. Да, его буйный характер доставляет ему много неприятностей. У него слишком часто чешутся руки, когда он видит ненавистные рожи ленивых, тучных монахов! Единственно, что радует его, так это любовь, с которой относятся к нему простые люди. Это, разумеется, происходит не только потому, что он не дерет с них три шкуры за справляемые требы. Он знает их нужды и, когда они обращаются к нему за помощью, никогда не отделывается утешениями. Он старается помочь беднякам, дает деньги, семена, одалживает волов.

И это все? Разве люди не могут ждать от Дионисия Понцио большего? Кампанелла не спускал с друга испытующего взгляда. Неужели Дионисий так и растратит свою бьющую через край энергию на драки с монахами-тунеядцами и на эффектные проповеди, заставляющие женщин впадать в истерику? Неужели он забыл о возвышенных мечтах юности? Правда, с тех пор пролетело целых двенадцать лет.

Дионисий помрачнел. В келье стало совсем тихо. Смеркалось. Томмазо пылко схватил его за руку: кому еще думать о родной Италии, как не ее сыновьям?!

Томмазо разбудил необычный шум: крики, выстрелы, стук лошадиных копыт. Потом все смолкло. Через некоторое время он услышал в коридоре Дионисия, говорившего вполголоса. Открыли соседнюю дверь. Он не успел еще заснуть, когда в ворота монастыря кто-то настойчиво забарабанил. Стук продолжался долго. Наконец на дворе появился Дионисий,

поправлявший войлочный плащ, одетый прямо на белье. Кампанелла видел из окна, как, стоя в воротах, он разговаривал с испанцем офицером. Тот чего-то упорно требовал, Дионисий недоуменно разводил руками.

Утром, спускаясь завтракать, Кампанелла заметил в соседней келье, которая накануне была пуста, двух незнакомых людей. На столе лежали отстегнутые шпаги, у стены стояла пара аркебузов.

В трапезной только и говорили о ночном происшествии. Какие-то смельчаки, несмотря на охрану, украли с главной площади тела казненных фуорушити. Солдаты бросились за ними в погоню. Тогда от группы отделились два храбреца, чтобы задержать преследователей. Завязалась перестрелка. Пока испанцы дожидались подкреплений, удалось скрыться и этим двоим. Облава ничего не дала. Они словно в воду канули.

Дионисий, сидя на своем месте, как ни в чем не бывало продолжал есть.

На следующую ночь он спустился в конюшню, сам оседлал лошадей. Незнакомцы исчезли так же незаметно, как и появились.

Радостное волнение охватило Кампанеллу. Оказывается, приор монастыря Благовещенья интересовался не только жирными каплунами и красивыми прихожанками!

Они объяснились начистоту. Голос Дионисия дрожал от гнева. Положение в Калабрии с каждым годом становилось все напряженнее. Народ ненавидел иноземных поработителей. Испанцы искали поддержки среди крупных землевладельцев. Они смотрели сквозь пальцы на чинимые ими злоупотребления. Те сгоняли крестьян с земли, захватывали общинные выгоны. Крестьяне уходили в горы, объединялись в отряды, мстили помещикам, жгли усадьбы, нападали на гарнизоны. Вице-королю приходилось каждый год увеличивать численность расквартированных в Калабрии войск и снаряжать все новые и новые карательные экспедиции против партизан. Они стоили огромных средств. Новых налогов не хватало, чтобы задушить сопротивление народа. Изо дня в день росло число скрывающихся от властей. Многие из них тоже присоединялись к партизанам. В стране ни на минуту не прекращалась борьба с угнетателями. Некоторые из фуорушити прятались в монастырях. Случалось, что даже епископы, враждуя с испанцами из-за доходов, старались заручиться поддержкой партизан.

Кампанелла перебил Дионисия:

— Неужели все клирики, помогающие фуорушити, делают это лишь в надежде использовать их в корыстных целях?

— Я не епископ Милето, — вспыхнул Дионисий, — который

кормит в своих монастырях многих фуорушити, чтобы всегда иметь наготове людей, согласных идти за него в огонь и воду! Я помогаю партизанам, потому что я итальянец!

Кампанелла посвятил Дионисия в свои планы. Как долго калабрийцы будут мириться с бедственным положением родины? Давно уже настала пора подняться на борьбу с иноземцами. Надо подготовить восстание и сбросить испанское иго. Дионисий не спорил. Да, об этом они мечтали еще в юности. Но сделало ли время их замыслы более реальными? Пусть им и удастся изгнать испанцев, а дальше что? На места испанских господ придут итальянские. Во дворце вице-короля обоснуется какой-нибудь герцог. Имеет ли смысл начинать борьбу, чтобы заменить одних угнетателей другими?

— Заменить? — Кампанелла сделал решительный жест. — Не заменить, а покончить с ними раз и навсегда! Надо провозгласить республику и установить совершенно новые порядки. Калабрия должна стать идеальным государством — республикой равноправных и свободных людей, живущих общиной!

Они проговорили всю ночь. Кампанелла рассказал Дионисию о Городе Солнца. Разве не стоит отдать все силы, чтобы создать государство, где все будет общим?! Могут ли быть у человека более высокие цели?

Дионисий загорелся.

— Ради этого стоит бороться! Он знает многих партизан. У него есть связи даже с теми, что действуют на юге, в районе Реджо.

Они долго взвешивали соотношение сил. Одних партизанских отрядов, разумеется, недостаточно, чтобы разбить испанские гарнизоны. Надо поднять крестьян и ремесленников, городскую бедноту. Надо объединить всех недовольных испанским владычеством и не пренебрегать ни одним вооруженным человеком, которого можно выставить против врагов. Не всех следует посвящать в конечную цель восстания: мысль об уничтожении собственности сразу отпугнет знатных калабрийцев, чьи отряды могут быть очень полезны в борьбе с испанцами. Но где еще взять союзников? Трезвые расчеты подтачивали восторженный энтузиазм. Ведь заговорщикам, как широко ни был бы организован заговор, придется столкнуться с силами всей Испанской монархии, охватывающей полсвета. Выгнать гарнизоны — это еще не значит добиться победы. На место каждого изгнанного солдата армада испанского короля легко доставит несколько других. И кто на море помешает ей? Не имея флота, очень трудно бороться с испанцами. На что рассчитывать? На фелюги рыбаков? Если бы можно было использовать помощь

кого-нибудь из заклятых врагов Испании. Но как? Франция далеко, Нидерланды еще дальше. Отказаться от борьбы? Кампанелла ни за что не хотел смириться с мыслью, что все его сокровенные желания лишь беспочвенная фантазия, которую никогда не удастся осуществить.

С Пиццони, несмотря на старую дружбу, Кампанелла по-настоящему сблизился не сразу. На долю Пиццони выпало столько неприятностей из-за его острого языка и вольнодумства, что теперь, найдя тихое пристанище в Никастро, он не спешил обсуждать щекотливые темы с человеком, недавно вырвавшимся из когтей инквизиции. Они избегали говорить о политике. Целыми днями Пиццони сидел, обложившись книгами. Весной предстоял капитул доминиканцев, и он собирался выступить там с докладом о наилучшем государственном устройстве.

Их первые беседы носили сугубо отвлеченный характер. Томмазо показал прекрасную осведомленность в вопросах, связанных с различными формами правления. Он не ограничился разбором старых теорий, а изложил собственную точку зрения на идеальное государство. Его доводы и страстность, с которой он их защищал, привели Пиццони в. восхищение. Конечно, предлагаемый Кампанеллой образ жизни, является разумнейшим и наилучшим! Однако как далеко до осуществления этих прекрасных идей!

Жизнь общиной представлялась Пиццони чем-то очень далеким. А Томмазо говорил о ней как о завтрашнем дне. Можно ли приблизить это счастливое время? Он не стал скрывать от Пиццони своих намерений. Перед тем как насаждать новое, следует разрушить старое. Чтобы восторжествовали идеи справедливости, надо уничтожить строй насилия и угнетения.

Пиццони всем сердцем поддержал идею восстания. Но его терзали те же сомнения, что и Кампанеллу. Хватит ли у самих калабрийцев сил, чтобы прогнать с родной земли солдат могучей Испанской монархии? И где взять союзников?

В сентябре 1598 года у берегов Калабрии внезапно появился турецкий флот. Вице-король не имел боевых кораблей, которые могли бы дать туркам серьезный отпор, и те чувствовали себя хозяевами положения. Они возвращались почти каждый год, грабили побережье, уводили в плен людей, разрушали церкви. На этот раз они пришли с особенно большими силами. Тревога охватила правителей Неаполитанского королевства. Где будет нанесен удар? Они боялись не только грабежей. Местное население относилось к туркам не хуже, чем к испанцам. Многие лишь ждали случая, чтобы бежать в Турцию от невыносимых притеснений. В Мессине был издан приказ, запрещавший

горожанам под страхом виселицы покидать город.

Намерения турок были неясны. Флотилия, пренебрегая бурной погодой, вошла в пролив Сан-Джованни. Не задумали ли они захватить город? Но на кораблях не было заметно никаких приготовлений к атаке. Командующий флотом Синан Басса Чикала, даровав свободу невольнику-христианину, направил его с письмом к вице-королю. Содержание этого письма вызвало при дворе удивление. Синан Басса просил разрешения повидаться с матерью, жившей в Мессине. Он обещал не предпринимать никаких враждебных действий и соглашался на время дать в заложники сына. Мог ли вице-король отказать ему в этой просьбе, когда на турецких кораблях стояли превосходные пушки?

Специальная лодка вывезла мать Бассы Чикалы в море. Свидание продолжалось несколько часов. Турецкий командующий не видел мать много лет. Он был преданным сыном. Когда плачущая Лукреция спускалась с корабля, ее провожатые с трудом несли кучу подарков и две тысячи золотых цехинов. Басса Чикала, верный слову, после свидания с матерью приказал своим пятидесяти галерам сняться с якоря.

Об этой истории говорила вся Калабрия. Басса Чикала? Это имя заставило Кампанеллу вздрогнуть. Чикала? Турок с фамилией итальянца? Кем он был? Никто точно не знал подробностей его необыкновенной биографии. Но одно было несомненно: Синан Басса, или Шипионе Чикала, родился в Мессине. Здесь до сих пор жила его мать, его братья и сестры. В юности он попал в Турцию. Как это случилось? Одни уверяли, что он вместе с отцом был захвачен в плен, другие — что он бежал в Турцию по собственной воле. В те годы это не было единичным случаем. Лозунг «Турки лучше папистов!» был популярен и на юге Италии, где поработители-испанцы вместе с церковью жестоко угнетали народ. По сравнению с испанским режимом даже Турция казалась страною свободы. В Константинополе осела масса выходцев из южной Италии. Они основали там свою колонию и назвали ее «Новой Калабрией».

При турецком дворе, в армии и флоте было много калабрийцев, неаполитанцев и корсиканцев, принявших мусульманство.

Кампанелла старался разузнать о Чикале все, что только мог. Чикала отличался редкой смелостью и был прекрасным солдатом. Он начал свою головокружительную карьеру во время войны с персами. Из него вышел замечательный военачальник. На море он сражался с таким же успехом, как и на суше. Он все выше поднимался по лестнице чинов и, наконец, стал командующим флотом.

Кампанелла вспомнил историю, которую слышал лет десять тому назад. У Телезия было два любимых ученика, чьи дерзкие речи привлекли внимание инквизиции. Их запрятали в тюрьму. Архиепископ Козенцы приговорил их как еретиков к сожжению. В самый последний момент перед казнью им посчастливилось бежать. Один из них ушел в горы и со временем стал знаменитым вождем фуорушити, а другой перебрался в Турцию, принял мусульманство, поступил во флот и, прославившись своими ратными подвигами, сделался военачальником. Первого звали Берарди, второго — Чикала…

Никто не мог Кампанелле с уверенностью сказать, был ли в прошлом командующий турецким флотом учеником Телезия, чудом спасшимся от костра инквизиции. Но вероятно ли такое совпадение, когда совпадают не только фамилии, но и судьбы?

Эпизод с Чикалой натолкнул Кампанеллу на мысль искать союзников в Турции. Кому, как не мессинцу Чикале, заклятому врагу испанцев и церкви, могущественному военачальнику, во флоте которого служит масса беглых калабрийцев, прийти на помощь восставшим землякам? Выход был найден. Если Чикала согласится на союз с заговорщиками, то победа будет обеспечена. Господствующий на море турецкий флот не допустит в Калабрию подкреплений, и испанские гарнизоны будут уничтожены! Дионисий и Пиццони горячо поддержали этот план.

Внешне фра Томмазо производил впечатление спокойного и набожного человека. Даже самый придирчивый наблюдатель не мог бы заметить ничего, что заставило бы усомниться в искренности покаяний, принесенных по требованию инквизиции. Он прилежно исполнял обязанности, которые налагал на него сан священника, служил мессы, исповедовал верующих. А когда получил разрешение, охотно стал выступать с проповедями на евангельские темы.

Из Никастро он вместе с Пиццони и его другом Лаврианой переселился в Стило. Здесь Кампанелла с радостью встретил многих своих давних друзей, в том числе Пьетро Престеру и Доминико Петроло.

Весь городок приходил слушать Кампанеллу. На кафедре он преображался: куда девалась его обычная сдержанность!

Никто не оставался равнодушным к его речам. Даже известные с детства евангельские притчи звучали как-то необычно. Фразы, ставшие в устах полуграмотных попов избитыми, приобретали новый смысл. Он говорил о равенстве людей, о человеческом братстве и гневно обличал стяжательство собственников. Он читал отрывки из Апокалипсиса[13] и так говорил о будущем золотом веке, что слушатели верили в

близкое наступление счастливейшей поры человечества.

Он вел очень скромный образ жизни. Начальство ни в чем не могло упрекнуть его. В Рим, в конгрегацию Святой службы, которая неустанно продолжала наблюдать за Кампанеллой, «сильно заподозренным в ереси», шли из Калабрии хорошие отзывы.

Постоянно притворяться было нелегко, но необходимо. Маскировка — это военная хитрость, и нет полководца, который от нее откажется!

Вначале он действовал особенно осторожно, тщательно проверял людей, с которыми общался. Но постепенно круг его слушателей расширился. Теперь это были не только его товарищи-монахи. Временами вокруг него было больше мирян, чем клириков.

Он читал лекции по философии. Все, кому доводилось его слушать, поражались его знаниям и его умению доходчиво объяснять самые сложные вещи. Но еще большее впечатление, чем лекции, производили на друзей беседы Кампанеллы. В узком кругу он откровенно высказывал свои мысли. Он знал, как тяжело будет освободить Калабрию от иноземцев и добиться победы восстания. Но еще трудней было сделать, чтобы ближайшие хотя бы сподвижники прониклись новыми идеями.

Жизнь была затянута страшнейшей паутиной предрассудков. Все представления были поставлены вверх ногами. Те же самые люди, которые не боялись ничего на свете, трепетали при одной мысли угодить в ад. Они могли совершать гнуснейшие преступления и презирать любые наказания, но страшились отлучения от церкви. Самый низкий разврат и противоестественные пороки уживались бок о бок с верой в спасительную силу причастия. Насаждаемые веками религиозные догмы лишали людей способности здраво мыслить. Зачастую слов боялись больше, чем дел. Мало кто строго соблюдал посты и полностью воздерживался от скоромной пищи в запрещенные дни. На это смотрели сквозь пальцы. Но стоило человеку сказать, что мясо можно есть в любой день, как его сразу же объявляли опаснейшим еретиком. Церковь делала вид, что не замечает ужасающего разврата, царящего среди духовенства, но самым жестоким образом карала людей, которые выступали против безбрачия клириков. Монах, обесчестивший девушку, мог остаться безнаказанным, но беда тому, кто, например, осмелился бы во всеуслышание заявить, что плотское общение с женщиной само по себе не является грехом. Такого еретика тут же тащили в инквизицию. Церковь никогда не прощала речей, направленных против ее догматов — тех столпов, на которых зиждилось все ее

мирское могущество.

Кампанелла прекрасно понимал, что проповедуемый им философский образ жизни общиной люди смогут понять только тогда, когда полностью отрешатся от предрассудков и обретут способность мыслить разумно. Поэтому в своих беседах он всеми силами старался помочь человеку отбросить гнет ложных представлений и открытыми глазами взглянуть на окружающий мир. Не зная усталости, он боролся с заблуждениями.

Невежество сразить я в мир пришел!

Он убеждал, доказывал, терпеливо растолковывал людям истину.

Общество до тех пор не избавится от разъедающих его язв, пока люди будут продолжать слепо верить в догматы, придуманные властолюбивыми и жадными до наживы жрецами. Не религиозными предписаниями должны руководствоваться люди, а твердыми данными науки, основанной на тщательнейшем изучении природы.

Кампанелла беспощадно бичует церковников.

Христианские догмы служат им для защиты вопиющей несправедливости, когда один наслаждается всеми благами жизни, а другой умирает от голода. Ссылки на религию и на Бога — это сети, которыми своекорыстные люди опутывают народ, чтобы держать его в подчинении!

В дни поста он демонстративно ест мясо. Грех? Он говорит, что если человек здоров, то мясо не вредит, его можно потреблять всегда. Окружающие недоумевают: ведь испокон веков церковью запрещено по определенным дням вкушать скоромную пищу.

— А кто установил эти предписания? — спрашивает Кампанелла. — Церковь. А из кого состоит церковь? Из папы, кардиналов, прелатов и прочих клириков. А кто такие папы и кардиналы? Люди! — Томмазо смеется: — Я ведь тоже человек!

Он доказывает, что все законы, предписания, запреты, в том числе и религиозные догмы, — все это дело рук человеческих. Люди создают законы и могут их отменить. Истинно лишь то, что соответствует разуму и природе. Поэтому само понятие о грехе должно быть в корне изменено.

— А как же быть с плотским грехом? — опрашивают Кампанеллу монахи. — Неужто в общении с женщиной нет ничего греховного?

Он говорит о великой мудрости природы, где все целесообразно и закономерно. Каждая часть человеческого тела выполняет свое определенное назначение. Так зачем же лицемерно осуждать то, что необходимо для воспроизведения жизни на земле и соответствует велению природы?! Он гневно

клеймит гнусное ханжество церковников, которые, рассуждая о грехе, морочат верующим голову, а сами предаются дикому распутству.

— Перед составлением новых законов, — заявляет Кампанелла, — обязательно следует изучить нравы и обычаи различных народов, чтобы взять у каждого из них то лучшее, чем он славится. Многое можно позаимствовать и у мусульман. Только надо освободиться от нелепостей в верованиях, которые делают людей рабами.

Он говорит так убедительно и так горячо, что никто из слушателей не сомневается: Кампанелла именно тот человек, которому предначертано свыше стать великим законодателем и осчастливить людей новыми законами, лучшими, чем все существующие до сих пор.

Джованни Грегорио Престиначе, родственник Шипионе, обезглавленного испанцами, был одним из первых, кого Кампанелла и Дионисий посвятили в свои планы. Престиначе очень хорошо знал многих злейших противников испанского режима и поддерживал с ними связь. Его советы и помощь оказались очень ценными.

Два знатных рода — Контестабиле и Карнсвале — издавна враждовали в Стило. Длившаяся годами кровная месть стоила обоим семьям многочисленных жертв. Враги, опасаясь друг друга, должны были постоянно держать при себе вооруженных людей. Во главе партии Контестабиле стоял Маркантонио, а партию Карневале возглавлял один из их родственников — Маврицио ди Ринальди.

И Маркантонио и Маврицио, оба фуорушити, питали по отношению к испанцам лютую ненависть. Несмотря на молодость, они были очень опытны в военном деле и имели в своем распоряжении большие отряды. Их участие в заговоре могло принести огромную пользу. Нужно было положить конец бессмысленной вражде и привлечь их на свою сторону. Решили, что сблизиться с Маркантонио попытается сам Томмазо, используя знакомство с его братом Джулио Контестабиле, который называл себя учеником Кампанеллы.

Джулио не скрывал от Томмазо своих взглядов. Единственная страсть наполняет его сердце — ненависть к испанцам! Еще юношей поклялся он отомстить за то, что они бросили в тюрьму его отца. Он Готов принять участие в любом предприятии, если оно причинит им вред. Он не может жить в Калабрии, когда там хозяйничают иноземцы. Джулио признался, что уже много раз собирался бежать в Турцию и до сих пор не сделал этого только потому, что не хотел покидать родины, не удовлетворив чувства

мести.

Беседы с людьми, которых Кампанелла знал еще недостаточно хорошо, он начинал с разговоров, что Калабрию в ближайшее время ждут великие потрясения. Он ссылался на пророчества св. Екатерины и св. Бригитты, толковал Апокалипсис, напоминал о чудесных знамениях, наблюдавшихся в природе, и объяснял предсказания вещих астрологов. Наступающий 1600 год должен быть годом величайших перемен. Разве число «16» не складывается из двух священных чисел — «9» и «7»? Встретить этот год люди должны во всеоружии, чтобы не восторжествовали силы зла!

Маркантонио Контестабиле и его друзья, Франческо и Каччья, слушали Кампанеллу с затаенным дыханием. Недаром говорят по всей Калабрии, что фра Томмазо великий человек!

Постепенно суждения Кампанеллы становились все острее, выводы решительней. Как не быть переменам, когда вокруг творятся такие беззакония и родную землю топчут проклятые испанцы!

Его речи о многострадальной родине, раздираемой усобицами, легко находили доступ к сердцу каждого слушателя. Он говорил, что бедствия Италии происходят от ее раздробленности. Итальянские князья не стремятся к единству, они только и думают, как бы съесть друг друга. А это лишь на руку врагам! Томмазо всегда находит меткое словцо, образное сравнение, сочную народную поговорку. В то время как князья враждуют между собой, недругам Италии легко завоевать всю страну: «Пока сражались лягушка с мышью, прилетел коршун и проглотил обоих!»

Каждый человек, любящий родину, должен больше всего желать освобождения и объединения Италии. Поэтому следует положить конец усобицам, раздорам, кровной мести.

Страстное красноречие Кампанеллы делает чудеса. Маркантонио Контестабиле, посвященный в планы восстания, заявил, что мечтает отдать свои силы борьбе за свободу отчизны. Кампанелла тут же потребовал, чтобы Контестабиле прекратили всякую вражду с Карневале. Маркантонио после недолгих колебаний пообещал восстановить мир.

В конце мая в Стило приехал Дионисий. Он побывал во многих городах и селениях, виделся с разными людьми. Обстановка в Калабрии была очень накаленной, и Дионисий соглашался с Томмазо, что настала пора переходить от слов к действиям и начинать активную подготовку восстания.

Необходимо было заручиться согласием Чикалы оказать землякам помощь. Его родственники, жившие в Мессине,

поддерживали с Константинополем тайные сношения. При их посредничестве можно было отправить письмо Чикале. Но первым делом здесь, в Стило, нужно было помирить Контестабиле с Карневале и склонить к участию в заговоре Маврицио ди Ринальди.

Маврицио очень понравился Кампанелле. Мужественный и честный, он всегда смотрел прямо в глаза собеседнику. Ему не было еще и двадцати семи лет, а испанцы уже давно безуспешно пытались его захватить. Он считал делом чести помогать всем преследуемым и гонимым. Когда его двоюродный брат вместе со своей любовницей выдали испанцам нескольких фуорушити, Маврицио нашел, что только смерть искупит предательство, и заколол их кинжалом. Он скрывался в горах и мог в случае необходимости быстро собрать большой отряд готовых на все смельчаков.

Первый разговор Кампанеллы с Маврицио ди Ринальди происходил в присутствии Дионисия и Престиначе. Маврицио слышал о проповедуемых Кампанеллой переменах. Если Калабрии предстоят неминуемые потрясения, то как должны встретить их люди? Кампанелла начал издалека. Он сказал, что в ожидании перемен следует объединиться в вооруженные отряды, чтобы, когда пробьет час, действовать решительно и энергично. Он пытался сыграть на честолюбии Маврицио, воспевал военные доблести и ссылался на пример прославленных кондотьеров. Чтобы стать великим, надо иметь многочисленных сторонников. Эти речи мало трогали Маврицио. Томмазо заговорил о другом. Он привел несколько текстов из священного писания, где восхвалялась сила, противоборствующая несправедливости. Гневом дышали его слова, когда он говорил о беззастенчивом угнетении, которому подвергают иноземцы Калабрию. Желая содрать с населения новые налоги, они опять затеяли перепись. Кампанелла дал волю своему возмущению:

— Души людей считают, как рогатый окот, точь-в-точь как было во времена царя Давида, вздумавшего произвести перепись и тем оскорбившего бога, который, однако, покарал за это не правителя, а народ, подчинившийся такому обложению!

По тому, как Ринальди воспринимал его слова, Томмазо понял, что следует откровенно рассказать ему о замышляемом восстании. И он не ошибся. Маврицио, недолго думая, воскликнул, что согласен выступить хоть сегодня. Однако он высказал сомнение, где достать деньги, необходимые для приобретения оружия. Кампанелла уверил его, что ряд очень влиятельных людей окажут заговорщикам материальную поддержку. Кроме того, крупные суммы можно будет захватить в

Кастель д'Арена. Восстание начнется с выступления в Катанцаро. Там у Дионисия Понцио много друзей, и он берется все подготовить. Маврицио всем сердцем был за восстание!

Тогда Кампанелла сказал ему, что заговор увенчается успехом только в том случае, если все калабрийцы будут единодушны и прекратят взаимные распри. Маврицио не стал возражать.

Два давнишних врага, Маркантонио Контестабиле и Маврицио ди Ринальди, протянули друг другу руки. Томмазо добился большой удачи!

Глубокая религиозность, которой отличался Маврицио, вызывала у Кампанеллы опасения. Дионисий часто позволял себе выпады против религии, но они всегда вызывали искреннее недовольство Ринальди. Он охотно ходил в церковь и подолгу молился. Это усложняло все дело. Маврицио переоценивал силы, которые Калабрия могла выставить против испанцев, и даже не задумывался над тем, чтобы искать союзников среди врагов короля Филиппа. Как убедить Маврицио, ревностного христианина, в необходимости союза с турками, с «неверными»?

В одном из разговоров Престиначе упомянул, что в республике, созданной после победы восстания, собственность будет уничтожена и люди заживут общиной. Кампанелла тоже это подтвердил. Он стал рассказывать, какой чудесной станет жизнь, когда все будет общим. Маврицио слушал с большим интересом. Но когда Кампанелла заговорил о религии, Маврицио выразил удивление. Почему он называет Иисуса человеком? Разве он не верит, что Христос был Сыном Божьим? И почему он утверждает, что необходимо создать для народа новые книги, а старые, латинские, следует сжечь? Маврицио всполошился: Кампанелла, как видно, имеет в виду богослужебные книги и покушается на священное писание. Нет, этого нельзя делать! Маврицио так прямо и заявил, что не имеет ничего против республики и жизни общиной, но решительно осуждает любые нападки на веру. Не касайтесь религии!

Кампанелла, уверил Маврицио, что речь идет не об отказе от христианства, а только о необходимости искоренить существующие в церкви злоупотребления. Томмазо принялся исподволь воздействовать на Маврицио. Тот с рвением защищал догматы веры, но не спорил, когда ему указывали на пороки и разложение духовенства. Однажды Кампанелла нарочно затеял разговор о постах и сказал, что папа и кардиналы сами не блюдут предписаний и не воздерживаются от скоромной пищи. Маврицио согласился. Он всей душой ненавидел лицемеров.

Примирение Контестабиле и Карневале имело важные

последствия. Сторонники обеих соперничавших партий объединились. Они привлекали к участию в заговоре своих родственников и знакомых. С каждым днем росло число людей, готовых с оружием в руках выступить против испанцев. Кампанелла был очень доволен ходом событий. Теперь надо было, не откладывая, договориться с Чикалой. Казалось, сама судьба им благоприятствовала. По городу разнесся слух, что рыбаки встретили недалеко от берега турецкие галеры. Томмазо, Дионисий и Маврицио отправились к морю. Галеры были очень хорошо видны. Какая прекрасная возможность установить связь с Чикалой! Стоит только взять лодку и под предлогом переговоров о выкупе захваченных в плен земляков отправиться к туркам. Дионисий принялся горячо убеждать Маврицио, что для успешного исхода восстания совершенно необходимо вступить в союз с турками. Использовать неверных против христиан? Ринальди не согласился. Споры ни к чему не привели. Турецкие галеры окрылись за горизонтом. Неожиданно представившийся случай послать Чикале письмо был упущен из-за фанатического упрямства Маврицио!

Дальше медлить было нельзя. Кампанелла предложил Дионисию поехать в Мессину, чтобы через родственников Чикалы свяваться с Константинополем.

Убедить Маврицио в необходимости союза с Чикалой было очень трудно. Сказать, что командующий турецким флотом был в юности приговорен инквизицией к сожжению? Нет, для Маврицио ди Ринальди осужденный церковью еретик страшнее любого турка.

Кампанелла действовал осмотрительно. Он часто заводил речь о том, что у турок, как и у каждого народа, есть много хороших обычаев. Маврицио не возражал. Но этого было мало. Как преодолеть его упорное нежелание вступать в сношения с «неверными»?

Томмазо все-таки нашел выход. Он рассказал Маврицио об одном знаменитом астрологе, который предсказал, что в самое ближайшее время Османская империя распадется на две части. Одна из них останется мусульманской, другая примет христианство. Если турки согласятся прийти на помощь калабрийцам, то это лишний раз докажет, что они скоро станут христианами.

В конце концов Кампанелла уломал Маврицио. Турки так турки — лишь бы сбросить испанское иго!

Томмазо открыл ему, что несколько дней назад Дионисий отправился в Мессину. Маврицио не надо было долго объяснять, какие военные преимущества таит в себе союз с турками.

Сильный флот Чикалы лишит испанцев возможности подвозить подкрепления отрядам, блокированным в Калабрии.

Маврицио сгорал от нетерпения. Может, ему самому связаться с турками, не дожидаясь, пока где-то в Мессине это сделает Дионисий? Он очень обрадовался, когда в начале июня увидел в море паруса турецких кораблей. Что искали они у берегов Калабрии? Явились для переговоров о выкупе пленников или проводили разведку перед новым пиратским набегом? Вспомнив предложенную Дионисием хитрость, он достал лодку. Он хочет выяснить, сколько денег потребуют турки за четверых томящихся в неволе земляков!

На головной галере его встретил старый Амурат Раис, приближенный Чикалы Он обещал передать Чикале предложение калабрийцев и уверил Маврицио, что быстро уведомит его о принятом решении. Они выбрали пункт побережья, куда приплывет турецкая фелюга с ответом командующего. От этого ответа зависело очень многое. Только получив согласие Чикалы, можно было вовсю развернуть подготовку к выступлению. Вестей от Чикалы ждали с волнением. Но они долго не приходили.

Поездка Дионисия была успешной. Ему обещали ответ из Константинополя недели через три. Надежда на помощь Чикалы сделала заговорщиков еще более активными. Томмазо, Дионисий и Маврицио, разъезжая по Калабрии, повсюду вербовали сторонников. В конце июня Дионисий в сопровождении своего друга Джузеппе Битонто и его двоюродного брата Чезаре Пизано снова направился в Мессину. Чтобы не вызвать подозрений, они объявили целью своей поездки закупку перца и матрасов для монастыря. В Мессине их ждало письмо из Константинополя. Чикала согласился оказать калабрийцам полную поддержку. О точной дате, когда он сможет прибыть со своим флотом к берегам Калабрии, Чикала обещал сообщить позже, прислав быстроходную фелюгу в то место, о котором договорились Ринальди и Амурат.

В Мессине Дионисий встретился с Джузеппе Капоа и посвятил его в планы заговора. Капоа взялся собрать всех фуорушити, действующих в районе Реджо.

О Феличе Гальярдо Кампанелла впервые услышал от Битонто. Двадцатидвухлетний Феличе был храбрым и вспыльчивым. Повздорив с одним из своих родственников, он всадил в него заряд из аркебуза и угодил в тюрьму. Феличе был связан с большим отрядом фуорушити. Поэтому Кампанелла предложил Битонто поехать в Кастельветере и поговорить с ним.

Успешно выполнив поручение, Битонто уже возвращался в Стило, когда вдруг узнал, что Пизана, который тоже ездил из

деревни в деревню и склонял своих друзей принять участие в заговоре, схвачен слугами князя Роччелла. Битонто встревожился не на шутку. Измена? К счастью, оказалось, что арест произошел по другой причине. Пизано, человек темпераментный, не мог довольствоваться медлительностью своего осла и вскочил на первую попавшуюся лошадь. На беду она принадлежала князю. Тот снарядил погоню. Пизано был пойман и как конокрад водворен в тюрьму. Этого еще только не хватало! Кампанеллу рассердил опрометчивый поступок Пизано. Но нужно было что-то предпринимать. Пизано сидел в одной тюрьме с Гальярдо. Кампанелла решил вместе с Дионисием и Битонто ехать в Кастельветере. Даже если все его красноречие будет бесполезным и князь откажется освободить Пизано, то он хотя бы познакомится с Гальярдо и выяснит, нельзя ли устроить побег.

Они направились прямо в крепость. Начальник тюрьмы, много слышавший о Кампанелле, разрешил свидание. В одной камере с Пизано, помимо Гальярдо, сидело еще четверо. В их присутствии разговаривать с Гальярдо о делах Томмазо не стал. Друзья ободрили Пизано как могли. Они сделают все возможное, чтобы он поскорее очутился на свободе. Но пусть он, со своей стороны, не теряет времени зря. И в тюрьме можно продолжать борьбу! Пусть он внимательно приглядится к своим товарищам по камере и, убедившись, что они надежные люди, воспламенит их идеями заговора.

Визит к князю Роччелла желанных результатов не дал. Он обещал освободить Пизано, но его искренность была сомнительной. Вероятней всего, Пизано придется посидеть под замком, пока не начнется восстание и друзья не взломают двери темниц.

Подготовка восстания шла хорошо. Каждый день Томмазо получал шифрованные письма из различных мест. В них сообщалось, кто еще примкнул к заговору, где устраиваются склады оружия, какие денежные средства собраны. Ненависть к испанцам объединяла выходцев из различных слоев населения. Среди заговорщиков были монахи и крестьяне, мелкие торговцы, дворяне, ремесленники. Кампанелла, не зная усталости, ездил из одного городка в другой, подбирал людей, выяснял соотношение сил, разрабатывал планы будущих военных операций. Дионисий и Маврицио тоже проводили значительную часть времени в седле. Пиццони хвалился большим успехом: один из самых отважных фуорушити Калабрии, Клавдио Криспо, отдал себя и своих людей в полное распоряжение Кампанеллы.

В городе Кастель д'Арена Томмазо вручили письмо, которое наполнило его сердце радостью. Быстроходная разведывательная

галера, прибыв в условленное место, передала Маврицио окончательный ответ Чикалы. Сильный турецкий флот будет у берегов Калабрии в середине сентября.

Кампанелла и Дионисий были всецело поглощены подготовкой восстания, когда неожиданно узнали, что по приказу генерала доминиканского ордена в Калабрию прибыл наделенный широкими полномочиями Марко Марчианизе со своим помощником. Они будут инспектировать монастыри и наводить в них порядок. Их приезд был крайне некстати. От Марко Марчианизе нельзя было ждать ничего хорошего, а особенно Дионисию и его друзьям. Марчианизе был тем самым самодуром и притеснителем, с которым он воевал в Неаполе не на жизнь, а на смерть. Естественно, что его враги быстро найдут общий язык с инспектором. Надо было принять необходимые меры предосторожности. На майском капитуле доминиканцев Дионисий благодаря проискам Полистины не был утвержден приором монастыря Никастро и получил назначение в местечко Таверна. Он спешно туда поехал, чтобы подготовиться к прибытию ревизоров.

В трапезной на скамье, где он обычно сидел, Дионисий увидел маленького рыжего монаха. Тот вел себя заносчиво и нагло. Дионисий раздраженно велел ему освободить место. Они обменялись несколькими резкими фразами. Невзрачный монашек оказался помощником инспектора Марчианизе. Его звали фра Корнелио. Он был человеком мелочным, злопамятным, мстительным.

Они встретились в горной деревушке Даволи, в доме приходского священника. Кампанелла никогда не видел Маврицио в таком приподнятом настроении. Да и было с чего радоваться! Чикала дал согласие в середине сентября прибыть к берегам Калабрии с сильным флотом. Он обещал землякам полную поддержку как на море, так и на суше. Маврицио торжествующе показал Кампанелле написанную по-турецки грамоту.

Условия договора были точно определены. Чикала не претендовал на установление своего господства в Калабрии. Он обязался, что не допустит подхода испанских подкреплений и поможет, высадив десант, уничтожить их гарнизоны. Захваченные крепости Чикала должен был передать в руки восставших. Между турками и калабрийцами установятся дружеские отношения, обе стороны будут всемерно способствовать развитию взаимовыгодной торговли. Чикала сообщал о численности боевых кораблей, которые будут участвовать в походе, о месте и времени предполагающейся высадки.

Достигнутый успех превзошел все самые радужные надежды. Теперь срочно нужно было уточнить планы отдельных военных операций. С этой целью в Даволи съехалась большая группа заговорщиков. Основной удар испанцам следовало нанести в Катанцаро. По настоянию Маврицио особое внимание было обращено на этот город.

План захвата Катанцаро был тщательно разработан. В ночь, когда флот Чикалы подойдет к берегу, Маврицио ди Ринальди во главе трех или четырех сотен отборных смельчаков незаметно подкрадется к городу. А в это время Франца и Кордова со своими ударными группами, составленными из катанцарцев, нападут на стражу и распахнут ворота перед отрядами Ринальди. Испанцы не успеют накинуть «а плечи мундиров, как все будет кончено. Одновременно восстание начнется и в других городах. Маркантонио со своим отрядом овладеет Кастель д'Арена. Томмазо и Дионисий, осуществляющие общее руководство, захватят власть в Стило и его окрестностях. Никто не сомневался в победе. Кампанелла с жаром говорил о том, как в Катанцаро будет провозглашена свобода, как будут взломаны тюрьмы и перебиты чиновники, измывавшиеся над народом.

Стоял чудесный августовский день. В каштановой роще, за околицей Даволи, где Кампанелла и его товарищи обсуждали последние подробности в планах восстания, без умолку радостно пели птицы.

Энергия Дионисия Понцио была неисчерпаемой. Он ездил из города в город, вербовал сторонников, доставал оружие. Он махнул рукой на Марчианизе и фра Корнелио — победоносное восстание сметет и их.

В Катанцаро он развил лихорадочную деятельность. Его речи о насилиях, чинимых испанцами, о тирании короля и невыносимости налогов повсюду находили горячий отклик.

В своем стремлении любыми средствами увеличить число заговорщиков Дионисий не знал никакой меры. Чтобы привлечь на свою сторону даже людей, ревностно преданных религии, он стал широко пользоваться приемом, заимствованным у Кампанеллы: говорил о пророчествах и предстоящих переменах, уверял, что сам папа благословляет восстание. Калабрийцы установят святую республику, где будет одно стадо и один пастырь. Упоенный растущим числом заговорщиков, он не замечал опасности, которая в этом таилась. Среди тех, кто знал о планах восстания, было много сомнительных людей.

В Стило, в монастыре св. Марии, где жил Кампанелла, находился штаб заговора. Недели, оставшиеся до выступления, проходили в напряженной работе. Томмазо сам вникал в каждую

мелочь. Хорошо налаженная связь давала ему возможность быть в курсе всех событий.

Каждый день приносил новые добрые известия. Заканчивались последние приготовления. Все обещало быть готовым к приходу турецкой эскадры. Кампанелла переживал необычайный подъем. Он был уверен, что близок день, когда исполнится его сокровенная мечта и под ударами восставших падет тирания. Люди провозгласят свободу и, вняв, наконец, голосу разума, уничтожат неравенство и заживут общиной! Калабрия — это только начало. Республика в горах, осуществившая идеи Города Солнца, станет примером для всех остальных народов!

Недаром он звался «Кампанеллой» — «Колоколом»! Беспримерное счастье быть колоколом, которому суждено объявить людям правду, набатным колоколом, зовущим к борьбе за справедливость, колоколом торжества, возвещающим начало новой эры, золотого века человечества.

Коль позабудет мир «мое», «твое»
Во всем полезном, честном и приятном,
Я верю, раем станет бытие,
Слепое чувство — зрячим, не развратным,
Высоким знанием — тупость и лганье,
И гнет тирана — братством благодатным.

Теперь, когда он знал, как много у него сторонников и как сильны отряды, готовящиеся к выступлению, он мог себе позволить более подробно и широко говорить о будущей республике. Откровенные беседы с друзьями доставляли ему особенную радость. Воодушевление, переживаемое Кампанеллой, передавалось и людям, которые его окружали. Это были самые светлые дни в его суровой, многострадальной жизни.

Однажды в конце августа Кампанелла с группой товарищей поднялся в горы. Он еще раз хотел посмотреть, где лучше сделать засады и как занять узкие проходы, чтобы отрезать дорогу испанцам. Прав был Престиначе, утверждавший, что Стило благодаря своему выгодному расположению не нуждается в специальных укреплениях. Когда покончили с делами, не захотелось уходить. В горах не было августовского зноя. С высоты открывался чудесный вид на Стило и соседние деревни.

Кампанелла смотрел вниз на маленькие белые домишки. Но видел он совсем другой город — пояса прекрасных зданий, мощеные улицы, галереи, стены, расписанные фресками, с помощью которых дети легко усваивают все науки. Он видел

Город Солнца.

Он размечтался. Но мечты его были конкретными планами, в близкое осуществление которых он верил. Он знал, как построить трапезные, спальни, палестры, как устроить общественные мастерские, магазины, склады, как разместить бастионы и укрепления. Годами продумывал он распределение обязанностей среди членов общины, организацию труда, покрой одежды, методы воспитания.

Томмазо читал стихи, воспевал гору Стило, называя ее Горою свободы. Здесь впервые восторжествуют идеи, которые впоследствии преобразят весь мир!

Неизвестно, откуда взялся кувшин молодого вина, сыр, оливки, мясо. Кампанелла говорил. И все, кто там был, испытывали вместе с ним радость и восторг.

Он говорил с необычайным воодушевлением. Внизу лежал город. Легкий ветерок был напоен ароматом горных пастбищ. Никогда в жизни он не был так счастлив, как теперь. Но он был уверен, что его ожидает еще большее счастье — восстание закончится победой!

Он дорого заплатил за то, чтобы насладиться этими днями, — платил отчаянием камер-одиночек, муками застенков, лучшими годами молодости, загубленными в темницах. Он имел право на счастье, имел право вдвойне. Ведь боролся он не за личное благополучие, а за освобождение всех людей!

И, предчувствуя близкую победу, душа его ликовала.

Глава седьмая. ИЗМЕНА

Вечером 27 августа в Стило на взмыленном коне прискакал Дионисий. Кампанелла сразу понял: стряслась беда, В самом деле, худшего нельзя было и предположить. Изменники выдали испанским властям планы восстания, и утром в Санта-Евфемия прибыл из Неаполя флот и высадил на сушу карательные отряды. Задание, которое они имели, хранилось в такой тайне, что и губернатор не был поставлен о нем в известность. Ему сообщили, что солдаты присланы для охраны побережья от пиратских набегов. Первый донос, вероятно, был сделан давно. Случайность уберегла заговорщиков от того, что их не похватали в постелях. Пятеро катанцарцев, участники заговора, узнав о первом доносе, поспешили покаяться властям. Губернатор пришел в неописуемую ярость: его даже не сочли нужным уведомить об истинной цели присылки войск!

В тот же день оскорбленный губернатор поделился своим возмущением с епископом Катанцаро, а тот, боясь навлечь скандал на весь доминиканский орден, предупредил Дионисия. Все планы рухнули. Приурочить выступление калабрийцев к приходу турецкой эскадры стало невозможно, а поднимать восстание за две недели до срока, когда основные силы еще не собраны, значило обрекать людей на истребление. Спинелли со своей армией уничтожит заговорщиков задолго до прибытия турок.

Как только стало известно о раскрытии заговора, многие из его участников, желая заслужить прощение, начали выдавать товарищей. Неожиданность, с которой правительство нанесло удар, посеяла панику. Теперь, когда Калабрия оказалась вдруг наводненной испанскими войсками, а на море вместо ожидавшихся галер союзников-турок стояли военные корабли вице-короля, мало кто думал о том, чтобы браться за оружие, — каждый мечтал о собственном спасении. Захваченные врасплох люди, которые смело дрались бы в отрядах, бросились кто куда.

Дионисий успел повидаться с Маврицио. Его нельзя было упрекнуть в трусости, но он тоже считал, что надо немедленно уходить, пока испанцы не заняли еще всех дорог и не отрезали пути на север.

Уходить? Постыдно бежать, даже не попытавшись оказать сопротивления? Разве нельзя продержаться до прихода Чикалы?

Сколько Дионисий ни убеждал Кампанеллу в нереальности этого намерения, он стоял на своем. Дионисий был прав — выступать было не с кем, отряды партизан находились далеко и

должны были спуститься с гор только через две недели. Он ссылался на военный авторитет Маврицио. Калабрийцы потеряли свое главное преимущество — внезапность, испанцы их опередили.

Они спорили очень резко. Дионисий доказывал, что безумие оставаться в Калабрии и подвергать себя риску. Следует уходить подальше от испанских солдат и изменников.

Кампанелла со всей решительностью отказался. Он при любых условиях останется на родине. Две недели он будет скрываться у надежных людей. Он дождется прихода отряда из Реджо и прибытия Чикалы! Десятого он во что бы то ни стало, пусть с горсточкой людей, пусть один, но зажжет на прибрежных скалах сигнальные костры. А когда загремят пушки Чикалы и высадится огромный десант, поднимутся все, кому дорога свобода, вылезут из своих нор даже трусы. Стоит только начать. Восстанет народ, и испанцы будут уничтожены!

Напрасно Дионисий доказывал, что партизаны, узнав о многочисленности испанских войск, не выйдут с гор, а огни, зажженные на скалах, будут мгновенно потушены патрулями, уже сейчас занявшими значительную часть побережья.

Ему так и не удалось убедить Томмазо. Среди трех руководителей не было единодушия. Кампанелла категорически отказался бежать. Время не позволяло вести долгие споры. Каждая минута промедления могла стоить жизни многим. Дионисий торопился предупредить товарищей о раскрытии заговора. Получив от Кампанеллы обещание, что он по крайней мере не останется в Стило, где его сразу же схватят, а спрячется в Стиньяно, Дионисий сменил лошадь и помчался дальше.

Кампанелла неоднократно просил более внимательно приглядываться к людям, посвящаемым в планы заговора. Однако, увлекающийся Дионисий часто забывал об этих предостережениях. Ему так не терпелось набрать побыстрее возможно большее число приверженцев, что он начинал убеждать в необходимости поднять восстание даже тех, кого мало знал. Чем ближе приближался день выступления, тем нетерпеливей становился Дионисий. Во время пребывания в Катанцаро он окончательно потерял осторожность. Число заговорщиков росло с каждым днем, но ему всего этого казалось недостаточно. Он разыскивал старых знакомых, обращался за советами к друзьям, вербовал людей без всякого разбора.

В Катанцаро, во францисканском монастыре, он встретил Фабио ди Лауро и Джамбаттиста Библиа. Они совершенно не походили друг на друга, но судьба свела их вместе. Несмотря на молодость — ему едва исполнилось двадцать лет, — Лауро,

носивший рясу капуцина, вел бурную жизнь и успел пустить по ветру целое состояние. Библиа, торговец из Катанцаро, крещеный еврей, тоже с головой запутался в долгах. Спасаясь от преследований кредиторов, они нашли убежище в монастыре. Они не выходили за ворота: боялись, что их скрутят представители властей или, того хуже, какой-нибудь разгневанный заимодавец свалит выстрелом из аркебуза. Речи Дионисия пришлись им по душе. Их очень устраивали его планы. Поднять восстание, прогнать испанцев, установить новые законы! Они стали горячо помогать Дионисию: называли недовольных, советовали где раздобыть оружие. Дионисий хвалился огромным размахом, с которым идет подготовка к восстанию, упоминал о союзе с турками и намекал, что сам римский папа относится с симпатией к заговорщикам. Когда Дионисий уехал, их взяло сомнение: неужели восставшие смогут одолеть великую Испанскую монархию?

В то время как Кампанелла переживал величайший подъем в ожидании наступающего торжества справедливости, Фабио и Джамбаттиста, отсиживаясь в монастыре, искали выхода из своего затруднительного положения. Ждать, пока утвердятся новые порядки, провозглашенные Кампанеллой, и будут отменены все долговые обязательства? Надеяться на победу заговорщиков? Они вспомнили, как щедро испанские власти награждали за выдачу даже какого-нибудь одного партизана. А если раскрыть целый заговор, который ставит своей целью отнять у испанской короны все Неаполитанское королевство? Награды, конечно, хватило бы, чтобы расплатиться со всеми кредиторами. Да и на какую карьеру можно было тогда рассчитывать!

Боясь мести, они долго колебались. Никому не хочется быть зарезанным в постели! Но когда они решились на измену, то стали действовать энергично и осторожно. Они сумели встретиться с Ксаравой, прокурором Калабрии, и рассказали ему о подготовляемом восстании. Оба доносчика были не очень сильны в грамоте, и сам Ксарава вызвался составить необходимую бумагу. Фабио и Джамбаттиста могли назвать поименно только немногих участников заговора. Ксарава велел им выйти из монастыря в город, вернуться в свои дома и продолжать наблюдения. Урезонить кредиторов он брал на себя. Доносчики сперва упирались, опасаясь, что их сожгут в их собственных домах. Ксарава пообещал им негласную охрану и большое вознаграждение.

10 августа изменники подписали составленный Ксаравой донос. Они удивились, что прокурор насочинил много такого, чего они и не говорили, но он легко убедил их, что чем серьезней

будет представлен заговор, тем значительней будет награда. В доносе говорилось, что Кампанелла и Дионисий Понцио, опираясь на поддержку множества монахов, дворян, епископов, самого папы и турок, призывают народ к восстанию и проповедуют установление республики. Они называют короля тираном, порицают невыносимые злоупотребления чиновников, которые, по их словам, торгуют с публичного торга человеческой кровью и присваивают себе плоды труда, добытые потом бедняков. Лауро и Библиа заявляли, что в заговоре участвует более двух тысяч человек. В заключение они не забыли упомянуть о надежде на награду со стороны вице-короля.

Выполняя задание Ксаравы, они продолжали слежку, и 13 августа подали новый донос. Эти дни стоили им много сил — они почти не спали, ждали возмездия. Им постоянно казалось, что их встречи с прокурором были замечены кем-нибудь из заговорщиков. Они не могли больше оставаться в родном городе и, заручившись поддержкой Ксаравы, тайно бежали в Неаполь.

Как только в столице Неаполитанского королевства были получены сообщения о заговоре, вице-король, граф Лемос, тотчас же начал действовать. Копии доносов он послал в Мадрид и одновременно потребовал от своего представителя при дворе Климента VIII, чтобы тот, поставя папу в известность, что клирики-калабрийцы вступили в преступные сношения с турками, получил бы разрешение на их арест. Папа согласился при условии, что лица духовного звания будут содержаться в тюрьме как узники нунция. Климент, кроме того, высказал желание, чтобы в Калабрию был направлен его уполномоченный, который бы разобрался во всем на месте.

Вице-король был удовлетворен ответом папы, но последнего пожелания не выполнил. Какой дикой ни казалась связь папы с заговорщиками, о которой говорилось в доносе, все же эти сведения заставляли быть осторожным. Помня о горьком опыте своих предшественников и о вечных разногласиях с высшими церковными сановниками, вице-король счел за лучшее держать нунция подальше от калабрийских дел. Граф Лемос был хитер. Чтобы не вести следствие над клириками в Неаполе, он задумал закончить все в Калабрии, воспользовавшись помощью инспектора Марчианизе, который там как раз находился.

В доносах подчеркивалось, что многие знатные калабрийцы принимают участие в заговоре. А что смотрели власти и сам губернатор? Вице-королю была очень подозрительна их нерадивость. Он решил, что заговором должны заниматься самые надежные люди.

Карло Спинелли, наделенному огромными полномочиями,

было приказано срочно готовиться к отправке в Калабрию. Вице-король выбрал его не случайно. Пожалуй, во всем Неаполитанском королевстве не было человека, который бы больше подходил для этой трудной и сложной операции. Всю жизнь Спинелли верой и правдой служил испанцам. Он всегда, не задумываясь, применял крайние средства, умело расправлялся с бунтарями и усмирял непокорных горожан. Он свирепствовал в Калабрии и, хотя не смог истребить партизан, все же своей варварской жестокостью заслужил признание испанцев. В распоряжение Спинелли были предоставлены опытные офицеры и отборнейшие отряды солдат.

27 августа войска высадились в Калабрии. Спинелли не знал, что Дионисий предупрежден о раскрытии заговора, и старался ничем не выдать своих истинных намерений. Утром 29 августа был арестован один из заговорщиков — Орацио Раниа. Как сделать, чтобы его арест не всполошил всех остальных? Был пущен слух, что Раниа задержан по обвинению в уголовном преступлении. Дело было подстроено так, что уже в конце дня ему удалось бежать. Через два часа в винограднике, неподалеку от города, его нашли мертвым. Когда Орацио принесли в Катанцаро, все могли видеть, что он был задушен. Тут же под предлогом расследования обстоятельств этого убийства Спинелли начал хватать подозреваемых в заговоре. Каратели действовали так энергично, что вскоре в Катанцаро уже негде было размещать арестованных. Было решено перевести их в крепость Сквиллаче.

Когда стемнело, Томмазо вместе с Доминико Петроло направились в Стиньяно. Останавливаться в доме отца Кампанеллы было рискованно, и они спрятались у одного из родственников Петроло, священника Марко. Тот принял их радушно. Но утром, когда в Стиньяно стало известно о начавшихся арестах, Марко испугался, побежал к местному адвокату и с его помощью написал донос. Адвокат уведомил об этом Кампанеллу, и они с Петроло скрылись в другом доме. Предательство за предательством! Даже Джулио Контестабиле, питавший к испанцам лютую ненависть, мгновенно изменил своим убеждениям и стал охотиться за бывшими товарищами.

Дионисий разыскал Кампанеллу и снова уговаривал его. Ринальди прекрасно знает дороги, и они беспрепятственно достигнут Венеции. Кампанелла отказался. Они расстались, сильно повздорив.

Отец сообщил Томмазо, что в Стило приезжал Маврицио и искал его, несмотря на шнырявшие вокруг разъезды. Он дважды писал Кампанелле, умоляя вернуться в Стило и обещая спасение. Томмазо остался верен своему решению.

Из-за нахлынувших в деревню солдат дальнейшее пребывание в Стиньяно стало опасным. Надо было уходить. Неподалеку находился францисканский монастырь. Доминико переоделся огородником, взял в руки заступ и, делая вид, что приводит в порядок канавы, расположенные вдоль дороги, двинулся вперед. За ним шел Кампанелла. Никем не узнанные, они добрались до монастыря. Оттуда они послали знакомого монаха на разведку. Он вернулся и рассказал, что из Стиньяно солдаты ушли, зато в Стило их уйма.

До прибытия флота Чикалы оставалась еще целая неделя. Это время надо было переждать в надежном убежище. На помощь пришел отец. Поблизости от Роччелла у него жил друг, обязанный ему жизнью. Здесь можно было спокойно просидеть несколько дней, а в случае необходимости нетрудно было достать рыбачью лодку и выйти в море навстречу Чикале. Отец привел беглецов к своему другу. Тот особой радости не выразил, но согласился спрятать их в заброшенной хижине, рядом с домом. Кампанелла напялил на себя суконную куртку и кожаные штаны. Прощаясь с отцом, они условились, что брат будет держать Томмазо в курсе событий я приносить письма, приходящие в Стило.

Ночью 4 сентября в монастырь, где жил Пиццони, прибыли Дионисий и Каччья. Несколько часов спустя, незадолго до рассвета, у ворот появилась большая группа солдат с факелами в руках. Пиццони смертельно перепугался. Что делать? Каччья, чтобы выиграть время, стал расспрашивать солдат, кто они и откуда и чего хотят в монастыре. Дионисий вместе с Лавриаиой быстро залезли на колокольню и ударили в набат. Тревожный звон колоколов поднял на ноги всю округу. Крестьяне, вооруженные чем попало, бросились к монастырю. Может быть, разбойники хотят ограбить церковь? Чего ищут здесь эти незнакомые люди? Офицер с трудом доказал крестьянам, что он возвращается с солдатами в Сквиллаче и, перед тем как продолжать свой путь, хочет немного отдохнуть и послушать заутреню. Воспользовавшись суматохой, Дионисий в Каччья скрылись. Пиццони вышел к солдатам в полном священническом облачении. Когда он отслужил мессу, офицер показал ему распоряжение церковных властей об его и Лаврианы аресте. Документ, скрепленный подписью Марчианизе, предписывал настоятелям не чинить солдатам никаких препятствий и выдавать виновных. Тому, кто осмелится на ослушание, инспектор грозил отлучением от церкви и десятью годами каторжных работ.

Дни тянулись очень медленно. Известия, которые приносил брат, были мало утешительными. Число арестованных росло с каждым часом. Маврицио, невзирая на опасность, делал

безуспешные попытки разыскать Кампанеллу и увести его с собой. Он прискакал во францисканский монастырь спустя час после того, как Томмазо и Доминике ушли оттуда. Благородный Ринальди! Повсюду одно предательство следовало за другим и только мысли о таких как Маврицио и Дионисий не давали Кампанелле потерять веру в людей.

Он был счастлив, когда брат сказал ему, что они оба ушли в горы и находятся в полной безопасности.

Брат отправлял написанные шифром письма. Кампанелла продолжал надеяться, что Капоа со своим отрядом не побоится выступить и придет вовремя.

Хозяин настаивал, чтобы Кампанелла и Петроло не появлялись на дворе. Они прятались в соломе. Кампанелла старался разговорами отвлечь друга от мрачных раздумий. Он часто вспоминал прошлое, жизнь в Никастро, первые планы борьбы с иноземцами. Разве зря они вместе с Дионисием тринадцать лет вынашивали мысль о восстании!

Поведение хозяина вызывало тревогу. Он казался очень запуганным и не мог дождаться, когда, наконец, избавится от опасных гостей. Кампанелла сказал ему, что в ближайшие дни появится флот Чикалы и тогда больше не надо будет бояться испанцев. Тот ничего не ответил.

В понедельник, 6 сентября, на исходе третьего дня пребывания Кампанеллы и Петроло в покинутой хижине, их внимание привлек необычный шум. Выглянув на двор, они увидели, что окружены со всех сторон отрядом всадников. Хозяин, указывая на хижину, что-то подобострастно объяснял офицеру.

Их выволокли на двор под громкие торжествующие крики. Кампанелла сохранял самообладание и держал себя вызывающе гордо. А Петроло сразу же потерял последние остатки мужества. Он не хотел вставать и, валяясь на земле, истошно орал: «Убейте меня на месте! Я никуда не пойду!» Приблизившись к Томмазо, хозяин стал оправдываться. Он выдал его, потому что боялся навлечь на себя наказание, тем более, что Кампанелла все равно уже погиб: Пиццони, арестованный два дня назад, рассказал не только о заговоре, но и о ереси.

Пиццони! Не может быть! Пока его связывали, стоявший рядом Карло Руффо, смеясь, хвастался, что лично присутствовал на допросе Пиццони и слышал все его признания. Руффо сыпал такими подробностями, которые знал только Пиццони. Значит, это была правда!

Инспектор Марчианизе и его помощник фра Корнелио были людьми покладистыми. Они понимали, насколько важно было

испанским властям как можно скорее узнать имена всех заговорщиков, и поэтому не обставляли допросы клириков формальностями, которые требовались церковным судопроизводством. Они не имели еще разрешения прибегать к пыткам. Но мало ли что происходит, пока упирающегося арестанта тащат на допрос. Солдат не надо было долго уговаривать — они по дороге так немилосердно избили мятежного попа, что тот едва держался на ногах, и фра Корнелио должен был выразить ему свое сочувствие.

Пиццони допрашивали в присутствии светских лиц. Вначале он сопротивлялся. Тогда на него насели сразу все. Антонио Марчианизе грозил ему костром, а Карло Руффо позвал тех же самых солдат, чтобы волочить его в карцер. В поднявшейся суматохе ему опять изрядно намяли бока, пока фра Корнелио чинил перья. С ним возились несколько часов, но в конце концов Пиццони признался, что принимал участие в заговоре, рассказал о планах установления республики, о сношениях с турками и еретических идеях Кампанеллы. Фра Корнелио записывал ответы Пиццони как находил нужным. Джамбаттиста говорил: «друзья Кампанеллы», — Корнелио писал:

«соучастники Кампанеллы». Но Пиццони смирился и с этим. Он желал во что бы то ни стало выкарабкаться. Доказывая свою незлонамеренность, он назвал лиц, которые могли подтвердить правильность его слов.

Фра Корнелио предупредил: в интересах Пиццони, чтобы суд считал, что именно раскаяние, а не страх перед карцером или какие-либо насилия вынудили его признаться. Джамбаттиста, избитый солдатами, разумеется, не возражал. Тогда фра Корнелио, вняв его горячей просьбе, милостиво сделал в конце протокола приписку, гласившую, что Пиццони дал свои показания не под влиянием страха, а вполне добровольно.

Кампанеллу и Петроло, крепко связав веревками, усадили на мулов. Огромная толпа вооруженных людей окружила их тесным кольцом. Вскоре Томмазо заметил, что отряд двигался по направлению к Стило. Как изменилась обычно столь пустынная местность! Им то и дело попадались навстречу дозоры и разъезды. Дорога была занята солдатами, в оврагах и ложбинах стояли оседланные лошади, там и здесь торчали пушки, жерла которых смотрели на море. Его самые страшные опасения сбылись. Испанцы не теряли времени зря, побережье было занято войсками, и патрули вылавливали заговорщиков.

Он не хотел верить, что все кончено. Стоит только Чикале высадиться на берег, как оживут горы — отряды партизан набросятся с тыла на испанцев, их поддержат крестьяне, и

Калабрия станет свободной. Ждать оставалось всего несколько дней, и он мечтал лишь об одном: чтобы его не увезли в какой-нибудь город, лежащий далеко от побережья.

В Кастельветере встречать арестованных вышел тот же начальник тюрьмы, с которым в июне разговаривал Кампанелла, когда приезжал хлопотать о Пизано. Солдаты развязывали пленников. Заключенные прильнули к окнам. Вдруг из какой-то камеры раздался крик: «Фра Томмазо!» Он узнал голос Пизано. А когда Кампанеллу повели в тюрьму, то за одной из решеток он заметил его осунувшееся лицо. Рядом с ним он увидел еще нескольких знакомых. «Фра Томмазо!» — взволнованно кричал Пизано и махал рукой. Остальные молчали.

Крепость Кастельветере стояла у самого моря. Окно одиночки выходило на морской берег. Море было видно до самого горизонта. Теперь только отсюда могло прийти спасение!

По слухам, арестованных духовных лиц отправляли в Монтелеоне. Это известие Кампанелла воспринял с тревогой. Монтелеоне лежало на противоположном, западном побережье полуострова. Лишь бы еще неделю остаться в Кастельветере, в непосредственной близости от того места, где должна произойти высадка.

Томмазо старался поддерживать с товарищами связь. Петроло сидел в соседней камере, и им удавалось разговаривать. А Пизано был далеко — приходилось кричать. Надзиратель услышал голос Кампанеллы и пригрозил карцером. Пизано вообще перестал откликаться. Вероятно, его пересадили в другую камеру. Кампанелла стал звать тех, кто сидел вместе с ним. Никто не отвечал. Надзиратель побежал доложить начальству, что строптивый арестант вопреки предупреждению продолжает кричать в окно.

В одиночку к Томмазо пришел начальник тюрьмы. Он сказал, что своим непослушанием Кампанелла только повредит самому себе. Зря он беспокоится о прежних знакомых. Ради них не стоит подвергать себя риску суровых наказаний. Все эти пятеро, что сидели с Пизано, как только увидели на дворе связанного Кампанеллу, сразу же потребовали к себе начальника тюрьмы и заявили, что Пизано настойчиво склонял их принять участие в заговоре. Они готовы выдать всех, кого знают. В тот же день, спасая свою шкуру, они написали донос и обвинили Пизано в ереси. Свою медлительность они оправдывали тем, что будто бы долгое время принимали речи Пизано за бред сумасшедшего и, лишь узнав об аресте Кампанеллы, поняли, что это не бред, а далеко идущие планы.

Начальник тюрьмы ушел. Кампанелла больше не кричал в

окно. Их было пятеро, и все они оказались предателями. Все пятеро — Марраподи, Гальярдо, Адимари, Конья и Сантакроче.

Первые встречи Кампанеллы с Ксаравой, прокурором Калабрии, мало походили на строгий допрос. Ксарава был вежлив, разговорчив, благожелателен. Он выразил сожаление, что только в тюрьме познакомился с Кампанеллой, чья редкая ученость была у всех на устах. Он отозвался с похвалой о его книге. Томмазо сразу увидел, что имеет дело с хитрой лисой. Ксарава понимал, что по отношению к Кампанелле, который не раз уже вывертывался из лап инквизиции, было бы бесполезно применять обычные меры, годные для новичков, — запугивания, угрозы, дыбу. Его трудно было загнать в тупик. На все у него был готов ответ. Даже самые очевидные вещи он объяснял так, что они приобретали противоположный смысл.

Прокурор полюбопытствовал, что думает Кампанелла о причине ареста. Томмазо не смутился. Конечно, его посадили в тюрьму из-за досадного недоразумения, вызванного доносом врагов. Он подтвердил, что арест был для него полнейшей неожиданностью. Но почему же он тогда вырядился в мирское платье и прятался в соломе? Он не отрицал очевидных фактов: действительно, прятался, но не от испанских солдат, в которых видел всегда своих защитников, а от личных врагов, намеревавшихся его убить. От кого же? Ксарава был удивлен, когда услышал в ответ имя Маврицио ди Ринальди. Таких как Кампанелла, трудно припереть к стенке!

Томмазо мог вообще не отвечать на вопросы Ксаравы, так как, будучи духовным лицом, подлежал церковному суду. Но он боялся, что его отправят в Монтелеоне, где заседал трибунал для клириков. Ксарава действовал на свой страх и риск. Он не имел права один без представителей церкви допрашивать Кампанеллу. Выслуживаясь перед вице-королем, он хотел в обход Марчианизе добиться первым от Кампанеллы показаний. Он льстил ему, уговаривал, убеждал. Томмазо отвечал осторожно, избегал обострений, говорил о пророчествах и астрологии, охотно философствовал на богословские темы, но все, что касалось заговора, старательно оставлял в стороне.

Однажды Ксарава резко переменил тон. Он заявил, что хорошо понял воззрения фра Томмазо по ряду астрологических и богословских вопросов, но теперь его интересуют конкретные обстоятельства заговора. Жаль, что фра Томмазо оказался впутанным в преступные начинания Дионисия Понцио и Ринальди. Ксарава не скрывал своей прекрасной осведомленности, упомянул о доносах, коснулся показаний Пиццони и Лаврианы. Он знал много подробностей о сношениях с

турками, о планах провозглашения республики, о новых законах, которые предполагалось установить. Томмазо пускался в отвлеченные разговоры и отрицал всякое участие в каком бы то ни было заговоре. Ксарава приводил факты, опровергавшие его уверения, и часто ссылался на Пиццони. Если Кампанелла настаивает на своей невиновности, то пусть он сам в письменной форме даст сколько-нибудь удовлетворительное объяснение известным событиям.

Кампанелла отказался. Ксарава предупредил, что отправит его в Монтелеоне. Как этого избежать? Кампанелла заявил, что показания Пиццони — сплошная ложь. Но что-либо объяснять инспектору Марчианизе или фра Корнелио он не будет из-за существующей между ними личной вражды. Он охотно помог бы прокурору выяснить истину, если бы убедился, что приписываемые Пиццони признания сделаны действительно им, а не составлены фра Корнелио.

Сверх ожидания Ксарава открыл перед Кампанеллой карты. Он познакомил его с показаниями Пиццони. Чего тот только не нагородил! Особенно много он рассказал о Дионисии и Маврицио. Бессмысленно было отрицать очевидные факты — следовало их так истолковать и объяснить, чтобы они меньше всего могли повредить тем, кто находится в руках испанцев. Кампанелла был в полной уверенности, что Дионисий и Маврицио ушли в горы. Сейчас надо было думать о тех, кому грозила непосредственная опасность.

Он согласился дать письменные показания. Это была единственная возможность остаться в Кастельветере.

Он начал с рассказа о древних пророчествах и симптомах близких перемен. Именно о них говорил он в проповедях, ссылаясь на святых и евангелие. Но он не призывал к восстанию и, конечно, никогда не помышлял о союзе с неверными. Лишь случайно узнал он, что Маврицио ди Ринальди, преследуя свои честолюбивые цели, вел переговоры с турками. Сам Кампанелла был этим настолько возмущен, что хотел порвать с Ринальди всякие отношения. В это время Дионисий Понцио, потеряв терпение от несправедливых преследований инспектора Марчианизе, решил использовать проповеди Кампанеллы о грядущих переменах и поднять в Катанцаро мятеж. Чтобы легче вербовать сторонников, Дионисий нарочно говорил о широком размахе заговора и называл среди его участников папу, епископов и князей. Когда начались аресты, Кампанелла, чувствуя себя невиновным, наотрез отказался бежать. Он никогда не проповедовал восстания против наихристианнейшего из всех монархов. Он целиком был поглощен пророчествами и

предзнаменованиями!

Ксарава считал, что добился большого успеха. Письменные показания Кампанеллы тотчас же были отправлены в Мадрид.

До боли в глазах всматривался Томмазо в синь моря. Когда же он увидит на горизонте первые турецкие галеры?! Он знал, что появление турок может стоить ему и другим арестантам жизни, но ждал его всей душой. Пусть их перебьют, но поднимется вся Калабрия и народ завоюет свободу!

В пятницу, 10 сентября, на исходе дня, он заметил в море турецкое судно. Небольшая галера плыла вдоль берега, направляясь, как было договорено, к мысу Бьянко, а другая должна была в это же время идти на север, к мысу Колонна.

Кампанелла не мог заснуть. Его терзали сомнения: может быть, он принял за разведывательное турецкое судно лодку рыбака? На следующую ночь галера появилась снова. Она плыла в том же направлении, держась поблизости от берега. На борту то и дело вспыхивали условные сигналы. Это был Чикала!

Не отрываясь, Томмазо следил за кораблем. Неужели так никто и не зажжет на скалах ответных огней?!

Он был настолько возбужден, что даже не слышал, как за его спиной надзиратель открыл дверь. Он заставил его отойти от окна. Уходя, сказал:

— Зря радуешься — испанцы тебя живым в руки турок не отдадут!

Турецкий корабль, продолжая подавать сигналы, уплывал все дальше и дальше на юг. С берега не стреляли. Испанцы не хотели преждевременно выдать расставленных повсюду засад.

Следующий день прошел в лихорадочном ожидании. За два часа до полуночи Кампанелла заметил в море огни.

Нет, это были не сигналы передовой галеры! На этот раз шел целый флот! Армада, не боясь нападения, плыла с зажженными огнями. Чикала чувствовал себя в водах Калабрии как дома.

Стояла напряженная тишина, полная тревоги, ожидания, страха. Двадцать кораблей, тридцать…

— Турки! — раздался на улице панический крик. — Турки!

Стук копыт разорвал ночную тишину. Мимо пробежали солдаты, выкатили пушку. На колокольне забил набат. Люди навьючивали на мулов скарб и торопились уйти из города.

Кампанелла прижимался лицом к решетке. «Идет Чикала!» Он видел в нем не турецкого военачальника, а ученика Телезия, бывшего узника, чудом спасшегося от инквизиции. Стражник, стоявший на башне, заметил со двора Кампанеллу. Он закричал: «Отойди от окна!» — и вскинул аркебуз.

Кампанелла ждал, что с минуту на минуту начнут палить

пушки. Вдруг загремел замок, и в камеру вошли несколько стражников. Они крепко связали его и увели в карцер. Неужели они готовятся выполнить свою угрозу и прикончат его, когда первый солдат Чикалы вступит на калабрийский берег?

В темном карцере не было окна, и, напрягая слух, только с трудом можно было услышать доносившийся с улицы шум.

Суета постепенно улеглась. Неужели так и не нашлось смельчака, который бы подал Чикале ответный сигнал? Что делает Престиначе? Почему опоздал отряд Капоа? Неужели все оставшиеся на свободе товарищи так испугались карателей, что боятся вылезти из своих тайных убежищ?

Когда рассвело, Кампанеллу вместе с другими заключенными вывели из тюрьмы и, погрузив на телеги, спешным порядком отправили в Сквиллаче. Солдатами командовал сам Ксарава. На берегу было тихо и пустынно. В море не было видно ни одного паруса. Флот Чикалы ушел.

Глава восьмая. ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ — ЗНАЧИТ СПАСТИСЬ!

В Сквиллаче Кампанеллу ждал новый удар. Люди, о которых он думал, что они находятся в полной безопасности, оказались в тюрьме. Даже безумно храбрый и неуловимый Клавдио Криспо попался в руки испанцев. В момент ареста при нем были важные письма — одно от Маврицио, другое от самого Кампанеллы. Он пытался их уничтожить, но не успел. Уверения Томмазо, что он не принимал участия в заговоре, каждый день опровергались все новыми и новыми документами. В тюрьмах стало тесно от арестованных. Испанцам удалось похватать и тех, кто обычно месяцами скрывался в горах и знал самые непроторенные тропки. Чезаре Милери тоже не смог избежать ареста. А что тогда говорить о других?

Светские власти не имели права лишать свободы лиц духовного звания, но инспектор Марчианизе и фра Корнелио ревностно помогали испанцам. По их приказу повсюду арестовывали заподозренных в заговоре священников и монахов. Были посажены под замок Пьетро Престера, Джузеппе Грилло, Пьетро и Ферранте Понцио, Джузеппе Битонто и другие. Действия властей были так успешны благодаря тому, что им помогала измена многих участников заговора. Появление карательных отрядов заставляло малодушных людей становиться предателями.

Среди узников тюрьмы Сквиллаче царило подавленное настроение. Стража была усилена испанскими солдатами, на бастионах появились новые пушки. Начальник крепости широко объявил, что, не колеблясь, выполнит приказ Спинелли, и в случае если турки попытаются штурмом захватить Сквиллаче, то все заключенные будут удавлены в своих камерах.

Пока Карло Спинелли энергично укреплял оборону побережья и следил за движением турецкого флота, Ксарава не терял времени зря. Дальнейшая его карьера зависела от того, насколько быстро добьется он признаний и выявит всех участников заговора. С тех пор как Ксарава прибыл в Сквиллаче, карцер, носивший название «Угольной ямы», не пустовал ни часа, а в пыточном застенке подолгу не смолкали вопли.

В первую же ночь Ксарава взялся пытать Клавдио Криспо. Ряд писем и записок, в том числе и захваченные при нем, неопровержимо доказывали его участие в заговоре. Мужественный Криспо сопротивлялся, как только мог. Простая пытка на дыбе не дала никаких результатов. Ксарава приказал

привязать к ногам Криспо тяжелые железные гири и, подтянув его к потолку за вывернутые руки, без всякой пощады бичевать плетьми. На столе перед прокурором стояли песочные часы, но никто не обращал внимания на время. Ксарава решил достичь своего любой ценой. Палачи выбились из сил. Криспо молчал. На него лили ледяную воду, пока тело не сводили судороги, потом снова растягивали на дыбе. Криспо несколько раз терял сознание. Под утро он не выдержал, рассказал о заговоре, о беседах с Кампанеллой и о связи с турками.

Следующим настала очередь Чезаре Милери. Он был молод, ему очень хотелось жить. Ксарава играл на этом. Когда он убедился, что все его лживые обещания и посулы бесполезны, то отдал Милери в руки палачей. Чезаре не вынес мучений и сознался.

Тяжело переживая за товарищей, Кампанелла все еще верил, что Чикала произведет высадку. Этого не произошло в заранее намеченном месте, но, может быть, произойдет где-нибудь южнее, когда Капоа ответит на сигналы? Известие, что флот Чикалы не уходит в открытое море, а продолжает держаться у берегов Калабрии, наполнило его новыми надеждами.

Сторожевые посты и дозоры беспрерывно наблюдали за движением турецкой эскадры. Миновав мыс Бьянко, флот Чикалы по-прежнему плыл на юг. Все сигналы с кораблей так и остались без ответа.

14 сентября флот вошел в Мессинский пролив и встал на якорь. На следующий день к галерам подплыли две фелюги, посланные родственниками Чикалы. Теперь Шипионе стало ясно, что произошло. Предатели раскрыли властям все планы, и Спинелли сумел захватить многих заговорщиков врасплох. Побережье было наводнено испанскими отрядами. Может быть, все-таки произвести высадку? Из Мессины сообщали, что отдельные оставшиеся на свободе заговорщики попрятались или разбежались, поэтому ни на какие выступления рассчитывать нельзя. Как помочь землякам? Испанцы не постоят перед тем, чтобы выполнить свою угрозу и перебить узников. Не исключено, что Кампанелле до сих пор удается отрицать существование договоренности с Чикалой. Сигналы, которые подавались с галер, вероятно, заставили врагов Кампанеллы торжествовать — они подтверждали наличие сговора калабрийцев с турками. Тогда тем более высадка повредит им. Кампанелла, естественно, всеми силами старается доказать, что не имеет никакого отношения к появлению турецкого флота. Как облегчить его задачу и заставить испанцев поверить, что турки не преследуют в Калабрии никаких целей и направляются совершенно в другое место? Чикала

вспомнил об уловке, которую уже не раз применял. Из находившихся на галерах пленников-христиан он выбрал двух человек. Он обещал им свободу и вознаграждение, если они будут рассказывать то, чему он их научит.

Ночью был инсценирован побег с галер. Обоим пленникам удалось вплавь добраться до берега. Там их схватил испанский патруль. На допросе они единодушно показали, что турецкий флот имеет на борту мощную полевую артиллерию, состоящую из сотни орудий, а также множество лестниц, машин и прочего снаряжения, необходимого для штурма городов. Чего хотят турки? Куда они направляются? Один из беглецов сказал, что на Липарские острова, а другой сбился и назвал Изолу.

Их показаниям не придали никакого значения. Уже давно было известно, что заговорщики строили свои замыслы, полагаясь на помощь неверных.

Чикала решил возвращаться в Турцию. На галерах запасы пресной воды подходили к концу. Пришлось снарядить отряд, который бы наполнил бочки. На берегу произошла стычка с испанцами. Пушки открыли с кораблей огонь. В результате перестрелки несколько человек было убито. Пополнив запасы воды, эскадра Чикалы взяла курс на Константинополь.

В полночь 18 сентября сторожевые башни, расположенные по всему побережью, передали сигналы, означавшие, что турецкий флот, покинув Мессинский пролив, ушел в открытое море.

Уход турецкого флота означал, что поражение было окончательным. Кампанелла понимал, что его ждет. Вдохновитель восстания и еретик, уже неоднократно привлекавшийся к суду инквизиции, должен был рассчитывать лишь на смертную казнь. Но он не хотел сдаваться. Только побег мог его спасти. Для подготовки побега необходимо было время. Как видно, испанские власти не склонны были к проволочкам. Дознания проводились энергичными средствами, и суд не заставит себя долго ждать. Надо было всеми силами затягивать следствие. Делать это было очень трудно. Хотя Томмазо и наладил связь с товарищами, тем не менее ему не удавалось внушить всем достаточно мужества. Дух большинства узников был сломлен, и поэтому дикие пытки, которые применял Ксарава, оказывались куда действенней, чем все красноречие Кампанеллы. К тому же тревожный слух о преследованиях и арестах родственников лиц, замешанных в заговоре, подтвердился. В числе тех, кого привели в Сквиллаче, были отец и брат Томмазо.

Среди заговорщиков находились различные люди. Малодушные и трусы, попав в тюрьму, увидели нависшую над ними угрозу и тут же, чтобы выгородить себя, стали выдавать

других. Гальярдо, Конья, Марраподи, Сантакроче и Адимари подробно рассказали о намерениях заговорщиков и о еретических суждениях, слышанных из уст Пизано. Они всячески изворачивались. Ксарава делал вид, что не верит им. Ведь они слишком поздно подали свой донос!

Особенно гнусно вел себя Джулио Контестабиле. Когда ему стало известно о раскрытии заговора, он не только не сделал ничего, чтобы помочь товарищам, а, напротив, в надежде заслужить прощение повсюду разыскивал Кампанеллу. Озлобленный неудачей, он захватил его отца и брата и выдал испанцам. Джулио предпринимал отчаянные попытки живым или мертвым доставить властям скрывавшегося Престиначе. Ксарава воспользовался его услугами, а когда он стал не нужен, приказал его тоже арестовать.

С Пизано пришлось долго повозиться. Хотя он и был клириком, Ксарава допрашивал его сам. Палачам было много работы. В конце концов Пизано не устоял перед пытками и начал признаваться.

Пока Ксарава выколачивал признания у мирян, Антонио Марчианизе и Фра Корнелио занимались допросами духовных лиц. Пытать клириков разрешалось только с особого соизволения высших церковных властей, а пока такового еще не было, инспектор и его помощник прибегали к другим методам. Они считали, что Пьетро Престера знает многое. И так и сяк они заставляли его начать разоблачения. Пьетро не поддавался. На все вопросы он отвечал умно и осторожно. Когда его спросили, почему он не бежал, как остальные, он сказал, что не видел в этом необходимости — совесть у него чиста. А что он думает о Кампанелле?

— Фра Томмазо, — ответил Пьетро, — как и все люди, имеет свои хорошие качества и свои слабости.

Из него так и не удавалось выжать ни одного слова о заговоре. Все угрозы оказались напрасными. Корнелио приказал заковать Пьетро в кандалы и бросить в «Угольную яму». Десять суток его морили в карцере голодом, а когда снова привели на допрос, Пьетро по-прежнему стоял на своем. Ему пригрозили, что немедленно выдадут его на расправу светским властям. Инспектор и его помощник шли на все подлости, чтобы заставить Пьетро говорить правду. Они совали ему в физиономию показания Пиццони и клялись, что тот после чистосердечного раскаяния уже выпущен на свободу. Пьетро в ответ на их клятвы невозмутимо назвал камеру, где все еще сидел Пиццони. Марчианизе пообещал Пьетро, что завтра его будут пытать на колесе. Но и это не подействовало. Допрос закончился ничем.

Фра Корнелио не скрывал своего раздражения. Когда пришел стражник, чтобы увести Пьетро обратно в камеру, Корнелио сказал:

— Зря ты упрямишься, Пьетро. Остальные уже признались. Одному тебе не вывезти всего воза. Если ты будешь таким упрямым, то один ты и умрешь…

В тот же день был допрошен Петроло. Как только его привели, он бросился на колени и стал молить о снисхождении. Он подробно рассказал, как скрывался вместе с Кампанеллой и как был арестован. Инквизиторы подвергли его искренность сомнению и припугнули ямой. Этого было достаточно, чтобы Петроло, струсив, стал распространяться о заговоре и о ереси. Он униженно каялся в погрешениях и старался отвести от себя самые тяжелые обвинения:

— Во всем я большой грешник, но против веры никогда не грешил!

Следствие шло полным ходом. Ксарава без всяких стеснений вмешивался в дела, которые подлежали исключительно ведению церковных властей. Ни Марчианизе, ни Корнелио не препятствовали ему. Он присутствовал на допросах клириков, читал секретные документы инквизиции и требовал, чтобы ему были предоставлены копии протоколов, касающихся ереси. Неожиданно Ксарава наткнулся на сопротивление епископа Сквиллаче, который увидел в его поведении прямой вызов церкви. Но Ксарава не собирался уступать. Слава богу, в Калабрии есть и другие епископы, более сговорчивые, чем этот упрямец и гордец! Было решено продолжить следствие в городе Джераче, епископ которого, по мнению испанцев, был человеком вполне надежным.

Кампанелла лихорадочно изыскивал возможность бежать из тюрьмы. Но все его остроумные и дерзкие планы рушились. В несколько дней нельзя было сделать то, на что необходимы были по крайней мере недели тщательнейшей подготовки. Нужно было обязательно затянуть процесс и выиграть время. Это ему тоже никак не удавалось. Его самого на допросы не вызывали. Записки, которые он послал Петроло и Пизано, оставались без ответа. Теперь надо было любой ценой заставить товарищей понять необходимость все отрицать. Признания — самый надежный и короткий путь на эшафот. Он верил, что друзья найдут в себе мужество отречься от вырванных пыткой признаний. Томмазо с ужасом видел, в каком стремительном темпе Спинелли и Ксарава повели процесс. Оба они были убеждены, что следует, не откладывая, подвергнуть публично нескольких заговорщиков особо лютой казни. Это заставит остальных образумиться и в то

же время устрашит всю Калабрию. Местом экзекуции нарочно было выбрано Катанцаро, где заговорщики имели уйму сторонников.

Кого испанцы казнят первыми? 26 сентября на смертную казнь были осуждены Клавдио Криспо и Чезаре Милери. Страшный приговор был объявлен всем заключенным. «Всех вас ждет такая же участь, если вы будете запираться!»

В самый последний момент, когда осужденных уже готовили к отправке в Катанцаро, Кампанелле удалось передать им записку. Прощаясь с друзьями, он писал: «Теперь вам уже ничто не может повредить. Подумайте о товарищах, которые еще остаются в живых, помогите им — отрекитесь от всех показаний! Ваша смерть должна не устрашить их, как рассчитывают испанцы, а, напротив, пробудить в них жажду борьбы и мести!»

27 сентября на рыночной площади Катанцаро состоялась публичная казнь. Криспо и Милери не обманули надежд Кампанеллы. Как только их подвели к эшафоту, они стали кричать, что их казнят незаконно. Невиданными пытками вырвали у них признания в том, чего никогда не было! Прокурор силой заставил их давать ложные показания, и они отрекаются от них целиком и полностью!

Ксарава пришел в бешенство. О чем думали стражники, когда забыли засунуть в рот осужденным кляпы! Он стал торопить распорядителя казни. Криспо и Милери, как назло, оказались очень живучими. Они продолжали проклинать испанцев даже тогда, когда их привязали к колесу и палачи принялись ломать им руки и ноги, жечь калеными клещами, вырывать куски мяса. Потом их удавили и вздернули за ноги на виселицу.

Ровно через сутки, в точном соответствии с приговором, где были предусмотрены все мельчайшие подробности, тела Криспо и Милери были четвертованы, а их головы, помещенные в специальную клетку, чтобы не украли злоумышленники, повешены в главных городских воротах. К клетке была прикреплена дощечка, на которой значились имена и преступления казненных. Дома Криспо и Милери были разрушены, имущество конфисковано.

Два дня спустя Ксарава, чтобы избавиться от епископа Сквиллаче, приказал перевести арестованных в другой город. Их попарно, рука к руке, сковали кандалами, затем, выстроив в длинную цепь, связали одной веревкой. Кампанелла впервые увидел вместе всех товарищей. Как они изменились! Серые, изможденные лица, небритые бороды, рваная одежда. Многие после пыток едва держались на ногах.

Перевод заключенных из тюрьмы в тюрьму сопровождался

рядом предосторожностей. Узников окружал целый отряд солдат. Вооруженные с ног до головы всадники были преисполнены важности. Офицеры что-то обсуждали, словно на военном совете. Настроение арестантов было гнетущим. Надо было его рассеять.

— Эй, стратеги, — крикнул Кампанелла, — начинайте же вашу военную операцию! Не забудьте только захватить с собой пушки!

На лицах узников появились улыбки. На самом деле, очень комично выглядели серьезные военные приготовления, направленные против безоружных, закованных в кандалы людей.

Несмотря на бдительность стражи, Кампанелла сумел по дороге в Джераче поговорить с несколькими из своих друзей. Надеяться на снисхождение испанцев бессмысленно. Они еще раз доказали свою жестокость недавней казнью. Ради побега необходимо затянуть следствие. Все, кто, испугавшись угроз или не выдержав пыток, начал признаваться, должны взять пример с Криспо и Милери и отречься от своих показаний. Каждый, кто думает только о собственном спасении, потерпит поражение и погибнет. Только действуя сообща, можно добиться успеха.

Во время одной из остановок к Томмазо приблизился на лошади щеголеватый офицер-испанец.

— Ну что, Кампанелла, скоро конец? Такой же, как у твоих приятелей на площади в Катанцаро? Смерть.

Кампанелла поднял глаза и спокойно ответил:

— Что ты знаешь о смерти? Смерти нет, есть только превращение одного в другое. Природа живет вечно. Жизнь никогда не прекращается и всегда побеждает, сколько бы ни было вокруг таких, как ты, палачей.

Маврицио, Дионисий и их спутники с каждым днем все дальше и дальше уходили на север. Отряды, посланные им вдогонку, то и дело сбивались со следа. Беглецы выбирали самые трудные дороги. Нарочно петляя, они спускались к морю, искали корабль, который бы мог доставить их в Венецию, потом снова поднимались в горы. Уже больше трех недель продолжалась погоня. Преследователи не раз натыкались на остатки костра или загнанную лошадь. Однажды они видели, как высоко над пропастью карабкались по горной круче четверо смельчаков. Давно уже за спиной остались Калабрия, Базиликат, Бари, Отранто. В конце сентября они вышли к Монополи, небольшому портовому городку на побережье Адриатики. Маврицио и Витале обязательно хотели любыми средствами достичь Венеции. Дионисий колебался. Прав ли он был, когда бежал без Кампанеллы? Может, все-таки следовало попытаться подать условные сигналы? Его мучили сомнения. Не вернуться ли в

Калабрию, разыскать Престиначе, собрать верных людей и, совершив ночью налет на тюрьму, освободить товарищей?

В Монополи Дионисий заявил, что намерен возвратиться на родину. Отговаривать его было бесполезно. Они распрощались. Маврицио, Витале и Тодеско, не найдя здесь ни судна, ни подходящей рыбачьей шхуны, повернули на юго-восток и направились к Бриндизи.

В Джераче Ксарава дал полную волю своей жестокости. Он собирался в несколько недель закончить процесс и поэтому сразу же стал применять самые страшные пытки. Феличе Гальярдо вытащили из застенка чуть живым — никто не надеялся, что он будет жить. Каччья метался в жару, когда за ним! пришли стражники, чтобы вести его на пытку. Тюремный врач сказал Ксараве, что Каччья тяжело болен и следует отложить допрос. Но Ксарава и слышать ничего не хотел: тем сговорчивей будет преступник. Врач не посмел возражать. Каччья после пытки очень долго не приходил в сознание.

Все мысли Кампанеллы были направлены на то, чтобы внушить товарищам волю к борьбе. За Пьетро и Ферранте Понцио, Пьетро Престера и Битоято он не беспокоился. Он знал, что они выстоят, но тем больше волнений вызывало в нем поведение Пиццони, Лаврианы и Петроло. Он посылал им записки, где объяснял, как и что они должны говорить на допросах. Он старался использовать все средства, чтобы ободрить их. Он хотел противопоставить неистовству Ксаравы единодушие и сплоченность. Томмазо писал стихи, воспевающие мужество, и прославлял людей, борющихся за свободу Италии. Ему многого удалось достичь: товарищи обещали после каждого допроса подробно сообщать, что больше всего интересует трибунал. Сопоставляя полученные сведения, Кампанелла сможет и впредь советовать им, как вести себя и что отвечать. Даже Петроло, проявивший непростительную слабость, обещал при первой же возможности отречься от прежних показаний.

Тюрьма крепости Джераче называлась «Маркизой». Тот, кто в ней однажды побывал, помнил ее долго. Думая о побеге, Кампанелла отвергал один план за другим. Без помощи извне нечего было надеяться на успех. Он часами простаивал у окна, наблюдая, что творится во дворе. Он старался разглядеть, где на крепостных стенах обычно были солдаты, сколько стражников находилось в кордегардии, как часто менялись караулы. Все, что он заметил, было малоутешительным. Тюрьма охранялась самым тщательным образом. Единственная надежда была на друзей. Где сейчас Маврицио? Что делает Престиначе? Особенно часто он вспоминал Дионисия — ждал, что не сегодня-завтра получит от

него записку, которая будет предвестницей грядущей свободы.

Ринальди, Витале и Тодеско благополучно добрались до Бриндизи. Здесь они нашли корабль из Марселя, который направлялся в Венецию. Капитан согласился за хорошее вознаграждение взять их с собой. Однако Тодеско наотрез отказался ехать дальше. Он очень беспокоился за семью и теперь, когда друзьям больше ничего не угрожало, считал свой долг исполненным и хотел пробираться поближе к дому. Он стоял на берегу до тех пор, пока корабль, подняв паруса, не вышел в море. Тодеско знал, что при благоприятной погоде Ринальди и Витале через несколько дней будут в Венеции.

Это случилось в ясный октябрьский день. Привлеченный необычным шумом, Кампанелла подошел к окну. И не поверил своим глазам: внизу, в толпе вооруженных людей, стояли четыре связанных пленника — Дионисий Понцио, Тодеско, Ринальди и Витале. Держась за бока, громко, на весь двор, хохотал Ксарава.

От внезапно свалившегося несчастья можно было потерять голову. Положение становилось отчаянным: Кампанелла, уверенный в полной безопасности Дионисия и Маврицио, назвал их руководителями заговора. Этим теперь он сразу же поставит их в очень тяжелые условия. Разумеется, прокурор не замедлит воспользоваться его писаниями. Но поймут ли друзья, что они были вызваны необходимостью любой ценой остаться в Кастельветере и дождаться Чикалы?! Когда, измученные пытками, Дионисий и Маврицио будут из последних сил сопротивляться козням Ксаравы, не зародится ли в душе у них мысль, что Кампанелла отрекся от друзей?!

Было очень важно сразу их предупредить. Но сделать это оказалось невозможным. Их держали в подземных одиночках под строжайшим надзором.

Ксарава немедленно приступил к допросам только что захваченных пленников. Маврицио не поддавался ни на какие хитрости и категорически отказался давать показания. Никого из тех, кто был в руках Ксаравы, не пытали так долго и так жестоко, как Маврицио. Но напрасны были страшнейшие мучения — Маврицио не проронил ни слова. Тодеско и Витале тоже ни в чем не признались.

Томмазо так и не удалось переслать записку Ринальди. Тем не менее Маврицио с презрением оттолкнул прокурора, когда тот пытался сыграть на заявлении Кампанеллы. Узнав об этом, Томмазо испытал чувство огромной гордости за Маврицио: вот человек, мужеству и благородству которого должны все подражать! Он написал стихи в честь Маврицио и послал их товарищам.

Епископ Джераче не думал служить помехой испанским властям, и Ксарава, пренебрегая правами церкви, открыто и нагло вмешивался в следствие, которое велось над клириками. Основные правила инквизиционного судопроизводства были нарушены: Ксарава и Спинелли лично присутствовали при дознаниях и всем своим поведением подчеркивали, что здесь играют главную роль именно они. Хотя разрешение подвергнуть духовных лиц пытке еще не пришло, инквизиторы себя этим не связывали. Правда, они не пустили еще в ход дыбы, но широко пользовались «устрашением», которое официально считалось первой ступенью пытки. Фра Корнелио поодиночке вызывал к себе одного за другим арестованных клириков. Он убеждал их, что им остается единственный способ избежать выдачи светскому суду — покаяться в преступлениях против веры. Когда уговоры не действовали, он переходил к угрозам, орал, что если кто и выйдет из тюрьмы, так только разорванным на куски. Он всячески оскорблял арестантов и плевал им в лицо. Кое-кого отводили в застенок и, разъясняя назначение пыточных инструментов, привязывали к дыбе и советовали говорить истину.

Петроло, как и обещал, не подтвердил показаний, данных в Сквиллаче. Капитан, начальник стражи, так тащил его обратно в камеру, что от одежды остались одни клочья. Через три дня к Петроло пришел фра Корнелио, чтобы подписать протокол. Петроло отказался. Ведь в протоколах столько вымысла и лжи! Разговор был продолжен в застенке. Корнелио божился, что секретарь уже исправил допущенные в записях ошибки. Ксарава не отличался долготерпением. Он сам схватил Петроло за грудь, подволок к столу и силой заставил поставить в конце протокола подпись.

Пьетро Престеру допрашивали часто, но толка от этого было мало. Он избегал отвечать на вопросы по существу и требовал, чтобы секретарь записывал факты, выгодные для обвиняемых. Этого не делали, и Пьетро, ссылаясь на неправильность протоколов, не хотел их подписывать. Ксарава решил с ним тоже не церемониться. В застенке капитан стражи повалил его на пол и стал стягивать ему грудь особыми железными оковами, грозя поломать все кости.

Пьетро Понцио упрямо отрицал существование заговора. Дионисий вообще отказался давать какие-либо показания, и его, как и Кампанеллу, не вызывали на допросы. Инквизиторы знали, что их может заставить говорить только самая страшная пытка. А разрешения применить ее все еще не приходило.

Хорошо налаженная связь давала Кампанелле возможность следить за ходом дела и помогать товарищам советами. Если

компрометирующие факты нельзя замолчать, то их обязательно следует истолковать по-своему!

Джузеппе Битонто нашли в винограднике. Он был одет в мирское платье, отпустил бороду и уничтожил следы тонзуры. Все это по церковным законам считалось преступлением.

Сбросил рясу? Нет, Битонто и не думал этого делать — просто он спал раздетым, когда пришли его арестовать. Стражники не дали ему монашеской одежды, а бросили ему какие-то тряпки. Уничтожил тонзуру? Да ничего подобного! Джузеппе бьет себя по темени рукой и доказывает инквизиторам, что он был вынужден обрить голову по болезни. Отпустил бороду? У него и в мыслях не было такого! Когда его скрутили, он был, как полагается монаху, гладко выбрит. Но с тех пор утекло много времени и борода, естественно, успела вырасти.

Марчианизе и Корнелио были заодно с Ксаравой. Они позволяли ему делать все, что хочет, а он, со своей стороны, смотрел сквозь пальцы на их злоупотребления. Фра Корнелио — маленький рыжий человечек — был снедаем великим честолюбием. О нем поговаривали, что он мечтает стать чуть ли не архиепископом Толедским! Но, мечтая о большой карьере, он не гнушался и малым и охотно брал взятки. Семьи Пизано и Каччья одарили его богатыми подарками и деньгами лишь за обещание, что их родственники не будут переданы светскому суду. Он собрал по монастырям Калабрии кругленькую сумму, будто бы для помощи арестованным клирикам, и беззастенчиво ее присвоил. Ксарава и Спинелли, из-за своего бурного образа жизни вечно нуждавшиеся в деньгах, не отставали от него. Дело о заговоре было для них прекрасным источником обогащения. Угрожая тюрьмой, они вымогали у людей деньги, а тех, кто не хотел расстаться со своим золотом, тут же лишали свободы. Богачи за соответствующее вознаграждение могли добиться внесения в списки заговорщиков своих личных Врагов. Многих арестовали только для того, чтобы получить хороший выкуп. По всей Калабрии свирепствовали карательные отряды. Для лихоимцев и палачей настало золотое время.

Джамбаттиста Витале старался во всем подражать Маврицио. Долго Ксарава не мог с ним ничего поделать. Обычные пытки не давали желанного результата. Однажды Ксарава приказал привязать его к хвосту лошади, которую во весь опор погнали по каменистой дороге. Лошадь остановили вовремя — Витале еще был жив. Но его нельзя было узнать — лицо, грудь, живот и бедра превратились в сплошную рану. Прокурор грозился продолжить пытку. Тогда Витале сознался, что принимал участие в заговоре.

Спинелли и Ксарава постоянно доносили вице-королю о ходе

следствия. Поскольку выяснилось, что многие заговорщики виновны в преступлениях против веры, они обратились к вице-королю, чтобы он добился у Рима разрешения процесс по обвинению в ереси провести тоже в Калабрии. Но конгрегация Святой службы не согласилась и требовала всех подозреваемых в ереси переправить в Рим. Вице-король хотел закончить процесс под личным наблюдением и приказал доставить заговорщиков в Неаполь. Но, перед тем как увозить их из Калабрии, нескольких из них для пущей острастки землякам следовало казнить. Спешно четверым обвиняемым был вынесен смертный приговор: Ринальди, Витале, Тодеско и Каччья.

Спинелли страстно ненавидел Маврицио за его полнейшее презрение к любым мукам. Он долго выбирал для него особенно жестокую казнь. В конце концов он решил, что Маврицио ди Ринальди, зажатый между двумя досками, будет на рыночной площади распилен заживо.

Только когда Дионисия и Маврицио перевели в общие камеры, Кампанелла узнал подробности их ареста. Какой-то предатель донес Морано, возглавлявшему один из отрядов, посланных в погоню за беглецами, что Дионисий находится в Монополи. Его схватили. Все попытки заставить Дионисия сказать, где остальные, ни к чему не привели. Он молчал. На беду, кто-то видел, как Маврицио и его два спутника отправились на юго-восток. Морано помчался по их следам. В Бриндизи его ждала неприятность. Двое беглецов куда-то бесследно исчезли, а третий, судя по приметам, Тодеско, продолжал путь на юг. Это действительно был Тодеско. Он хотел вернуться в Калабрию морем. Его настигли в городке Нардо. Жестоко избив, ему набросили на шею петлю и подвели к дереву. Намерен ли он открыть, куда подевались Ринальди и Витале? Он не стал особенно упрямиться. Теперь их никто не поймает — они давно уже в открытом море! Он сказал, что они сели в Бриндизи на корабль и уплыли.

Что делать? Морано очертя голову поскакал в Бриндизи. Здесь ему повезло. В порту он узнал, что единственный корабль, ушедший за эти дни в море, направился в Венецию, но по пути, в Монополи, ему предстояло взять на борт партию оливкового масла. Может, беглецов удастся перехватить в Монополи? Морано загнал несколько лошадей, но когда примчался в город, то не нашел у причалов ни одного судна. Марсельский корабль стоял на якоре милях в двух от берега. Начиналась буря, и Морано не смог навербовать смельчаков, которые бы согласились выйти на лодке в море, чтобы попытаться силой захватить Маврицио. Сам он побоялся риска. Маврицио узнает его издали и встретит пулей.

А что, если капитан, испугавшись непогоды, передумает и не станет заходить в порт? Неужели беглецы ускользнут?!

Утром 30 сентября буря внезапно прекратилась. Несколько испанских чиновников под видом таможенных властей на двух фелюгах подошли к кораблю. Уединившись с капитаном в каюту, они склонили его к предательству, и он отдал матросам приказ неожиданно наброситься на опасных пассажиров и скрутить их.

Морано возвращался в Калабрию с четырьмя важными пленниками. Слух о его успехах предшествовал ему повсюду. Когда он по дороге в Джераче остановился ненадолго в Козенце, новый губернатор, дон Франческо де Реджина, высказал желание с глазу на глаз поговорить с Дионисием. Мало ли какие важные государственные дела могут занимать губернатора! Но дона Франческо интересовал лишь один вопрос, и, когда они остались с Дионисием наедине, он тут же его задал: «Какие ученые доводы приводил прославленный своими знаниями Кампанелла в защиту мысли о том, что в плотском общении с женщиной нет ничего греховного?»

Пересылка значительной партии заключенных из Калабрии в Неаполь была сопряжена с немалыми трудностями. Вести узников пешком по длинным дорогам, большая часть которых проходила в горной местности, кишевшей фуорушити, было слишком рискованно. Поэтому вице-король предпочел морской путь и поручил проведение всей операции одному из своих ближайших советников, дону Гарсия ди Толедо, кастеляну крепости Сант-Эльмо и командующему королевскими галерами. Чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей, правительство, испытывавшее нехватку солдат, было вынуждено отозвать обратно пехотинцев, посланных на Липарские острова, и предоставить их в распоряжение дона Толедо.

Спинелли получил приказ всех заговорщиков, содержавшихся в различных тюрьмах, собрать в одном месте и затем переправить в приморской город Тропеа, где их погрузят на галеры.

У властей не было достаточного количества тюремных помещений, и поэтому пришлось даже тех, кто сидел в одиночках, согнать в общие камеры! Тюрьма в Джераче была набита до отказа. Кампанелле впервые удалось поговорить с отцом и братом, а Пьетро Понцио смог обнять Дионисия. Но самое главное заключалось в том, что теперь стало значительно легче поддерживать связь. Томмазо старался использовать любую возможность, чтобы объяснить товарищам сущность своего плана. Было очень важно, чтобы основные обвиняемые выступали в Неаполе единым фронтом, и, указывая на злоупотребления Ксаравы и фра Корнелио, начисто отрицали старые показания, и

требовали пересмотра всего дела. Он надеялся, что сможет повлиять не только на Петроло, но и на Пиццони.

В пути, когда длинную цепочку скованных попарно узников гнали из Джераче в Тропеа, Кампанелла сумел со многими переговорить. Особенно это удобно было делать во время остановок на ночлег.

Тяжелое зрелище представляла собой колонна арестантов, из которых большинство были еще совсем молоды. Что их ждет в дальнейшем — смертная казнь или вечное заточение? Тех, кто после пыток не мог идти, везли связанными на телегах. Окруженная солдатами толпа арестантов, звеня кандалами, проходила один за другим маленькие города и деревни Калабрии, Кампанеллу одолевали мрачные раздумья. Все его помыслы были направлены на то, чтобы облегчить людям жизнь, сделать ее более радостной, осмысленной, красивой. Мечтая о благе народа, он долгие годы провел в темницах, претерпел пытки. Он готовил восстание, чтобы освободить родину от иноземного ига. А что он увидел теперь?

В деревнях арестантов нередко встречали свистом, бранью, проклятьями, а иногда и камнями. Их считали виновниками зла, которое Спинелли причинял калабрийцам. Ведь если бы они не затеяли своих смут, то каратели не разрушали бы домов и не устраивали бы по ночам облав!

Многие верили самым чудовищным слухам. Чего только не говорили о Кампанелле! Разнузданный монах, он продал Калабрию туркам, чтобы на горе Стило устроить себе огромный гарем и согнать туда красивейших женщин. Он не только посягал на имущество людей, но даже хотел отобрать у них жен!

Его сердце было полно горечи. О народ! Глупцы, покорно подчиняющиеся своим поработителям, вы даже не сознаете своей силы! А когда мудрые люди хотят научить вас правде, вы сами побиваете их каменьями! Ночью, когда все вокруг спали, Кампанелла думал о том, что ему довелось увидеть в эти дни. Образы пережитого неотступно его преследовали:

Огромный пестрый зверь — простой народ.
Своих не зная сил, беспрекословно
Знай тянет гири, тащит камни, бревна —
Его же мальчик слабенький ведет.
Один удар — и мальчик упадет,
Но робок зверь, он служит полюбовно,
А сам так страшен тем, кто суесловно
Его морочит, мысли в нем гнетет!
Как не дивиться! Сам себя он мучит

Войной, тюрьмой, за грош казнит,
А этот грош король же и получит.
Под небом все ему принадлежит, —
Ему же невдомек. А коль научит
Его иной, так им же и убит.

Остановка в Монтелеоне была довольно длительной. Здесь должен был быть приведен в исполнение смертный приговор над осужденными. Еще не было палачей, когда появились иезуиты. Они увещевали приговоренных к смерти раскаяться и умереть добрыми христианами, пугали вечными муками ада и призывали подумать о спасении души. Маврицио сосредоточенно слушал хитрые речи иезуитов. Зато Витале даже не подпускал их близко. Он гнал прочь иезуитов и кричал, что умрет, не боясь ни ада, ни чертей.

Час казни все еще не был объявлен. Неожиданно из Тропеа прискакал гонец. Дон Толедо, давно уже со своими четырьмя галерами ждавший прибытия Спинелли, сообщил, что на море несколько дней подряд бушевал шторм. Теперь совершенно внезапно ветер стих, но, вероятно, ненадолго. Больше рисковать нельзя — буря может разбить галеры о прибрежные скалы. Поэтому следует быстрее погрузить арестантов в трюмы и выходить в море. А казнь? Не так уж часто на рыночной площади заживо распиливали людей! Спинелли хотел обставить редкую казнь с подобающей торжественностью, но для этого не было времени. Надо было воспользоваться подходящей погодой и пускаться в плавание. Спинелли приказал отложить казнь до прибытия в Неаполь.

Последнюю ночь на калабрийской земле узники провели в местечке Бивона. Их загнали в старый соляной склад. Кампанелла был неприятно поражен, когда увидел рядом с солдатами Полистину и фра Корнелио. Что им еще здесь нужно? Оказалось, они пришли, чтобы поговорить с Петроло и Пьетро Престерой. Им обещали заступничество и свободу, если они согласятся потяжелее обвинить Дионисия. Полистина не гнушался никакими средствами, только бы свести с ним свои личные счеты. До чего же велика человеческая подлость!

Кампанелла заметил, что Пиццони хитрит. Он был скован одними кандалами с Паоло Гроттерия, который на протяжении всего пути по поручению Кампанеллы убеждал его взять свои показания обратно. Хотя Пиццони и обещал, Паоло предупредил Томмазо, что верить ему нельзя. Кампанеллу охватил гнев. Если Пиццони думает, губя других, спасти собственную шкуру, то это

ему не пройдет! Добраться до Пиццони Кампанелла никак не мог. Они были в противоположных концах склада. Ночью Кампанелла уговорил одного из солдат, который нес караул, чтобы тот, сменившись, зашел к Пиццони и передал ему слова, звучащие как ультиматум:

«Знай, если ты не возьмешь обратно своих показаний, то я сделаю так, что ты умрешь вместе со мной!»

Положение было очень серьезным. Дело шло о спасении десятков людей. Жизнь заставляла быть суровым. В душе Кампанеллы снова над чувством горечи и боли восторжествовала всепоглощающая решимость бороться до последнего вздоха.

На рассвете, когда заключенных распихивали по трюмам галер, погода была сырой и ветреной. Море, начинавшее волноваться, не предвещало ничего хорошего.

Глава девятая. ТЮРЕМЩИКИ, СВЯЩЕННИКИ, ПАЛАЧИ

8 ноября 1599 года, когда заходящее солнце висело над самым горизонтом, со сторожевых башен Неаполя были замечены в море четыре галеры. Вице-королю доложили, что на них везут из Калабрии арестованных заговорщиков. Среди них находятся и те, кто должен был быть казнен еще в Монтелеоне. Граф Лемос полагал, что прибытие галер дона Толедо в Неаполь следовало обставить с соответствующим эффектом. В столице было неспокойно. То и дело прорывалось наружу недовольство испанским владычеством, и новые казни, по мнению вице-короля, всегда были своевременны. Кроме того, и калабрийцам надо было с самого начала показать, что здесь, в Неаполе, любят крутые меры и не терпят проволочек.

Граф Лемос отправил навстречу галерам лодку с приказом, чтобы еще сегодня вечером у входа в порт приговоренные к смерти бунтари были повешены на реях и четвертованы. Вице-король позаботился об их душах: та же лодка захватила из города нескольких священников, обязанных помочь осужденным умереть, как подобает истинным христианам. Одновременно глашатаи объявили о предстоящей казни в порту.

Спинелли и Ксарава торопились выполнить распоряжение вице-короля. Приготовления потребовали немного времени. Когда галеры приближались к входу в гавань, все было уже в порядке.

Из трюмов вывели на палубу закованных в кандалы заключенных. Кампанелла стоял среди своих товарищей и видел, как вокруг осужденных суетились палачи и священники. Надвигались сумерки, и надо было спешить, чтобы для неаполитанцев, толпящихся на пристани, не пропала ни малейшая подробность этого назидательного зрелища.

Маврицио прощался с друзьями. Неожиданно ему сказали, что его казнь ведено отложить. Вице-король надеялся, что его прославленные заплечных дел мастера сумеют заставить заговорить любого упрямца, а показания Маврицио ди Ринальди имели бы исключительную ценность.

Первым повесили Тодеско. Потом пришла очередь тех, кто был приговорен к четвертованию. Плаха стояла посреди палубы. Каччья и Витале доставили палачам много хлопот. Они никак не давали себя прикончить и громко кричали, что все написанное в протоколах — это сплошная ложь. Ксарава невиданными пытками

принуждал людей свидетельствовать против истины. Они требовали, чтобы их отречение было бы зафиксировано. Их с трудом повалили на плаху. Палач отрубал руку, ногу и только напоследок голову. Джамбаттиста Витале с презрением отогнал священника, протягивавшего ему крест. Он воскликнул, что Христа вообще не было и он в него не верит. Обращаясь к Ксараве, Витале крикнул, что с удовольствием бы отправился к дьяволу в преисподнюю, чтобы дождаться там трижды проклятого Ксаравы. Но вскоре и он перестал кричать. Казнь кончилась. Из-за наступившей темноты выгрузка заключенных на берег была отложена до утра, и их снова загнали в трюмы. Палуба была забрызгана кровью, ветер раскачивал висевшее на мачте тело…

Так в третий раз Кампанелла прибыл в Неаполь. На следующий день узников, число которых доходило до ста шестидесяти человек, выгрузили на берег и отправили по тюрьмам. Большая часть заключенных была отведена в Кастель Нуово.

Еще с галер была видна стоящая у самого моря желто-серая громада крепости, ее круглые башни и высокие стены. Неужели отсюда его выведут только для того, чтобы доставить к месту казни? За годы своих мытарств Кампанелла неоднократно слышала что за Кастель Нуово давно закрепилась дурная слава. Особенно страшны, по рассказам, были его многочисленные карцеры и пыточные камеры. А карцер, носивший название «Крокодил», о котором знали во всех тюрьмах Италия, был в глазах заключенных куда более существенной достопримечательностью» Неаполя, чем монастырь Сан-Доминико Маджоре или даже Везувий.

От пристани до тюрьмы было недалеко. Две башни Кастель Нуово подходили почти к самой воде, три другие были обращены к городу. Цепь узников повели вдоль стены к центральному входу, где, соединяя две башни, высилась построенная из белого мрамора Арка Альфонса. Их вышел встречать сам кастелян дон Мендоза. Наиболее важных заговорщиков — Кампанеллу, Маврицио ди Ринальди и Дионисия Понцио — сразу же отделили от остальных и поместили в одиночках.

Камера показалась Кампанелле вполне сносной: на стенах не было плесени. Из окна хорошо виден был двор, виселица рядом с церковью, а напротив эшафот с плахой и караульное помещение. Поблизости от него стояла большая группа калабрийцев, ожидавших, пока их разведут по камерам. Одних помещали в башни, других — в равелин. Сам комендант крепости о чем-то справлялся у писцов и отдавал распоряжения. Казалось, в тюрьме Кастель Нуово царит образцовый порядок. Кампанелла больше

всего опасался, что его запрячут в какое-нибудь подземелье и полностью изолируют от товарищей. Он с ужасом вспоминал застенки римской инквизиции и даже темницу нунция на Пьяцца делла Карита, где можно было сидеть месяцами, словно в могиле, не видя никого, кроме надзирателя, и слыша только размеренные шаги тюремщика, лязганье замков и изредка приглушенные крики.

Все его мысли были подчинены необходимости во что бы то ни стало организовать побег. А для этого нужны были два условия: время и связь с людьми. Он очень хорошо знал, что, лишенный всякого общения с друзьями, он один может добиться немногого. Но если он сумеет связаться с товарищами, то его одиночка сразу же станет своеобразным штабом. Поэтому в конечном итоге все зависит от того, насколько успешно удастся преодолеть изоляцию, на которую обрекал узников тюремный режим.

Вскоре Кампанелла с радостью убедился, что его первое впечатление о царящем в Кастель Нуово образцовом порядке было совершенно ложным. Замок, называемый «Новым», был на самом деле очень старым, а создававшаяся изредка видимость порядка могла обмануть только случайного посетителя. Опытный глаз Кампанеллы замечал детали, которые не обратили бы на себя внимания новичка. Пыточная камера находилась на территории крепости: рыжего узника в холщовой куртке, который утром в сопровождении надзирателя шел на допрос, теперь помощники палача, одетые в кожаные передники, волокли обратно, словно мешок костей.

Вот группа арестантов возвращалась из бани — в руках у них было мокрое, туго свернутое белье. Счастливцы, они не только успели сами вымыться, но и выстирали рубашки!

Очень важно, что к инквизиторам водили через двор, а не по каким-то тайным подземным переходам, поэтому можно было знать, кого вызывали на допрос и кто как с него возвращался: со следами пыток, но с гордо поднятой головой, с глазами, опущенными в землю, или с тревожным взором, боязливо бегающим по сторонам.

Видно было, что не все арестанты сидят на голодном пайке: мальчишки тащили от ворот целые корзины с провиантом. Из караульного помещения в равелин направился надзиратель с кучей свертков. Передачи! Днем через ворота вошла группа людей, среди них были женщины и дети, и почти у каждого в руках узелок с гостинцами. Значит, кое-кому из заключенных дозволены свидания.

На дворе почти никогда не прекращалось движение. Какие-то

женщины по-хозяйски развешивали белье, чистили овощи, с ожесточением терли песком огромные медные тазы. Кампанелла приметил, как одну из них окликнул из окна какой-то арестант и она приветливо помахала ему рукой. Это было хорошим предзнаменованием.

В крепости жили со своими семьями надзиратели, солдаты и офицеры гарнизона, писцы, интенданты, врачи. Внизу постоянно видны были солдаты, но чувствовалось, что они поддерживали дисциплину, только когда поблизости было начальство.

Да, в Кастель Нуово дышалось куда легче, чем в темницах Надуй или Рима. Здесь, даже сидя в одиночке, можно было все время ощущать движение, происходившее в тюрьме, а имея определенный опыт, можно было сравнительно быстро завязать знакомства.

В первые же дни своего пребывания в Кастель Нуово Кампанелла попытался войти в контакт с соседями. Вероятно, кто-нибудь из них знает азбуку и умеет перестукиваться? Но сколько он ни стучал, ему никто не ответил. Тогда, выбрав удобный момент, он крикнул в окно, прося соседей отозваться. Камеры справа и слева молчали — они были пусты или в них сидели робкие люди. Сверху доносился какой-то необычный для тюрьмы шум: казалось, что, играя с детьми, смеялась женщина. Может быть, там живет семья какого-нибудь офицера, и не исключено, что как раз эта женщина приветливо махнула рукой кому-то из узников? А вдруг случится, что именно она будет одной из тех, кто поможет Кампанелле осуществить его замыслы?

Он крикнул еще несколько раз. И вдруг снизу ему ответил чей-то знакомый голос. Маврицио! Его камера находилась под камерой Кампанеллы. Слышно было хорошо, но Маврицио предупредил, что разговаривать надо очень осторожно, потому что через этаж, то есть прямо над Кампанеллой, расположены апартаменты кастеляна.

Маврицио тоже сидел в одиночке. Они условились, что будут разговаривать по ночам, когда в коридоре затихнут шаги и бдительные стражи отправятся вздремнуть. Случайно представившуюся возможность общаться надо было беречь. Если будет замечено, что Кампанелла и Ринальди, вожди заговора, беседуют между собой, их сразу же переведут в другое место. Выгодное расположение камер очень облегчало обмен записками. Но на чем писать? Попытаться достать бумагу у соседей? Соседи оправа и слева не откликались, наверху были комнаты кастеляна. Оставались только камеры внизу, по обе стороны от Маврицио. Как до них добраться?

Томмазо помог опыт, накопленный за годы, проведенные в

тюрьмах. Он давным-давно научился чувствовать себя в любой темнице старожилом и приобрел столько специфических навыков узника, что умел находить выход из самых затруднительных положений. Поскольку никто из соседей не откликался ни на стук, ни на зов, Томмазо решил прибегнуть к старому, испытанному средству. Он скрутил прочную, длинную нить и привязал к ней лоскуток. Дождавшись, когда поднялся ветер, он опустил ее за окно. Ветер стал относить нитку в сторону, и узник, сидевший по соседству с Маврицио, заметил ее. Нить натянулась, потом ослабла. За нее дернули, подавая сигнал. На конце был привязан кусок лепешки. Не понял! Он должен был первым делом прислать записку. Следовательно, у него или нет бумаги, или он безграмотен, или новичок.

И во второй раз Томмазо вытянул кусок лепешки. Послать ее обратно нельзя: с такой тяжестью ветер не отнесет нитку к окну. Как показать, что он нуждается не в хлебе? Это надо было сделать к вечеру, чтобы неизвестный друг внизу догадался, что у него есть хлеб не только утром, сразу после раздачи порций, но и целый день.

Однажды, когда позволила погода, Томмазо опустил за окно кусочек сухаря. Поймут ли? Его ждала удача. Он вытащил записку: «Тебе не нужно хлеба?» Имя было незнакомо. На той же записке он выколол иголкой просьбу прислать бумаги.

Так Кампанелла смог начать переписку с Маврицио и постепенно связался со многими узниками Кастель Нуово. Он сразу же стал использовать все промахи и оплошности, которые по нерадению или недосмотру допускало тюремное начальство. Связь с калабрийцами была важна для затягивания процесса, а контакт с другими заключенными, особенно с узниками-старожилами крепости, позволял быстро и правильно ориентироваться в обстановке. У старожилов был ничем не заменимый опыт. Они знали характерные особенности Кастель Нуово, нравы надзирателей, их уязвимые места и слабости. Они могли сообщить уйму полезных вещей об обитателях крепости, о семьях солдат и о родственниках кастеляна. Нужно было воспользоваться их хорошо налаженными благодаря долгому пребыванию в одной и той же тюрьме связями. Кампанелла не упустил этой возможности и очень скоро освоился в Кастель Нуово. Ничто не ускользало от его быстрых, внимательных, зорких глаз.

Должность кастеляна была издавна закреплена за знатным испанским родом де Мендоза-и-Аларкон. Нынешний кастелян, получивший должность по наследству, интересовался всем, чем угодно, только не своими обязанностями. В тюрьме не было

никакого порядка. Нередко заключенных распихивали по камерам как попало. Важные политические преступники, которые должны были содержаться в одиночках, сидели с уголовниками. Закоренелые еретики, присланные нунцием в Кастель Нуово для строгой изоляции, попадали к арестантам, отбывающим наказание за мелкие провинности, и начинали совращать их в ересь. Тайные узники, которыми занималась инквизиция и имена которых даже нельзя было упоминать, вдруг оказывались в общих камерах. Подследственные, арестованные по одному и тому же делу, иногда долго жили вместе.

И ничто так не радовало Кампанеллу, как именно эта неразбериха. Здесь при известном умении можно было сравнительно легко связаться с соседями, узнать новости, переслать записку. Здесь можно было товарищу, которого тюремщики морили голодом, опустить на нитке в окно ломоть хлеба или получить с воли важные известия в крохотной записке, запеченной в куске пирога. А если у тебя случайно сохранились деньги, добротная куртка или хорошие башмаки, ты мог подарить их надзирателям. Оба они, и Алонзо Мартинес и Онофрио Помар, любили подношения и становились весьма снисходительными к тем, кто умел их делать. Некоторым арестованным они позволяли большие вольности, притворяясь, что не замечают даже самых грубых нарушений режима. Кое-кому удавалось безнаказанно кричать в окна и отправлять письма. Но плохо было тем, кто не имел ни единого сольдо. Надзиратели обращались с ними со всей строгостью, предусмотренной тюремными правилами. Арестанта, о котором стало известно, что он перестукивается, кричит в окна, подает знаки находящимся на дворе или ведет недозволенную переписку, немедленно водворяли в карцер или запирали в лишенную окон одиночку.

Тысячи раз Кампанелла проклинал фра Корнелио, присвоившего деньги собранные друзьями в Калабрии. Приходилось быть в постоянной настороженности и тратить много усилий и выдумки, чтобы добиться того, что было легко осуществимо, имей он несколько сольдо. Томмазо очень беспокоило самочувствие отца и брата. Они находились в равелине и жаловались на недостаток питания. В этом не было ничего удивительного. Заключенным, содержащимся в Кастель Нуово, полагался на еду один карлино в день. Беда узнику, если у него не было личных средств и он целиком зависел от тюремщика, который по собственному усмотрению тратил деньги, отпускаемые на заключенных, и приносил им только вонючую рыбу или сухари из прогорклой муки. Большинство калабрийцев жили на скудном тюремном пайке. Кампанелла, как

и его отец, как Пьетро Престера, Битонто и многие другие, сидел впроголодь. Некоторым из узников повезло. Их родственники, приехавшие в Неаполь, получили разрешение носить передачи. Особенно отличился Аквилио, сынишка Джованни Марраподи. Заботясь об отце, он помнил и о других заключенных: покупал им провизию — разную зелень, бобы, артишоки. Среди счастливцев, которым помогал Аквилио, были Дионисий, Петроло, Лавриана, Пиццони. Кампанелла надоумил Дионисия, что следует использовать юного Аквилио не только для доставки артишоков.

Первые две недели пребывания в Кастель Нуово никого из калабрийцев не вызывали на допросы. За это время Кампанелла полностью освоился в тюрьме, приобрел множество необходимых сведений, сумел связаться с друзьями и теперь старался употребить все свое влияние, чтобы, когда возобновится следствие, испанские власти столкнулись бы не с толпой разобщенных и запуганных одиночек, а с организованной группой людей, спаянных единой волей и действующих по единому плану.

Пытки были сильней его красноречия и многим развязали язык. В Сквиллаче, запертый в одиночку, Кампанелла не находил себе места от ощущения бессилия: Пиццони и Петроло своими разоблачениями губили всех! Как внушить им, что они обрекают на верную смерть не только товарищей, но и самих себя! Многое уже нельзя было поправить. Несколько человек были казнены, теперь Маврицио ждал своей очереди. Но Кампанелла не сдавался. Еще в Калабрии ему удалось передать товарищам записки. А по пути в Неаполь он сумел кое с кем лично переговорить. Он употреблял все средства, чтобы тех, кто решил спасать свою жизнь откровенными признаниями, заставить понять, что казнь минует их только в том случае, если они возьмут назад свои показания. Они должны в один голос твердить, что дело о заговоре с начала до конца состряпано желающим выслужиться Ксаравой, который принуждал узников к наговорам и лжи. Этого надо добиться во что бы то ни стало.

Привести в исполнение этот план было очень трудно. Как, сидя в одиночке, воодушевить одной идеей полторы сотни узников, ободрить мужественных и внушить надежду колеблющимся? Как сделать трусливых смелыми и пробудить в них желание бороться? Как воздействовать на людей, когда они отделены от тебя тюремными стенами, бдительностью стражи и смертельным страхом? Как заставить их образумиться, если даже твой голос не достигает их слуха?

Не будь у Кампанеллы большого опыта, он бы не придумал этого плана и не взялся бы за его осуществление. Он слишком хорошо знал, что такое тюрьма, знал, что человеческая воля и

находчивость сильнее, любого, даже самого тяжелого режима. Куда не проникнет твой голос, дойдет посланная тайком записка. Мертвые стены, вечно хранящие молчание, передадут все необходимое твоему другу, когда ты, сбивая в кровь пальцы, будешь выстукивать о камень условные сигналы. И пусть предатель не чувствует себя в безопасности, даже если вас разделяют окованные железом двери и ты сам не можешь раскроить ему скамейкой череп или дотянуться до горла, — дотянутся руки друзей.

Кампанелла не обольщал себя пустыми надеждами. Никакие ухищрения не опровергнут очевидных фактов. Он хотел только одного — запутать и затянуть следствие. Чем дольше продлится процесс, тем больше увеличатся шансы, исподволь подготовив побег, вырваться на свободу.

Томмазо всеми силами старался укрепить в товарищах дух сопротивления. На словах многие соглашались с Кампанеллой. Но как они поведут себя под пытками, когда снова возобновятся допросы?

Все попытки Томмазо лично связаться с Пиццони долгое время не имели успеха. Расположение камер не позволяло обмениваться записками, спуская их на нитке. Переговариваться за дальностью расстояния тоже было нельзя. Кампанелле иногда удавалось беседовать через окно с Пьетро Понцио, камера которого находилась близко от камеры Пиццони. Пьетро по поручению Кампанеллы убеждал его взять обратно свои показания. Но ведь не все будешь кричать в окно!

Необходимо было наладить с Пиццони переписку. Как? Он перепробовал много разных способов, и все тщетно. Наконец его осенила счастливая идея. Пусть сам Мартинес, доблестный страж, ничего не ведая, станет пособником еретиков!

Книг в камеры не давали, и только изредка по особой милости надзирателя можно было получить молитвенник. Однажды, узнав от Пьетро, что Пиццони погружен в чтение, Томмазо велел предупредить Пиццони, что, если надзиратель спросит, нужна ли ему книга, он согласился бы на некоторое время ее отдать, вложив за корешок записку.

После подтверждения, что Пиццони все уже приготовил, Томмазо постучал в дверь и смиренно попросил Мартинеса дать ему молитвенник. Надзиратель, удивленный вспыхнувшим вдруг благочестием Кампанеллы, ответил, что книга занята. Фра Томмазо выразил искреннее сожаление — его душа так жаждет утешений, что он был бы безмерно счастлив получить ненадолго молитвенник. Надзиратель принес ему книгу. Кампанелла, оставшись один, вытащил из-за корешка записку Пиццони,

написал ответ и спрятал его туда же. Вечером он с благодарностью вернул книгу. А на следующий день, исполняя настойчивую просьбу Пиццони, надзиратель согласился принести ему молитвенник. Эту хитрость удалось повторить несколько раз. Когда у них не стало бумаги, они воспользовались невнимательностью надзирателя, который и не предполагал, что они знают, от кого к кому передается молитвенник, и начали писать прямо в книге.

К сожалению, этот прием нельзя было употребить для переписки с Дионисием. Он сидел в равелине, а молитвенник никогда за пределы башни, не выносился. Однако Кампанелла и тут вышел из положения. Однажды соседи снизу прислали ему пирог. Заметив, что надзиратель был в хорошем настроении, он сказал ему, что хочет поделиться с Дионисием лакомством, полученным в передаче. Просьба была выполнена. В куске пирога Дионисий Понцио нашел маленькую записку.

Как только заговорщики были доставлены в Неаполь, сразу же разгорелся ожесточенный спор между вице-королем и папским нунцием о подсудности светскому трибуналу духовных лиц, арестованных в Калабрии. Альдобрандини считал, что вице-король слишком многое берет на себя, когда единолично решает вопросы, касающиеся неотъемлемых и священных прав церкви. Вскоре был объявлен состав трибунала, который должен был вести следствие и судить обвиняемых по делу о подготовке восстания. Альдобрандини потребовал, чтобы лица духовного звания рассматривались как узники нунция и светский суд не предпринимал бы по отношению к ним никаких действий, не испросив предварительно его мнения. Притязания апостолического нунция наткнулись на решительное сопротивление испанских властей. Ему возражали, что арестованные клирики обвиняются в преступлениях, направленных против государства, и поэтому должны быть судимы не церковным судом, а вместе с мирянами обычным трибуналом, занимающимся политическими делами.

Следствие в Калабрии продолжалось больше двух месяцев, кое-кто из обвиняемых успел умереть, несколько человек были казнены, а в деле продолжала царить полнейшая неразбериха. В Неаполь были привезены огромные пачки протоколов, где вырванные пытками признания перемежались с небылицами. Впечатление о серьезности проведенных расследований было поверхностным и ложным. Ни Спинелли, ни Ксарава даже не знали точно, сколько заговорщиков доставили они в Неаполь. 130? 156? 160? Во время спора вице-короля с нунцием выяснилось, что вообще никому не известно, как велико среди

арестованных число клириков и является ли тот или иной узник мирянином или монахом.

Ксарава отговорился тем, что большинство клириков в момент ареста были в мирском платье — сам дьявол не отличит монаха от разбойника, когда он сбросит рясу и уничтожит тонзуру!

Альдобрандини получил из Рима согласие папы на то, чтобы следствие по делу о заговоре велось уполномоченными вице-короля в присутствии представителя церкви, но все арестованные клирики считались бы узниками нунция. Компромисс удовлетворил вице-короля. Нунций, занятый личными делами, поручил своему аудитору,[14] преподобному Антонио Пери, провести опрос и выявить, кто из калабрийцев был духовного звания.

Совсем еще недавно комендант Кастель Нуово имел наглость, исполняя предписания графа Лемоса, противодействовать приказам апостолического нунция. Теперь его словно подменили. Он встретил аудитора с изысканной вежливостью, предоставил ему отдельную комнату для допросов и был даже настолько любезен, что предложил к его услугам своих заплечных дел мастеров и все находившиеся в их распоряжении орудия пытки, полагая, что они надежно обеспечат успех дознаний. Узнав об исключительно трогательном проявлении любезности со стороны кастеляна, нунций, все еще помнивший его дерзкое поведение, почувствовал себя столь польщенным, что не удержался и написал об этом самому папе в Рим.

23 ноября 1599 года Антонио Пери начал свою работу. Первым был приведен Кампанелла. Пока отец аудитор внимательно рассматривал его, секретарь писал: «Был допрошен человек молодой по возрасту, чернобородый, одетый в мирское платье — черную шляпу, черную куртку, кожаные штаны и шерстяной плащ…» Ему задали несколько вопросов о его происхождении, родителях, месте рождения, духовном звании. Поинтересовались, что заставило его надеть светское платье. Он ответил, что снял рясу, чтобы спастись от преследований личных врагов. На вопрос, кто они, Кампанелла ответил иначе, чем в Кастельветере. Теперь он, разумеется, не упомянул Маврицио, а назвал Ксараву и Морано, того самого Морано, который возглавлял отчаянную погоню за Ринальди. Все это и было занесено в протокол.

Внешность Доминико Петроло секретарь описал так: «Был допрошен молодой человек с маленькой бородкой, одетый в мирское платье, в черную суконную куртку, такие же штаны желтого цвета и плащ из черного сукна…» За ним последовал

Джузеппе Битонто — «молодой человек с темно-русой бородой, одетый в мирское платье, в белую куртку, черную шляпу, черные суконные штаны и черный шерстяной плащ…» Затем ввели Дионисия Понцио — «молодого человека с черной бородой, одетого в мирское платье, в шерстяную куртку, в черные штаны и черный плащ…»

Аудитор старался выполнить возложенное на него поручение с особой тщательностью. Результаты превзошли все его ожидания: среди арестованных оказалось не четырнадцать клириков, как думали раньше, а целых двадцать три! Но, несмотря на все усердие, отец Пери не избежал курьезных ошибок: он не внес в список клириков Джулио Контестабиле, а зато включил в него как живого Джованни Каччья, которого давно уже казнили!

Когда о результатах расследования доложили вице-королю, он был очень удивлен и признался, что не ожидал найти среди заговорщиков так много священников и монахов.

Никогда в жизни Кампанелла не писал стихов с такой страстью и подъемом, как в Кастель Нуово. Здесь он по-настоящему понял, какие неисчерпаемые силы таит в себе поэзия. Люди, оставшиеся глухими к речам, которые являлись верхом убедительности и логичности, не могли устоять перед его стихами. Нет, не о собственных страданиях должен думать итальянец в эту горькую годину несчастий! Мысли его должны принадлежать родине, стонущей под игом иноземцев. Будущее Италии во многом зависит от того, как калабрийцы выдержат испытание, выпавшее на их долю.

Томмазо ставил всем в пример исключительный героизм Маврицио ди Ринальди, который, презрев страшные пытки, посрамил своих палачей. Он готов был скорее умереть, чем вымолвить хоть единое слово. Вот кому должны подражать люди, если им дороги судьбы Италии!

В сонетах, посвященных Дионисию Понцио и его братьям, Кампанелла восхвалял их выдержку и твердость. Он часто писал стихи для Пьетро Престеры. Желая ободрить Доминико Петроло, который находился в подавленном состоянии, он обратился к нему со словами дружбы и высказал уверенность, что все кончится хорошо.

Стихи, прославляющие мужество стойких, распространялись по всей тюрьме.

Следственные материалы по делу о калабрийском заговоре были рассмотрены римской инквизицией. Святая служба не одобрила поведения властей Неаполитанского королевства, которые хотели отстранить представителей церкви от участия в

процессе, и особым распоряжением предписала, чтобы после окончания следствия о заговоре все подозреваемые в ереси были бы отправлены в Рим.

Испанцы имели основания не доверять папе, тем более что уже в первом доносе о подготовляемом в Калабрии восстании сообщалось, что заговорщики имеют поддержку среди видных церковных деятелей и что даже сам папа относится к ним благосклонно. Хотя эти известия и не подтвердились, испанцы, помня о своих прежних раздорах с Римом, предпочитали держать заговорщиков в неаполитанских тюрьмах. Они опасались, что за требованием выдать римской инквизиции подозреваемых в ереси скрывалось тайное желание папы помочь обвиняемым избежать казни. Чем настойчивее становились эти требования, тем все больше и больше росли подозрения вице-короля.

Кампанелла постоянно думал о том, как сделать связь с товарищами надежной и свести до минимума возможность провалов и неудач. Вынашиваемые им планы побега требовали участия людей, которые могли беспрепятственно входить и выходить из тюрьмы. С их помощью Томмазо рассчитывал вступить в контакт с оставшимися на свободе друзьями. Поэтому необходимо было привлечь на свою сторону кого-нибудь из тех, кто служил в Кастель Нуово. Его очень радовало, что в крепости, помимо заключенных, всегда находилась масса различных людей: солдат и офицеров гарнизона, надзирателей, чиновников, врачей, священников, слуг. Многие из них постоянно жили в Кастель Нуово вместе со своими семьями, а кастелян дон Алонзо, казалось, перетащил сюда пол-Испании — столько вокруг него кормилось близких и дальних родственников. Он держал целую толпу челяди: поваров, камердинеров, служанок. Кампанелле было приятно видеть на дворе женщин. Он знал по опыту, что арестанту легче завязать знакомство с ними, чем с их мужьями. Женщины меньше думали о карьере и совсем не разбирались в политике. Даже страшнейший государственный преступник, обвиненный в оскорблении величества, мог какой-нибудь из них приглянуться и вызвать горячее сострадание. Женщины всегда относились к узникам с большим любопытством. Одни испытывали по отношению к ним жалость, другие страх. Ко всему этому еще прибавлялась скука гарнизонной жизни и безделье. А чего только не рассказывали об арестантах! Сколько среди них было людей с сильными характерами и необычными судьбами! Сколько молодых и красивых юношей, которые месяцами, а то и годами не видели женщин! Любопытство, смешанное со страхом, еще более усиливало желание отведать запретного. Чему было удивляться, что жена пропойцы-надзирателя выкрадывала ключи

и тайком пробиралась в камеру к узнику, который был так не похож на ее ограниченного, тупого и грубого мужа! В любой тюрьме каждый арестант-старожил знал кучу подобных историй.

Он очень внимательно прислушивался к звукам, доносившимся с верхнего этажа, где находились жилые помещения, занятые многочисленными родственниками кастеляна. Однажды он услышал голос женщины, которая, стоя у окна, что-то тихо напевала. Он окликнул ее, восхищенно произнес несколько любезностей и стал умолять прекрасную незнакомку, чтобы она из жалости к несчастному узнику, томящемуся в одиночке, хотя бы изредка подходила к окну со своими чудесными песнями. В первый раз ему не ответили, но на следующий день он снова услышал, как она поет. Он обратился к ней со стихами» сказал, что готов писать для нее сонеты, если только она не лишит его счастья наслаждаться ее божественным голосом. Она загорелась от любопытства: «Вы сами сочиняете стихи?!» Томмазо уверил ее, что каждое утро присылал бы ей по сонету, но не имеет, на чем писать. Она ответила, что готова передать ему бумаги, да не знает, как это сделать. Томмазо был прекрасным наставником. О, нет ничего проще, как опустить бумагу на нитке из окна!

Это был его первый успех. Он писал ей стихи — вычурные комплименты пересыпались выражениями искренней благодарности. Он, право, был ей бесконечно признателен за бумагу.

Он умолял незнакомку открыть ему свое имя. Она вняла его просьбам. Ее звали донна Анна.

Кто она? Томмазо, разослав записки, опросил всех своих друзей, которые могли от товарищей по камерам знать подробности о людях, постоянно живущих в Кастель Нуово. Выяснилось, что в семье кастеляна было целых три Анны, в том числе его младшая сестра. История становилась совсем интересной.

Кампанелла продолжал переписку с донной Анной. Она находила его стихи очаровательными и спрашивала, чем может ему помочь. Он был осторожен, не надоедал ей просьбами и писал сонет за сонетом. Он все время старался узнать, кто она. Действительность превзошла его самые смелые догадки. Донна Анна оказалась тещей кастеляна.

Но она была не одна. Много разных женщин было в крепости! Пользуясь случаем, Кампанелла перебрасывался с ними через окно шутками, сыпал любезностями, посвящал стихи. Он всеми силами старался расширить свои связи, но помнил об осторожности. В своих стихах и речах он был многословен,

однако правды о себе он им никогда не говорил. Он не уставал уверять, что страдает безвинно и назвал себя жертвой людской несправедливости. Он изображал ревностного католика, писал о пророчествах, а по поводу праздников сочинял стихи на религиозные темы. Он был не особенно разнообразен. Сонеты, прославляющие Марию, мало отличались от тех, которые он писал для Анны, Джулии или Олимпии. Он знал, как падки женщины на комплименты и слова признаний. Он восхищался их несравненной красотой, грацией, великодушием. Он был мастер говорить галантные фразы. Изысканности и изяществу он предпочитал страсть. Стихи эти тем сильнее действовали на женщин, что писал их священник, давший обет безбрачия.

Все эти благодарственные послания, высокопарные мадригалы, фривольные стишки и легкомысленные сонеты были для него тоже оружием в жестокой борьбе, которую ему приходилось вести за свою жизнь и жизнь своих товарищей.

Он часто писал о любви и имитировал страсть там, где ее не было. Но сердце его молчало. Молчало де тех пор, пока он не узнал молодой монахини-францисканки Дианоры Баризана.

На втором этаже Кастелянской башни, где находилась камера Кампанеллы, обычно дежурил кто-нибудь из трех надзирателей — Алонзо Мартинес, Онофрио Помар или Антонио Торрес. Кампанелла присматривался к ним, вступал в разговоры, пытался нащупать слабые места.

Больше других ему нравился юноша Антонио. Он числился младшим надзирателем, но по своему характеру совсем не походил на тюремщика. Он любил книги и к ученым людям относился с уважением. Кампанелла был очень раздосадован, когда вскоре Антонио перевели дежурить в равелин. Он написал Дионисию, чтобы тот обратил на него особое внимание.

Попытки найти общий язык с надзирателем Мартинесом, как и предполагал Кампанелла, были безуспешны. Он оставался глухим ко всем речам. Его интересовали деньги, а Томмазо не мог предложить ему ничего, кроме поношенного плаща и кожаных штанов.

Особенно допекал Кампанеллу Онофрио. Он постоянно следил за ним, отгонял от окна, то и дело устраивал обыски. Кампанелла не сразу обнаружил слабость надзирателя, но, найдя ее, не замедлил этим воспользоваться. Онофрио был очень суеверен. Кампанелла признался ему, что связан с нечистой силой и может вызывать дьявола. Когда тюремщик подходил к глазку, он начинал нарочно произносить вслух таинственные формулы заклинаний. Он шептал имя Вельзевула, а глаза его — большие темные глаза — горели адским огнем. Онофрио

крестился и пятился прочь от двери.

С каждым днем за Кампанеллой все шире распространялась по Кастель Нуово слава великого предсказателя, астролога и мага. Офицеры, командовавшие стражей, во время дежурства, таясь друг от друга, приходили к нему в камеру. Оставшись с глазу на глаз с Кампанеллой, они делились с ним своими заботами: один умолял открыть ему секрет, как всегда выигрывать в карты, другой опрашивал, какими магическими приемами и заклинаниями можно брать неподатливых женщин, третий просил высчитать по звездам, когда, наконец, умрет дядюшка и оставит изрядное наследство. К нему обращались по самым разнообразным поводам: просили предсказать будущее новорожденному сыну или посоветовать, под знаком какой планеты будет самым удачным затеваемый брак. Он никогда никому не отказывал, охотно составлял гороскопы, посвящал в тайны магии, давал медицинские и астрологические советы. Для гороскопов ему потихоньку приносили бумагу и чернила, а в благодарность за предсказания счастливого будущего — добрый кусок сыру или часть окорока. Кампанелла был очень доволен, что мот делиться пищей с товарищами, которые все время страдали от голода.

Он тщательно испытывал людей. Иногда в обмен за свои советы он требовал маленькой услуги — просил передать какую-нибудь незначительную записку, отправить с городской почты письмо в Калабрию или разыскать в Неаполе земляка.

Один из офицеров поведал ему свою беду: он давно уже домогается благосклонности пленившей его красотки, но все безуспешно. Он настоятельно просил Кампанеллу, чтобы тот назвал ему состав любовного напитка, который вынудит ее ответить на его желания. Кампанелла дал необходимый рецепт. Через некоторое время офицер заявился снова. Любовный напиток не помог. Красавица по-прежнему смотрит на него холодно, а он никак не может найти слов, чтобы выразить свои чувства. Любовный напиток не помог? Надо обратиться к другому средству! Кампанелла написал для него стихи. Они не претендовали на утонченность и не говорили о хорошем вкусе, но были полны красноречивыми признаниями, неутоленной страстью, пылким нетерпением. Когда офицер пришел в следующий раз, он довольно улыбался. Стихи оказались действенней, чем любовный напиток.

В конце ноября возобновилось следствие. После первого же допроса Маврицио, вернувшись в камеру, позвал Кампанеллу. Он сообщил ему, что на место Ксаравы назначен один из приближенных вице-короля — Санчес де Луна. Даже маленькая

надежда на облегчение участи в связи с переменой в составе трибунала, изредка появлявшаяся у Маврицио, окончательно исчезла, когда он увидел хорошо знакомое ему лицо Санчеса. Лично для Маврицио его появление на сцене означало скорую казнь. Санчес, несомненно, не пожалеет сил, чтобы побыстрей отправить его на тот свет. Он кровно в этом заинтересован, так как находится в очень близких отношениях с Морано, который, загоняя лошадей, прилагал нечеловеческие усилия, чтобы схватить Маврицио и передать его в руки испанцев. Морано ждал и не мог дождаться смерти Маврицио, чтобы получить его феод, поскольку тот не имел наследника. Хорошо, же бескорыстие судей и слуг вице-короля!

Маврицио мучила мысль, что его маленькая дочь останется без всяких средств к существованию. Кампанелла как мог старался его успокоить.

Им недолго довелось разговаривать через окно. Маврицио, готовя к пыткам, перевели в карцер. Санчес де Луна, выслуживаясь перед вице-королем, решил любыми средствами добиться от Ринальди признаний. Через несколько дней после того, как Маврицио забрали из башни, Кампанелла узнал, что его подвергли самой страшной из всех пыток, которые тогда применялись. Она носила безобидное название «велья» — «бодрствование». И продолжалась без перерыва ровно сорок часов.

Честь изобретения «вельи» принадлежит известному болонскому криминалисту Ипполито Марсили. Он осчастливил человечество своим открытием в первой половине 1500 года. Наблюдательные инквизиторы давно обнаружили, что эффективность пытки значительно повышается, если пытаемый предварительно чем-либо обессилен: долгим тюремным заключением, болезнью, голодом, сыростью камер. Поэтому узников перед пытками помещали в карцер. Основываясь на огромном опыте, накопленном в застенках за века существования инквизиции, Ипполито Марсили придумал оригинальный метод дознания. Он широко рекламировал его, уверяя, что тот безотказно действует даже против «упорствующих и не страшащихся пыток». Ему возражали, что продолжительность «вельи» делает ее утомительной для самих инквизиторов.

Находчивый криминалист из Болоньи разработал свою систему до мельчайших деталей. Он подсчитал, что «велья» оказывается наиболее эффективной, если продолжается беспрерывно сорок часов. Движимый сугубо гуманными соображениями, он предусмотрел, чтобы инквизиторы по мере утомляемости сменяли один другого и уходили отдохнуть.

Изобретение маэстро Ипполито было простым до гениальности. Оно не требовало ни сложных пыточных устройств, ни затрат на свинец, смолу или уголь. Упорствующего злоумышленника сажали на обыкновенную скамейку, по обе стороны которой становились два служителя с единственной обязанностью следить за тем, чтобы опекаемый ими человек не смыкал глаз. Стоило ему только задремать, как один из служителей легким ударом по голове прогонял сон. Время от времени инквизитор увещевал преступника признаться.

Марсили очень гордился своим изобретением. Он считал, что оно скорее напоминает какую-то веселую затею, чем пытку. Человек хочет спать, а его постоянно тормошат. В этом нет ничего ужасного. В камере не пахнет горелым мясом, узник не кричит благим матом, и после таких дознаний не надо со стен и пола смывать кровь. А главное, злоумышленник не просидит на своей табуретке и сорока часов, как начнет соглашаться со всем, что от него требуют!

Кроме того, «велья» не уродовала пытаемого и, следовательно, избавляла отцов-инквизиторов от излишних нареканий в жестокости.

Однако практика показала, что ученый маэстро недооценивал сил человеческих. Некоторые люди переносили «велью», не делая никаких признаний. Специалисты задумались над тем, как ее усовершенствовать. Первое нововведение было весьма невинным. Опыт убедил инквизиторов, что живущий впроголодь заключенный легче переносит «бодрствование», чем человек, хорошо накормленный. Тогда перед «вельей» преступникам стали давать вдоволь еды и немного вина.

Творческая мысль работала вовсю. Сперва табуретку сделали высокой, чтобы ноги не касались пола, потом решили так ее переделать, чтобы сидеть на ней было мучительно. Ровную крышку скамейки заменили стесанным на угол бревном, которое назвали «кобылой». Шли новые времена, и еретики становились особенно упорными. Прогресс чувствовался во всем, даже в усовершенствовании орудий пытки. Теперь преступника не просто сажали на «кобылу». Ему связывали руки, а веревку пропускали через блок, укрепленный в потолке. «Кобыла» тоже изменилась до неузнаваемости. Она превратилась в треножник высотою в семь-восемь вершков, увенчанный пирамидой, похожей на острый кол. Человека раздевали донага и подтягивали вверх с таким расчетом, чтобы посадить его на острие. Стоило чуть опустить веревку, как кол глубже вонзался в тело. Было придумано несколько специальных приспособлений, с помощью которых пытаемого расчаливали во все стороны, чтобы он,

стараясь избежать острия, не мог дергаться и извиваться. Ноги его крепили на высокой поперечной перекладине. Эти нововведения позволили высвободить двух служителей — никто из посаженных на кол не выказывал желания дремать. «Велья» причиняла тяжелые увечья. Кол рвал вены. Люди теряли много крови. Но пытка, продолжавшая называться «бодрствованием», как и прежде, длилась сорок часов.

Санчес де Луна никак не хотел примириться с тем, что против Маврицио бессильны все пытки. Последняя его надежда была на «велью». Он должен был любой ценой заставить Ринальди заговорить!

Когда до окончания «вельи» оставалось несколько часов, Санчес понял, что и на этот раз не удастся вырвать у Маврицио ни одного слова. Его душила ярость. Неужели Маврицио так и будет до самой смерти бросать на своих палачей полные презрения взгляды! Он не знал, что делать. Ему были ненавистны дурацкие правила, запрещавшие продолжать «велью» дольше, чем сорок часов подряд. Но он нашел выход: пытку нельзя было повторять, но было позволительно ее прерывать и затем начинать сначала. Санчес прервал «велью» незадолго до истечения сорока часов. Маврицио сняли с кола только для того, чтобы через короткий промежуток времени снова возобновить пытку. Целых семьдесят часов продолжались страшнейшие мучения. Но Маврицио выдержал все. Его мужество и стойкость были беспримерны. Часто, чтобы сломить человека, было достаточно самой короткой пытки, длившейся восьмую долю часа. Маврицио ди Ринальди так и остался несломленным, хотя в Калабрии и Неаполе его и пытали в общей сложности триста часов.

12 декабря 1599 года был во второй раз оглашен смертный приговор Маврицио ди Ринальди. Он должен был быть повешен, затем труп его, вынутый из петли, надлежало четвертовать. Одновременно был приговорен к смерти и Чезаре Пизано, дело которого было закончено еще в Калабрии. В списке, составленном Антонио Пери, Пизано числился как «лирик, а испанские власти считали его светским лицом. Пизано написал жалобу вице-королю, требуя справедливости. Жалоба осталась без последствий. Графу Лемосу надоели проволочки! Нунций настаивал, чтобы Пизано передали в руки церковного суда, так как он обвинялся в ереси и мог быть свидетелем против Кампанеллы. Но вице-король не пожелал принять этого во внимание.

По обычаю, издавна существовавшему в Неаполе, осужденных после объявления приговора переводили в тюрьму Викария. В день казни они шли через город в Кастель Нуово, на площадь, где

стояли виселица и плаха. Казнь была назначена на 20 декабря. Толпы народа с раннего утра устремились к Кастель Нуово и наводнили улицы, по которым должны были проводить преступников.

Однако Маврицио испортил торжественность традиционной церемонии. Предполагалось, что весь длинный путь от Викарии до Кастель Нуово он пройдет пешком, но после перенесенных пыток он едва держался на ногах. Его пришлось положить на телегу. Рядом с ним плелся Пизано. Процессия двигалась медленно. Вплотную с телегой, на которой везли Маврицио, шли священники, все время не переставшие убеждать осужденных в необходимости облегчить душу раскаянием и открыть перед смертью всю правду. По сторонам улиц теснились любопытные.

По случаю казни всегда наглухо запертые ворота Кастель Нуово были широко распахнуты и толпа заполнила площадь, которая в обычные дни никогда не была многолюдной. Почти весь гарнизон Неаполя находился в Кастель Нуово и на прилегающих к нему улицах. Шпалеры солдат окружали со всех сторон место казни.

Накануне Кампанелла увидел, как тюремные плотники чинили эшафот, — теперь это делалось для Маврицио.

Ночью Томмазо то и дело вставал и подходил к окну. Еще не рассвело, когда на дворе появилась большая группа солдат. Офицер отдавал короткие команды. Заканчивались последние приготовления. Виселица торчала рядом с церковью, как раз напротив башни, где сидел Кампанелла. Он видел все, что творилось внизу. Видел, как два здоровенных тюремщика тащили Маврицио к виселице. Вокруг него суетились священники. Когда приговоренному надели на шею веревку, один из них с распятием в руках снова подошел к Ринальди.

Сейчас все будет кончено. Палач привычным движением выбьет скамейку из-под ног Маврицио…

Кампанелла мысленно послал другу слова последнего привета. Маврицио ди Ринальди был человеком редкого мужества!

И тут свершилось то, чего Кампанелла больше всего боялся, — попы оказались сильнее палачей. Маврицио не просил, чтобы ему сохранили жизнь. Он оказал только, что хочет облегчить перед смертью душу, рассказать правду и во всем признаться. По просьбе Маврицио его отвели в церковь, рядом с которой стоял эшафот. Казнь снова была отложена.

Пизано не делал никаких заявлений и ничего не просил. Он ждал, что его повесят. После короткого замешательства члены трибунала решили и его временно оставить в живых. Он мог еще

пригодиться в связи с разоблачениями, которые обещал сделать Ринальди.

Из толпы раздавались громкие возгласы неудовольствия. Стоило вставать чуть свет и тащиться через весь город, чтобы присутствовать на несостоявшейся казни! Солдаты принялись разгонять зевак.

Осужденных посадили на телегу и отправили обратно в Викарию, в те же самые камеры смертников, из которых их вывели на рассвете.

Глава десятая. «КРОКОДИЛЬЯ ЯМА»

Ринальди не боялся ничего на свете. С беспримерным мужеством претерпел он самые жестокие пытки, какие только могли придумать палачи. Он с презрением переносил все муки. Но в самый последний момент перед смертью он испугался, что душа его, душа нераскаявшегося грешника, обречена на вечную погибель. Когда он начал рассказывать правду о заговоре, он не стремился пробудить в судьях милосердие. С мыслью о неминуемой смерти он уже свыкся и хотел только одного: предстать перед Богом с чистой совестью.

Перелом в настроении Маврицио, которого сумели добиться попы, имел для всего процесса исключительное значение. Подробные и добровольные показания одного из руководителей заговора, честного и смелого человека, чья искренность не вызывала никаких сомнений, были очень ценны. Ринальди даже в признаниях не изменил своему благородству — стараясь не отступать от истины, он в то же самое время нередко брал на себя и вину товарищей. Но каковы бы ни были внутренние побуждения Маврицио, его показания поставили заговорщиков и особенно Кампанеллу и Дионисия, в весьма тяжелое положение, тем более что спор о подсудности клириков закончился компромиссом и власти могли теперь вести процесс без промедлений и проволочек.

Распоряжение папы, датированное 8 января 1600 года, было быстро доставлено в Неаполь и два дня спустя вручено нунцию. Папа назначил Альдобрандини и Пьетро де Вера своими представителями в трибунале, который проведет следствие и осудит заговорщиков-клириков: Этот трибунал, составленный из представителей церкви и светских властей, должен был служить интересам вице-короля, хотя формально считался трибуналом, где судьи действовали в силу власти, полученной от святого престола. Желая сохранить видимость верховенства церкви, Климент VIII приказал, что право вынесения приговора лицам духовного звания предоставляется только «апостолическим комиссарам». Приговор подлежал утверждению папой. Климент закрывал глаза на то, что все узники находились в безраздельной власти вице-короля, и сам де Вера был назначен по настоянию графа Лемоса, который и мог оказывать через него любое давление на трибунал. А директивы вице-короля были просты: судить заговорщиков скорым и жестоким судом, чтобы и другим крамольникам неповадно было поднимать голову.

После признаний, сделанных Ринальди, следствию было

очень важно, чтобы и в горой из осужденных, Чезаре Пизано, ради «облегчения души» пошел бы на новые разоблачения. Санчес решил помочь Пизано покаяться. Он приказал бросить его в карцер и ничего не давать есть.

Прошло трое суток. Пизано мужественно переносил страдания. На четвертый день в дело вмешались члены епархиальной инквизиции. Они принялись увещевать Пизано. Если он не откажется от своего злонамеренного упрямства и будет пренебрегать примером Ринальди, то казнь не заставит себя долго ждать. У него есть единственный выход: раскрыть все преступления, совершенные против матери церкви и отдаться под ее защиту. Уполномоченные архиепископа обещали Пизано, что если он расскажет о еретических умонастроениях, царивших среди заговорщиков, то его в соответствии с распоряжением папы отправят в Рим и он тем самым избежит казни. Святая инквизиция отнесется к нему с предельной мягкостью, он будет примирен с церковью и понесет нетяжелое наказание. А главное — он сохранит жизнь! Его убеждали, что смертный приговор Ринальди уже отменен.

И Пизано поверил красноречивым посулам попов. 15 января он согласился «облегчить душу» новыми признаниями. Они были сбивчивы и путаны. Пизано подтвердил многое из того, что раньше упрямо отрицал, дополнил прежние показания рядом очень важных подробностей и обстоятельно рассказал о беседах, во время которых высказывалась ересь. Все, что он говорил, уполномоченные архиепископа тщательно записывали. Когда он кончил, они пообещали ввиду особой важности добытых сведений тотчас же доложить обо всем самому владыке. Они клялись, что участь Пизано будет быстро облегчена. Но и на четвертые сутки ему не дали никакой пищи.

Следующий день был воскресеньем. Несмотря на это, в тюрьму приехал заместитель архиепископа Эрколе Ваккари. По его словам целью визита было желание довести дело до благополучного завершения. Он объявил Пизано, что тот должен под пыткой подтвердить правильность данных накануне показаний. Только тогда они приобретут полную юридическую силу, и апостолический нунций, основываясь на них, сможет потребовать от вице-короля передачи Пизано церковным властям, которые и отправят его в Рим. Пизано боялся пытки. Отец Ваккари, смиренный пастырь, елейным голосом убеждал его, что это делается в его собственных интересах: путь к спасению нелегок, но оно уже не за горами, и правда, подтвержденная в муках, приблизит его.

Помощники палача потащили Пизано на дыбу. Ваккари

спросил его, подтверждает ли он вчерашние признания. Палач старательно помогал выявлению истины. Пизано кричал, что все сказанное им чистейшая правда. Но Ваккари не удовлетворился этим и потребовал, чтобы пытаемый заявил, что он дал свои показания добровольно, без всякого принуждения, исключительно ради облегчения совести и спасения души. Пизано подтвердил и это. В конце концов он не выдержал и взмолился: «Монсеньёр, будьте милостивы! Я сказал правду. Будьте милостивы! Я совсем обессилел — четверо суток у меня ни крошки не было во рту!»

Его спустили с дыбы, развязали, вправили руки, одели. Ваккари, усмехнувшись, сказал, что Пизано придется поторопиться, чтобы выполнить все формальности за «тот небольшой промежуток времени, который ему еще осталось жить». Что?! Никто не собирался отвечать на его вопросы. Было воскресенье, и все спешили домой. Пизано подхватили под руки и привели в зал. Здесь огласили смертный приговор, тот самый, который был вынесен раньше. Что это значит?! Секретарь принялся читать какую-то другую бумагу, где говорилось, что Чезаре Пизано признался в совершении преступлений, характеризующих его как формального еретика, поэтому он должен отречься от ереси и покаяться. Его заставили произнести отречение и подписать его. Все делалось очень быстро. Пизано растерялся. Почему его принудили к отречению как еретика, когда его дело еще только должно разбираться инквизицией? Он ждал, что к нему приманят распоряжение папы, о котором так много говорили увещевавшие его священники, и тотчас же объявят повеление нунция об отправке его в Рим. Вместо этого был зачитан документ о том, что Климент VIII предписал всех клириков, признавшихся или изобличенных в заговоре против испанского монарха, передавать в руки светской власти. Подобную участь должен безотлагательно разделить еретик и мятежник Чезаре Пизано, казнь которого назначена на понедельник! На завтра!

Только теперь он понял, как беззастенчиво его обманули. Но было уже поздно. Никто больше не слушал его криков — он был водворен обратно в камеру. Теперь он выйдет отсюда только для того, чтобы отправиться на эшафот. Как низко и подло обманули его попы! Они прикрывались лицемерными фразами о опасении души, а сами только и думали о тем, как бы добиться от него необходимых им разоблачений. Тысячу раз был прав Кампанелла, когда убеждал его все отрицать!

В камеру Пизано вошли несколько монахов. Они хотели помочь умереть ему добрым христианином, раскаявшимся и покорным. Пизано не желал слушать никаких душеспасительных

речей. Он требовал писца, говоря, что хочет перед смертью дать новые показания. Но его не пожелали слушать. Теперь он уже был не нужен — его оставалось только казнить.

Он страстно стал убеждать монахов, что его силой и обманом — пытками, карцерами, голодом, ложными обещаниями — заставили оклеветать невиновных. Он умолял монахов записать его заявление, которое он делает перед смертью. Один из них начал что-то царапать на бумаге, но другой помешал ему. Пизано кричал, что вообще все его показания — сплошная клевета и он отрекается от них. Он требует, чтобы были записаны его слова, разоблачающие мошенничества и злоупотребления, при помощи которых был состряпан весь процесс. Он при свидетелях клянется, что все его прежние показания ложны и даны под страхом смерти. Он готов претерпеть любые пытки, чтобы доказать это.

Монахи поторопились удалиться. Проклятые лицемеры! Пизано барабанил руками и ногами в дверь. Он тщетно звал надзирателей, духовника, нотариуса…

Санчесу и Ваккари было доложено, что Пизано отрекается от показаний и хочет сделать новые заявления. Никаких новых заявлений! Последними документами в его деле должны остаться «добровольные признания, сделанные для облегчения совести»!

В Неаполе обычно не совершали казней по воскресным дням, и Пизано предполагалось умертвить в понедельник. Но Пизано не прекращал буянить. Он орал на всю тюрьму, проклинал двуличных попов и называл их гнусными обманщиками. Они ничем не лучше палачей: одни вырывают ложные признания пытками, другие — обманом.

Разоблачения Пизано могли повести к нежелательным последствиям. А что, если кому-нибудь взбредет в голову расследовать обстоятельства осуждения Пизано? Тогда будут допрошены под присягой все люди, которые могли его видеть или слышать в последние часы перед казнью. Нет, Пизано должен умереть раскаявшимся! Незачем было ждать понедельника. Власти решили казнить Пизано в воскресенье.

Когда за ним пришли, он кричал и отбивался. Его спешат отвести на эшафот, потому что боятся разоблачения! Санчес торопил тюремщиков. Не было даже времени, чтобы снять с Пизано монашеское одеяние. Его связали — он продолжал кричать. Тогда Санчес велел заткнуть ему кляпом рот. Но Пизано не унимался — он крутил головой и делал отчаянные попытки вырваться. Он совсем не был похож на раскаявшегося и примирившегося. А ведь ему нужно было помочь умереть добрым христианином!

И ему помогли. Вытащив кляп, силой разжали зубы и влили в

рот изрядную порцию одурманивающего напитка, который даже самых буйных делал смиренными и безучастными ко всему.

На этот раз обычная торжественная церемония казни проходила ускоренным темпом. Из Викарии в Кастель Нуово Пизано везли на телеге. Многих неаполитанцев очень неприятно поразило, что казнь была назначена на воскресенье и что осужденного даже не успели переодеть и он оставался в облачении монаха.

Казнь свершилась быстро. Пизано был повешен, потом тело его было четвертовано.

…Ночью в окрестностях Неаполя внезапно разыгрался страшный ураган. Только в порту утонуло восемь кораблей, а сколько галер и лодок погибло в открытом море, никто точно не знал.

В городе богобоязненные люди во всеуслышание говорили, что это кара господня. Само небо возмутилось невиданным святотатством: повесить осужденного, не сняв с него одежды клирика, да еще в воскресенье!

Вице-король был доволен казнью. Правда, кое-кто упрекал его за излишнюю торопливость. Он ссылался на то, что его самого не было в Неаполе, а потом для своего оправдания пустил в ход выдумку, будто казнь была ускорена в связи с тем, что Пизано, находясь в одной тюрьме с Маврицио ди Ринальди, пытался его отравить.

17 января, на следующий день после казни Пизано, едва только улегся свирепствовавший всю ночь ураган, состоялось первое заседание нового трибунала. На нем рассматривались собранные следствием материалы. Уже во вторник нетерпеливый вице-король повелел не копаться дальше в бумагах, а тут же приступить к допросам самого Кампанеллы. Пылкое усердие членов трибунала ни к чему не привело. Кампанеллу каждый день вызывали на допросы, длившиеся помногу часов подряд. Томмазо отрицал абсолютно все — не только утверждения свидетелей, но и свои собственные слова, содержащиеся в заявлении, написанном для Ксаравы. Он мотивировал это тем, что в Калабрии его, как и остальных, вынуждали давать ложные показания. Члены трибунала грозили Кампанелле страшными карами, но он настаивал на невиновности. Ему пообещали изобличить его очными ставками. Он пожал плечами — ничто не заставит его согласиться с клеветой.

Первая очная ставка была с Маврицио. Тот повторил в его присутствии свои признания.

С болью в сердце Томмазо видел, как его друг, которого не могли сломить никакие пытки, добровольно рассказывал обо

всем, что знал. Маврицио не сказал ни слова лжи. Правда? Правда лишь в том, что помогает борьбе! Кампанелла заставил себя смотреть в глаза Ринальди и твердо повторял, что все сказанное Маврицио — выдумки и ложь. Маврицио не стремился уличить Кампанеллу и не убеждал его признаться. Он, покорный судьбе, только призывал в свидетели Бога и клялся, что говорит правду. Томмазо все отрицал. Очная ставка желанных результатов не дала. Когда Маврицио увели, Кампанелла вздохнул с облегчением. Хорошо, что эти невыносимо тяжкие часы остались уже позади!

Но Санчес и не думал об отдыхе. И этот день стал действительно очень трудным. Кампанелле пришлось выдержать пять очных ставок.

Их вводили одного за другим: Франца, Кордова, Тиротта, Гальярдо. Снова и снова повторялась одна и та же процедура. Обвиняемый, выступавший свидетелем, приносил присягу, что будет говорить только правду, потом на вопрос, знает ли он сидящего напротив человека, отвечал положительно и называл имя Кампанеллы, после чего перечислял основные факты, выявленные на предшествующих допросах. А Кампанелла отвергал все показания, называл их клеветой и гнусным вымыслом. Прямо в лицо бывшим товарищам бросал он упрек в том, что они лгут. Это было не легко, но Кампанелле придавала силы уверенность, что такая линия поведения отвечает не только его интересам, но и всех калабрийцев, в том числе и тех, кто теперь, поддавшись слабости, свидетельствовал против него. Томмазо был поражен, как плохо выглядели его товарищи — заросшие, изможденные, желто-зеленые лица. Может быть, их вид так сильно подействовал на него, потому что он давным-давно не видел собственного лица?

На следующий день очные ставки возобновились. Кампанелла должен был отрицать показания Конья и Лаврианы.

Санчес после очной ставки Кампанеллы с Ринальди убедился, что к нему надо применить другие, более радикальные меры, и тотчас же потребовал подвергнуть Кампанеллу пытке. Неожиданно он наткнулся на несговорчивость нунция. Хотя распоряжение папы и уполномочивало апостолических комиссаров применять пытку по собственному усмотрению, нунций захотел снова обратиться с запросом в Рим. Санчес доказывал, что нунций проявляет полную неосведомленность в делах правосудия. Но Альдобрандини был себе на уме. Он хотел лишний раз показать заносчивым чиновникам вице-короля, что только Рим имеет право решать участь духовных лиц, какими бы отъявленными преступниками они ни были. Нежданно-негаданно

Кампанелла получил передышку.

Между тем трибунал продолжал проводить дознания. Очные ставки Дионисия Понцио с несколькими свидетелями окончились ничем. Дионисий, как и Кампанелла, даже когда свидетели говорили чистейшую правду, заявлял, не моргнув глазом, что они по злобе на него клевещут. После очных ставок и угроз прокурора Кампанелла понимал, что его в ближайшие дни подвергнут пытке. Его озадачила причина проволочки.

Для него самой большой неожиданностью были итоги очной ставки с Лавриаиой. Тот вопреки неоднократным обещаниям подтвердил и расширил свои показания. Что на него повлияло? Он узнал, что Лавриана сидел в одной камере с неким Монако, выдававшим себя за ученого. Тот убедил Лавриану не отказываться от показаний. Он рассказал ему, что человека, берущего обратно свои собственные слова, обычно заключают в карцер или подвергают пытке. И Лавриана послушался совета. Теперь очень важная роль выпала на долю Пиццони и Петроло. Несмотря на признания Ринальди, можно было многое отрицать и дружно объяснять наветы Маврицио давней враждой, якобы существовавшей между ним и Кампанеллой. Пиццони и Петроло обещали во что бы то ни стало отречься от всего, что было зафиксировано в старых протоколах, и проявить необходимую твердость. Об этом Джамбаттиста писал и в записке, переданной в молитвеннике.

Пиццони сдержал свое слово и отрекся от показаний. Санчес пришел в ярость. Конечно, эта перемена в настроениях узников объясняется пагубным влиянием Кампанеллы! Угрозы прокурора ничего не дали. Пиццони отвели в карцер. Ему очень хотелось сообщить товарищам, что он выполнил обещание. Он крикнул несколько раз в окно, но ему никто не ответил. Тогда он поднял с пола кусок угля и написал на стене свое имя и несколько слов: его бросили в яму за отказ от старых показаний. Тот, кому суждено сидеть в карцере после Пиццони, прочтет надпись и расскажет товарищам. Пусть их обрадует известие, что он был на высоте и сдержал слово!

Неожиданно он услышал чей-то знакомый голос. Оказалось, что над карцером находилась камера, где сидел Лавриана, который раньше не ответил, потому что поблизости был надзиратель. Пиццони похвалился другу, как мужественно вел себя на последнем допросе. Он ждал от Лаврианы слов одобрения, но дождался иного. Тот упрекнул его в непростительной глупости и тоном превосходства сказал, что он, напротив, не стал брать обратно показаний, внявши совету доктора Монако. К Лавриане скоро присоединился и сам Монако,

и они в один голос принялись убеждать Пиццони подумать о своем спасении и не восстанавливать против себя членов трибунала. Если он будет упорствовать в отрицании очевидного, а тем более — своих собственных слов, на него будут смотреть как на закоренелого лжеца, а это еще больше усугубит тяжесть наказания.

Пиццони сдался не сразу. Может быть, речи Лавриана и Монако и не оказали бы на него воздействия, если бы в карцере не было так холодно и давали бы хоть что-нибудь есть. На третьи сутки, в субботу, 29 января, Пиццони попросил надзирателя, чтобы его отвели в трибунал для дачи новых показаний. Там он объявил, что просит считать не имевшим места его отказ и расценивать его прежние показания как правдивые. Ему сказали, что если он хочет заслужить снисходительность судей, то он должен на очных ставках подтвердить все то, что он свидетельствовал против Кампанеллы и Дионисия. Пиццони согласился. Тут же была устроена очная ставка. Кампанелла с трудом держал себя в руках, видя жалкое поведение Пиццони. Тот на самом деле подтвердил все, что от него требовали. Мелкая душонка!

Из окна Кампанелла видел, как на очную ставку с Пиццони повели Дионисия. Через некоторое время их отправили каждого в свою камеру. Потом по двору в сопровождении надзирателя прошел Петроло. Выдержит ли? Петроло выдержал. Он смело заявил, что все его россказни о подготовке восстания и о сношениях с турками являются ложными. Они состряпаны фра Корнелио. Чем тогда объяснить, что он вместе с Кампанеллой пустился в бегство? Петроло ответил, что ничего не знал об арестах, а бежал, потому что боялся Ринальди, который из личной вражды обещал его убить. Ему заметили, что раньше он добровольно, как записано в протоколах, делал признания и подтвердил их перед епископом Джераче. Петроло возражал, что никогда ничего подобного не было, а его подписи добыты или обманом, или насилием. Члены трибунала, теряя терпение, спросили его, признает ли он, что вместе с Кампанеллой хотел поднять восстание и установить республику. Петроло начисто все отрицал. Он клялся что все это злые наветы врагов.

Обратно его, вывернув руки, волокли уже два надзирателя. Уже по одному этому Кампанелла понял, что Петроло сдержал слово. Куда его тащат? Они остановились у башни, где находился самый страшный карцер — «Крокодилья яма». Пиццони не вытерпел трех суток в простом карцере, а как поведет себя Петроло в «Крокодиле»? Неужели и он не будет достаточно мужественным?

«Крокодилья яма» оказалась очень действенной. Не прошло и суток, как Петроло взмолил о пощаде. Пусть его только выпустят из этой ужасной ямы, он готов сейчас же принести повинную. Надзиратель развел руками. Надо было делать это вчера, в воскресенье члены трибунала не заседают. Теперь ему волей-неволей придется ждать до завтра!

В понедельник утром, как только трибунал приступил к работе, смотритель «Крокодила» доложил о настоятельной просьбе Петроло немедленно его выслушать. Было приказано привести его. Напуганный до смерти, Петроло был готов на все. Он сразу же заявил, что отказался подтвердить правильность прежних показаний в результате угроз со стороны Кампанеллы и Дионисия.

Санчес потирал от удовольствия руки: ведь он и раньше утверждал, что во всем виноват Кампанелла!

Петроло прочли его старые показания, и он не только полностью их подтвердил, но и по собственному побуждению дополнил их многими важными подробностями, которые, будучи тяжелы для Кампанеллы, должны были выгородить самого Петроло и показать глубину и искренность его раскаяния. Особенно важно было свидетельство, что мысль о восстании Кампанелла высказывал еще тринадцать лет тому назад. Петроло разоткровенничался до того, что передал разговор в Стило, когда он сказал Кампанелле, что было бы хорошо, если бы его назначили кардиналом и он бы помогал своим друзьям. «Меня кардиналом? — возразил будто бы на это Томмазо. — Я хочу других делать кардиналами, а не дожидаться, пока меня сделают им!»

Новые разоблачения были очень важны. На очной ставке Петроло повторил их. Однако выдержка не изменила Кампанелле. Он доказывал несостоятельность утверждений Петроло и называл его низким лжецом.

Упрямство Кампанеллы, отрицавшего даже самые очевидные вещи, окончательно возмутило членов трибунала. К нему надо применить крайние средства, не дожидаясь, пока придет разрешение на пытку. Если одних суток в «Крокодильей яме» было достаточно, чтобы заставить Петроло образумиться, то надо бросить туда Кампанеллу и держать его там не одни сутки, а пять или больше! Эта мера тем своевременней, что, пока Кампанелла сидит в карцере, Рим пришлет ожидаемое разрешение и упорствующего преступника можно будет потащить в пыточную камеру прямо из карцера.

На этот раз мнения членов трибунала не разделились. Было решено засадить главаря заговорщиков в «Крокодилью яму».

Очная ставка с Петроло была последним ударом, который окончательно разрушил план Кампанеллы. Сколько сил было потрачено на то, чтобы убедить товарищей в необходимости отрицать результаты проведенного в Калабрии следствия! Сколько надо было проявить выдумки и терпения, чтобы поддерживать с ними связь! И все напрасно!

В задуманном плане, который он проводил с железным упорством, от пяти человек зависел успех всего дела. Ни один из них не оказался достаточно сильным, чтобы пополнить свои обещания! Маврицио, геройски перенесший невиданные пытки, побоялся обречь душу на погибель и в последний момент согласился рассказать всю правду. Пизано поторопились умертвить. После него остались подписанные им разоблачения. Бунт его прошел бесследно — кляп во рту видели только тюремщики. Лавриана дал себя убедить какому-то ученому-негодяю. Пиццони испугался простого карцера, а Петроло не выдержал «Крокодильей ямы».

Как ни тяжела была истина, но с ней приходилось считаться. Надежды, которые Томмазо возлагал на товарищей, не оправдались. Трибунал располагал огромным количеством материалов, которые подтверждали существование хорошо организованного заговора Очные ставки открывали заключительный этап процесса. Трибуналу только оставалось объявить Кампанеллу и Дионисия «изобличенными» и вынести приговор который мог быть только смертным. Жить оставалось недолго. А побег еще не был подготовлен.

Он ждал, что его не сегодня-завтра подвергнут пытке. Он был уверен, что выдержит и ее. Но к чему это приведет? Лишний раз докажет, что он «упорствующий», и даст возможность трибуналу еще легче и быстрее осудить его как «изобличенного». Разве никак нельзя отсрочить вынесение приговора? Что предпринять?

Услышав в коридоре шаги, он вздрогнул. Неужели за ним? Так скоро? Загремели замки, и в камеру вошли два надзирателя. Двое — значит, на пытку или в карцер.

— Куда?

— Увидишь!

Его привели в башню, в подвале которой находилась «Крокодилья яма», и велели раздеться. Обыск? Кампанеллу вынудили снять башмаки и оставили в одном белье.

— Иди! — Надзиратель толкнул Кампанеллу вперед.

— В белье и босым?

— Радуйся, что не голым!

— Почему меня раздели?

— Таков приказ. Иди!

У железной двери тюремщик долго возился с засовами и замками. В коридоре было светло, но один из надзирателей почему-то держал зажженный фонарь. Как только открыли дверь, на Кампанеллу пахнуло ужасающим зловонием. Какова же эта «Крокодилья яма», которая за сутки развязывает упрямцам язык?

Его встретила кромешная тьма. В дверях стоял надзиратель с фонарем и освещал крутую каменную лестницу. Вместе с Кампанеллой спускался тюремщик. Когда ступеньки кончились, Томмазо пришлось шагнуть в жидкую грязь. Она обожгла холодом его босые, доги. Надзиратель велел Кампанелле пройти на середину карцера, там он взял конец длинной цепи с кандалами, надел их на ноги узнику и запер на замок. Пока еще был свет от фонаря, Томмазо успел оглядеться. В «Крокодильей яме» не было ни соломы, ни доски, чтобы присесть. Когда у человека иссякали силы и он не мог больше держаться на ногах, он сваливался в грязь. Как видно, в карцере не было крыс. В таком болоте наверняка не выжили бы даже и крокодилы, а в нем заставляли жить людей.

Темнота не помешала ему обследовать карцер. Он ощупал сырые, холодные как лед стены, поддерживая рукою кандалы, которые больно сжимали ноги, прошел во все стороны. Цепь была длиною в несколько шагов; прикрепленная к кольцу посреди карцера, она не давала узнику возможности подняться на лестницу и вынуждала его все время торчать в вонючем болоте. Нагнувшись, можно было с трудом дотянуться до нижних ступеней.

Кампанеллу особенно мучил холод. Недаром говорили, что узники «Крокодила» всегда страшно мерзнут!

В Неаполе стояли январские холода, и Санчес намеренно приказал оставить Кампанеллу в одном белье. Холод был таким нестерпимым, что он сразу потерял ощущение времени. Ему казалось, будто он сидит в этой яме уже несколько суток. Чтобы не окоченеть, надо было не переставая двигаться, размахивать руками, ходить. Холод заставлял узника плясать, подобрав тяжелые кандалы. Железо резало кожу и впивалось в кости. Томмазо быстро выбился из сил. Ноги сводило судорогой, кандалы тянули вниз — хотелось сесть прямо в слякоть и не вставать. Но долго нельзя просидеть — холод сковывал члены, надо было вскакивать и опять плясать, плясать, плясать…

Снаружи не доносилось никаких звуков. Здесь даже не было слышно, как во дворе и на крепостных стенах сменялись караулы. «Крокодил» был без окон, а дверь закрывалась так плотно, что не оставалось ни одной щели. В карцере всегда стояла непроглядная темнота. Попробуй догадаться: утро на улице или ночь, рассвет

или сумерки!

Пищу узнику приносили не каждый день и всегда в разное время, поэтому нельзя было определить, сколько дней прошло с тех пор, как его бросили в карцер. Время тянулось очень медленно, и часы казались целыми сутками.

Когда Томмазо совсем выбивался из сил, он садился на землю. Вставать было трудно: ноги опухли, и кандалы еще глубже врезались в тело. Холод и усталость доставляли такие мучения, что трудно было о чем-нибудь думать. Мысли становились все ленивей и неповоротливей. Томмазо двигался почти машинально. Голова была совсем пустой. Усилием воли он заставил себя думать. Сперва, чтобы побороть усталость и преодолеть растущую апатию, он стал вспоминать стихи. Он читал их вслух, шагая из стороны в сторону, насколько позволяла цепь.

Инквизиторы любили говорить, что арестанта сажают в карцер именно для того, чтобы он на досуге имел возможность как следует поразмыслить над ожидающей его судьбой. Вот так и нужно использовать это время! Неужели он не придумает еще какой-нибудь уловки, чтобы помешать врагам быстро закончить следствие?

Томмазо не знал, сколько прошло времени, когда ему первый раз принесли пищу. Один день или двое суток? Голод мучил его давно. Свет от фонаря резал глаза. Надзиратель спустился вниз и поставил на нижнюю ступеньку кружку воды и небольшой кусок хлеба. Кампанелла попытался с ним заговорить. Тюремщик молча ушел. Силы быстро убывали. С каждым часом все труднее и труднее было двигаться. Теперь уже Кампанелла не мог поддерживать рукой кандалы, и железо немилосердно врезалось в опухшие ноги. Щиколотка была мокрой и липкой. От крови или от грязи? Только когда ему во второй раз принесли хлеб и в карцере на несколько мгновений стало светло, Кампанелла увидел, как из замазанных грязью ссадин сочится кровь.

От голода кружилась голова. Он должен был напрягать всю свою волю, чтобы подняться. Иногда на какие-то мгновения он погружался в полузабытье. Потом, тревожно вздрогнув, пробуждался. Не сразу удавалось заставить окоченевшие руки и ноги снова двигаться.

Он лежал, прислонившись затылком к каменной стене, по которой беспрерывно бежали тоненькие струйки воды. Он напряженно думал, как помешать трибуналу вынести приговор. Во что бы то ни стало он должен подготовить побег, вырваться на свободу и продолжать борьбу! В его голове рождались десятки планов. Зря мудрецы из трибунала думают, что они смогут быстро осудить его как «изобличенного». Разве они уже

достаточно разобрались в его сложном деле, требующем вмешательства компетентных людей и долгих, очень долгих расследований?! Он задаст им еще немало работы — ему торопиться некуда. Каждый выигранный день увеличивает шансы на удачный побег. Сознание, что он оправдает надежды Дионисия и других товарищей, беззаветно верящих, что нет такого положения, из которого бы Кампанелла не нашел выхода, наполняло его гордостью. Друзья могут быть спокойны! Томмазо нашел выход!

Ему казалось, что уже несколько суток не приносили есть. Когда надсмотрщик поставил на нижнюю ступеньку кружку с водой и хлеб, Кампанелла нагнулся — и упал. Много времени прошло, пока ему удалось дотянуться до хлеба…

Вода и хлеб, которые принесли в четвертый раз, так и остались нетронутыми. Кампанелла не мог больше встать. Он попросил позвать лекаря. Надзиратель ответил, что доложит в трибунал. Врач, разумеется, не пришел.

…Он очнулся от какого-то странного и глухого шума, точно кто-то катал по камням вокруг башни пустые бочки. Неожиданно он услышал плеск воды и вспомнил страшные истории об узниках, утонувших в «Крокодильей яме». Карцер находился под землей и примыкал ко рву, опоясывающему башню. Во время сильных приливов и бурь вода из моря попадала в ров и начинала заливать карцер. Неужели буря?!

Вода прибывала очень быстро. Кампанелла закричал. Но разве кто-нибудь услышит его голос из этой могилы? Превозмогая боль, он заставил себя встать. Вода доходила до колен — холодная морская вода. Вот почему карцер назвали «Крокодильей ямой» — люди должны плавать в нем, словно крокодилы! Узник не может забраться на лестницу и спастись от наводнения. Пусть он, прикованный цепью к полу, захлебываясь, проклинает судьбу!

Томмазо бродил в ледяной воде и с ужасом чувствовал, что она поднимается. Должны же тюремщики, слыша шум бури, вспомнить и о нем!

Если бы у него были силы, чтобы вплавь держаться на воде, то этому мешали бы кандалы. Сколько бы он ни рвался и ни кричал, пройдет немного времени — и вода захлестнет его с головой. Лишь бы не упасть. Он понимал, что тогда не встанет.

Не лучше ли сразу конец? Он гнал прочь малодушные мысли, хотя и знал, что его ждут только новые мучения, пытки, казнь. Конец?! Неужели его мыслям так и суждено погибнуть вместе с ним в этой проклятой яме? Неужели он не осуществит новых планов и не посрамит хитроумных врагов?!

Он кричал и, барахтаясь в воде, инстинктивно тянулся к лестнице. Он держался на ногах из последних сил отчаянным напряжением воли. А вода в карцере все прибывала и прибывала…

Глава одиннадцатая. УЗНИК СХОДИТ С УМА

Февраль 1600 года начался с усиленных допросов Маврицио ди Ринальди. Члены трибунала непременно хотели, чтобы устами Ринальди был полностью изобличен Дионисий Понцио. Однако и на очной ставке Дионисий остался верен себе. В деле Маврицио протокол этой очной ставки был Предпоследним документом. Убедившись, что Маврицио рассказал все, что знал, судьи нашли бесполезным дальше откладывать казнь.

3 февраля его перевели из Кастель Нуово в камеру смертников тюрьмы Викарии. Хотя трибунал и считал, что осужденный Ринальди больше никаких интересных сведений дать не может, священник, исповедовавший Маврицио, был другого мнения. Он убедил его еще раз облегчить свою совесть — и теперь перед чинами Святой службы. Маврицио не противился. В тот, же день три инквизитора прибыли в тюрьму. Их мало интересовала подготовка восстания — этим занимался трибунал, но они без устали принуждали Маврицио вспоминать проявления ереси в словах и поступках известных ему людей. Повторные вопросы ничего нового не давали. Им стало ясно, что из Маврицио больше ничего не вытянуть. Теперь он был никому не нужен.

4 февраля Маврицио ди Ринальди стал главным действующим лицом той же самой церемонии, что и в первый раз. Его провезли на телеге через город в Кастель Нуово. Рядом с ним шли те же самые священники, только теперь никто из них не уговаривал его облегчить душу откровенным признанием. Теперь даже на утешения не тратили много слов.

Его повесили на тюремном дворе неподалеку от церкви. Когда агония кончилась и Маврицио затих навсегда, его вытащили из петли и швырнули на плаху. Деловитый палач, не торопясь, разрубил тело на четыре части…

Акт о приведении казни в исполнение завершил дело Маврицио ди Ринальди. В нем говорилось, что Ринальди, повешенный в возрасте двадцати восьми лет, оставил после себя трехлетнюю дочь по имени Констанца.

Это было простым установлением факта. В ту пору в Италии много детей оставалось без отцов…

Кампанеллу вытащили из «Крокодильей ямы», когда вода доходила ему почти до шеи. Он лежал на полу в коридоре у двери карцера. Вокруг него толпились тюремщики. На него смотрели

как на диковинку: выдержать столько времени в самом тяжелом из карцеров Кастель Нуово!

Он сам не мог даже одеться. На него напялили кожаные штаны и суконную куртку. Тюремщикам пришлось поднимать его. На дворе он зажмурился от яркого солнца. А как все-таки прекрасно сознавать, что никакой «Крокодил» не в состоянии заставить человека поступать против собственной воли, если он твердо решил стоять на своем! Зря члены трибунала надеялись, что карцер поможет им быстро закончить процесс и осудить Кампанеллу как «упорствующего» и «изобличенного»! Они считают, что уже полностью разобрались в преступлении и для них не может быть ничего нового? Они еще плохо знают Кампанеллу — даже полумертвый он всегда что-нибудь придумает для достопочтенных судей!

Его понесли не в камеру, а прямо на допрос. Самые худшие догадки оправдались: его держали в «Крокодильей яме» до тех пор, пока из Рима не пришло разрешение применить пытку.

Тюремный врач осмотрел опухшие ноги Кампанеллы. Из разъеденных солью ран сочилась кровь. Он что-то сказал Санчесу. Тот усмехнулся: «Приступайте!»

Неаполитанские палачи любовно называли эту пытку «полледро» — «жеребенок» и гордились тем, что она впервые была применена в их родном городе. Хотя история и не сохранила имени ее изобретателя, говорили, что он был знатоком коннозаводского дела. Чтобы обуздать диких, необъезженных лошадей, обычно применяли особое устройство. Тот же принцип было предложено употребить и для смирения самых «диких» преступников. Пыточный станок представлял собой деревянную раму, похожую на лестницу, поперечные перекладины которой были так затесаны на острый угол, чтобы, когда человека положат на них спиной, они врезались в тело от затылка до пяток. Лестница заканчивалась огромной деревянной ложкой, в которую, словно в чепец, вкладывали голову. С обеих сторон рамы и в «чепце» были просверлены отверстия, в каждое из них продевались веревки. Первая из них накладывалась на лоб пытаемого, последняя связывала большие пальцы ног. Как правило, веревок было тринадцать, но для особенно упорных число их увеличивали. Специальными приспособлениями веревки натягивались все больше и больше — казалось, что, раздавив мускулы, они впивались в кости. «Полледро» употреблялась лишь в исключительных случаях.

Палачи рассчитывали, что «полледро» будет долгой. Ведь недаром о Кампанелле говорили, что он не боится пыток! Но их ждала неожиданность. Кампанеллу словно подменили. От его

гордыни не осталось и следа. Вместо ожесточения и упрямства, с которым он обыкновенно приходил на допрос, он был полон смирения и страха. Члены трибунала понимающе переглянулись: «Крокодилья яма» вернет благоразумие любому упрямцу!

После обычной формулы увещевания Санчес — уже совсем другим голосом — пообещал Кампанелле, что замучает его до смерти, но добьется своего. Он приказал еще туже стянуть веревки. Пусть у проклятого еретика лопается кожа, если он, посинев от нарушенного кровообращения, все еще думает отделаться молчанием! Кампанелла закричал. Его былая заносчивость исчезла. Он орал так, словно от боли окончательно потерял рассудок. Он взывал к милосердию и просил сохранить ему жизнь. Он клялся, что расскажет всю правду. Недолго он выдержал!

Первые же его слова изумили судей. Он признался, что в его намерения входило установить в Калабрии республику. Наконец-то он подтвердил, что замышлял против короля и Испанской монархии. Против Испанской монархии?! Нет, ничего подобного! Все его действия были направлены к ее укреплению. Но ведь он же мечтал о республике? Да, о республике, объединяющей весь мир, во главе которой стоял бы сам испанский монарх! Новой, универсальной республике христиан!

Томмазо употреблял множество богословских и астрологических терминов, подробно останавливался на приметах, предвещавших близкий конец, света. Санчес прервал его: ведь все это не относится к делу. Кампанелла возразил, что если Санчес ничего не понимает в астрологии и богословии, то он, конечно, не сможет разобраться в мотивах, которыми руководствовался Кампанелла, проповедуя республику. Поэтому следует призвать других судей, разумеющих истину. Он сыпал именами астрологов и святых, ссылался на библию, на блаженного Августина, св. Екатерину и св. Бригитту, на старые пророчества и на свидетельства звезд. Он говорил языком Апокалипсиса. Санчес хотел, чтобы его показания были более конкретными. Де Вера сдерживал его нетерпение. Не кажется ли Санчесу, что республика должна была быть республикой еретиков? Он настоял, чтобы трибунал не мешал Кампанелле высказать все, что он находит нужным.

Томмазо не отрицал, что для защиты республики от врагов можно прибегнуть и к оружию. Установить ее следовало как с помощью проповеди, так и с помощью меча. Эта республика была предсказана в откровениях Иоанна.[15] Ему напомнили о союзе с турками. Он категорически отстранил от себя все обвинения в преступных сношениях с неверными. Он не может нести

ответственности за выходки фуорушити. Он тут ни при чем, если Маврицио ди Ринальди, возлагал какие-то надежды на Амурат Раиса. Он, Кампанелла, случайно узнав о переговорах Ринальди с турками, порицал его за это.

Томмазо нарочно давал путаные и пространные показания. Он упомянул, что, судя по предсказаниям, Османская империя скоро распадется на две части, одна из которых станет христианской. В его речах то и дело фигурировал папа. Разумеется, новая республика мыслилась только как государство, находящееся под верховным попечением римского первосвященника!

Санчес насторожился. Недаром поговаривали, что папа приложит все усилия, чтобы облегчить заговорщикам их участь!

На этот раз Кампанелла очень долго давал показания. Члены трибунала устали. Решено было продолжить допрос на следующем заседании.

Подписывая протокол, Кампанелла вздрогнул. Он не знал, сколько времени провел в «Крокодильей яме». Пищу приносили четыре раза. А сколько суток он просидел? Пять? На протоколе стояла дата — 7 февраля. Семь суток!

Он надеялся, что его вернут в старую камеру, но его отвели в карцер. Правда, он был не таким страшным, как «Крокодил», однако и отсюда нельзя было поддерживать связь с друзьями.

На следующий день его вызвали для продолжения допроса. Он по-прежнему старался все запутать и усложнить. Санчес хотел новой пыткой заставить Кампанеллу подтвердить намерение установить республику. Он настаивал на продолжении «полледро». Это благое желание наткнулось на юридическое препятствие: одну и ту же пытку не разрешалось применять дважды. Выход был найден скоро. Члены трибунала согласились рассматривать новую пытку не как «повторение, а лишь как продолжение» старой. Кампанеллу снова бросили на пыточный станок. Санчес, ждавший отягощающих вину признаний, ошибся. Кампанелла с еще большим упорством уверял, что республику он думал установить в интересах короля и папы!

Вторая пытка не дала ничего нового. Санчес находил, что Кампанеллу надо считать «признавшимся», не входя ни в какие подробности и не принимая во внимание его хитроумных объяснений. Но в чем?

В том, что он хотел в интересах испанского короля и папы содействовать скорейшему установлению идеального христианского государства, предсказанного пророками, святыми и Апокалипсисом?

Мотивы, выдвинутые Кампанеллой, были очень сложны.

Несмотря на всю нетерпеливость Санчеса и понукания со стороны вице-короля, торопиться не следовало. В этом вопросе могли разобраться только самые сведущие богословы.

Томмазо очень боялся, что не успеет связаться с товарищами, а в это время Санчес использует его показания, чтобы сбить их. Он покажет им только те места протоколов, где Кампанелла признает намерение установить республику, и так сможет ввести товарищей в роковое заблуждение. Надо было обязательно их предупредить. Из карцера этого не удавалось сделать. Он надеялся, что после второй пытки его переведут в обычную камеру. Самая большая опасность заключалась в том, что после его допроса могут вызвать кого-нибудь из калабрийцев или сразу же устроят очную ставку. Как воспрепятствовать этому?

Он затягивал допрос, говорил многословно, возвращался все к одному и тому же, ссылался на забывчивость, долго вспоминал какой-нибудь пустяк.

Потом он принялся с великим жаром доказывать трибуналу, что во имя скорейшего выявления истины необходимо сразу же дать ему очные ставки с Дионисием Понцио, Битонто и другими. Он клятвенно уверял судей, что очень легко докажет правдивость своих признаний. Он с таким неподдельным рвением требовал очных ставок, что трибунал, видя в этом какую-то очередную увертку Кампанеллы, тут же самым категорическим образом отказался удовлетворить его просьбу.

Томмазо внутренне торжествовал. Его радость увеличилась еще больше, когда подтвердилось и второе его предположение — после допроса он был водворен в свою старую камеру. Ему было очень тяжело двигаться, но он добрался кое-как до окна и позвал Маврицио. Ответа не последовало. Неужели его снова отправили в Викарию? Кампанелла во второй раз окликнул Маврицио. Ему ответил кто-то другой. Он узнал голос Пьетро Понцио. Что с Ринальди? Пьетро рассказал, что четыре дня тому назад Маврицио на глазах узников Кастель Нуово был повешен. Изверги!

Несмотря на слабость, проявленную Маврицио в последние дни, Кампанелла его очень любил. Но мертвым ничто не поможет — надо думать о живых. Получив от Пьетро бумагу, Томмазо изложил свой план, который уже начал осуществлять. Он просил, чтобы Пьетро, приняв все меры предосторожности, сообщил о нем остальным товарищам. Процесс не сегодня-завтра может закончиться. Одних казнят как «признавшихся», а других, которые отрицают свою вину, как «изобличенных». В результате признаний Ринальди, Пиццони и Петроло трибуналу стал известен ряд важнейших фактов, которых никак не опровергнуть.

Отрицать намерение заговорщиков установить в Калабрии республику было теперь бессмысленно. Надо было дать ему объяснение, которое бы доказывало, что в замыслах калабрийцев не было ничего преступного. Кампанелла, начав свои «признания», утверждает, что он и его единомышленники стремились своими действиями принести пользу испанскому королю и папе, он сознательно путает судей богословскими и астрологическими тонкостями. Он требует, чтобы во всем этом деле разобрались люди, сведущие как в теологии, так и в расположении звезд. Он преднамеренно прибегает к аргументам, стоящим на грани ереси. Это требует большого искусства. Он хочет, чтобы в дело вмешалась римская инквизиция, а вместе с тем тщательно следит, чтобы не дать инквизиторам ни малейшего повода для осуждения их как еретиков. От его высказываний, разумеется, отдает душком ереси, но он сумеет доказать любому квалификатору, что они образец христианского благоверия. Все, что касается пророчеств и Апокалипсиса, очень деликатно. Людей, не искушенных во всех тонкостях теологии, опытные богословы смогут сбить, запутать, склонить к высказыванию ереси. Поэтому необходимо, чтобы только один Кампанелла давал объяснения по этим вопросам. Все остальные должны по-прежнему отрицать свою виновность и настаивать на освобождении. Томмазо высказывал уверенность, что это позволит оттянуть вынесение приговора и даст возможность хорошо подготовить побег. Он призывал друзей быть мужественными.

На следующий день после второй пытки, как этого требовала обычная судебная процедура, Кампанелле вручили копии протоколов и обвинительное заключение. Ему установили срок для написания защиты и разрешили пользоваться услугами адвоката. Процесс подходил к концу. Когда стали искать человека, который взял бы на себя защиту Кампанеллы; выяснилось, что в Неаполе не нашлось никого, кто захотел бы помочь. Политический процесс по обвинению в оскорблении величества, да еще осложненный подозрениями в ереси! Защищать подобных преступников в Неаполитанском королевстве было небезопасно для самих адвокатов. К тому же Кампанелла не имел за душой ни гроша.

Тогда трибунал поручил защищать Кампанеллу «адвокату для бедняков». Томмазо не строил себе никаких иллюзий в отношении защитника, назначенного трибуналом. Однако он ошибся. «Адвокат для бедняков» оказался человеком, с которым он быстро нашел общий язык. Джамбаттиста Леонарди сам учился на медные деньги, жил долго в Козенце, знал Телезия.

Леонарди очень внимательно отнесся ко всем пожеланиям Кампанеллы. Он тщательно записывал все выдвигаемые им аргументы. Он искренне хотел быть полезен, однако не скрывал от Кампанеллы суровой правды. Никакие доводы не смогут смягчить ужасной участи, которая ждет заговорщиков.

Неизвестно, что руководило Санчесом, — интерес к предсказаниям о близком конце света или желание убедить трибунал в том, что Кампанелла нарочно придумывал различные пророчества, чтобы баламутить народ и подбивать его на восстание. Однажды он вызвал Кампанеллу и велел немедленно продиктовать секретарю все соображения и резоны, которые заставляли его говорить о неминуемом наступлении великих перемен. Томмазо должен был без всякой подготовки дать ответы на сложнейшие вопросы. Он увидел в этом еще один подвох: не было ничего проще как позволить ему самому изложить в письменной форме все интересующие следствие вопросы. Однако его заставляют диктовать, чтобы его аргументы не были бы достаточно обоснованы. Но зря, господа, вы надеетесь, что после «Крокодила» и пыток измученному Кампанелле изменила память и ему не собраться с мыслями! Еще не родился человек, который бы его переспорил. Вы не даете ему ни времени подумать, ни книг, чтобы проверить ссылки, но тщетны ваши ухищрения. Голова его по-прежнему ясна, по-прежнему необъятна память, он и теперь наизусть процитирует вам столько страниц из писаний святых отцов, что ученым педантам только придется развести руками. Вам не поймать Кампанеллу на том, что он неправильно толкует то или иное место священного писания!

Он, не задумываясь, продиктовал свое мнение о пророчествах. Писец был вынужден просить его говорить медленней.

Когда Санчес, размножив рукопись, показал ее видным богословам Неаполя, в том числе и иезуитам, они в один голос выразили удивление, что Кампанелла, не имея под рукой никаких книг, смог экспромтом продиктовать целое сочинение на сложнейшую тему и сослаться на множество признанных церковью авторитетов, не извратив ни одной цитаты. Его доводы были очень убедительными. Нет, нельзя было утверждать, что все сказанное Кампанеллой о пророчествах придумано им с единственной целью мутить народ. А что, если признаки надвигающихся перемен — невиданные наводнения и кометы, небесные знамения, страшные ливни, землетрясение, нашествие червей — на самом деле свидетельствуют о близком конце света?

Кампанелла, все еще не оправившийся после пытки, лежал на своем тюфяке, когда за ним пришел надзиратель. Он думал, что

его ведут на допрос. Тем с большим удивлением он увидел, что в зале сидело много людей. Оказалось, что Санчес пригласил богословов-испанцев, которым особенно доверял, и просил их высказаться по поводу пророчеств. Мнения разделились. Одни считали, что необычные явления природы находятся в полном соответствии с Апокалипсисом и не видели в рассуждениях Кампанеллы ничего преступного. Другие, напротив, уверяли, что Кампанелла ловко пользуется пророчествами в своих целях. Санчес предложил им публично уличить Кампанеллу во лжи. Служитель ввел его в зал. Диспут? Кампанелла принял неравный бой. Затея Санчеса обратилась против него самого. Томмазо разбил противников. Он подтвердил правильность своей точки зрения рядом дополнительных свидетельств святых отцов, выдающихся астрологов и даже кардиналов, в том числе и Беллармина. Ему не смогли ничего возразить. Тогда, обращаясь к Санчесу и де Вера, Кампанелла сказал:

— Что вы хотели доказать этим спором? Даже если бы было признано, что мои высказывания о пророчествах ошибочны, это никак не служило бы доказательством нашей виновности в преступных замыслах против Испанской монархии. Меня можно было бы обвинить в извращении богословия. Но вы не в силах разобраться в этом и не ваше это дело! Право заниматься этими вопросами принадлежит исключительно и всецело Святой службе!

Санчес потерпел неудачу. Неслыханная вещь, чтобы светский суд ущемил интересы инквизиции! Он слишком многое берет на себя, когда хочет закончить процесс, самолично решив вопросы, подлежащие ведению инквизиции. Апостолический нунций счел, что это наносит непоправимый вред престижу церкви, и еще настойчивей стал требовать, чтобы дело калабрийских заговорщиков не было бы завершено, пока на это не будет согласия Рима.

Леонарди вместе с Кампанеллой составляли защиту, а в это время допросы других обвиняемых шли полным ходом. Теперь можно было пытать всех, кого было угодно. Трибунал не замедлил воспользоваться предоставленным ему правом. Кампанелла опередил судей и объяснил товарищам, как им вести себя. Его пример придавал другим мужество: никто еще за всю историю Кастель Нуово не выдержал столько времени в «Крокодильей яме»!

Дионисия Понцио подвергли той же пытке, что и Кампанеллу, — «полледро». Палачи до предела натянули веревки. Он не признавал себя виновным. Тогда Санчес приказал увеличить число веревок с тринадцати, как было обычно принято,

до девятнадцати. Однако и это не принесло никакого результата. Дионисий настойчиво твердил одно и то же: он ни в чем не виноват ни перед испанским королем, ни перед церковью. Веревки так впились в тело, что казалось, они сейчас перережут Дионисия на куски. Врач, присутствовавший на допросе, предупредил, что если истязания будут продолжены, Понцио навсегда останется калекой. Прокурор цинично ответил, что это не имеет никакого значения — преступнику и так осталось жить считанные дни, а к виселице его довезут и на тележке. Дионисий Понцио должен признаться!

Палачи снова принялись крутить палки, которыми натягивались веревки. Но человек выдержал — не выдержали веревки. Они стали лопаться одна за другой. Санчес настаивал на продолжении пытки. Палачей нельзя было обвинить в недостаточном усердии. Дионисий молчал…

Когда его отвязали от рамы, он был без сознания. Тело было синим, все в кровавых полосах. Его не стали одевать, а захватив в охапку одежду, голым потащили обратно в карцер. Тюремный врач, обращаясь к прокурору, сказал:

— Ваше чрезмерное рвение только помешает вам быстро закончить процесс. Теперь Понцио очень долго не сможет даже подписывать протоколов, которые вы будете ему давать, — и врач показал на раму: во время пытки лопнули семь веревок.

Санчес зло огрызнулся:

— Я заставлю его держать перо зубами!

Пример Кампанеллы и Дионисия оказал большое влияние на всех остальных. Даже слабые духом люди почувствовали прилив мужества. Кампанелла сумел, убедить друзей, что единственная возможность сейчас избежать казни заключалась в том, чтобы, все отрицая, дождаться, пока в дело вмешается римская инквизиция, а за это время подготовить побег. Пиццони и тот решил виновным себя не признавать.

Члены трибунала, помня его податливость, велели пытать Пиццони на простой дыбе. Сверх ожидания он не стал говорить. Тогда возникла необходимость усложнить пытку. Было приказано пытать Пиццони на дыбе «с веревочками». Человека не просто подтягивали за руки кверху — предварительно его особым образом связывали отдельными тонкими веревками. Ему набрасывали петли на запястья, на предплечья, под мышки и только потом на этих веревках поднимали под потолок.

Два часа без перерыва истязали Пиццони на дыбе «с веревочками». Он так и не признал себя виновным. Его внезапно вспыхнувшее упорство возмутило членов трибунала. Они приказали палачам не церемониться с ним. Во время пытки

Пиццони нанесли несколько тяжелых увечий и сломали плечевую кость. Надзиратели ругались — им пришлось его тоже нести обратно в камеру на руках.

Вслед за тем дыбе «с веревочками» были подвергнуты Петроло, Битонто и Контестабиле. Они тоже виновными себя не признали. Им всем вручили копии протоколов с обвинительными заключениями и назначили адвокатов. Они, как Дионисий и Пиццони, считались «изобличенными» в «оскорблении величества» то есть в тягчайшем государственном преступлении, а это значило, что смертная казнь их не минует.

Санчес имел намерение быстро закончить процесс, не дожидаясь, пока Рим станет выяснять, нет ли ереси в пророчествах Кампанеллы. Он очень торопился. Защиты — пустые формальности, и он не собирался тратить много времени на их рассмотрение. Главное, успеть вынести приговор до того, как вмешается Рим, а там, смотришь, вице-король прикажет не посылать его на одобрение папы и, как это было в случае с Пизано, привести в исполнение. Теперь заседания трибунала происходили почти каждый день.

Кампанелла не только усиленно работал вместе с Леонарди над своей защитой, но и постоянно помогал товарищам советами. Пусть их защиты и будут иногда противоречить одна другой — они ведь пишутся не для того, чтобы выяснить истину, а, наоборот, чтобы ее скрыть.

Леонарди честно сказал Кампанелле, что положение его безнадежно. Сколько бы Кампанелла ни уверял, что его нельзя ни считать признавшимся в преступлениях против Испанской монархии, ни рассматривать как «изобличенного», любой трибунал на основании имеющихся свидетельств не примет во внимание его уверений. Адвокат еще раз объяснил ему, что, когда дело идет об «оскорблении величества» — а любой антиправительственный заговор и является таковым, — испанские правоведы не делают большого различия между совершенным злодеянием и преступным намерением. Тот, кто допустил кощунственную мысль о ниспровержении царствующего монарха, одинаково карается смертью, как и тот, кто осмелился поднять на него руку!

В середине марта «Защита» Кампанеллы, написанная Леонарди, была представлена в трибунал и подверглась обсуждению. Прокурор настаивал на том, что никакие смягчающие обстоятельства не могут быть приняты во внимание и Кампанелла, вдохновитель и организатор заговора, должен быть наказан по всей строгости закона. Санчес спешно составил свои «Возражения» и попытался отвести все доводы защиты. Он

видел в рассуждениях о пророчествах только уловку.

Приближалась пасха. Нунций и де Вера все чаще противились тому, чтобы заседать в трибунале каждый день. Они ссылались на свои обязанности, связанные с надвигающимся праздником. Санчес весьма подозрительно относился к их нерадивости. Вице-короля в Неаполе не было. Перед праздниками быстрый темп, в котором завершался процесс, несколько замедлился. Однако Санчес был уверен, что сразу же после пасхи он добьется вынесения приговора и казни осужденных.

Леонарди поставил Кампанеллу в известность, что прокурор отверг все доводы защиты. Трибунал не находил нужным проводить дополнительных расследований. Тяжело было выслушать это известие. Неужели близок конец? Неужели не удастся спасти ни товарищей, ни себя? Дионисий передавал, что появились шансы на побег, но сейчас он не может двигаться и необходимо любой ценой добиваться отсрочки. Каким путем снова выиграть время?! Он и так долго морочил голову судьям своими рассуждениями об универсальной христианской монархии. Ни Санчес, ни де Вера не могли толком разобраться в его хитроумной аргументации. Однако они были убеждены, что такой закоренелый враг испанцев и церкви, как Кампанелла, которым много занималась инквизиция, разумеется, мечтал о государстве, ничего общего не имеющем с Испанской монархией!

Всю историю сношений с турками можно было валить на Ринальди и распространяться о предсказаниях, что половина Османской империи откажется от мусульманской веры. Но как доказать, что он, Кампанелла, был не врагом, а горячим приверженцем Испанской монархии? Если бы это можно было сделать, то тогда его туманные рассуждения об универсальном христианском государстве оказались бы совсем на другой почве. События, имевшие место в Калабрии, приобретали совершенно иную окраску. Он и его друзья из опасных заговорщиков превратились бы в экзальтированных фанатиков, которые, ожидая конца света, проповедовали наступление золотого века, возвещенного Апокалипсисом. Как доказать, что именно в тот период, когда готовился заговор, он был ярым сторонником Испанской монархии и что республика, к установлению которой он стремился, была даже «больше на пользу королю, чем папе»?! Свидетельскими показаниями? Таких не найдешь! Несуществующими документами? Своими книгами?

А что, если в Стило среди его пожиток вдруг совершенно случайно был бы обнаружен политический трактат, прославляющий Испанию и датированный концом 1598 года? Вот это-то и докажет трибуналу, что его настроения накануне ареста

совершенно не носили того характера, который хотят придать им лжесвидетели и клеветники. Кто тогда поверит, что человек, боготворящий Испанскую монархию, мог возглавить направленный против нее заговор? Он в деталях продумал свой новый план. Здесь, в тюрьме, тайком от надзирателей и доносчиков он напишет большое сочинение, в котором будет, не жалея восторженных слов, описывать Испанскую монархию как идеальное государство, равного которому нет на свете. Затем, воспользовавшись своими связями, он переправит в Калабрию рукопись, которая будет датирована задним числом. Когда все будет готово, он обратиться в трибунал с заявлением о своей невиновности и самым решительным образом потребует, чтобы в Калабрии «среди его пожиток» разыскали это сочинение. Его действительно обнаружат. Этот трактат — вещественное доказательство его любви к испанцам! — будет иметь куда больший вес, чем свидетельские показания.

Новый план при всем своем остроумии был не лишен существенного недостатка: для его выполнения требовалось время, и не дни, а месяцы. Написать в тюрьме большое сочинение, чтобы ни одна его страница не попала в руки надзирателей, то и дело устраивающих обыски, было очень сложно. Ведь иногда за целые сутки не удавалось даже нацарапать записки в несколько слов! Нужно было время. А его-то как раз почти не оставалось.

Вызванный в трибунал Кампанелла продолжал защищаться. Он требовал опроса новых свидетелей, настаивал, чтобы ему дали возможность написать жалобы испанскому королю и папе. Члены трибунала потеряли терпение. Ему заявили, что его дело закончено и он считается «изобличенным» и «признавшимся», так как он не отрицает, что хотел установить республику. Его вина доказана. Все дальнейшие ухищрения, имеющие целью оттянуть вынесение приговора, совершенно бесполезны. Его больше не будут вызывать на допросы и не будут выслушивать его защитительных речей. Санчес напоследок сказал:

— Государственные интересы требуют, чтобы вы были преданы смерти. Вам надо думать не о том, чтобы защищаться, а о том, чтобы готовиться к последнему причастию.

Эти слова не были пустой угрозой. В тот же день Кампанеллу перевели в камеру с окном, забитым досками, лишили возможности писать и общаться с адвокатом.

Итак, все кончено. Надеяться было не на что. Случай с Пизано показывал, что испанские власти не будут дожидаться, пока вмешается Рим.

То ли в связи с приближающейся пасхой, то ли в связи с

окончанием дела, но в камеры к калабрийцам зачастили священники, иезуиты и доминиканцы, Они увещевали узников подумать о неминуемой смерти, покаяться и признаться во всем. Не забывали они и Кампанеллы. Особенно настойчивым был Педро Гонзалес. Он убеждал Кампанеллу раскаяться, а когда тот отказался, стал в грубых и резких выражениях попрекать его:

— Подумай о душе, потому что тебя самого ничто уже не спасет!

Кампанелла прогнал его прочь. «Тебя самого ничто уже не спасет!»

Даже новый план, который не удастся осуществить из-за недостатка времени. И его никак уже не выиграть? Положение было отчаянным. Конец?! Все средства были исчерпаны. Выхода не было. Оставалось только ждать казни.

На пасху, 2 апреля 1600 года, в тюрьме Кастель Нуово случилось чрезвычайное происшествие. Под утро надзиратель Мартинес, дремавший на своей скамейке, был разбужен необычным шумом. Заключенные барабанили руками и ногами в двери. Сильно чувствовался запах дыма. Пожар!

Мартинес вызвал по тревоге солдат, а сам побежал разыскивать, что горит. Из камеры, где сидел Кампанелла, шел дым. Надзиратель распахнул дверь. На полу рядом с тлеющими остатками досок и одежды лежал Кампанелла. Мартинес решил, что он мертв, но вдруг услышал какое-то невнятное бормотание. Он перетащил Кампанеллу в другую камеру.

Что произошло? Вечером, после ссоры с Гонзалесом, Кампанелла попросил, чтобы надзиратель оставил ему на время ужина лампу. В припадке ли отчаяния или с намерением покончить с собой Кампанелла разломал кровать, скамью, стол. На кучу досок швырнул одеяло, белье, соломенный тюфяк. Он запалил костер и бросился в огонь.

Прошло много времени, пока Кампанелла очнулся. Надзиратель тщетно старался его растормошить. Он нес какую-то ахинею и безумно пялил глаза. Вскоре по всей тюрьме разнеслась новость: Кампанелла сошел с ума.

Глава двенадцатая. БЕЗУМЕЦ ИЛИ СИМУЛЯНТ?

Первыми пришли посмотреть на безумца надзиратели из других башен и равелинов, а также солдаты караульной службы. Человек, о котором говорили, что его ученость известна далеко за пределами Неаполитанского королевства, сидел на полу, бородатый и грязный, и смотрел своими большими темными глазами в одну точку. Временами он вдруг начинал кричать, звал надзирателя, требовал, чтобы его немедленно представили папе и не мешали бы ему собирать людей в крестовый поход против турок. Вскакивая, он, словно слепой, шел вперед, натыкался на стену и что-то бессвязно бормотал. Иногда он часами стоял посреди камеры, лихорадочно ощупывая одежду. Ему казалось, что на груди кишат тысячи вшей, он сбрасывал их на пол, топтал ногами, жаловался, что кругом белые лошади, множество лошадей.

У его двери все время толпились любопытные.

Сам комендант Кастель Нуово явился посмотреть на него. Кампанелла приплясывал, строил дикие гримасы. Увидя кастеляна, он нагнулся и стал торопливо снимать башмаки. Он связал концы шнурков и выпрямился во весь рост. Торжественно и громко провозгласил он, что назначает дона Алонзо капитаном крестового похода, и пытался повесить башмаки ему на шею. Солдат грубо оттолкнул сумасшедшего.

В тюрьму часто приходил прокурор. Он расспрашивал надзирателей и подолгу наблюдал за Кампанеллой. Тот, ползая по полу, деловито выковыривал осколочки каменных плит и бросал, стараясь угодить в глазок. Арестанты почти каждую ночь просыпались от страшных криков безумца. Он орал на всю тюрьму: «Да здравствует папа Климент!» и дико хохотал. Если кто-нибудь из заключенных оказывался в коридоре, когда надзиратель открывал дверь, чтобы передать Кампанелле хлеб, то они всегда стремились заглянуть в камеру: всем было любопытно поглазеть на сумасшедшего. Мало что удавалось понять из его речей, но одна тема постоянно повторялась, в его причитаниях и криках. Он бредил крестовым походом против турок. Этот крестовый поход был навязчивой идеей Климента VIII. А еще утверждали, что Кампанелла вступил в союз с неверными против наихристианнейшего из всех монархов!

Люди, наблюдавшие за Кампанеллой, заметили, что он все время был озабочен организацией крестового похода: требовал,

чтобы ему прислали лучших пушкарей Неаполя, подсчитывал необходимую амуницию, отбирал лошадей. Почти каждого человека, который попадался ему на глаза, он старался завербовать в армию крестоносцев, раздавал индульгенции, награды, чины. Арестанта Чезаре Спиноле он обещал сделать гонфалоньером, а испанца-офицера, начальника стражи, старшим сержантом.

Однажды на тюремном дворе вокруг виселицы собралась огромная толпа зевак, чтобы присутствовать на очередной казни. Кампанелла просунул руки сквозь решетки и, надрывая голос, кричал в окно, призывая всех благоверных принять участие в священной войне с турками.

По ночам он просыпался, вскакивал, в судорожной торопливости надевал башмаки и отправлялся в крестовый поход. Он пел духовные гимны и солдатские песни и маршировал по камере до тех пор, пока надзиратель не надевал на него кандалы и силой не заставлял его лечь.

На заданные вопросы он всегда отвечал невпопад. Если можно было что-нибудь разобрать, то это были обычно слова о папе. Кампанелла уверял, что Климент спасет всех калабрийцев. Эти речи вынуждали испанцев насторожиться: недаром уже в первом доносе говорилось, что заговорщики связаны с папой. Обо всем этом докладывали вице-королю, и он все более подозрительно относился к каждому шагу апостолического нунция.

Санчес неоднократно беседовал с врачами, служившими в Кастель Нуово. Оттавио Чезерано считал, что в факте сумасшествия Кампанеллы нет ничего удивительного: долгое заключение, тяжелый тюремный режим и пытки часто заставляют узников терять рассудок. Шипионе Камарделла, хирург, полностью поддержал своего коллегу и добавил, что стал замечать за Кампанеллой некоторые странности сразу же после «полледро». Симптомы надвигающегося безумия особенно бросались в глаза накануне пасхи, когда отец Гонзалес имел неосторожность пригрозить ему смертью. Оба врача единодушно заявили, прокурору, что исцелить Кампанеллу медицина бессильна и остается только надеяться на милость господню.

Кампанелла стал достопримечательностью Кастель Нуово. Посмотреть на выходки и кривляния сумасшедшего приходили не только живущие в крепости. Почти каждый неаполитанец, которому разрешались свидания с сидящими в тюрьме родственниками, не упускал случая поглазеть на Кампанеллу. Ведь о нем столько толковали и судачили! Для смотрителя Алонзо Мартинеса, открылся новый источник дохода.

Комендант крепости дон Мендоза-и-Аларкон нередко приводил в тюрьму своих знакомых, чтобы показать им безумца. Дверь камеры широко распахивали, сбоку стоял настороже здоровенный солдат, а в коридоре теснилась группа щеголеватых мужчин и нарядных женщин. Синьоры морщились от тюремной вони, а дамы кокетливо прижимали к носу надушенные платочки и с интересом разглядывали Кампанеллу.

Сумасшедший монах одинаково реагировал как на приход старика арестанта, выносившего бочку с нечистотами, так и на появление знатных господ. Полуголый, он скакал по камере, орал, гримасничал, пел, кричал: «Да здравствует король Филипп!»

Какой-то господин сказал:

— Я читал его книгу. Он по праву считался одним из светлейших умов Италии. Поэтому особенно интересно увидеть, что делает безумие с человеком.

— Нет, господа, — возразил кастелян, — самое интересное не это… — И, указывая тростью на Кампанеллу, добавил: — Самое интересное, что он совершенно здоров и попросту, симулирует сумасшествие!

Известие о безумии Кампанеллы Санчес воспринял с яростью. Он обещал вице-королю быстро закончить процесс, а теперь дело могло надолго затянуться. Сумасшедшего разрешалось всю жизнь держать в тюрьме, но до тех пор, пока он не выздоровеет, его нельзя было осудить. Кампанелла был не просто одним из соучастников — он был вдохновителем и руководителем заговора, и невозможность вынести ему приговор сразу тормозила ход всего процесса. Для того чтобы его закончить, необходимо было доказать, что Кампанелла симулирует. Санчес с самого начала был убежден, что безумие Кампанеллы — это его очередная уловка. Правда, он очень умело притворялся сумасшедшим, и самые тщательные наблюдения оказывалась безрезультатными — Кампанелла никогда не давал захватить себя врасплох. Члены трибунала соглашались с Санчесом, но из тюрьмы то и дело поступали сведения, подтверждавшие, что узник действительно лишился рассудка. Врачи уверяли, что не может быть и речи о симуляции, а надзиратели постоянно докладывали о его сумасшедших выходках. В трибунале с Санчесом не спорили. Вероятность симуляции была очевидной, однако ее надо было доказать. Санчес задумал перехитрить Кампанеллу.

Ночью 10 апреля два неизвестных человека настойчиво постучали во входную дверь одной из башен Кастель Нуово. Тюремщик внимательно проверил документы: Марчелло Андреани и Франческо Тарталья прибыли по специальному

поручению прокурора Санчеса. Они оставались в тюрьме вплоть до утра. Несколько дней спустя, в ночь на 14 апреля, Тарталья заявился снова. Кастелян повелел Мартинесу оказывать ему всяческое содействие в его важном деле.

Санчес был вне себя от радости. Теперь он мог с фактами в руках доказать, что Кампанелла бессовестный притворщик, лгун и ловкий симулянт. Он хотел провести всех за нос, но это ему не удалось. Санчес гордился своей выдумкой: он два раза посылал в тюрьму писцов, которые, неслышно подкравшись к дверям Кампанеллы, осторожно усаживались на скамейку и при свече протоколировали каждое слово, доносившееся из камеры. Теперь эти записи лежали на столе перед трибуналом. Хорош сумасшедший, который ведет такие разговоры и пишет потихоньку стихи!

А факты говорили сами за себя: 10 апреля, около трех часов ночи, когда в коридоре было совсем тихо, а надзиратель имел обыкновение спать, Кампанелла подошел к окну и позвал Пьетро Понцио, сидевшего в соседней камере. Писцы тщательно записали их беседу. Кампанелла очень интересовался отцом и братом и расспрашивал о Ферранте Понцио. Но самое главное было не это. Оказалось, что, несмотря на надзор, Кампанелла умудрялся что-то писать. На вопрос Пьетро, много ли он сегодня написал, Томмазо ответил: «Очень, все». Они обменялись новостями и обругали коварство испанцев. Они говорили по-латыни, чтобы их трудней было понять, если кто случайно услышит. Кампанелла не держал при себе написанного, и передавал друзьям. Он сказал:

— Вчера мне удалось передать страничку Пьетро из Стило…

Потом Понцио озабоченно спросил:

— В твоей двери есть щели? Это у тебя горит свет?

— У меня вообще нет никакого света! Пойдем спать, раз видно в коридоре свет!

— Пойдем!

На этом записи, сделанные 10 апреля, кончились. Через несколько дней, сидя в коридоре, Тарталья снова запротоколировал беседу Кампанеллы и Понцио. На этот раз Пьетро четыре раза окликнул Томмазо, пока тот услышал. Они очень любили друг друга и жалели, что не сидели в одной камере. Они возлагали какие-то надежды на нунция. Санчесу было отчего насторожиться. Кампанелла писал стихи — хорош сумасшедший! — а Понцио распространял их по городу. Хороша же бдительность стражи!

— Я по всему Неаполю распространил твои сонеты. Все их я знаю наизусть, и ничто не доставляет мне такого удовольствия,

как плоды твоего гения!

— Я хочу сочинить сонет для нунция…

— Умоляю тебя, дорогой мой, напиши сперва сонет для меня. А также я очень хочу, чтобы ты написал и для моего брата, а потом уже пиши для нунция.

— Давай спать. Доброй ночи!

Сами по себе записи бесед, представленные в трибунал, не вызывали сомнений, что Кампанелла симулирует. Однако они не могли служить юридическим доказательством. Симуляция считалась доказанной только в том случае, если преступник был подвергнут пытке и, не выдержав ее, признался в притворстве.

Затянувшийся спор между испанскими властями и святым престолом о том, где и как вести процесс по обвинению в ереси людей, замешанных в калабрийском заговоре, завершился не без проволочек. В конце концов в результате твердой позиции, занятой испанцами, Климент отказался от требования, чтобы после окончания дела о заговоре всех заподозренных в ереси лиц отправили бы в Рим. Он согласился, чтобы соответствующее расследование было проведено в Неаполе апостолическим нунцием и представителями Святой службы. Но Кампанелла своими показаниями, сделанными во время «полледро», снова усложнил ситуацию. Настаивая на своей невиновности, он завел членов трибунала в такие дебри богословия, что нунцию не оставалось ничего иного, как поддержать требование Кампанеллы о присылке из Рима опытного теолога, который смог бы разобраться во всех тонкостях его аргументации. В Неаполе не оказалось ни одного ученого церковника, кто был бы в состоянии не дать себя Кампанелле запутать!

Римской инквизиции тоже было нелегко найти такого человека. Расчет Кампанеллы оправдался полностью. Поиски продолжались долго, и только в конце апреля был окончательно укомплектован инквизиционный трибунал, который должен был заниматься ересью. Он был пополнен еще одним членом. Им был епископ Термоли.

10 мая в одном из помещений Кастель Нуово созданный недавно инквизиционный трибунал начал свою работу. Заседания происходили часто, и нунций, верный привычке перекладывать свои обязанности на других, вскоре прислал вместо себя Антонио Пери. На третьем заседании, состоявшемся 17 мая, служителям было приказано привести Кампанеллу.

Уже из коридора были слышны его сумбурные речи. Он упирался и не хотел идти. Надзирателям приходилось тащить его силой. Всех поразило бессмысленное выражение его лица. Казалось, он не слышал обращенных к нему вопросов. Его

несколько раз окликнули по имени. Он обвел глазами всех присутствовавших: секретаря, аудитора, епископа. Дольше всего взгляд его безумных глаз остановился на епископе Термоли. Когда он впервые услышал это имя, оно ему ничего не сказало. Теперь он его узнал. Несколько лет тому назад в Риме он еще не был епископом, тогда его звали просто Альберто Трагальоло!

Да, это был тот самый Альберто Трагальоло, бывший генеральный комиссарий римской инквизиции, который приложил столько усилий, чтобы подольше подержать Кампанеллу в Замке св. Ангела и не выпустить его без осуждения. Святой службе следовало отдать должное. Она прислала в Неаполь человека, который знал Кампанеллу, как никто из инквизиторов.

В соответствии с заведенной процедурой Кампанелле велели принести присягу в том, что он будет говорить правду. Он ничего не понял и, несмотря на повторные настояния, продолжал недоумевать. Что, собственно, от него хотят?

Тут вмешался епископ Термоли. Он резко сказал, что пора бросать притворство. Его симуляция всем уже надоела. Он должен точно отвечать на вопросы.

Ему снова предложили принести присягу. Он так и не мог понять, чего от него хотят. Рассматривая с интересом молитвенник, на котором надо было клясться, он состроил идиотскую мину и спросил:

— Вы хотите мне почитать?

Епископ Термоли, не скрывая раздражения, сказал, что если он будет продолжать притворяться, то его вздернут на дыбу. Кампанелла и без этого напоминания прекрасно знал, что там, где появляется Альберто Трагальоло, пытки не заставляют себя долго ждать. Но он по-прежнему никак не мог взять в толк, чего они требуют. Угрозы не действовали. От него так ничего и не добились.

Безумец, посмотреть на выходки которого приходили любопытные, внимательно следил за окружающим. Он кричал и кривлялся, а слух его был напряжен до предела и не пропускал ни единого звука. Его отсутствующий взгляд, казалось, ничего не видел, а на самом деле он замечал все. Он часами стоял посреди камеры и, словно лунатик, ощупывал собственную одежду, в то же самое время он обдумывал, как должны вести себя товарищи на очередном допросе и как отбиваться от обвинений. Он сидел на полу и дико таращил глаза, а в голове сочинял сонеты. Кто бы мог предположить, что бессмысленный взгляд скрывает напряженную и упорную работу мозга? Ему приходилось быть вдвойне осторожным. Он находился под особым наблюдением и

не должен был ничем себя выдать. Особенно трудно было писать. Теперь малейший провал стал во сто крат опасней. Раньше за перехваченную записку он бы расплатился карцером, сейчас это грозило полным разоблачением. Ничто так хорошо не докажет его симуляции, как его рукописи, если их сцапают тюремщики. И прежде он вынужден был писать тайком, а теперь и подавно. Целыми днями у его двери толпились люди: надзиратели, солдаты, зеваки из тех, кто приходил навестить родственников. Даже от арестантов, с любопытством заглядывающих в камеру, он должен был таиться не меньше, чем от тюремщиков. Теперь лишь урывками он не чувствовал на себе чужих глаз. Считанные минуты были в его распоряжении, а ему столько надо было писать!

Если у двери никого не было, Кампанелла вытаскивал из-за пазухи или из-под матраса клочок бумаги и торопливо наносил на него несколько давно уже готовых в голове фраз. Вот опять чьи-то шаги приближаются к его камере, он быстро прячет записку и начинает приплясывать и бормотать. Для скорости он научился писать особыми знаками вроде шифра, которого никто, кроме ближайших друзей, не мог понять. Он наловчился писать ночью, в темноте, на ощупь. Его каракули переписывали начисто Пьетро Понцио или Пьетро Престера, за которыми меньше следили. Но это требовало много лишней бумаги, а ее и так не хватало. Он старался не хранить у себя ни одной странички и сразу передавал написанное друзьям. Он жил в постоянной напряженности. Ни один шорох не проходил для него бесследно, вечная настороженность стоила ему уйму нервной энергий.

Поддерживать связь с друзьями стало еще трудней, а это было необходимо, чтобы координировать их действия, помогать им советами, вселять в них мужество. Шансы на побег увеличились, но надо было ждать: Дионисий после пытки не владел руками. Симулируя безумие, Кампанелла думал не только о собственном спасении — каждый выигранный день был днем, отнятым у смерти!

Он во второй раз написал защиту, где доказывал, что руководимое им движение преследовало цели, отнюдь не враждебные королю и папе. Он опять многословно распространялся о предзнаменованиях и пророчествах. Разве можно обвинять его в антииспанских настроениях, когда в государстве короля Филиппа он видел образец и мечтал, чтобы существующие в Испании порядки были бы насаждены по всему свету?! Второй вариант защиты пополнился новыми аргументами. В подтверждение своих симпатий к Испании Кампанелла ссылался не на какие-нибудь показания сомнительных

свидетелей, а на сочиненный им в декабре 1598 года политический трактат «Испанская монархия», который будто бы находится «среди его пожиток» в Стило. Разумеется, Кампанелла не имел намерения сразу подавать свою новую «Защиту». Пьетро Престера, который должен был хранить ее у себя, был предупрежден, что он представит ее в трибунал только тогда, когда «Испанская монархия» будет написана. На вопросы судей ему следует отвечать, что вторая защита Кампанеллы была составлена еще до того, как он сошел с ума.

Томмазо закончил ее 10 апреля. Из записи ночного разговора между Кампанеллой и Пьетро Понцио, сделанной Андреани и Тарталья было ясно, что Кампанелла что-то писал. Обыск не дал никаких результатов. Рукопись была спрятана в надежном месте. Теперь задача заключалась в том, чтобы как можно быстрее сочинить «Испанскую монархию» — трактат, долженствующий явиться идеологическим алиби Кампанеллы и его единомышленников.

Одновременно два трибунала вели следствие: первый занимался делом о заговоре, второй — ересью. Кампанелла был в курсе всех событий и помогал товарищам чем только мог. Пиццони и Петроло, казалось, взяли себя в руки. Они под пытками отказались признать себя виновными в заговоре. Можно было надеяться, что и перед инквизиторами Святой службы они не станут болтать лишнего. Однако эти ожидания не оправдались. Епископ Термоли сумел лживыми обещаниями заставить их заговорить. Процесс о ереси начался с допросов Пиццони и Петроло. Оба они решили любой ценой спасать собственную шкуру, даже если для этого надо погубить всех остальных. Как стало известно, они подтвердили свои прежние признания и даже дополнили их. Петроло из страха перед наказаниями унижался, валил все на Кампанеллу, рассказывал больше, чем знал, и, опасаясь вызвать неудовольствие судей, охотно с ними соглашался. Он не скрыл, что Кампанелла угрозами принуждал его отказаться от старых показаний. Пиццони был еще опасней: Сговорившись с Лаврианой, они придумали целый план, как, обвиняя других, выгородить себя.

Их поведение давно уже вызывало настороженность товарищей. За ними стали следить. Это удавалось делать даже тогда, когда они сидели в камерах, где не было никого из калабрийцев. За ними всегда по поручению Дионисия или Кампанеллы кто-нибудь наблюдал. Было замечено, что, вернувшись в камеру, они рассказывали о допросах совсем не то, что там в действительности происходило. Они подробно изложили судьям еретические высказывания Кампанеллы и

других заговорщиков. Желая представить себя в выгодном свете, они донесли, что Кампанелла сам или через третьих лиц постоянно заставляет их взять обратно прежние показания.

Пиццони и Лавриана сидели в разных камерах: Лавриана внизу, в общей камере, где было больше двадцати человек, а Пиццони — этажом выше. Слежка показала, что им удается поддерживать связь. Они сообщали друг другу о ходе допросов, решали, что говорить, согласовывали свои будущие ответы. Они хотели осуществить свой замысел, невзирая на ущерб, который он причинял их бывшим единомышленникам. Ересь, распространяемая Кампанеллой, уверял Пиццони, возмутила его настолько, что он изгнал его из монастыря. Мало того, сознавая всю опасность, которую представляют для церкви преступные речи ересиарха, он задолго до разоблачения заговора считал своим долгом донести на него начальству. Именно с этой целью он вместе с Лаврианой написал письмо генералу ордена. Это письмо Лавриана отнес на почту в Монтелеоне.

Расчет строился на том, что члены трибунала, зная, что Пиццони и Лавриана полностью изолированы друг от друга, начнут допрашивать Лавриану, и тот даст совершенно такие же показания. Это совпадение в деталях докажет их правдивость.

Вызванный на допрос Лавриана слово в слово повторил рассказ Пиццони. Он сам под его диктовку написал письмо и отнес на почту. Они с Пиццони никогда не одобряли еретиков. Выслуживаясь перед инквизиторами, Лавриана заявил, что Кампанелла и Дионисий постоянно переписываются. Их записки курсируют не только по всей тюрьме, но и выходят за пределы Кастель Нуово. Они даже переписываются с Ферранте, который содержится в Кастель дель Ово! Лавриана угодливо рекомендовал трибуналу обыскать Пьетро и Ферранте Понцио.

Епископ Термоли тут же поставил в известность об этом кастеляна. Дон Мендоза приказал большой группе солдат немедленно произвести тщательный обыск. С подобным же распоряжением был послан гонец в Кастель дель Ово. Обыск продолжался долго, но, несмотря на все старания, окончился безрезультатно. Никаких писем и записок обнаружено не было.

После последнего допроса Лавриана и мгновенно последовавшего за ним грандиозного обыска никто больше не сомневался, что Пиццони и его приспешник — предатели. Заставить их навсегда замолчать? Это нелегко было осуществить, но можно было попытаться. Чего только не бывает ночью в общих камерах, где много народу и кромешная тьма! Утром найдут изменника задушенным. Никто ничего не знает, никто ничего не видел… Или того лучше: утром заключенные поднимут крик,

позовут надзирателя. На балке висит человек. Самоубийство! Не выдержал, бедняга! Ночью повесился с тоски на сплетенной из собственных подштанников веревке. Пусть прокурор и не верит. Никто ничего не знает, никто ничего не видел… А то, смотришь, добрые друзья принесут предателю передачу, где в начинку пирога примешан яд…

Но смерть изменника имела и свой минус. Он сдохнет, а подписанные им протоколы останутся. Смерть сделает их для трибунала еще более убедительными. Куда лучше доказать, что предатель в сговоре со своими сообщниками лицемерно клянется в искренности раскаяния и в то же самое время без зазрения совести лжет.

Калабрийцы стали еще внимательней следить за Пиццони и Лавриано. Как они переправляют друг другу записки? Может быть, их носит Аквилио. Марраподи, доставляющий им с рынка разную снедь?

Однажды Дионисий, когда в камеру к нему зашел Аквилио, без обиняков потребовал от юноши, чтобы тот отдал ему письмо, которое он несет Пиццони. Аквилио расстегнул куртку и вынул спрятанную на груди записку. Письмо было без адресата и без подписи, но Дионисий без труда узнал характерный почерк Лавриано. Наконец-то!

Лавриано подробно изложил содержание последнего допроса и напомнил своему товарищу, чтобы тот обязательно уничтожил ранее посланное письмо. Предатель, он думал, губя товарищей, выгородить себя и Пиццони! Так пусть он теперь сам на собственной шкуре испытает средства, пущенные им в ход! Изменникам не удастся выкарабкаться по телам поверженных товарищей.

Сам Дионисий должен был оставаться в тени. Он попросил Аквилио передать это важное письмо его брату. Пьетро Понцио очень обрадовался, что долгая слежка окончилась так удачно. Подождав, пока Аквилио уйдет, Пьетро постучал в дверь, вызвал надзирателя и потребовал, чтобы его немедленно отвели к епископу Термоли для важнейших разоблачений. Тот сразу же занялся этим делом. Оказалось, что основные свидетели обвинения, каждый раз уверявшие в своей преданности церкви, находились в злостном сговоре, имевшем целью ввести в заблуждение святое судилище. Кроме того, изложение допроса, происходившего в трибунале, являлось разглашением тайны инквизиционного судопроизводства и считалось тягчайшим преступлением.

Отдавая перехваченное письмо, Пьетро заявил, что получил его от Аквилио Марраподи. Однако Лавриано божился, что

никаких писем не писал и ничего не знает.

Чезаре Бьянко, сидевший в одной камере с Лавриаиой, подтвердил, что видел, как тот отдавал Аквилио записку, предназначенную для Пиццони. Епископ приказал устроить очную ставку. Лавриана изо всех сил старался вывернуться.

Аудитор напомнил ему о тяжелых наказаниях, которые инквизиция налагает на лжесвидетелей. Лавриана продолжал призывать в свидетели Бога. Епископ Термоли смотрел на лицемера с нескрываемым презрением. Он велел увести Чезаре Бьянко.

Когда перед трибуналом остался один Лавриана, епископ Термоли велел секретарю прочесть вслух письмо и сразу же вслед за этим протокол допроса, о котором говорилось в письме. Все вопросы и ответы были переданы с исключительной точностью. Аудитор еще раз предложил Лавриане сознаться. Тот продолжал хитрить. Епископ Термоли окончательно вышел из себя. В письме абсолютно точно рассказано о ходе допроса, имевшего место в трибунале Святой службы, чьим основным принципом является соблюдение полнейшей тайны. На допросе, помимо обвиняемого, присутствовали только члены трибунала. Никто, кроме этих лиц, не может знать, что происходило за закрытыми дверьми. Обвиняемый отрицает свое авторство. Таким образом, желает он этого или нет, но он дает понять, что кто-то из членов трибунала взял на себя преступную смелость — разглашать тайну инквизиции и информировал о допросе Лаврианы заключенного Пиццони. Следовательно, Лавриана. упорствуя в своем запирательстве, наносит трибуналу тяжкое оскорбление.

Напрасно Лавриана ползал на коленях и божился. Ему удалось доказать только свою способность притворяться и этим поставить под сомнение искренность и глубину своего раскаяния, о которых он говорил на предыдущих допросах.

В этот же день допросили Пиццони. Он пришел в наброшенной на плечи куртке, с рукой на перевязи, больной, жалкий. Отрицая всякую переписку с Лавриаиой, он показал на сломанное плечо: разве может он писать?

Судьи отлично знали не только это. Пиццони было указано, что он сидит в одной камере с Марраподи. отцом Аквилио, Конья и Станганеллой, а они охотно пишут письма, которые он им диктует.

По изменившемуся отношению членов трибунала Пиццони понял, что вся его затея висит на волоске. Его охватил ужас. Откуда трибунал узнал о переписке? Неужели выдал Лавриана? Пиццони не сомневался в моральных качествах своего сообщника и теперь, когда связь между ними была порвана, стал подозревать

Лавриану в измене. Двое суток он мучительно боролся с паническим ужасом. Перед его глазами то и дело вставали страшные картины казней в Козенце и в Неаполе. Плечо его, сломанное во время пытки, гноилось. Рана с каждым днем становилась все хуже. Пиццони трясла лихорадка. Неужели и его разорвут клещами на куски?!

Он позавидовал Кампанелле и другим товарищам — они держались вместе. Его пугало одиночество. Он вспомнил суровый голос Кампанеллы: «Возьми обратно свои показания! Ослушаешься — сделаю так, что все равно умрешь вместе со мной!» Он был один. Единственная его надежда на спасение заключалась в том, чтобы заслужить благорасположение судей. Он решил выкарабкиваться любыми средствами и махнуть рукой на Лавриану. На третьи сутки он не выдержал и попросился на допрос. Он обещал говорить правду. Он очень нервничал. На осунувшемся лице лихорадочно блестели глаза. Было видно, что он в жару. Он многое путал, сбивался, повторял одно и то же.

Пиццони стал опровергать Лавриану и уверял, что в показаниях Лаврианы ценно только одно — признание о написанном под его диктовку письме к генералу ордена. Пиццони очень старался завоевать симпатии судей, но чувствовал, что это ему не удается.

Когда его вели с допроса обратно в камеру, навстречу ему попался Пьетро Понцио. Пиццони не удержался от упрека:

— Зачем вы донесли о нашей переписке?! Пьетро поднял глаза к небу и смиренно процитировал фразу из священного писания:

— Поднявший меч от меча и погибнет!

Глава тринадцатая. ДИАНОРА

Уверенность членов трибунала, что Кампанелла ловко симулирует безумие, решающего значения не имела. Последнее слово оставалось за пыткой.

18 июля 1600 года Кампанеллу привели в трибунал. Он не прекращал своих безумных выходок. Один и тот же вопрос приходилось повторять ему по нескольку раз. Он начинал говорить, и судьи думали услышать, наконец, вразумительный ответ, но он, словно издеваясь над ними, городил несусветную чушь или запевал песню. Он явился на допрос в своей черной широкополой шляпе и никак не хотел ее снимать. Ее сорвали с головы. Он снова ее надел. Тогда помощник палача вырвал шляпу у него из рук. Они чуть не подрались. Сумасшедший вопил и ругался. Его силой потащили в застенок. Альберто Трагальоло, подобрав полу сутаны, пошел вслед за ним. Пока два дюжих служителя вывертывали Кампанелле руки, а третий стаскивал с него куртку, секретарь осматривал свои перья и разглаживал бумагу.

Зная по старому опыту упорство Кампанеллы, епископ Термоли приказал сразу же привязать к его ногам груз потяжелей и вздернуть на дыбу. Его подтянули к самому потолку. Трагальоло начал задавать вопросы. А Кампанелла орал во весь голос: «Умираю! Убивают! Спасите!»

Секретарь тщательно протоколировал и вопросы членов трибунала и безумные речи пытаемого. На дыбе не только сумасшедшие отводили душу! Самой отборной бранью Томмазо поносил своих мучителей. Секретарь злился, но записывал все.

— Предатели! Животные! Дети жирных блудниц! Разбойники! — не унимаясь, кричал Кампанелла.

К ногам подвесили дополнительный груз. Ругательства сменились стонами. Убивают! Он звал на помощь папу, а когда груз увеличили еще больше, вспомнил и богородицу:

— Спаси, Божья Матерь!.. Будьте милосердны! Я не могу больше!

Епископ Термоли стал увещевать его прекратить притворство. И вдруг сверх всякого ожидания Кампанелла взмолился:

— Развяжите меня — скажу вам правду! Трагальоло сделал секретарю знак, чтобы он не пропустил ни одного слова. Кампанелла смотрел на Трагальоло в упор. Нет, не бессмысленными глазами безумца, а взглядом, полным презрения.

— Я скажу вам правду…

— Ну говори, говори!

— Скажу истинную правду…

— Ну!

— Больше я не могу терпеть. Если вы меня не развяжете, я… испачкаю штаны!

Трагальоло пришел в неописуемую ярость. Этот симулянт еще позволяет себе гнусно издеваться над трибуналом Святой службы!

Палачи старались изо всех сил. А Кампанелла продолжал глумиться над своими мучителями и не жалел ругательств. В его безумных речах было столько язвительной насмешки и сарказма! Он валил все в одну кучу. Набожные речи перемежались с бранью, стоны — с кусками веселых куплетов, непристойности с умилением.

Пытка кончилась ничем. Секретарь записал обычную формулу: «Преступника спустили с дыбы, развязали, вправили руки, одели и увели».

А Трагальоло все еще не мог успокоиться. Кампанелла, выдержав пытку, «очистился от подозрений» в симуляции? Нет, Трагальоло с этим не согласится? Вероятно, он сделал ошибку, что не подверг его сразу самой жестокой пытке. Но он исправит ее и обязательно добьется разрешения вновь пытать закоренелого еретика. Это будет страшнейшая пытка! Он не выпустит Кампанеллу из застенка, пока в том теплится хоть искорка жизни. Он заставит притворщика признаться в симуляции и успокоится, только отправив его на костер.

Епископ Термоли не ограничивался дознаниями, которые проводил в тюрьме, и даже в собственном доме допрашивал свидетелей. Он не знал покоя ни днем, ни ночью. По его приказу повсюду и везде, где когда-нибудь бывал Кампанелла, проводился спешный и тщательный розыск. Он не гнушался никакими средствами, собирал все слухи, нелепости, клевету, Он хватался за любой факт, который в какой-то степени порочил Кампанеллу. Каждая такая подробность была епископу Термоли охапкой сухого хвороста для костра ненавистного ересиарха.

Все звали ее сестрой Дианорой. С разрешения начальства она, приняв монашество, продолжала жить со своими родственниками в Кастель Нуово. Каждый день она обходила камеры заключенных женщин, и для любой из них у нее находились слова утешения и надежды. Она не только водила их в тюремную церковь и читала библию. Она всегда старалась облегчить людям их страдания. Часто ее видели с врачом Шипионе Камарделлой. Она ухаживала за больными, приносила лекарства, помогала чем могла. В исключительных случаях ей разрешалось заходить в мужские

камеры.

Это было еще весной. Однажды вместо Камарделлы, лечившего ожоги Томмазо, сделать перевязку пришла Дианора. Кампанелла сидел на полу и что-то бормотал. Надзиратель стоял в дверях. Он предупредил Дианору, чтобы она была осторожна. Мало ли на какую выходку способен сумасшедший! Дианора ничего не ответила и принялась за дело. Она сменила! повязку. Томмазо, не мигая, смотрел в одну точку. Вдруг Мартинес зачем-то вышел в коридор. Они остались одни. Дианора, собираясь уходить, спросила:

— Может быть, вам что-нибудь нужно?

Он уставился ей прямо в глаза. Выдаст? Размышлять времени не было: дольше он не мог быть отрезанным от друзей.

— Нужно, — сказал он почти грубо, — бумаги и чернил.

Она пожала плечами: ведь ему же известно, что это строжайше запрещено.

— Мне скоро запретят дышать! Я давно погребен заживо, но все еще жив!

Она видела, как на его скулах вдруг резко обозначились желваки. В этом человеке чувствовалась огромная сила!

Она принесла ему бумагу. Когда надзиратель отвернулся, ловко засунула ее под тюфяк. Только взглядом мог Томмазо поблагодарить Дианору. Его особенно обрадовало, что она как следует подумала о чернильнице. Чернильница была с хорошей крышкой, маленькая, чтобы ее удобней было прятать. Он написал Дионисию. Но с кем переправить записку? Он не преуменьшал опасности, которую таил в себе провал. Если записка попадет в руки инквизиторов, то она явится хорошим доказательством симуляции. Разумно ли рисковать?

У него не было выбора. Только Дианора могла помочь ему восстановить прерванную связь. Во время перевязки он вел себя как обычно, нес какую-то околесицу, строил Мартинесу рожи, глупо хохотал. Улучив момент, когда надзирателя кто-то позвал, он сунул ей записку:

— Осторожней! Таких записок сумасшедшие не пишут!

Она колебалась. В коридоре послышались шаги;

— Прячьте! — Он крепко сжал ее руку.

Дианора спрятала записку на груди. И покраснела до корней волос.

Больше она не пришла. Только ли потому, что кончилась нужда в перевязках? Его грызли сомнения: может быть, он сделал непростительную ошибку, и теперь в руках трибунала вещественное доказательство его притворства? Он не хотел так думать о Дианоре. Но надо было смотреть правде в лицо:

Дианора больше не приходила.

Несколько дней Кампанелла провел в большой тревоге. Но однажды поздним вечером, когда было совсем тихо, он вдруг услышал, что его окликнули сверху. Он не поверил своим ушам. Дианора!

Он бросился к окну. Она спустила ему на веревке узелок — немного еды и две записки: одна от Дионисия, другая от нее самой. Дианора предупреждала, что разговаривать нельзя. За ней следили.

Он не сразу стал писать ей стихи — она совсем была не похожа ни на молодящуюся красавицу донну Анну, падкую на выспренние комплименты, ни на смешливую резвушку Флериду, обожавшую фривольные двусмысленности. Все чаще и чаще его мысли обращались к Дианоре.

Он ее ни о чем не просил. Она сама передавала ему бумагу, перья, что-нибудь из еды.

Стояла весна, а камера, как и прежде, была наполнена тюремным зловонием. Только изредка сильные порывы ветра доносили солоноватый запах моря. А где-то зеленела трава и солнышко весело играло на молодой листве! Он написал Дианоре, что теперь чудесное время: луга за городскими стенами насыщены упоительным дыханием весны. На следующий день в спущенном на веревке узелке Томмазо нашел пучок свежей травы. Он растирал в ладонях нежные стебли и жадно вдыхал их аромат. Его руки долго пахли весною, полями, свободой.

Он часто спрашивал Дианору о событиях, происходивших на воле, но она вела замкнутый образ жизни и мало интересовалась тем, что творилось за пределами Кастель Нуово. Откуда ей было знать, что волновало Рим или Венецию и какие новые книги печатались в Неаполе? Расспросы Кампанеллы были очень настойчивы. А ей так хотелось сделать ему приятное! Несколько раз она передавала ему «Римские аввизи», которые находила у кастеляна. Иногда в них был завернут кусок пирога, иногда — ломоть сыра.

Однажды она спустила ему на нитке маленький кулечек со сластями. Кулечек был свернут из обрывка «Аввизи». Он расправил листок и стал его читать. У него потемнело в глаза. Бруно! Он знал, что инквизиция не выпустит Джордано Бруно живым из своих цепких когтей. Последние известия о Бруно Кампанелла получил, когда был в Калабрии. Восьмой год продолжалось следствие, и Ноланец по-прежнему сидел в секретной тюрьме римской инквизиции. Теперь все было кончено… Обрывок «Аввизи» сообщал: «В четверг сожжен на Кампо ди Фиоре доминиканский монах, брат Ноланец. Язык его

был зажат в тиски в наказание за преступнейшие слова, которые он изрекал, не желая выслушивать духовников…»

Звери!

Он использовал каждую возможность, чтобы писать. Во что бы то ни стало в сочинении, помеченном задним числом, он докажет, что все его симпатии принадлежат испанцам и что его исключительные познания в политических науках могут быть им очень кстати. Он начал свой трактат «Испанская монархия» с общих рассуждений о природе государства. Он ссылался на множество исторических примеров. Идея всемирной монархии должна вдохновить испанского короля. Он писал о роли империй ассирийцев, мидян, персов, греков и римлян. Он уверял, что испанцам суждено завоевать весь мир и создать новую универсальную монархию. Кто лучше испанцев, которые восемьсот лет подряд сражались под знаменем Христа против мавров, сможет осуществить эту высокую миссию? Длительные войны с неверными преисполнили испанцев мудростью и доблестью. Испания стала самой сильной державой мира, и ей принадлежит будущее.

Работая над трактатом, Кампанелла не жалел сил. Он сыпал десятками советов. Да, Испания станет владычицей всего мира, но для этого необходимо, чтобы король всегда был в союзе с папой. Они вместе должны призывать других государей к походам против еретиков и турок. Лучшая опора испанского короля — это католическое духовенство. Кардиналов и епископов следует делать губернаторами провинций. В армии к каждому военачальнику нужно прикрепить специального советника из клириков. Самые ответственные поручения — выплата солдатам жалованья и сбор налогов — должны даваться представителям духовенства.

Кампанелла писал о различных сторонах жизни государства, о том, каким должен быть король, как следует составлять законы, организовать армию, упорядочить дела казны. Королю необходимо быть покровителем наук и искусств. Он обязан заботиться об учреждении школ и училищ. А больше всего он должен думать о хозяйственном процветании своей страны, о справедливости к подданным, о многолюдности населения, о развитии ремесел и торговли.

Хотя трактат и преследовал вполне определенную цель, не все в нем было притворством и маскировкой. Вперемежку с коварными советами в духе Макиавелли в «Испанской монархии» были страницы, где Кампанелла касался вопросов, которые его действительно волновали. В трактате он высказал ряд близких его сердцу мыслей о необходимости объединения человечества в

одном государстве, о роли науки и образования, о военном деле и экономике.

Испании предначертано свыше стать владычицей целого мира! Пусть только король действует по рецептам Кампанеллы, который всей душой приветствует будущую универсальную империю, возглавляемую испанским монархом!

Его не смущали никакие крайности. Ведь дело шло не об его истинных взглядах, а лишь о том, чтобы доказать любыми путями, что калабрийские заговорщики не являлись врагами Испании и стремились к созданию идеального государства, которое «было бы больше на пользу испанскому королю, чем даже самому папе».

Новый, 1601 год начался для Кампанеллы с удачи. 1 января неожиданно скончался Альберто Трагальоло. Из-за его смерти снова прервались допросы. Прошло много времени, пока новый инквизитор, епископ Казерты, приступил к своим обязанностям. Кампанелла продолжал симулировать сумасшествие. Он писал «Испанскую монархию» и готовил побег. Надзиратель Мартинес стал более покладистым. Шансы на побег увеличились. Теперь все упиралось в болезнь Дионисия. После «полледро», во время которой лопнули семь веревок, Дионисий был очень плох. Больше пяти месяцев он не владел руками, и перо вываливалось у него из пальцев. Угроза Санчеса сбылась. Когда его заставляли подписывать протокол, Дионисий ставил внизу крест, держа перо в зубах.

В мае в результате загноения плечевой кости, сломанной на дыбе, умер Пиццони. Трибунал потерял важного свидетеля.

На «Испанскую монархию» ушло больше года. Кампанелла писал урывками. Иногда за целый день он не мог закончить страницы. Его часто обыскивали» Но за все это время у него ни разу не нашли написанного. Каждый листок Дианора сразу же на нитке поднимала к себе.

Дианора! Кто бы мог подумать, что он, запертый в одиночке и симулирующий безумие, встретит в тюрьме женщину, которая наполнит его сердце безмерным счастьем! Она была не только верной помощницей в работе. Она баловала его вниманием и лаской. То он прижимал к щеке присланный ею локон; то лакомился сочными грушами, которые носили символический след ее зубов. А как он ждал ее, когда она, подкупив надзирателя, тайком прибегала к нему на свидание!

Томмазо старался всеми путями разузнавать об оставшихся на воле друзьях. Он переписывался с земляками-калабрийцами, жившими в Неаполе, а они пересылали его письма дальше — в Рим, Болонью, Венецию. Вести были очень тяжелыми. Антонио

Бриччи, смельчак, который в Падуе пытался освободить Кампанеллу из тюрьмы, уже семь лет находился в изгнании. В середине 1600 года он обратился в конгрегацию Святой службы с просьбой разрешить ему вернуться на родину — ему ответили отказом. Пособник еретиков недостоин прощения!

Много было толков и о судьбе веронца Антонио, беглого монаха, доказывавшего, что Христос не искупил грехов человечества. Ему так и не удалось вырваться живым от инквизиторов. Он все это время провел в тюрьмах. Из Падуи его переправили в Венецию. Там он долгое время сидел в одной камере с Джордано Бруно. Если в деле Кампанеллы капуцин Антонио вел себя вполне порядочно, то в процессе Ноланца он сыграл самую низкую роль. Все старания инквизиторов подтвердить показаниями свидетелей обвинения, выдвинутые против Бруно доносчиком, не имели успеха. Ряд лиц, жителей Венеции, допрошенных перед трибуналом, не подтвердили сообщений доноса. Тогда венецианская инквизиция не погнушалась прибегнуть к подлому приему — она стала среди заключенных, находившихся в одной камере с Бруно, выискивать людей, которые в надежде на снисхождение согласились бы заявить, что Ноланец и в тюрьме продолжает проповедовать ересь. Такие люди нашлись, и наиболее гнусным из них оказался Антонио. Он подписал документы, которые должны были изобличить Джордано как страшнейшего еретика. Но предательство не спасло Антонио. Инквизиторы его обманули. Вопреки обещаниям его увезли в Рим и там сожгли на Кампо ди Фиоре. Это произошло в сентябре 1599 года, за пять месяцев до казни Бруно.

Дианора торопила переписчика, которому было поручено снять копию с трактата «Испанская монархия». Однако только в последние дни мая она смогла обрадовать Кампанеллу известием, что работа, наконец, завершена. Теперь надо было через надежных людей переправить рукопись в Калабрию. Когда из Стило придет ответ, что рукопись получена, Пьетро Престера передаст в трибунал «Защиты» Кампанеллы, где доказывается, что заговор не был направлен против испанского господства, а наоборот, его руководители видели в наихристианнейшей Испанской монархии государство, долженствующее распространить свою власть на весь мир. Неопровержимым тому доказательством служил трактат Кампанеллы, написанный в период подготовки заговора. Именно в момент, когда трибунал будет заниматься рассмотрением «Защит» Кампанеллы, в Стило «среди его пожиток» будет найдена рукопись трактата, датированная декабрем 1598 года. Ее тут же перешлют в Неаполь.

Кто тогда сможет утверждать, что, проповедуя великие перемены, Кампанелла был враждебно настроен по отношению к испанцам!

Дни были наполнены тревожным ожиданием. Много времени и сил ушло на написание «Испанской монархии». Теперь все зависело от того, смогут ли друзья-калабрийцы хорошо выполнить порученное им дело.

Скоро Пьетро подаст в трибунал «Защиты» Кампанеллы, в Стило найдут «Испанскую монархию», и судьи, мечтавшие побыстрей закончить процесс, окажутся перед новым препятствием, которое не так-то легко будет преодолеть! Ждать ответа из Калабрии на самом деле оставалось недолго, когда в начале июня Дианора принесла страшную весть. Конгрегация Святой службы, идя навстречу настоятельным требованиям епископа Казерты, разрешила подвергнуть Кампанеллу жесточайшей сорокачасовой пытке! «Велья»! Для этого уже специально доставили в Кастель Нуово из Викарии все необходимые орудия.

Смятение охватило друзей Кампанеллы. Что делать? Инквизиторы, несомненно, приложат все усилия, чтобы заставить Кампанеллу признаться в симуляции. Это была единственная возможность закончить процесс. Они будут пытать его с крайней жестокостью. Даже если он и останется в живых, то пройдут долгие месяцы, пока он снова сможет двигаться. Значит, все, что было достигнуто с таким трудом: и тщательно продуманные планы, и успехи в подготовке побега — идет насмарку! И именно теперь, когда со дня на день должен прийти из Калабрии ответ, который направит весь процесс по новому руслу.

Оставалось последнее средство: немедленно представить в трибунал написанные Кампанеллой «Защиты» и «Статьи о пророчествах». Пока судьи будут изучать их сложную аргументацию, в Неаполь спешным порядком будет привезен из Стило трактат «Испанская монархия».

3 июня Пьетро Престера передал через надзирателя письмо епископу Казерты. К письму были приложены «Защиты» Кампанеллы и «Статьи о пророчествах». Пьетро строил из себя простачка и уверял епископа, что только накануне вечером нашел их среди бумаг, оставшихся после Пиццони. На следующий день Дионисий Понцио, со своей стороны, направил судьям письмо больного Петроло, который обещал сделать новые важные разоблачения и требовал, чтобы его немедленно допросили. Но было уже поздно.

Члены трибунала, рассмотрев представленные документы, увидели в них теперь только очередную уловку Кампанеллы. Конечно, документы эти были очень важны, но сейчас дело шло

не о политических симпатиях или антипатиях Кампанеллы, а о его симуляции безумия. Бесполезно возвращаться к вопросу о его виновности, пока не доказано, что он намеренно притворяется сумасшедшим.

Вице-король велел собрать письменные заключения врачей-экспертов о безумии Кампанеллы. Но судьи с этим не спешили. Сорокачасовой пытке они верили куда больше, чем любым экспертам.

Кампанелла проснулся рано. Утро было спокойным и солнечным. Как хорошо гулять в это время где-нибудь в лесу или сидеть у реки! Ему недолго пришлось любоваться безоблачной голубизной неба. Надзиратель, гремя замками, отпер камеру. Обычно так рано на допросы не вызывали. Да и по лицу Мартинеса не трудно было заметить, что готовилось нечто исключительное.

Томмазо привели в застенок. Ставни на окнах были полуоткрыты, и даже здесь было видно, что на улице стояло солнечное утро. Посреди помещения возвышался острый деревянный кол, над ним висел блок и множество веревок. «Велья»!

Несмотря на ранний час, трибунал был в полном составе. На этот раз нунций не прислал своего заместителя, а присутствовал собственной персоной. Мартинесу велели удалиться.

Допрос, как всегда, начался с присяги. Но сколько Кампанелле ни объясняли, что от него хотят, он все время непонимающе мотал головой. Присяги он так и не принес. Его принялись увещевать, чтобы он оставил свои выходки и прекратил симуляцию. В противном случае ему будет очень плохо!

Но все увещевания были напрасны. Кампанелла делал вид, что не может взять в толк обращенных к нему речей и бормотал о каких-то десяти белых лошадях. Он не слышал вопросов и отвечал невпопад. Нунций скоро нашел, что пора кончать бесполезную формальность и уговаривать злостного симулянта. Он приказал приступить к пытке. Когда служители схватили Кампанеллу, чтобы раздеть, он стал отчаянно вырываться и орал на всю камеру:

— Не прикасайтесь ко мне! Тот, кто меня тронет, будет отлучен от церкви! Прочь руки!

Он зря кричал. С него сорвали одежду и голого потащили к дыбе. «Велья» требовала от палачей определенного мастерства. Поэтому в Кастель Нуово пришлось пригласить из Викарии особенно опытного мастера заплечных дел — Джакопо Феррaро.

Когда Томмазо связывали, он продолжал отбиваться и

кричал:

— Вяжите, вяжите хорошенько! Постарайтесь-ка меня сразу искалечить!

Ему подтянули кверху ноги и за вывернутые за спиною руки подняли при помощи блока над колом. Его снова увещевали во всем признаться. Он, рассеянно глядя на нунция, молчал. Тогда было приказано опустить веревку. Острый кол вонзился в тело. Палач действовал без излишней торопливости: преступника надо было пытать не час и не два, а подряд сорок часов.

Члены трибунала настаивали, чтобы Кампанелла оставил притворство, а он пуще прежнего нес какую-то ерунду. Он требовал, чтобы его целовали, потому что он святой, вспоминал Марфу и Магдалину, кричал, что умирает от боли в запястьях, называл себя патриархом, звал на помощь папу, который должен прислать ему приказ о крестовом походе, говорил о каких-то деньгах и приставал к членам трибунала, чтобы ему высморкали нос.

Нунций, епископ Казерты и викарий проявляли необыкновенную активность. Они то приказывали выше подтянуть Кампанеллу, то сильнее опустить его на кол. И все без толку! Упрямство этого человека выводило их из себя.

Окна были приоткрыты. Томмазо видел спину солдата, стоявшего в карауле, а когда инквизиторы ненадолго прекращали кричать, слышал голоса со двора. Иногда из-за стен Кастель Нуово до его слуха доносился шум порта. Мол подходил к самым стенам, и временами можно было разобрать крики на кораблях. Услышав звуки морского рожка, он воскликнул:

— Трубите, друзья, трубите! Здесь убивают Кампанеллу!

Он слабел с каждым часом. Сказывалась большая потеря крови. В ответ на вопросы он выкрикивал по-латыни бессмысленные, отрывочные фразы. А когда муки становились совершенно нестерпимыми, переходил на родной калабрийский диалект и звал мать.

Инквизиторы неистовствовали. Исход процесса целиком зависел от того, удастся ли им сломить Кампанеллу. Если они заставят его сознаться в симуляции, то быстро отправят как мятежника и еретика, «вторично впавшего в ересь», на костер. А если даже «велья» его не сломит, тогда скажутся напрасными все их продолжающиеся почти два года усилия. Выдержав пытку, Кампанелла «очистится от обвинений» и докажет этим, что он действительно сумасшедший. А сумасшедшего нельзя судить. Так он вырвется из рук палачей и избежит костра.

Маэстро Ферраро попытался несколько умерить пылкое усердие членов трибунала. Он указал отцам инквизиторам, что

если они будут проводить эту затяжную пытку в бурном темпе, то деревянный кол быстро порвет внутренности и еретик, истекая кровью и не приходя в сознание, отправится на тот свет, не успев сделать разоблачений, которых от него ждут. Однако попы, потеряв самообладание, не вняли его совету. Они продолжали неистовствовать. То один из них, то другой подскакивали к посаженному на кол и твердили все одно и то же:

— Говори истину! Кайся!

А Кампанелла, как назло, молчал. Голова его упала на грудь, глаза закрылись. Ферраро больше часа проделывал над ним различные манипуляции и отливал холодной водой, прежде чем снова услышал стон из его уст. Инквизиторы усердствовали вовсю:

— Покайся! Очисти душу признанием!

Он вообще совершенно перестал реагировать на окружающее, только изредка стонал и звал мать. Так прошло все утро.

Первым не выдержал нунций. Он сказал, что пытка его измотала и он уходит обедать. Несколько часов спустя, сославшись на усталость, удалился и епископ Казерты. Викарий продолжал допрос. Помощники заменили у дыбы Джакопо Ферраро, когда он отправился перевести дух. Нунций, вернувшись, отпустил викария. Инквизиторы сменяли один другого, а на дыбе в неестественной позе, расчаленный во все стороны веревками, висел все тот же Кампанелла, и острый кол глубже и глубже впивался в его тело.

Надвинулись сумерки. Служители принесли свечи и закрыли ставни. Допрос продолжался…

Плотно поужинавший нунций со свежими силами принялся за дело. Он ругался и сыпал угрозами. Кампанелла молчал. На крепостной башне часы пробили полночь. Вскоре нунций ушел спать. «Велья» на самом деле была одной из самых тяжелых пыток!

Часть ночи Кампанеллу допрашивал викарий, вслед за тем епископ Казерты. Томмазо ни на минуту не оставляли в покое.

Прошло еще несколько часов. Епископ Казерты охрип, задавая вопросы. Но он ничего не достиг. Кампанелла запросил пить. Может, он скорее заговорит, если его хорошенько напоить крепким вином?

Он сделал несколько жадных глотков и отчаянно закрутил головой. Сумасшедший, а понимает, что вино развязывает язык! Палач силой разжал Кампанелле зубы и влил в рот целую кружку.

Епископ обрадовался, когда услышал, что Кампанелла заговорил. Но его торжество было преждевременным. Кампанелла по-прежнему нес какую-то ахинею, вспоминал родственников,

болтал о женитьбе и, обращаясь к инквизиторам и палачу, восклицал с явной издевкой в голосе:

— Все мы братья!

Затем снова долгие часы из него нельзя было вырвать ни одного слова. Широко раскрытыми глазами смотрел он, не мигая, на пламя свечей. И молчал.

Под утро епископ Казерты от усталости едва держался на ногах. Он больше не вставал со своего кресла и вел допрос, сидя за столом.

Когда забрезжил рассвет, служители открыли окна. Утро 5 июня было ясным. Кампанелле казалось, что начинается предсмертная агония. Неужели и он, как большинство узников, умрет на рассвете?

Он дожил до часа, когда увидел солнце. В последний раз? Силы приходили к концу. Он видел на полу собственную кровь, и ему лишь оставалось удивляться, сколько ее в человеке. Среди стонов он повторял:

— Умираю, умираю… — Он кричал, но голос его был чуть слышен: — Не могу больше, не могу! Я мертв! — И после некоторого Молчания: — Умер…

Нунций вошел в камеру пыток бодрой походкой отменно отдохнувшего, здорового человека. Он был прекрасно выбрит и полон энергии. Каковы результаты? Уже больше суток, ни на минуту не прекращаясь, длится пытка, а Кампанелла и не думает признаваться! Его нечеловеческое упорство казалось сверхъестественным.

Нунций сам принялся за допрос. Его старания тоже ни к чему не привели. Разозлясь, он потребовал, чтобы палачи еще больше опустили веревку. Пусть у проклятого еретика хоть через горло выйдет острие кола!

Кампанелла потерял сознание. Холодная вода, которой его отливали, не помогала. Пришлось снять его с дыбы и развязать. Когда он очнулся, то попросил пить. Нунций велел дать ему вина. Неужели он готов скорее сдохнуть, чем признаться?

Нунций настаивал на продолжении пытки. Считалось, что на голодный желудок человек легче переносит «велью». Так накормите его! Когда Томмазо выпил три яйца, его снова вздернули на дыбу. Он совсем обессилел. Голова его то и дело падала на грудь. Нунций, плохо владея собой, подбежал к самой дыбе. Он обеими руками поддерживал сутану, чтобы не запачкать ее край об замаранный кровью пол. На его брань Кампанелла ничего не ответил, но его взгляд был полон такого беспредельного презрения, что нунций отвернулся.

Застенок являл собой страшное зрелище: исковерканное

муками тело и забрызганные кровью орудия пытки. В середине дня нунций приказал привести Дионисия Понцио. Пусть знает, что его ждет, если он тоже не захочет покориться!

По раздражению инквизиторов Дионисий понял, что они до сих пор не добились желаемого. И поэтому ужасный вид Кампанеллы не устрашил его, а, напротив, преисполнил мужеством. Его стали допрашивать о записке, которую он подал в трибунал. Но он сразу заметил, что это пустая формальность. Инквизиторы хотели, чтобы Дионисий уговорил Кампанеллу кончить притворство и объяснил ему, что его упрямство ни к чему хорошему не приведет, поскольку Святая служба намерена добиться признаний любыми средствами.

О, Дионисий был превосходным актером! В былые времена он своими проповедями доводил женщин до истерик. Ему ничего не стоило в нужный момент заплакать или притворно грохнуться в обморок. Они с Томмазо слишком хорошо знали друг друга. Если кто и попадется на хитрость, это сами судьи!

Дионисий принялся многословно и пылко убеждать Кампанеллу раскрыть перед трибуналом всю правду. И вдруг тот утвердительно закивал головой. Недоумевая, судьи разрешили снять Кампанеллу с дыбы. Он потребовал воды. Ему дали напиться. Члены трибунала надеялись, что он начнет показания, но он неожиданно заявил, чтобы его отвели в нужник. Тут вмешался Дионисий и предложил свою помощь. Пусть лучше он сам, а не надзиратель, будет сопровождать Кампанеллу. Он использует это время, чтобы окончательно склонить его к раскаянию. Дионисий говорил с таким неподдельным жаром, что с ним согласились.

Они успели обсудить все, что было необходимо. Они не торопились возвращаться в застенок. За ними пришлось несколько раз посылать надзирателя, пока. Дионисий привел Кампанеллу обратно. Его посадили на скамью подле стола и начали задавать вопросы.

— Что вы еще от меня хотите?! — закричал Кампанелла и снова принялся нести какую-то околесицу.

Дионисий сокрушенно развел руками. Ничего не поделаешь, безумца нельзя уговорить, а фра Томмазо наверняка сумасшедший.

Его ударом сбросили со скамьи, поволокли к дыбе. Инквизиторы, казалось, сами теряют рассудок. Они подгоняли палачей и истошно кричали:

— Открой истину! Перестань лгать! Невыносимо было Дионисию смотреть на то, что делали палачи с Кампанеллой, но еще тяжелее было бы услышать из его уст хоть одно слово

признаний.

Кампанелла не стонал. Казалось, он не чувствует боли. Взгляд его померк, и веки закрылись. Дионисий воскликнул в ужасе:

— Умер?!

Сколько палачи ни тормошили Кампанеллу, они так и не смогли привести его в сознание. Даже когда ему прижгли раскаленным железом пятки, он не проявил никаких признаков жизни.

Вызвали тюремного врача. Осмотрев пытаемого, он сказал, что, вероятно, очень скоро, через несколько часов, он умрет. Кол порвал кровеносные сосуды. Прекратить кровотечение не представляется возможным. Секретарь заканчивал составление акта о пытке. Пытка продолжалась целых тридцать шесть часов.

Джакопо Ферраро было приказано отнести бездыханное тело обратно в камеру. Он взвалил его на плечи и пошел по полутемным переходам. Лестница, по которой он поднимался, была очень крутой. Палач остановился, чтобы перевести дыхание, снял с плеч Кампанеллу и прислонил его к стене. И вдруг человек, похожий на труп, заговорил. Ферраро вздрогнул. На губах Кампанеллы появилась усмешка:

— Я не такой дурак, чтобы признаться в том, чего они хотели!

В словах умирающего палач явственно расслышал оттенок нескрываемого торжества.

Представляя трибуналу «Защиты» Кампанеллы и «Статьи о пророчествах», Пьетро Престера должен был доказывать, что они написаны, разумеется, до того, как бедный философ сошел с ума. Но почему он больше года скрывал эти важные бумаги от судей? Пьетро заранее вместе с Томмазо обдумал свои ответы. И когда 5 июня его вызвали на допрос, он знал, что говорить. Он играл под простачка, откровенного и несколько наивного. Он не скупился на слова, и его речи производили впечатление искренних.

Пьетро рассказал, что еще в прошлом году какой-то юноша просунул ему через узкую щель а двери листочки, исписанные рукой Кампанеллы. Что с ними делать? Юноша сказал, что фра Томмазо придает им очень большое значение и просит переписать их и сохранить. Пьетро исполнил эту просьбу. Одну тетрадь переписал Пьетро Понцио, а другую отправили в город, и знакомый земляк отдал ее писцу. Когда копия была готова, любознательный писец, не на шутку заинтересовавшись пророчествами, оставил оригинал у себя. Сам Пьетро мало что понимает во всех этих премудростях, поэтому он решил посоветоваться с Пиццони, которого считал ученым человеком.

Пиццони, ознакомившись с рукописями, сказал, что в них много подозрительного, и не захотел их вернуть. Только после его смерти Пьетро случайно обнаружил эти рукописи в тюфяке, на котором скончался Пиццони.

Рассказ Пьетро было очень обстоятелен. Тщетно инквизиторы пытались его запутать, сбить, поймать на противоречиях. У него на все был готовый ответ. Ведь уже три недели, как умер Пиццони, а рукописи нашли только сейчас?!

Простодушный Пьетро с недоумением смотрел на судей. Что их так удивляет? Уж не хотят ли они сказать, что он должен был неизвестно ради чего наброситься на тюфяк, пока тот еще сохранял теплоту тела несчастного Пиццони?

Героическая выдержка, проявленная Кампанеллой во время «вельи», оказала решающее влияние на ход процесса. Все попытки быстро закончить следствие и отправить обвиняемых на эшафот окончательно рухнули. Санчес ни минуты не сомневался, что Кампанелла хитрый симулянт. Но как это теперь доказать? Он вспомнил, что врачи, которые еще до пытки вели за Кампанеллой наблюдение, так и не представили в трибунал своих официальных заключений. Может быть, они хоть в какой-то степени поставят под сомнение результаты «вельи», столь плачевные для обвинителей? Он разъяснил врачам пожелания вице-короля и поторопил их высказать свою точку зрения Пьетро Веккионе, один из самых знаменитых врачей Неаполя, читавший в университете теорию медицины, был очень осторожен. Он сослался на недостаточность наблюдений и одновременно высказал сомнение, чтобы здоровый человек мог так искусно симулировать. Он подчеркнул, насколько трудно прийти к определенному решению, и в итоге заявил, что, пожалуй, есть больше оснований считать Кампанеллу симулянтом, чем настоящим безумцем.

Второй из экспертов, Джулио Язолино, видный анатом и хирург, тоже воздержался от категорических суждений. Он ничего не может сказать наверняка, но полагает, что Кампанелла психически совершенно здоров и мастерски притворяется сумасшедшим.

Заключения экспертов не удовлетворили Санчеса. Да и какое значение могли теперь иметь эти неопределенные догадки, снабженные множеством оговорок, когда Кампанелла, перенеся страшнейшую пытку, тем самым неопровержимо доказал подлинность своего безумия?!

Санчес не хотел примириться. Неужели Кампанелла так и оставит в дураках и испанские власти и инквизицию? Прокурор продолжал следить за Кампанеллой, допрашивал врачей,

надзирателей, солдат. Не выдал ли он себя чем-нибудь после пытки — насмешкой по адресу палачей или злорадным торжеством?

Неделя летела за неделей, а все старания Санчеса пропадали впустую. Наконец ему повезло. Заплечных дел мастер Джакопо Феррaро сообщил, что когда он после «вельи» на собственной спине тащил Кампанеллу обратно в темницу, тот не удержался и сказал: «Я не такой дурак, чтобы признаться в том, чего они хотели!»

Санчес ухватился за эти показания. Мало того, что Кампанелла скрывает истину, он еще нагло насмехается над своими судьями!

20 июля 1601 года Джакопо Феррaро пригласили в трибунал. Секретарь аккуратно запротоколировал его рассказ. Вот еще один пример гнусного притворства Кампанеллы! Правда, показания Феррaро имели существенный изъян. Когда палача спросили, кто, кроме него, слышал слова Кампанеллы, Феррaро ответил: «Никто». В темном переходе, где он остановился, чтобы перевести дыхание, они с Кампанеллой были одни.

Даже этот протокол звучал словно издевка. Фра Томмазо на самом деле не был так безумен, чтобы высказывать свое торжество в присутствии нескольких свидетелей!

Члены трибунала были убеждены, что Кампанелла искусно притворяется. Но, несмотря на это, Кампанелла, выдержав пытку, «очистился» от обвинений в симуляции и теперь в соответствии с законами юридически считался сумасшедшим. А это означало, что приговор по его делу не может быть вынесен до тех пор, пока к нему снова не вернется рассудок или пока он не умрет. В последнем случае он подлежал посмертному осуждению. Если еретика не удавалось сжечь живым, то в костер бросали его труп или даже кости, выкопанные из могилы.

Процесс затягивался до бесконечности. Документы, связанные с проведением «вельи», были посланы в Рим. Вице-короля скрутила тяжелая болезнь, и ему было не до Кампанеллы. В Неаполе стояла страшная жара. Епископ Казерты махнул на дела рукой и уехал отдыхать.

Глава четырнадцатая. ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА

Вся тюрьма с напряженным вниманием ждала вестей о состоянии Кампанеллы. Гордость за проявленное им мужество сменилась в душе друзей беспокойством и тревогой. Кампанелла не приходил в себя. Выживет ли?

Хирург Шипионе Камарделла ничего не обещал. Мольба в заплаканных глазах Дианоры сказала ему многое. Да, он тоже всем сердцем хочет, чтобы Кампанелла остался жив, но надежды на это мало: острый кол впился глубоко в тело и порвал вены. Врач боялся, что Томмазо умрет от потери крови. Он долго не мог остановить кровотечение, а когда, наконец, ему удалось это сделать, появилась новая опасность: очень трудно было предотвратить гангренозный процесс.

Томмазо показалось, что он очнулся от нестерпимой боли. Жив! Его охватила радость. Он был похож на безобразный окровавленный труп, а в мозгу пылала гордая, торжествующая уверенность: «Я мыслю, следовательно, я живу! Живу наперекор всем пыткам и истязаниям!» Он вспомнил, что творили с ним, вспомнил сразу во всех ужасающих подробностях. Но это не вызвало страха, а только усилило чувство триумфа. Он был один, ослабевший от долгого заключения и пыток, а их было множество, но они ничего не смогли с ним сделать. Он вышел победителем из неравной борьбы!

Чудесно, что человек может мыслить! Жаль, он раньше не понял этого до конца: «Я думаю, следовательно, я существую!» Как надо благодарить природу за высшее счастье — счастье мыслить!

Когда-то он написал в одном из своих сонетов: «Я в горстке мозга весь…» Теперь эти слова приобрели особый смысл, но в них не было ни горечи, ни отчаяния. Горстка мозга оказалась сильнее солдат, сильнее инквизиторов, сильнее палачей.

Уверенность, что его идеям суждено в корне преобразить жизнь людей, помогала ему претерпеть все. Будущее докажет его правоту. Для человечества есть только один путь — путь к разумной жизни общиной, где блага, производимые природой и людьми, принадлежат в одинаковой степени всем, где каждый человек может полностью развивать все свои духовные и телесные способности.

И наяву и в полузабытьи его мысли были полны Городом Солнца. Он ходил по его улицам, разговаривал с жителями,

словно Город Солнца был не мечтой, которая осуществится в будущем, а действительностью. Город Солнца был для него большей реальностью, чем даже тюремная камера, куда он был брошен.

Он был непоколебимо убежден, что господствующий строй, все еще сильный и будто бы прочный, на самом деле уже принадлежит прошлому. Медленно, но неуклонно — через кровавую борьбу, тюрьмы, пытки, мятежи и восстания — человечество идет к Городу Солнца!

До мельчайших подробностей продумывал Кампанелла жизнь соляриев, и с каждым днем картина идеального государства становилась для него отчетливей и ярче.

Ему очень хотелось увидеть снова друзей, внушить им мужество, укрепить их веру, что они борются не за какие-то неосуществимые и похожие на сказку идеалы, а за единственно разумный порядок вещей, который рано или поздно, но восторжествует повсюду на земле.

Он вспоминал свои споры с товарищами, когда те высказывали сомнение, достаточно ли свободна воля людей, чтобы разрушить издавна установленные обычаи и создать новый общественный строй. Друзья упрекали его в непоследовательности, заметив, что он много внимания уделяет астрологии и одновременно проповедует мысль, что стоит только людям по-настоящему захотеть изменить условия жизни, как самая дерзкая мечта может стать реальностью. Вероятно, не всегда его аргументы были достаточно вескими, но теперь он убедил бы каждого. Если человек верит в правоту дела, за которое борется, он в силах перенести любые муки. Разве что-нибудь служит лучшим доказательством свободы воли, чем факт, что человек способен выстоять против любой «вельи» и выйти победителем из любой борьбы, какой бы безнадежной она сначала и ни казалась! Целеустремленный человек всегда внутренне свободен, и в мире нет силы, которая бы одолела его. Кампанелла всем своим существом сознавал, что именно в этом залог прекрасного будущего.

Надо только, чтобы люди поняли новые мысли и решились до конца бороться за их осуществление. Город Солнца будет построен!

Он видел перед собой чудесный Город Солнца с его неприступными стенами и великолепными дворцами. Сколько лет он уже мысленно бродил по его улицам и беседовал с жителями Города, когда на самом деле его окружали безмолвные стены темницы! Как тщательно он вымерял ширину улиц и расстояние между зданиями, когда сам, посаженный на цепь, едва

мог, подобрав кандалы, сделать несколько шагов. Ногтем на грязном полу чертил он планы укреплений, пояса построек, площади и проходы.

Вот он приближается к Городу Солнца, проходит сквозь подъемные, окованные железом ворота и начинает свое необыкновенное путешествие.

…Город виден издали. Он «лежит среди обширной равнины, а его центральная часть возвышается на высоком холме.

Все постройки расположены концентрическими кругами, которые одновременно служат мощными укреплениями. Между рядами стен находится ровное и широкое пространство.

Большие палаты построены так, что они составляют со стеной одно целое. Высоко над землей, поддерживаемые красивой колоннадой, тянутся сплошные галереи для прогулок. Попасть в дома можно только с внутренней стороны. В нижние этажи входят прямо с улицы, а на верхние подымаются по мраморным лестницам. Внутренние галереи ведут в прекрасные покои, окна которых обращены на обе стороны стены. Все семь кругов сооружены по одному и тому же принципу. Из одного круга в другой можно пройти через двойные ворота, где идущие наискось ступеньки делают подъем почти незаметным. В самом центре города, на вершине горы, простирается большая площадь и стоит храм, воздвигнутый с изумительным искусством…

Ухудшение, которого Камарделла опасался больше всего, наступило. Жар увеличивался. Врач обнаружил у Томмазо опасные симптомы начинающейся гангрены. Он делал все возможное, чтобы спасти больного, однако не тешил себя надеждами. Против гангрены медицина была бессильна.

Томмазо как-то вдруг сразу понял, что скоро умрет. Пройдет еще несколько дней — и закончатся не выносимые страдания. Смерть избавит его от долгих мук. Смерть!! Все его существо возмутилось против мысли, что вместе с ним умрет и начатое им дело. На его долю выпало огромное счастье — он нашел путь, как изменить всю человеческую жизнь. Он увидел в проповеди жизни общиной свое призвание и свой долг. Когда он это осознал, его охватило страстное нетерпение. Он захотел сразу же начать борьбу за осуществление этих высоких идеалов. Он знал, что этого не достичь одними проповедями. Силу можно побороть только силой! Он стал призывать народ к оружию.

Необходимость перейти от слов к действиям была внутренней потребностью его горячей, дерзкой натуры. Попытка поднять восстание закончилась неудачей. Но не провал заговора больше всего волнует Кампанеллу. Не удалось одно восстание, удастся другое! Если не они сами, то их братья добьются победы!

Больше всего Томмазо мучает опасение, что с его смертью будет потерян правильный путь и умрет задавленная в застенках инквизиции мысль о жизни общиной. Что поднимет грядущих борцов, если сама идея будет погублена, умерщвлена? Почти всех, кого он воодушевил идеями Города Солнца, похватали прислужники инквизиции. Власть имущие постараются, чтобы нигде не осталось и малейшего следа опасной крамолы. Да и много ли толку, если какой-нибудь безграмотный калабрийский крестьянин в глубине души сохранит неясное воспоминание о его проповедях? Смутных мыслей о лучшем будущем всегда много в народе. Каждый сектант говорит о грядущем царстве справедливости. Но никто не знает пути к нему!

Кампанелла не мог простить себе, что перешел к действиям раньше, чем успел по-настоящему широко распространить свои идеи и, главное, изложить их письменно и принять необходимые меры, чтобы они не пропали. Сознание, что он совершил непростительную ошибку, терзало его с первых дней заключения. Неужели он ее не исправит?

Тогда, значит, он не выполнит своего долга перед людьми!

Он должен во что бы то ни стало написать сочинение о Городе Солнца. Не исключено, что друзьям удастся напечатать его книгу. Он умрет, но идеи, ради которых он отдал жизнь, обязательно восторжествуют!

Раньше он мог писать, у него была бумага, чернила, время. Он тратил драгоценные листки на стихи родственницам кастеляна и на «Испанскую монархию». Но он сознательно не писал «Города Солнца» — он не хотел втискивать свои бунтарские идеи в прокрустово ложе эзопова языка, к которому принуждали его тюремные условия. Опасность, что «Город Солнца» попадет в руки инквизиторов, была очень велика. Он не мог говорить во весь голос. Если бы он написал все, что думает, то каждое слово служило бы подтверждением тех обвинений, которыми его донимали судьи. А ведь дело шло не только о его собственной жизни, но и о жизни многих товарищей.

Томмазо верил, что, вырвавшись на свободу, обязательно напишет «Город Солнца».

Он не хотел смириться с мыслью, что теперь все кончено. Неужели он напрасно столько перенес, напрасно симулировал сумасшествие, напрасно сопротивлялся неистовству палачей! Нет, он не должен сейчас умереть!

Он уже не думал о побеге — без помощи Камарделлы он даже не мог дотянуться до кружки с водой. Теперь он мечтал не о свободе, а об отсрочке — о нескольких неделях жизни, которые позволили бы ему написать «Город Солнца». Как он ненавидел

смерть!

Временами его душило отчаяние. Что изменится, если агония продлится не неделю, а месяц? Он все равно не сможет писать. Синие вздувшиеся руки казались мертвыми.

Камарделла очень удивился, когда Томмазо попросил принести бумаги. Каких только странных просьб не бывает у умирающих! Он исполнил его желание, но продолжал недоумевать. Кому Кампанелла собирается диктовать свое завещание? Самому дьяволу?

Его состояние было тяжелым. Гангрены, к счастью, не началось, но жар не спадал. Томмазо не двигался. У него не было сил, чтобы сесть. Он собрал всю свою волю и пробовал писать лежа. Но он не мог приподнять и ноги, чтобы опирать о колено дощечку, на которой лежала бумага. Тогда он попытался кое-как поддерживать ее левой, безжизненной как плеть рукой. Пальцы не подчинялись. Его мучило ощущение бессилия. Неужели «Город Солнца» так и останется ненаписанным?! Если бы было кому диктовать! Но в одиночке, кроме него, никого не было. Он не мог даже ползком добраться до окна, чтобы окликнуть Дианору. Несколько раз ему казалось, что ночью в окне появлялся пакетик, опущенный сверху на веревке. Он проклинал свою беспомощность.

Он упросил Камарделлу, чтобы тот, ссылаясь на его ужасное положение, убедил начальство в необходимости перевести к нему в камеру Пьетро Престеру или Битонто, которые бы хоть давали ему пить. Однажды врач обрадовал его известием, что кастелян распорядился исполнить его просьбу. Томмазо с нетерпением ждал, когда придут друзья и он тайком начнет им диктовать.

Он услышал за дверью их голоса. Их было двое. Надзиратель открыл замок, и в камеру вошли отец и брат Кампанеллы. Когда они, нагнувшись над ним, со слезами на глазах говорили слова утешений, он с трудом скрывал досаду. Это чувство было сильнее, чем радость от встречи с близкими. Он так ждал человека, которому сможет диктовать! А оба они— и отец и брат — были совершенно неграмотны.

Но он не сдался. Превозмогая боль, терпел, пока Джампьетро подолгу растирал ему руки. Наконец он заставил свои пальцы сжать перо. Каждая буква стоила ему нечеловеческих усилий. Невольно он вспомнил лестные слова Трагальоло: «Кампанелла пыток не боится…»

Годами он в мельчайших подробностях продумывал все стороны жизни общиной. Он отчетливо видел дворцы соляриев, ремесленные мастерские, общественные оклады, палестры, прекрасно обработанные поля. Он вникал во все мелочи: знал, как

одеваются граждане Города, что едят, чем болеют. Идеи, которые он должен был изложить, вошли в его плоть и кровь, но теперь, в тюрьме, ему было очень трудно доверить бумаге свои сокровенные мысли. Ему приходилось постоянно иметь в виду, что при всей его выработанной годами заключения осторожности он не мог полностью обезопасить себя от случайностей.

Несравненно проще было на воле, рассказывать друзьям о Государстве Солнца!

Сам он вряд ли протянет долго: хотя Камарделла и прилагает все свое искусство, чтобы он выжил, но надежд на это мало. Даже если бы он и поправился, то, изуродованный пыткой, он уже никогда не будет иметь сил для побега, и ему останется одно из двух — признаться в симуляции и взойти на костер или, продолжая притворство, обречь себя на вечное заточение.

Сейчас надо было думать о друзьях, которым грозит страшный приговор.

Нет, он напишет отнюдь не политическую программу, которая вдохновляла калабрийцев на восстание. Он не будет упоминать о родных местах и не назовет горы Стило, бродя по склонам которой, он мечтал об идеальной республике. Он подробно напишет о «философском образе жизни общиной».

Он решил придать своему сочинению о Городе Солнца форму диалога, в котором идет речь о заморских путешествиях и диковинных странах, лежащих за тридевять земель. Мореход-генуэзец расскажет своему собеседнику Гостиннику о том, что ему довелось повидать на тропическом острове Тапробане…

Писать ему приходилось лежа — сидеть он не мот. Джампьетро держал дощечку с бумагой, а отец стоял у двери и прислушивался, не подкрадывается ли надзиратель.

Мореход рассказывал о расположении Города Солнца, о его неприступных укреплениях, красивых улицах, дворцах…

Кампанелла с трудом выводил буквы. Им часто овладевало опасение: сумеет ли кто-нибудь, кроме него, разобрать эти малопонятные закорючки?

Он писал о системе управления, которые создали солярии, о выборах верховного правителя, именующегося на их языке «Солнцем», о разделении функций между отдельными должностными лицами.

Когда первые страницы были закончены, он задумался над тем, где их хранить. У себя их нельзя было оставлять — надзиратели, несмотря на его тяжелую болезнь, то и дело устраивали внезапные обыски. Прекратить работу из-за того, что негде прятать написанное? Он постоянно думал о Дианоре. Сам он не мог подойти к окну, чтобы окликнуть ее, а на незнакомый

ей голос брата Дианора, боясь ловушек, не отвечала. Однажды ночью Томмазо попросил поднести его к окну. Дианора услышала его голос. Какое это было счастье!

Теперь Томмазо не держал в камере ни одной страницы. Каждый вечер Дианора опускала веревочку. Джампьетро привязывал к ней исписанные листки, и Дианора поднимала их наверх. Она очень обрадовала Кампанеллу, когда вызвалась переписывать начисто его каракули.

Он работал с огромным упорством. Искалеченная рука никак не поспевала за мыслями. А он о стольком должен был успеть рассказать людям!

Непременное условие для процветания государства Кампанелла видел в здоровье и правильном воспитании подрастающего поколения. Поэтому он считал, что в будущем идеальном государстве очень много внимания должно уделяться детям.

«На деторождение солярии смотрят как на религиозное дело, направленное на благо государства, а не отдельных лиц, причем необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство и дурно его воспитывают на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица…»

Труд и физические упражнения сделают людей здоровыми и красивыми. Изменятся даже сами представления о прекрасном. В Городе Солнца нет некрасивых женщин, так как у них «благодаря их занятиям образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми, а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости. Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, или стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги. Но и при всем желании ни одна не могла бы там этого сделать: кто стал бы все это ей доставать?! И они утверждают, что у нас все эти прихоти появились из-за праздности и безделья женщин, от чего портится

у них цвет кожи, от чего они бледнеют и теряют гибкость и стройность; и поэтому приходится им краситься, носить высокие каблуки и добиваться красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью, и таким образом вконец разрушать естественное развитие и здоровье не только свое, но и своего потомства».

Но для того чтобы дети были физически и духовно совершенны, мало только одних упражнений. Поэтому опытный врач, которому государство поручило ведать вопросами деторождения, должен, руководствуясь данными науки, так по природным качествам подбирать родителей, чтобы они обеспечивали появление на свет наилучшего потомства.

«Солярии утверждают, что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя достичь путем упражнения; что люди, порочные по природе, работают хорошо только из страха перед законом или перед богом, а не будь этого, они тайком или открыто губят государство. Поэтому все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества родителей, а не приданое или обманчивую знатность рода».

Когда Кампанелла говорил, что в идеальном государстве не будет семьи, ему нередко приходилось выслушивать возражения. Неправильно понятые слова об «общности жен» воспринимались по-разному. Одни, ужасаясь, упрекали его в распущенности и давали повод для нелепых слухов о том, будто Кампанелла хочет завести для себя гарем; другие тешили себя мыслью, что в новой республике они смогут дать полную волю своим страстям. Он всегда терпеливо объяснял людям, как глубоко они заблуждаются, когда переносят в будущее свои исковерканные ложной моралью представления. Только в Городе Солнца полностью уничтожены распутство и разврат. Скромность и воздержанность солярии считают проявлением высшей добродетели.

«Ни одна женщина не может вступить в сношения с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста, а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года… Те же, кто живет в воздержании до двадцати одного года, а тем более до двадцати семи, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях».

Кампанелла придавал особенно важное значение вопросам общественного воспитания детей.

«…Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины, бегают, гуляют и

борются, знакомятся по изображениям с историей и языками. Одевают их в красивые пестрые платья. На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам…»

Учение самым тесным образом связано с производством. Девочки и мальчики «обучаются всяким наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов, они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы спустя некоторое время занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого. На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях. Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, — каждый по указанию своего вождя или руководителя.

Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель — государства столько бездельников и злодеев».

Образование должно соответствовать практическим задачам, которые стоят перед людьми. Мертвая схоластика бесполезна. Люди должны быть широко и всесторонне образованны. Кампанелла вложил в уста одного из жителей Города Солнца такие слова: «…Вы считаете ученейшими тех, кто лучше знает грамматику или логику Аристотеля или другого какого-либо

автора. Для такого рода мудрости потребны только рабская память и труд, отчего человек делается косным, ибо занимается не изучением самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей… Нам также прекрасно известно, что тот, кто способен только к одной какой-нибудь науке, почерпнутой из книг, тот и невежествен и косен… Кроме того, в нашем городе с такой легкостью усваиваются знания, что ученики достигают больших успехов за один год, чем у вас за десять или пятнадцать лет».

Кампанелла очень много думал о воспитании. Огромные задачи, которые возникнут перед педагогами, когда люди начнут жить общиной, потребуют новых методов обучения. Схоластика и зубрежка отжили свой век. Кампанелла подчеркивал большую роль наглядности в обучении и утверждал, что легче всего можно усвоить науки при помощи картин.

В Городе Солнца все стены, внутренние и внешние, расписаны превосходнейшей живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки.

Каждый рисунок снабжен поясняющей надписью в стихах или прозе. На стенах изображены все звезды, математические фигуры — у соляриев их значительно больше, чем открыто их Архимедом и Евклидом! — теоремы, определения, вид Земли в целом и карты отдельных областей.

Рядом помещены краткие описания обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей, а также употребляемые там алфавиты.

На других стенах красуются изображения всевозможных драгоценных и простых камней, минералов и металлов. Тут же находятся и их образцы. На выступах стены, где нарисованы моря, реки, озера и источники, стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет. Они употребляются для лечения различных недугов.

Изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений помогают детям постигать законы природы.

Разглядывая настенную живопись, они получают полное представление о животном и растительном мире всей Земли, обо всех деревьях, травах, рыбах, птицах, пресмыкающихся, насекомых, животных. Здесь же в горшках выставлены растения.

Не только естественные науки отображены в рисунках. На стенах нарисованы все ремесла, орудия труда и их применение у различных народов, все знаменитые ученые, изобретатели и достославные мужи истории.

«…Когда же я стал, — рассказывал Мореход Гостиннику, — с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне

объяснили, что они обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по всему свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике.

…Узнал я там и то, что Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста».

В детях с юных лет воспитывается любовь к труду. В Городе Солнца нет бездельников и тунеядцев — здесь работают все: «… Они все принимают участие в военном деле, земледелии и скотоводстве: знать это полагается каждому, так как занятия эти считаются у них наиболее почетными. А те, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуется и большим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. Самые тяжелые ремесла, например кузнечное или строительное и т. п., считаются у них и самыми похвальными, и никто не уклоняется от занятия ими, тем более что наклонность к ним обнаруживается от рождения, а благодаря такому распорядку работ всякий занимается не вредным для него трудом, а, наоборот, развивающим его силы. Менее тяжелыми ремеслами занимаются у них женщины».

Исключительное усердие соляриев и их умение работать приводят к изобилию продуктов. «Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны». Люди ценятся по их трудовым успехам и знаниям, а не по богатству или происхождению.

«Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь занятии, называется у них царем: они говорят, что это наименование присуще именно таким людям, а не невеждам. Достойно удивления, как все, и женщины и мужчины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом подобно нам никакого недовольства, ибо почитают его за отца или старшего брата».

Граждане Города Солнца не мыслят себе жизни вне общественного труда. Даже инвалиды находят работу по своим силам.

«Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромые несут сторожевую

службу, так как обладают зрением, слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек, те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д.».

Работая над «Городом Солнца», Кампанелле все время приходилось быть настороже. Стоило только отцу заслышать шаги надзирателя, как Джампьетро хватал рукопись, прятал за пазуху и одним прыжком оказывался у окна. Было условлено, что в случае, если Стража нагрянет с обыском, Джампьетро выбросит листки и чернильницу во двор. Главное, чтобы никто не застал Кампанеллу за писанием!

Каждый день он был вынужден десятки раз прерывать работу и ждать, пока за дверью не затихнут подозрительные звуки.

Он был в очень плохом состоянии. Камарделла не находил никаких признаков улучшения. Иногда Томмазо подолгу совсем не мог писать. Но воля побеждала бессилие. И каждый вечер Джампьетро передавал Дианоре или несколько страничек, или несколько строк…

Сами идеи Города Солнца, о которых Кампанелла во что бы то ни стало должен был рассказать людям, придавали ему силы.

«Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое, — писал Кампанелла, — у соляриев общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке.

Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием: наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотьба да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначаются женщины; точно так же они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах. А к женскому труду относятся те работы, какие исполняются сидя или стоя, так, например, тканье, пряденье, шитье, стрижка волос и бороды, изготовление лекарств и всякого рода одежды. Однако для столярных и кузнечных работ и изготовления орудий женщины не применяются. Но к занятию живописью они допускаются, если обнаруживают к ней способности. Что же касается музыки, то ею занимаются исключительно женщины, потому что у них получается приятнее, да дети, однако на трубах и барабанах они не играют. Они же и готовят и накрывают на стол; но прислуживать за столом составляет обязанность мальчиков и девушек до двадцати лет. В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и напитков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по

этой части приставлен маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!»

«Предметы домашнего обихода и пища их мало занимают, так как всякий получает все, что ему нужно, а представляют для них интерес лишь тогда, когда это выдается в качестве почетной награды. А героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда…

Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. п. Всякую службу они называют учением… Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную.

Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами и даже с избытком. Но у нас, увы, не так…»

Он вспомнил Неаполь: изможденные лица бедняков, полуразвалившиеся лачуги, кварталы, заселенные проститутками, распутную жизнь аристократов, толпы тунеядцев-монахов, льстивых слуг, паразитов, чиновников, высасывающих из народа последние соки.

«…в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего каких-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, прибывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народу портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время

проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, в лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копья и т. д.

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности, и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им.

Иностранцев принимают они приветливо и, щедро и в продолжение трех дней содержат их на общественный счет. Первым делом омывают им ноги, затем показывают город и объясняют его устройство, допускают их в Совет и к общественной трапезе. Для услуг и охраны иностранных гостей отряжаются особые люди. Если же находятся желающие стать гражданами Государства Солнца, то их подвергают месячному испытанию за городом, а потом в течение месяца в самом городе. После этого выносят соответствующее постановление и принимают их с соблюдением определенных обрядов, присяги и т. д.

Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей пользы. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженные на поля: пахать, сеять, окучивать, полоть, жать, собирать хлеб и снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. Они пользуются телегами, оснащенными парусами, которые могут двигаться и против ветра, а когда нет ветра, то благодаря удивительно искусно устроенной колесной передаче повозку тянет всего одно животное. Прекрасное зрелище!

Между тем вооруженная полевая стража делает обходы, постоянно сменяя друг друга… Землю они тщательно обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена…

Потребная часть земли вспахивается, а остальная идет под пастбище скоту. Благородное искусство разведения и

выращивания лошадей, крупного и мелкого скота, собак и всякого рода домашних и ручных животных ценится у них очень высоко… Имеются у них и стада кур, уток и гусей, которых с большим удовольствием пасут женщины под городом, где находятся птичники и где изготовляются сыр, масло и другие молочные продукты. Выкармливают они во множество каплунов и племенной птицы и т. п.».

В Городе Солнца наука достигла невиданного расцвета. Солярии добились больших успехов в естествознании, технике, медицине. Они построили машины, облегчающие труд человека, научились предсказывать погоду, создали совершенное оружие.

«Морское дело находится у них в большом почете. У них имеются особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма; но есть и такие, которые двигаются посредством ветра и весел. Они прекрасно знакомы со звездами и с морскими приливами и отливами. В плавание они ходят для ознакомления с различными народами, странами и предметами… В сражениях на суше и на море применяют они искусственные огни и многие другие тайные военные хитрости, благодаря которым всегда почти выходят победителями».

Вся жизнь в Городе Солнца подчинена науке, болезни сведены до минимума, разрешена проблема долголетия.

«Они тщательно различают полезную и вредную пищу и питаются согласно требованиям медицины. Живут они по большей части до ста лет, а некоторый и до двухсот. Пищу они употребляют наиболее полезную по данному времени года и вообще по предписанию наблюдающего за этим Главного Врача.

Они не признают никакого иного отдыха, кроме того во время которого приобретают еще больше знаний, для чего и отправляются они в поле заниматься бегом, метанием стрел и копий, стрелять из аркебузов, охотиться на диких зверей, распознавать травы и камни и т. д. и учиться земледелию и скотоводству в составе то одного, то другого отряда».

Все солярии принимают участие в общественной жизни: «Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно… Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами по совещании между собой не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим: Они действительно настолько разумны и

честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко.

…Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами… Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Палачей и ликторов у них нет, дабы не осквернять государства… Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели.

…Прегрешения, совершенные по слабости или неведению, караются лишь выговорами и принудительными уроками воздержания или же изучения той науки или мастерства, к которым относилось прегрешение.

По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела». В Городе Солнца царит радость и веселье. После трудового дня все собираются за обильными столами общих трапез, потом слушают музыку, поют или, сойдясь парами, начинают стройную и прекрасную пляску под колоннадами.

«Празднества сопровождаются пением женского хора, звуками труб и тимпанов и пальбою из бомбард, а поэты воспевают славных полководцев и их победы. Однако же тот, кто что-нибудь при этом присочинит от себя, даже и к славе кого-либо из героев, подвергается наказанию. Недостоин имени поэта тот, кто занимается ложными вымыслами, и они считают это за распущенность, гибельную для всего человеческого рода, ибо допускающий это похищает награду у достойнейших и часто доставляет ее людям порочным либо из страха, либо из лести, низкопоклонства и жадности».

Солярии высоко чтут своих сограждан, которые отличились трудовыми подвигами, выдающимися изобретениями или героизмом: «Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле…»

Страницу за страницей Джампьетро передавал Дианоре. Томмазо напрягал всю свою волю, чтобы закончить «Город Солнца». Отец недоумевал: зачем он, чуть живой, так мучает себя работой? Разве то, что он пишет, настолько важно, чтобы отдать этому последние силы? Кампанелла утешал отца: его книга очень

пригодится людям.

Томмазо знал, что Город Солнца не может быть построен без борьбы.

«Сначала ведь все исторгается и искореняется, а потом уже созидается и насаждается!» Стране, на долю которой выпадет счастье первой вступить на путь жизни общиной, придется столкнуться с многочисленными и жестокими врагами. Чем шире распространится правда о Государстве Солнца, тем сильнее все остальные народы захотят жить, руководствуясь примером соляриев. Но цари и тираны будут делать все возможное, чтобы помешать этому. Они ненавидят Город Солнца и стараются использовать любой предлог, чтобы начать войну. Нередко пограничные споры приводят к серьезным военным столкновениям. Поэтому солярии, имеющие по соседству со своими землями враждебно настроенные государства, вынуждены очень много внимания уделять военному искусству. Они не хотят быть застигнутыми врасплох и всегда находятся начеку. Женщины тоже учатся владеть оружием, чтобы в случае надобности помогать мужчинам при обороне Города.

Разве может быть что-нибудь важнее военного дела, когда враги мечтают уничтожить Город Солнца?

Кампанелла пишет о неприступных укреплениях, об организации войска, о вооружении и тактике. Не забывает он ни начальников военного снаряжения, ни военных инженеров, ни стратегов, ни инструкторов, ни начальников артиллерии, конницы и пехоты. Солярии проходят самую широкую подготовку, включая лекции по военному делу и истории военного искусства. Все, что связано с обороной Города Солнца, представляется Кампанелле очень важным.

Он рассказывает об устройстве лагеря, о транспортировке припасов и снаряжения, о технических новшествах, применяемых на войне.

Солярии, считающие высшей добродетелью любовь к общине, проявляют на войне такое мужество и такое самопожертвование, какого не знали даже прославленные герои древнего Рима.

«Тот, кто на приступе первым взберется на неприятельские стены, получает после битвы при воинственных кликах женщин и детей венок из травы; выручивший соратника получает гражданский венок из дубовых листьев; убивший тирана жертвует его доспехи в храм, а сам получает от верховного правителя прозвище, соответствующее его подвигу.

…Храбрым воинам раздают почетные награды и на несколько дней освобождают их от исполнения общественных работ. Но последнего они не любят, так как не привыкли быть праздными,

и. поэтому помогают своим друзьям».

Вопросы войны и мира обсуждаются в Большом Совете. Чаще всего война начинается из-за того, что «на том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующие благополучию соляриев, потому что тамошнее население стремится жить по обычаям соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей…»

Враги используют различные предлоги для нападения на Государство Солнца, но их попытки заканчиваются обычно полнейшим крахом.

Солярии торжествуют победу. Однако они не употребляют своей мощи во вред другим; для них целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных… «Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей, не входя для этого ни в какие расходы».

Государство Солнца — могучее и миролюбивое государство. Солярии убеждены, что со временем все человечество будет жить общиной. Они проявляют большой интерес к достижениям других народов, с которыми постоянно поддерживают дружеские связи: «Сами они никому не причиняют насилия, но по отношению к себе его не терпят и вступают в бой только, если на них нападают. Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную. Они находятся в союзе с Китайцами и со многими народами на островах и на материке: с Сиамом, Каукакиной, Каликутом,[16] — оттуда только могут получать какие-либо сведения».

Излагая свои сокровенные идеи, Кампанелла постоянно помнил об осторожности. Протоколы были полны упоминаниями о проповедуемой им жизни общиной, о необходимости уничтожения частной собственности.

Испокон веков различные еретики, борясь с церковью, требовали общности имущества. И в этом вопросе Кампанелла ссылался на авторитет отцов церкви и священное писание.

Особенно тщательно надо было выбирать слова, говоря об отсутствии у соляриев семьи. Уничтожение семьи проповедовали николаиты, одни из первых, кого церковь назвала еретиками.

Тоже самое приписывалось анабаптистам,[17] закоренелым врагам католицизма.

Поэтому Кампанелла в беседе Гостинника и Морехода назвал вопрос об «общности жен» трудным, но тут же подтвердил, что «у соляриев женщины общие и в деле услужения и в отношении ложа, однако же не всегда и не как у животных, а лишь ради производства потомства в должном порядке». Эти слова он предусмотрительно снабдил оговоркой: «Думаю, однако, что в этом они, может быть, и ошибаются… Возможно, что когда-нибудь этот обычай у них бы и вывелся, ибо в подчиненных им городах общим является только имущество, а никак не жены, разделяющие лишь общее услужение и занятия мастерствами». Но Кампанелла не удержался и добавил: «Однако солярии приписывают подобный порядок несовершенству других людей из-за того, что те недостаточно осведомлены в философии».

Он не хотел, чтобы в случае провала враги использовали его рукопись как еще одно доказательство еретичности взглядов, которых придерживались калабрийцы, мечтавшие об идеальной республике. Помня о своих «Защитах», где он так много писал об астрологии и древних пророчествах, Кампанелла дал сочинению о Городе Солнца заголовок, который должен был обезоружить врагов, — «Город Солнца брата Томмазо Кампанеллы, то есть диалог о республике, в коем рассматривается идея преобразования христианской республики в соответствии с обетованием Бога, данным святым Екатерине и Бригитте».

Томмазо был убежден, что люди сумеют отбросить все несущественное — шелуху слов, сказанных для маскировки. Главное, чтобы они поняли саму идею жизни общиной!

В тех условиях, в которых оказался Кампанелла, написать «Город Солнца» было проявлением исключительного мужества.

Когда Томмазо заканчивал свою работу, он был преисполнен непоколебимой уверенности, что грядущее человечество, слившись в единую дружную семью, будет жить счастливой общиной. Из своего века, еще полного невежества, мракобесия, кровавой борьбы, сквозь тюремные решетки и дым костров инквизиций он увидел зарю новой эры. Он не проклинал своего времени вопреки продолжавшейся власти тьмы, он разглядел в нем первые лучи света.

«В наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи…» Он гордился своей эпохой. «В этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за пять тысяч лет!»

Сколько сделано великих открытий! А разве изумительное изобретение книгопечатания, аркебузов и применение магнита не знаменательные признаки и в то же время средства соединения обитателей мира в единую семью?

В «Городе Солнца», так же как и в «Защитах», Кампанелла много писал об астрологии, но на последних страницах его взяло сомнение: поймут ли его правильно люди? Не станут ли они сомневаться в свободе человеческой воли? Разве его собственная судьба не служит доказательством, что нет на свете силы, которая бы заставила человека, твердо убежденного в своей правоте, поступать против желания? С гордостью вспоминая свою победу над палачами, Кампанелла написал: «Солярии неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей, пытки, какою мучили одного почитаемого ими философа враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издалека и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения!»

В свободе человеческой воли он видел залог счастья грядущих поколений. Люди, сознательно и упорно борющиеся за жизнь общиной, несмотря на все препятствия, добьются своего!

…Когда Джампьетро передал Дианоре последнюю страницу «Города Солнца», Томмазо почувствовал себя бесконечно счастливым. Душа его торжествовала. Люди восхищаются упорством, с которым он перенес сорокачасовую «велью». А не больший ли подвиг был в том, что он, почти умирающий от потери крови и мучительного жара, смог своими искалеченными во время пытки руками написать тайком от надзирателей «Город Солнца»?

Глава пятнадцатая. НЕОЖИДАННЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Кампанелла выздоравливал. Всем, кто видел его после «вельи», это казалось невероятным. Он, по его собственным словам, потерял во время пытки «фунт плоти и десять фунтов крови». Шипионе Камарделла не знал покоя ни днем, ни ночью стремясь спасти его. Он был очень опытным врачом и поэтому не приписывал чудесное выздоровление Кампанеллы своим травам, мазям и припаркам. Он был убежден, что Томмазо поборол смерть только благодаря своему редкому упорству и нечеловеческой воле к жизни.

Кампанелла, правда, еще не вставал. Отец и брат по-прежнему за ним ухаживали. С каждым днем к нему постепенно возвращались силы. «Город Солнца» стоил ему огромного напряжения. Но, закончив последнюю страницу, Кампанелла понял: лишь потому-то он и выжил, что, несмотря на страшнейшие мучения, не хотел умереть, не оставив людям «Города Солнца».

Малейшее движение причиняло ему боль. Ну и что с того? Ведь он не только победил своих палачей — обескровленный, искалеченный пыткой, трупу подобный, он смог своей непослушной и больной рукой написать «Город Солнца»! Он больше не думал о смерти. В голове опять рождались планы, один смелее другого. Он снова стал мечтать о побеге. Надо с толком использовать выигранное время. Когда он поправится и сможет ходить, все должно быть готово!

Он чувствовал себя счастливым. Дианора завершала переписку «Города Солнца». Дианора! Кто бы мог подумать, что именно здесь, заживо погребенный в темнице, он встретит девушку, которая принесет ему счастье настоящей большой любви! Он был ей бесконечно благодарен. Ему казалось, что никто на свете не может сравниться с Дианорой своей самоотверженностью, нежностью, бескорыстием. Ее любовь придавала ему силы в самые тяжелые минуты. Может быть, он вообще бы и не поправился, не будь рядом Дианоры? Не ее ли ванна, которую она передала Камарделле, явилась для него тем чудодейственным средством, благодаря которому в ходе болезни произошел перелом?

Томмазо был полон оптимизма. Тем неожиданнее пришла беда…

2 августа 1601 года Кампанелла, лежа на тюфяке, писал. Еще

в Неаполе, до приезда в Калабрию, он начал философское сочинение под заглавием «Великий эпилог» и теперь с увлечением снова над ним работал.

Рядом сидел Джампьетро, а отец, как обычно, стоял на часах у двери, прислушиваясь, не идет ли надзиратель. В середине дня откуда-то снизу донесся необычный шум. Неужели драка? Кто там чего не поделил? По двору побежали солдаты. Вскоре все стихло. Томмазо снова принялся за работу.

Вечером совершенно неожиданно в коридоре загремели замки и послышался топот. Кампанелла мгновенно сунул рукопись брату и притворился спящим. Дверь распахнулась, и в камеру вошел сержант Аларкон с двумя солдатами и надзирателем. Обыск! Джампьетро, улучив момент, выбросил рукопись во двор. Солдаты перерыли всю камеру. Они не церемонились с больным — стаскивая одежду, грубо вертели его из стороны в сторону. Под матрацем нашли письмо, которое должно было ночью быть передано Дианоре для отправки друзьям. Но на этом неудачи не кончились. Аларкон был очень бдителен: то, что Джампьетро, когда открывали дверь, оказался у окна, вызвало у него подозрения. После обыска сержант вместе с солдатами спустился во двор.

У стены равелина он нашел целую тетрадь. Десяток страниц был исписан. Он немедленно передал рукопись кастеляну.

Весь вечер в тюрьме продолжалась суета. Обыск проводился с необычным размахом и редкой старательностью. По коридорам долго сновали солдаты и надзиратели, то и дело гремели замки и хлопали двери. Узников переводили на разные этажи, рассаживали по камерам, одних запирали в одиночки, других тащили в карцер.

Что же случилось? Им овладело беспокойство. Он надеялся, что ночью, когда все стихнет, его, как обычно, окликнет Дианора. Он напрасно не спал до рассвета. Голоса Дианоры он так и не услышал.

Весь следующий день Кампанелла с нетерпением ждал, когда на дежурство заступит Мартинес. Но тот не пришел. Вместо него дежурство принял новый надзиратель. Томмазо больше всего беспокоился за Дианору. Ее даже не было видно во дворе. Почему она молчит? Неужели в результате обыска в руки кастеляна попали какие-то особенно важные бумаги? Его злила неудача с письмом, но там не было ничего серьезного. Хуже, что солдаты подобрали рукопись «Великого эпилога». Трудно поверить, что подобное пишет сумасшедший! И это его мало тревожило: никто не видел, что он писал «Эпилог» вчера. Столько же резонов думать, что «Эпилог» был написан давным-давно, еще до того, как

он сошел с ума!

Кампанелла не любил обольщать себя пустыми надеждами. Тем не менее действительность превзошла все его самые страшные опасения.

Никогда еще ни один из обысков, проведенных в Кастель Нуово, не давал такой богатой добычи. Кастелян тут же отправил наиболее интересные находки вице-королю. Чего только здесь не было! Часть «Великого эпилога», записки, стихи, копии запрещенных сочинений по некромантии, магические заклинания. В камере Дионисия Понцио нашли целый сундучок с разной всячиной. Ересь была налицо! А сколько захватили писем, которые не успели отправить! У одного лишь Пьетро Престеры отобрали целых четыре, адресованных в Калабрию семье Престиначе!

Под матрасом у Пьетро Понцио была найдена маленькая корзиночка, где хранился тщательно переплетенный в пергамент сборник стихотворений Кампанеллы, аккуратно переписанных его верным другом.

В руки вице-короля попали важнейшие материалы. Он внимательно прочел отрывок «Великого эпилога». Хорош сумасшедший, который пишет трактат по философии!

Ересью будут заниматься инквизиторы. Вице-королю было достаточно и других разоблачений. Раньше он был уверен, что узникам в Кастель Нуово обеспечен подобающий суровый режим. А что выходит? Они связались с целым рядом людей, живущих в крепости, и используют их в своих целях. Не приходится удивляться, что они различными средствами затягивают процесс. Мало того, что они постоянно информируют друг друга о ходе следствия, они еще в курсе всех новостей, о которых говорят в городе. Узники, которые должны содержаться в условиях строжайшей изоляции, нелегально отправляют десятки писем, прославляют в Калабрии героизм Кампанеллы, распространяют по всему Неаполю его стихи. Чем они только там не занимаются — заводят любовные интрижки, упражняются в оккультных науках, переписывают сочинения по некромантии и соблазняют стражу!

В сборнике стихов Кампанеллы вице-король открывал для себя одну неожиданность за другой. Он был поражен числом людей, с которыми этому хитрецу Кампанелле удалось вступить в тайные и преступные сношения. Вот, оказывается, кто помогал ему и своей болтливостью так мешал ведению процесса!

Особенно сильное впечатление на графа Лемоса произвели имена. Он нашел среди них даже имена своих родственниц. Более того, сам Трояно Маньяти, служивший в отряде его личных

телохранителей, носил своей матери, Ипполите Каванилья, благодарственные стишки арестанта.

Все это творилось под носом у кастеляна. Дон Мендоза-и-Аларкон ничего не видел. Его собственная теща, донна Анна — старая дура! — была без ума от Кампанеллы. А сколько их было вокруг него! Анна, Мария, Флерида, Олимпия, Джулия!

Трибунал выбивался из сил, чтобы разоблачить симулянта, безуспешно искал хоть каких-то письменных улик, не давал покоя надзирателям, подсылал экспертов-врачей, а в то же самое время Кампанелла чуть не каждый день сочинял своим благодетельницам сонеты, и ни одна из них не выдала его! Вице-король совершенно потерял самообладание, когда дошел до стихов, посвященных Дианоре. Власти специально создают для Кампанеллы тяжелейшие условия, лишают самого необходимого, держат впроголодь, а он не только не падает духом, а даже умудряется затеять в тюрьме роман! Вначале он просит и получает от Дианоры прядь волос, потом она передает ему груши, носящие следы ее зубов, наконец она, обезумев от любви, ночью пробирается к Нему в камеру — девушка, монахиня, францисканка!

Чем так мог приворожить ее этот грязный арестант, симулирующий сумасшедшего?! Или он вправду связан с дьяволом и тот открыл ему секрет, как побеждать женщин?

Все думали, что Кампанелла после «вельи» умрет. Но этого не случилось. Хирург Камарделла излишне старался его выходить. Он скрыл, что Дианора передала для больного ванну, в которой обычно купалась сама.

Вице-король решил навести порядок. Он не стеснялся в выражениях, когда отчитывал кастеляна. Невиданный скандал! Родственницы дона Алонзо оказывают содействие еретику! А тот воспевает в стихах донну Анну. Говорят, что это теща кастеляна, — граф Лемос не удержался от иронии, — а может быть, под этим именем скрывается младшая сестра дона Мендовы или его красавица жена? Ведь их тоже зовут Аннами!

Скандал замяли. В нем были замешаны члены многих знатных фамилий. Всех основных заговорщиков распихали по одиночкам. Из камеры Кампанеллы — пусть он, беспомощный и неподвижный, сгниет заживо на своем тюфяке! — увели отца и брата. Камарделла получил нагоняй. Тюремщик Мартинес был уволен. А монахиню-францисканку Дианору Баризана спешным порядком сослали в отдаленный монастырь под строгий надзор начальства.

У него не было сил, чтобы встать и подойти к окну. Он ничего толком не знал о случившемся, но по энергичным мерам,

принятым кастеляном, видел, что произошли какие-то важные события. Страшно было подумать, что с Дианорой может стрястись беда. Неизвестность увеличивала тревогу. Он ненавидел свою беспомощность.

Первые известия принес Камарделла. Дианору вынудили покинуть Кастель Нуово! Сердце сжала невыносимая боль. Каким коротким было украденное у судьбы счастье!

Прошло много времени, пока Томмазо удалось с помощью племянника Камарделлы снова наладить связь с Дионисием. Лишь теперь узнал он подробности того, что произошло.

Все началось с пустяка. В одной камере с Пьетро Понцио, Битонто и Петроло сидел Феличе Гальярдо. Друзья избегали в его присутствии обсуждать планы побега. Иногда по утрам двери некоторых общих камер оставляли открытыми, и арестантам разрешалось ходить по коридору.

2 августа Пьетро Понцио попросил надзирателя, чтобы Гальярдо перевели в другую камеру, поскольку тот нечист на руку. Находившийся поблизости Адимари ввязался в разговор: в их камере и так слишком тесно! Они начали спорить. Адимари полез в драку. Пьетро, недолго думая, закатил ему пощечину. Поднялся невероятный шум. На помощь Адимари выскочили его приятели. Выручать Пьетро ринулись Битонто и Дионисий. Вражда, давно уже существовавшая между ближайшими друзьями Кампанеллы и теми, кто хотел, предавая других, выгородить себя, вылилась в отчаянную драку. В ход были пущены скамейки, поленья, ремни. Монахи не уступали мирянам. Началась дикая свалка. Надзиратель бросился наутек. Были подняты на ноги солдаты. Они с трудом растащили дерущихся. Многие оказались в крови. Особенно пострадал Дионисий. Ему чем-то тяжелым разбили голову — на лбу зияла огромная рана. Пришлось вызывать хирурга. Даже сам Дионисий не знал наверняка, кто его так разукрасил.

Вечером Солданьеро, один из изменников, желая отомстить монахам, подал донос, где утверждал, что Дионисий и его товарищи хранят в своих вещах кучу запрещенных рукописей, и советовал немедленно произвести обыск. Аларкон получил приказ перевернуть вверх дном всю тюрьму, но найти писания, которые прячут монахи.

В камере Дионисия обнаружили запертый на замок маленький дорожный ящик. Его тут же отнесли кастеляну. Ключа у Дионисия не было. Как выяснялось позже, ключ хранился у Битонто, которому и принадлежал сундучок. Когда его открыли, там нашли наброски Дионисия для защиты и сочинения по колдовству. В изголовье у Гальярдо стражники наткнулись на

различные выписки из книг, посвященных магии. А у Пьетро Понцио отобрали сборник стихотворений. Пьетро, любовно собиравший каждую написанную Кампанеллой строчку, сделал непростительную оплошность. Он пренебрег предостережениями Томмазо и, переписывая в свой сборник его стихи, опрометчиво сохранил настоящие имена.

Томмазо поправлялся медленно. Растирания и припарки, разумеется, не могли восстановить огромную потерю крови.

Необходимо было хорошее питание. Но его держали впроголодь. Даже когда в сентябре в Кастель Нуово прибыли из Калабрии деньги, собранные для заключенных, начальство отказалось выдать Кампанелле его долю, хотя он и нуждался в помощи больше всех остальных.

Он не имел о Дианоре никаких известий. К тревоге за ее судьбу примешалось опасение: может быть, и «Город Солнца» попал в руки врагов? Он очень обрадовался, когда неожиданно узнал, что Дианора успела передать рукопись надежным людям.

После «вельи» целых шесть месяцев Кампанелла тяжело болел. Незадолго до нового, 1602 года он почувствовал себя настолько здоровым, что смог передвигаться по камере.

Бумаги, захваченные во время обыска, дали властям много важных сведений. Инквизиторы настаивали, чтобы вице-король предоставил им все «колдовские писания», но графу Лемосу было не до этого. Смертельный недуг свалил его в постель. Он скончался в возрасте пятидесяти семи лет, проболев пятьдесят семь дней. Это совпадение показалось врачам неслучайным. Его объяснили дурным расположением звезд.

Лишь после длительных проволочек трибунал Святой службы получил, наконец, требуемые бумаги. Начались допросы. Дионисий, в камере которого обнаружены были содержащие ересь писания, оказался в опасном положении. Он заявлял, что сундучок принадлежит не ему. Ведь у него не было даже ключа! Значит, Битонто так старательно собирал всю эту колдовскую мерзость?!

Битонто нельзя было поставить под удар. Дионисий уверял, что сундучок находился у него несколько дней. Его принес Битонто, но он тоже не знал, что враги нарочно подсунули ему запрещенные рукописи. Монахи валили вину на Солданьеро. Он еще до ареста помогал властям вылавливать заговорщиков. Не без его участия были схвачены брат и отец Кампанеллы. В тюрьме Солданьеро продолжал выдавать всех, кого знал, и заискивал перед судьями. Томмазо и Дионисий решили впутать его в дело о ереси. Была придумана целая история о том, как Битонто, боясь кражи, понес свои вещи Дионисию. В коридоре его остановил

Солданьеро и упросил запереть под замок какую-то связку бумаг. Битонто, не глядя, положил их в сундучок.

Даже Гальярдо подтверждал эту версию. Инквизиторы никак не могли отделить истину от лжи и потратили много времени зря. В конечном итоге Солданьеро благодаря заступничеству Спинелли был условно освобожден. Однако монахи, пользуясь неразберихой, продолжали обвинять его в ереси и не жалели крепких слов, когда излагали перед трибуналом его гнусные богохульства.

Всю весну опытный квалификатор Керубино Веронезе изучал «колдовские писания». Здесь было чем заняться! Десятки заклинаний и магических формул открывали посвященным секрет того, как вызывать духов, обнаруживать вора, находить клады, освобождаться от оков, заставить лошадь хромать, сеять раздоры, легко переносить пытки, насылать болезни и бессонницу, лишать мужчин силы и делать женщин бесплодными.

С особой тщательностью узниками были переписаны страницы, где рассказывалось о магических приемах, с помощью которых можно стать невидимым и бежать из тюрьмы.

Потрудившись на славу, Керубино составил свое заключение: всех, кто имел, читал или пользовался этими рукописями, следовало считать «сильно заподозренными в ереси», а тех, кто верил в написанное, следовало рассматривать как формальных еретиков и отправлять на костер.

Над Дионисием и Битонто сгущались тучи. Что там ни говори, но факт оставался фактом. Записки были найдены в камере Дионисия, и хотя в действительности они принадлежали Гальярдо, часть их, как это легко доказали бы эксперты-каллиграфы, была переписана рукою Битонто.

Глава шестнадцатая. ПОБЕГ ИЗ КАСТЕЛЬ НУОВО

Младший надзиратель Антонио Торрес давно уже привлек к себе внимание Кампанеллы. Среди тюремщиков Кастель Нуово он был человеком случайным и тяготился своей службой. Дионисий и Томмазо потратили много усилий, чтобы завязать с ним близкие отношения. Он совсем не был похож на Мартинеса. Поэтому бесполезно было сулить ему какие-либо деньги. Но он всегда испытывал великое уважение к ученым людям и старался им помочь. Было большой удачей, когда его перевели дежурить из равелина в башню, где сидел Кампанелла. Прошло несколько месяцев. Постепенно Томмазо перестал притворяться перед Антонио безумным. Он доверил ему свои планы. И не ошибся. На Антонио можно положиться!

Осенью с помощью Антонио удалось восстановить порванные в прошлом году связи. Нашлись люди, которые согласились укрыть беглецов в Неаполе и переправить их в Мессину. Но как вырваться из тюрьмы? Приходилось отбрасывать один замысел за другим. Наконец решили, что Антонио по частям принесет в тюрьму несколько испанских мундиров. Ночью, выбрав момент, он в сопровождении беглецов, одетых солдатами, подойдет к воротам. Стражники, хорошо знающие надзирателя, отодвинут засов. Если случится, что в воротах незнакомые солдаты вызовут у стражи подозрения, тогда мгновенно будут пущены в ход кинжалы.

В октябре 1602 года стало известно, что епископ Казерты принимает энергичные меры, чтобы закончить следствие о ереси. Он в спешном порядке завершал оформление документов, которые намеревался послать в Рим. Было составлено полное изложение процесса и обвинительное заключение. Трибунал приступил к рассмотрению степени вины каждого обвиняемого в отдельности.

Судьи должны были вынести постановление, которое станет окончательным приговором после того, как его утвердит конгрегация Святой службы.

Эти известия сильно обеспокоили Кампанеллу и Дионисия. Не все еще было готово для побега. Антонио успел доставить тайком в Кастель Нуово лишь два испанских мундира. Новый офицер, командовавший стражей, ввел дополнительные строгости. Обыски всех входящих в тюрьму стали проводиться еще тщательней, и Антонио не мог больше ничего принести. Но

дальше ждать было нельзя. Осужденных отправляли в Викарию, а оттуда был только один выход — на эшафот.

В тюфяках у Дионисия и Кампанеллы были спрятаны два мундира. Следовательно, с помощью Антонио могут рискнуть вырваться на свободу только двое. Кто будут эти счастливцы?

Казалось, сомнения исключены: бежать должны Кампанелла и Дионисий. Но Кампанелла думал иначе. Это решение далось ему не легко. Он страстно мечтал о свободе и столько энергии потратил на попытки организовать побег! Ход следствия показывал, что самые тяжелые обвинения в ереси были собраны против Кампанеллы, Дионисия и Битонто. Сам Кампанелла, выдержав сорокачасовую пытку, доказал свое сумасшествие. Сейчас ему лично костер не угрожает. В его распоряжении будет еще очень много времени, чтобы подготовить и осуществить новый побег. Поэтому бежать должны Дионисий и Битонто!

Утром 16 октября 1602 года надзиратель, пришедший на дежурство, чтобы сменить Торреса, не нашел его на обычном месте. Куда он подевался? Что, если кто-нибудь из заключенных, сводя с ним личные счеты, заманил его в камеру и разбил голову кандалами? Доложили коменданту. Тот первым делом допросил стражников, которые ночью стояли в карауле у ворот. Они сказали, что незадолго перед рассветом Торрес в сопровождении испанцев-солдат вышел из крепости и еще не возвращался. Кастелян был вне себя. Мало того, что надзиратели пьянствуют в тюрьме во время дежурства, теперь они вместе с солдатами гарнизона отправляются по ночам в город!

Дон Мендоза обратил весь свой гнев на дежурного офицера. Где шляются его солдаты, вместо того чтобы нести службу? Срочно устроили перекличку. Все были на месте, однако стражники, стоявшие у ворот, продолжали упрямо утверждать, что солдаты, ушедшие с надзирателем, все еще не возвращались.

Внезапно было обнаружено, что камера Дионисия пуста. Бежал!

В резиденцию вице-короля поскакал гонец с вестью о чрезвычайном происшествии. Вскоре по всему Неаполю разнесся слух, что из крепости Кастель Нуово ночью был совершен побег. В городе начались облавы. Тюремный двор заполнился солдатами. Кастелян сперва думал, что бежал только Дионисий. Битонто хватились не сразу. Поголовная поверка всех заключенных затянулась надолго. Лишь к вечеру стало ясно, что вместе с Дионисием бежал Джузеппе Битонто. Были допрошены его товарищи по камере. Они уверяли, что накануне вечером Битонто, словно назло надзирателю, громко пел, и тот после неоднократных предупреждений увел его в карцер. Больше никто

ничего не знал. Разумеется, в карцере Битонто не оказалось.

Вся тюрьма была взбудоражена. По коридорам носились озабоченные офицеры. На постах стояли усиленные караулы. Кое-кто из арестантов открыто выражал свою радость и посмеивался над бдительностью стражи. Другие, боясь наказаний, молчали. Но один человек в Кастель Нуово, казалось, был ко всему совершенно безучастен. Кампанелла сидел в углу камеры и смотрел на дверь неподвижным и бессмысленным взглядом своих безумно вытаращенных глаз.

Побег из Кастель Нуово вызвал в городе всеобщее удивление и доставил властям кучу неприятностей. Архиепископ Неаполя, епископ Казерты и апостолический нунций были вынуждены написать о происшедшем в Рим. Папа выразил свое крайнее неудовольствие и повелел принять все меры для скорейшего задержания преступников. Из Мадрида, из королевского дворца, шли грозные приказы о розыске беглецов и наказании виновных. Было даже точно определено, как обращаться с преступниками, когда они будут пойманы. Однако переписка была излишней. Все поиски и облавы ни к чему не привели. Дионисий и Битонто бесследно исчезли.

Первые дни после побега Кампанелла с трудом сдерживал волнение. Уйдут ли они? Больше всего опасности было, что их схватят в городе. Но неделя шла за неделей, а известий никаких не было. Теперь с каждым днем в Кампанелле крепла уверенность, что беглецам удалось благополучно покинуть Италию.

Хорошо знакомый с инквизиционным судопроизводством, Кампанелла думал, что приговор по его делу не будет вынесен. После пытки он юридически считался сумасшедшим, и его нельзя было судить. Тем большую неожиданность принесло ему 8. января 1603 года.

В этот день был разыгран последний акт процесса о ереси, который только в Неаполе продолжался около трех лет. В конце ноября римская инквизиция в присутствии самого папы, рассмотрев дело о калабрийских еретиках, вынесла приговор.

Его оглашение было обставлено с подобающей мрачной торжественностью. Секретарь трибунала Джованни Камилло Прециозо самой природой был создан для того, чтобы читать приговоры, обрекающие людей на вечное заточение и смерть. Худой, изможденный чахоткой, он был похож на посланца с того света. Объявляя приговор, он нарочно придавал своему голосу устрашающую суровость.

Трибунал был в полном составе. После трехлетних трудов судьи могли, разумеется, позволить себе удовольствие провести

заключительный акт процесса торжественно и неторопливо. Первым в зал ввели Кампанеллу.

Когда секретарь начал читать приговор, Томмазо ничем не выдал своего удивления. Святая служба сочла возможным судить сумасшедшего?!

Решение, присланное из Рима, было кратким и ясным. Кампанелла приговаривался к пожизненному тюремному заключению без какой-либо надежды на освобождение!

В огромном, почти пустом зале громко звучал голос секретаря. На лицах членов трибунала была написана суровая беспристрастность вершителей правосудия. Когда секретарь кончил читать, на несколько мгновений воцарилась глубокая тишина. И вдруг Кампанелла нарушил нарочито создаваемую торжественность. Он расхохотался на весь зал. Присутствующие застыли от удивления. Человек, приговоренный к вечному заточению, стоя перед трибуналом инквизиции, смеется прямо в лицо своим судьям!

Нунций раздраженно приказал увести его. Служители вывернули Кампанелле руки и потащили его к выходу. В дверях он остановился, хитро подмигнул судьям и снова захохотал. Неужели он на самом деле сумасшедший?!

Наказания, вынесенные другим обвиняемым, были различны. Пьетро Престеру, Петроло и Лавриану было приказано подвергнуть пытке, чтобы они еще раз подтвердили свои показания и признались, не разделяли ли они тех еретических высказываний, которые им довелось слышать. Если во время пытки не выяснятся дополнительно какие-нибудь отягчающие вину обстоятельства, то Петроло как «сильно заподозренный в ереси», а Пьетро Престера и Лавриана как «легко заподозренные в ереси» должны после публичного отречения подвергнуться различным церковным карам. Им следовало объявить о пожизненном изгнании из Неаполитанского королевства и сослать в далекие монастыри.

Во время последней пытки Пьетро Престера, Петроло и Лавриана остались верными себе. Пьетро старался смягчить вину своих товарищей и уверял, что не замечал ереси в их разговорах. Его ломали на дыбе. Он отчаянно кричал. Епископ Казерты спросил, не хочет ли он, чтобы его спустили. Может, теперь он расскажет всю правду?

Служители взялись за веревку, чтобы исполнить приказание епископа. Пьетро воскликнул: «Нет, не спускайте меня, не спускайте! Все равно я ничего больше не скажу!»

Петроло, как и следовало ожидать, подтвердил все свои многочисленные показания.

Еще хуже вел себя Лавриана. Несмотря на то, что пытка была, как значилось в протоколе, «умеренной», он плакал и просил снисхождения: «Монсеньёры, помогите мне! Фра Кампанелла — паршивый лютеранин! Бросьте его в огонь!» Но когда его стали подробно расспрашивать о лютеранстве Кампанеллы, он ничего показать не смог.

Публичное отречение осужденных состоялось в церкви Кастель Нуово. Дело о ереси было закончено, но кое-кто был оставлен в крепости. Они обязаны были ждать, пока завершится процесс о заговоре. Лица, подлежавшие освобождению, должны были дать залог в двадцать пять унций золота каждый, что они не нарушат обязательства никогда не возвращаться в Неаполитанское королевство.

Можно было смеяться в лицо судьям, но от этого приговор не становился более мягким. Кампанелла полностью отдавал себе отчет в том, какие губительные последствия он мог за собой повлечь. Дело было не только в тягости пожизненного заключения. Конгрегация Святой службы, осудив его, нарушила свои собственные постановления и показала, что, несмотря на результаты «вельи», она не считает его сумасшедшим. Одно место в приговоре произвело на Кампанеллу особенно сильное впечатление. Там подчеркивалось, что решение инквизиционного трибунала ни в коей степени не должно служить препятствием для вынесения приговора по политическому делу об «оскорблении величества». Этим самым римская курия давала испанцам возможность решить участь Кампанеллы по собственному усмотрению. Допустив беззаконие, Святая служба старалась избежать лишних упреков. Пусть Кампанеллу убьют испанцы! Проклятое лицемерие!

Дальнейшая симуляция не сулила ничего обнадеживающего. У светского трибунала руки были свободны. Осуждение могло состояться очень скоро. Надеяться было не на что. Бежать? После редкой удачи Дионисия и Битонто в тюрьме были введены дополнительные строгости. Было ясно, что реальной возможности побега еще долго не представится.

Что же делать? Отказаться от сопротивления? Как еще выиграть время? В приговоре определялось, что Кампанелла должен отбывать заключение в тюрьмах инквизиции в Риме. Это было обычной формулой для еретиков, осужденных на вечное заточение. Сыграть на этом? Попытаться обострить противоречия, существующие между Римом и вице-королем, усилить взаимное недоверие? Ведь уже в первом доносе говорилось, что Климент VIII поддерживает заговорщиков. Хотя следствие и обнаружило всю вздорность подобных предположений, тем не менее вице-

король продолжал относиться с подозрением к каждому шагу папы. Что заставило Святую службу нарушить собственные предписания? Если бы Кампанеллу продолжали считать сумасшедшим, то его следовало бы по-прежнему держать в тюрьмах Неаполя, а теперь приговор определял, что он должен отбывать пожизненное заключение в Риме. Именно на это нужно обратить внимание испанских властей! Пусть они во всей этой затее увидят новую хитрость папы, который будто бы хочет вырвать Кампанеллу из рук испанцев. Правда, в приговоре значилось, что он не должен служить помехой для продолжения дела о заговоре. Тогда почему там упоминается, что отбывать пожизненное заключение осужденный должен непременно в Риме? Ведь это можно истолковать и так, что папа не даст согласия на смертный приговор Кампанелле. Ясно, почему курия настаивает на окончании процесса. Папа устами нунция не согласится со смертным приговором. Трибуналу придется ограничиться пожизненным заключением. А после этого уже на законном основании Рим потребует выдачи Кампанеллы.

Стоило только внушить эту мысль до крайности мнительному вице-королю, как можно было надеяться, что процесс не будет быстро закончен. Кампанелла тратил много сил на исполнение нового замысла. Режим в Кастель Нуово был несравненно легче, чем в тюрьме римской инквизиции, и здесь было проще осуществить побег. Поэтому надо было всеми силами противиться отправке в Рим. Скорее всего намеченной цели можно добиться, требуя, чтобы заключительная стадия процесса проходила в Риме. Проситься в Рим и настаивать на переводе — значило остаться в Неаполе. Кампанелла решил любыми средствами увеличивать подозрения, которые испанские власти питали к истинным намерениям Климента VIII.

Однажды у здания кордегардии, где принимались передачи для арестантов, содержащихся в Кастель Нуово, появилась ничем не приметная женщина. Она попросила надзирателя отнести ее земляку фра Томмазо Кампанелле небольшой узелок с едой. Надзиратель, сосредоточенно проверявший передачи, ответил, что она должна подождать, пока придет ее очередь. Но женщина куда-то очень спешила. Она оставила узелок и ушла. Ее торопливость показалась надзирателю подозрительной, и он стал особенно тщательно осматривать продукты, предназначенные для Кампанеллы: несколько домашних лепешек, кусок сыра, горшочек густого меда. На дне горшка надзиратель обнаружил малюсенький сверток. В рыбьем пузыре была завернута записка. Она оказалась такой важной, что ее тут же отправили во дворец. Какой-то неизвестный друг сообщал Кампанелле, что папа, помня

об обязательствах, данных калабрийцам, вновь повторил, что приложит все усилия, чтобы вырвать Кампанеллу из рук испанцев и добиться его перевода в Рим, где его сразу освободят.

Вице-король вне себя от возмущения. Так вот почему папские приспешники настаивают на быстрейшем окончании процесса!

Надо было немедленно разыскать людей, через которых Кампанелла получает вести из Рима. Как звали женщину, принесшую передачу? Этого никто не знал. Она приходила в Кастель Нуово один-единственный раз.

Когда Кампанелле стало известно, что надзиратель нашел в передаче очень важную записку, которую тут же доставили вице-королю, он взволнованно заходил по камере. Однако по лицу его нельзя было заметить, что эта новость вызвала в нем опасения и тревогу. Наоборот, он был очень доволен. В глазах светилось выражение лукавства. Значит, он не зря старался, придумывая содержание записки и объясняя друзьям на воле, как спрятать ее в горшочек с медом, чтобы на этот раз ее непременно нашли!

Допрашивать Кампанеллу было бесполезно. Ведь даже во время самых отчаянных приступов безумия он кричал о надеждах на папу. Узник, доносили надзиратели, постоянно твердит, что день его освобождения близок, и с нетерпением ждет, когда трибунал, занимающийся заговором, объявит свое решение. Как только это будет сделано, его увезут в Рим и он станет свободным!

Об этом много говорили не только в Кастель Нуово, но и в самом Неаполе, при дворе вице-короля и в домах знати. Тайные агенты докладывали правительству о всех слухах.

Вице-король намерен был быстро закончить процесс. Один из советников объяснил ему, что, видимо, этого-то как раз и добивается апостолический нунций, выполняя какие-то секретные приказы Рима.

Состав трибунала таков, что нунций в самый последний момент сможет воспрепятствовать вынесению смертного приговора, и тогда в силу закона Кампанеллу надо будет передать римской инквизиции.

Нельзя было доверять ни нунцию, ни самому папе. Пьетро де Вера подсказал вице-королю мудрое решение. До тех пор пока процесс не будет закончен, испанские власти имеют полное право держать Кампанеллу в тюрьмах Неаполя и никому его не выдавать. Поэтому с приговором не следует торопиться. Куда надежней бунтаря и еретика Кампанеллу не выпускать из своих рук!

Пьетро де Вера не надо было учить проволочкам, если они шли на пользу карьере. К тому же его личная жизнь складывалась

так, что он сейчас меньше всего интересовался судейскими делами. Приняв еще в молодости духовный сан, он не особенно им тяготился и никогда не стеснял себя в развлечениях. Юная Ливия Сансеверино заставила его совершенно потерять от страсти голову. Это, разумеется, не оказало бы никакого влияния на процесс Кампанеллы, если бы резвушка-красавица удовольствовалась только богатыми подарками старого ловеласа. Но она была не по годам дальновидной, и Пьетро де Вера, вынужденный сдаться, объявил о намерении вступить с ней в законный брак. Это сразу же вызвало множество осложнений. Разве забыл он об обете безбрачия?

Весной Кампанелла получил известия, что Дионисий и Джузеппе благополучно добрались до Константинополя и поселились в доме Чикалы. Теперь можно было вздохнуть с облегчением. Долгие месяцы опасений за судьбу беглецов кончились. В том же письме друзья сообщали, что в самом недалеком будущем они организуют ему побег. Чикала согласился оказать необходимую помощь.

Томмазо, со своей стороны, ни на один день не прекращал изыскивать возможность побега. Усилившийся надзор очень усложнял его попытки завязать новые связи. Новый надзиратель избегал разговоров с заключенными.

Кампанелла тайком продолжал работать. Закончив в первые месяцы 1603 года «Метафизику», он тут же приступил к трактату «Астрономия».

Вскоре, после того как дело о ереси было закончено, Джованни Джеронимо дель Туфо удалось добиться разрешения на свидание с Кампанеллой. Томмазо рад был обнять верного друга. Он узнал от него о предстоящей женитьбе Пьетро де Вера. О, какая прекрасная возможность увеличить разногласия, существующие между церковными властями и правительством вице-короля! Разве святой престол может мириться с тем, чтобы священника судил женатый клирик? Кампанелла сказал дель Туфо, что неплохо было бы довести до сведения апостолического нунция, какой серьезный ущерб причинит вся эта история престижу церкви.

Вскоре об этом заговорили в городе. Нунций потребовал, чтобы Пьетро де Вера отстранили от должности и заменили кем-нибудь другим. Вице-король увидел в этом очередной маневр нунция и наотрез отказался.

Дель Туфо довольно часто получал свидания. Он старался облегчить положение Кампанеллы, чем только мог. Приносил белье, еду, письменные принадлежности. Томмазо отдал ему рукопись «Метафизики».

Благодаря общению с дель Туфо Кампанелла знал, что творилось в городе.

Спор, разгоревшийся между вице-королем и нунцием, затягивался надолго. Похоже было, что процесс о заговоре никогда не кончится…

В конце апреля 1603 года в Кастель Нуово привели группу узников. Судя по их одежде и той почтительности, с которой относилось к ним тюремное начальство, это были знатные люди. Двое из них попали в камеру, где сидел Кампанелла. Одного звали Христофор Пфлуг, другого — Иероним Тухер. Оба оказались немцами. В Неаполе они были проездом, а арест воспринимали как забавный эпизод в длинной цепи приключений, выпавших на их долю. Их высокий покровитель, один из влиятельных германских князей, Иоганн фон Нассау, тоже находился в Кастель Нуово. Правда, ему даже в тюрьме оставили слугу и дали самую лучшую камеру. Арест его был сплошным недоразумением. Иоганн с группой дворян ради собственного удовольствия путешествовал инкогнито по Италии. Он уже покинул Неаполь, когда вице-король получил депешу: следует немедленно задержать подозрительных иностранцев, этих шпионов и злейших врагов испанского монарха. Их водворили в крепость. Теперь надо было ждать из Мадрида приказа об освобождении.

В тюрьме они пользовались многими привилегиями. Им было разрешено писать письма, получать книги, их часто посещали знакомые. Пищу приносили им из гостиницы. Они сорили деньгами, и любой надзиратель готов был выполнять их поручения. Кампанелла быстро понял, что за люди были Пфлуг и Тухер. Они отличались большой любознательностью. Их особенно интересовали оккультные науки. Гальярдо, находившийся в той же камере, хотел извлечь из этого выгоду. Он стал уверять немцев, что знает секрет, как с помощью некромантии сделаться невидимым и убежать из тюрьмы. Они не поскупились на деньги, чтобы достать книги по магии. Когда Пфлуг похвалился одной из них, где писалось о нечистой силе и злых духах, перед Кампанеллой, тот высмеял его невежество. Христофор принимает всерьез эти глупые выдумки?!

Кампанелла много разговаривал с Пфлугом и Тухером. Он не раскрывал им настоящих причин своего ареста, жаловался на происки врагов, на несправедливость судей. Нащупав слабое место своих собеседников, он стал изображать себя ревностным католиком, говорил о своем призвании быть великим защитником веры, толковал древние пророчества и указывал на предзнаменования перемен. Ученость Кампанеллы произвела на

немцев необычайное впечатление. Они не сомневались, что скоро козни врагов рассыплются, и папа в ближайшее время вернет Кампанелле свободу. Особенно большое влияние Томмазо оказал на Пфлуга. Когда из Мадрида пришел приказ отпустить задержанных немцев, Пфлуг, прощаясь, поклялся, что использует свои родственные связи и приложит все усилия, чтобы германские князья добились его освобождения.

Сверх всякого ожидания знакомство с Пфлугом оказалось для Томмазо очень важным. Христофор сдержал слово. Выйдя на волю, он стал принимать меры, чтобы облегчить его участь. Он сумел заинтересовать судьбой Кампанеллы нескольких влиятельных людей.

Однажды глубокой ночью в камеру Кампанеллы вошли два надзирателя и помощник коменданта. Они заставили Кампанеллу быстро встать и забрали его с собой. Что случилось? Его вывели из равелина на тюремный двор. Кастелянская башня, в которой он сидел раньше, осталась за спиной. Ворота тоже были в другой стороне. У угловой башни их встретил Микель Алонзо, один из самых жестоких тюремщиков Кастель Нуово.

Кампанеллу заперли в одиночке с маленьким оконцем, до которого нельзя было дотянуться. Почему его поспешно перевели в другую камеру? Какие сведения получил кастелян, что они вынудили его так решительно изолировать Кампанеллу от других заключенных?

Тщетно Кампанелла искал ответа. День шел за днем. Его никуда не вызывали, никто к нему не приходил. Он пытался перестукиваться. Соседние камеры были пустыми. Никто не откликался, кроме надзирателя, пригрозившего ему наказанием.

Все попытки Кампанеллы связаться с кем-нибудь из товарищей пропали даром. Сидеть в этой одиночке было особенно трудно. Здесь не было ни клочка бумаги, начальные главы трактата об астрономии остались в камере, откуда его увели. Кампанелла не поддавался унынию. Он знал: то, что сегодня кажется невозможным, завтра будет осуществлено!

Он продолжал в уме сочинять свой трактат. Места, которые казались ему наиболее удачными, он выучивал наизусть. Когда он уставал от этих занятий, то сочинял стихи. Он шагал из угла в угол и что-то про себя бормотал. Потом строфу за строфой произносил вслух. Надзиратель раздраженно стучал в дверь, предупреждая, что нарушать тишину запрещено.

Микель Алонзо подолгу наблюдал за узником. Он носил мягкие, подшитые войлоком башмаки. Ему доставляло удовольствие неслышно подобраться к двери и припасть к глазку. Он любил заставать своих арестантов врасплох. Алонзо слыл

образцовым надзирателем.

Джованни Джеронимо дель Туфо снова добился свидания. Только теперь Кампанелла узнал, что явилось причиной его заточения в башню.

Летом 1603 года в Неаполе стало известно, что Дионисий Понцио благополучно достиг Турции. Приняв мусульманство, он стал одним из приближенных Чикалы и побуждал его снарядить морской поход и освободить Кампанеллу. Шпионы, которых имела Венеция в столице Османской державы, разнюхали о разговорах в доме Чикалы и сообщили о них на родину. Вскоре вице-король получил подтверждение этих слухов и от собственных агентов. В «Новой Калабрии», колонии калабрийцев, поселившихся в Константинополе, открыто говорили о близком освобождении Кампанеллы. Обеспокоенный этими известиями, вице-король приказал в качестве меры предосторожности перевести Кампанеллу в башню и усилить надзор.

Дель Туфо сурово осуждал безрассудство Дионисия. Поздно сетовать! Дионисий всю жизнь был таким — излишне горячий, невоздержанный на язык, склонный к бахвальству. Конечно, из всей затеи ничего не вышло. Рассчитывать на внезапность нападения было уже нельзя. Да и Чикала в результате придворных интриг лишился командования флотом и вынужден был отправиться руководить военными действиями против персов.

Неудача Дионисия заставила дель Туфо стать более решительным. По всему было видно, что испанские власти не спешат с вынесением приговора. Де Вера, женившись, интересовался только своей красавицей супругой и не имел желания заниматься делами. Святая служба пыталась отстранить его от должности, но вице-король был против. Он продолжал не доверять Риму. Кампанелла считал, что эту проволочку необходимо использовать для организации побега.

Томмазо давно уже обратил внимание на Пьетро Ланца, одну из самых колоритных фигур Кастель Нуово. Корсар с острова Корфу, он выполнял множество щекотливых заданий правительства. Одно время он даже возглавлял всех шпионов, которых вице-король держал на Востоке. Ланца устраивал пиратские набеги на турецкие берега, занимался контрабандой и различными темными махинациями. Злые языки утверждали, что вице-король и его жена получают изрядную долю этих сомнительных доходов. По настоянию папы за морокой разбой в водах, которые святой отец считал своей собственностью, Ланца засадили в Кастель Нуово. Но ему было разрешено расхаживать по всей крепости. Даже отсюда он руководил действиями своих

корсаров. А когда возникала необходимость осуществить какое-нибудь особенно деликатное поручение, его на время выпускали из тюрьмы.

Пьетро Ланца был человеком талантливым. Сидя в Кастель Нуово, он придумал специальные зажигательные бомбы, предназначавшиеся для поджога константинопольского арсенала, а потом сконструировал в виде золоченой шкатулки хитрую адскую машину, которая должна была разорвать в куски турецкого султана. Сам вице-король, пользуясь потайным ходом, являлся в крепость, чтобы посмотреть на выдумки Ланца.

Связи изобретательного грека были очень обширны. Однако постоянных привязанностей он не соблюдал. За хорошие деньги он соглашался взять на себя любое поручение. С его помощью можно было бежать из Кастель Нуово. Верный дель Туфо вошел в контакт с Ланца. Они быстро достигли договоренности. Им активно помогал Микеле Червеллоне, мессинец, присланный Дионисием.

Казалось, все шло очень хорошо, когда вдруг совершенно неожиданно разразилась катастрофа. Кто-то донес правительству о готовящемся побеге.

Ланца остался в тени, а Червеллоне попался в руки испанцев. Был арестован и посажен в Кастель Нуово Джованни Джеронимо. На его счастье, власти не располагали точными сведениями о его роли в этом деле, а основывались только на подозрениях. Дель Туфо упрямо настаивал на полной непричастности к каким-либо преступным замыслам. После полуторамесячного заключения он был освобожден за отсутствием улик. Хуже всего сложилась судьба Микеле Червеллоне. Он не сумел выпутаться. Трибунал приговорил его к десяти годам каторжных работ на галерах.

Еще одна попытка побега окончилась неудачей.

Тюремщик Микель Алонзо был у начальства на очень хорошем счету. Он отличался неусыпной бдительностью, был старателен и неподкупен. С примерным усердием исполнял он все распоряжения держать Кампанеллу в «условиях строжайшей изоляции». Кастелян не мог упрекнуть Алонзо в нерадивости. Тем не менее вице-король часто получал известия, что Кампанелла вопреки запрещению продолжает писать. В Неаполе ходили по рукам отрывки из его нового трактата по астрономии. Во многих домах читали сочиненные им сонеты. Как он умудряется писать? Тщательная слежка не давала никаких результатов. Обыски проводились в самое различное время. Ночью его поднимали с тюфяка, обыскивали всего, до последней нитки. Каждый уголок камеры осматривался десятки раз. Это была настоящая охота. В ней принимали участие, помимо Алонзо, дежурные офицеры. Но

все их старания пропадали впустую. Им не удавалось найти даже листка бумаги, огрызка пера или следов чернил. Кое-кто поговаривал, что здесь дело не обходится без вмешательства нечистой силы. Может быть, правда, Кампанелла вызывает духов и они разносят по городу его стихи и философские сочинения?

Прошел целый год, как Кампанеллу посадили в башню к Микель Алонзо. И весь год продолжалась охота. Алонзо мечтал захватить его врасплох. Но когда это случилось, излишне ретивый надзиратель не испытал ни радости, ни удовлетворения. Однажды ночью, в середине июля, в камере Кампанеллы он застал Лауру, свою собственную жену…

Когда вице-королю доложили об этом происшествии, его захлестнула ярость. Мало того, что, симулируя безумие, Кампанелла оставил в дураках судей! Несмотря на сверхбдительный надзор, он творит все, что хочет, и издевается над тюремщиками. И откуда у него берется столько жизненной силы, упорства, выдумки?! Его годами держат в каменном мешке, морят голодом, калечат страшнейшими пытками, а он наперекор всему мыслит, борется, живет!

Вице-король не торопился с вынесением приговора. Он решил создать Кампанелле такие условия, при которых жизнь стала бы для него во сто крат хуже самой лютой смерти.

В июле 1604 года Кампанеллу перевели из Кастель Нуово в крепость Сант-Эльмо и бросили в подземелье — темную вонючую яму, где почти круглый год стояла гнилая вода.

Глава семнадцатая. ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Слова вице-короля о том, что Кампанелла будет погребен заживо в самом страшном из карцеров Кастель Сант-Эльмо, не остались пустой угрозой. Кампанелле обещали создать жизнь, которая была бы хуже смерти, и тюремщики делали все, чтобы выполнить это обещание.

Его бросили в глубокое подземелье, в каменную яму, куда никогда не проникал свет. Во время дождей камеру заливало водой. Пол был земляным, вода долго не впитывалась в глинистую почву. Закованный в кандалы Кампанелла лежал на мокрой подстилке из прелой соломы. Его держали на голодном пайке — один раз в день приносили немного пищи.

Он был отрезан от всего мира. На все его вопросы надзиратели отвечали молчанием. К нему никого не пускали. Почти круглые сутки сидел он в полной темноте. Лишь по вечерам ему на три часа давали светильник.

Ко всеобщему удивлению, он оставался в живых. Это казалось загадкой. Откуда у него брались силы, чтобы годами переносить нечеловеческие мучения?

А он и не думал умирать. Жизнь для него всегда была борьбой, и ничто не могло заставить его сдаться. Он много размышлял о своей судьбе. Существовал ли для него какой-нибудь иной путь? Все его стремления были направлены на то, чтобы сделать людей счастливыми и открыть им новые горизонты. Он мысленно сравнивал себя с Прометеем, который из любви к людям похитил с Олимпа огонь. В отместку Зевс повелел приковать Прометея к скале на Кавказе и послал орла, чтобы тот постоянно выклевывал ему печень.

Кампанелла не имел и клочка бумаги. Его очень мучило, что даже те недолгие часы, когда у него был светильник, пропадали даром. Надзирателям было приказано неусыпно следить, чтобы для узника была полностью исключена всякая возможность писать. Но разве мог кто-либо, пока он был жив, отнять у него счастье мыслить?! Он сочинял в уме страницу за страницей свои философские работы. Наиболее удачные места он выучивал наизусть, чтобы потом, когда в руках окажется бумага, записать их.

Многие ли из ученых нашли бы в себе силы работать в таких условиях — в наполненном водою подземелье, в кромешной темноте, в цепях, которыми было опутано тело, изувеченное

неслыханными пытками и обессиленное длительным недоеданием?!

Люди будут поражаться его исключительной плодовитости и разносторонности. Однако сможет ли кто-нибудь из них представить себе, какого напряжения стоила ему каждая строчка? Он был лишен не только книг, выписок, листа бумаги. Глоток свежего воздуха и хороший кусок хлеба были для него недоступной мечтой. Но он все время работал. Ему помогали его феноменальная память и огромная сила воли. Может быть, секрет того, как он выжил, и заключается именно в том, что постоянная и напряженная работа мозга не дала подкрасться апатии и отупению, которые подстерегают узников, сидящих годами в одиночках.

Необычна судьба его сочинений. Его рукописи выкрадывали агенты инквизиции, как это случилось в Болонье, или во время обысков отбирали надзиратели, как это произошло с «Эпилогом», захваченным в Кастель Нуово сержантом Аларкон. Ему приходилось по нескольку раз писать заново одни и те же произведения. Он упорно старался восстанавливать все, что у него пропадало. В этом тоже сказывалась его жизненная цепкость и выдержка. Если неприятель вытоптал все всходы, то надо вспахать поле и заново посеять семена!

В первые месяцы заключения в Сант-Эльмо Кампанелла восстанавливал трактат «О смысле вещей», который уже многие годы был похоронен в архивах римской инквизиции. Кампанелла рассчитывал, что быстро его напишет, когда ухитрится, снова в обход всем строгостям, получить письменные принадлежности.

Осенью, когда пошли дожди, ему стало еще тяжелей. Вода бежала не только по стенам, но и текла с потолка. Он лежал на сырой соломе в рваном, промокшем насквозь рубище. Орел не выклевывал ему печень, но смертельный холод немилосердно грыз его кости, с которых палачи содрали немало мяса. Нет, врагам никакими силами не превратить его в живой труп! Вопреки всему он продолжает мыслить. Это сознание наполняло его гордостью. Мысли его постоянно возвращались к Прометею. В стихах он сравнивал себя с Прометеем и называл свою яму «Кавказом».

В Кастель Сант-Эльмо Кампанелла перестал притворяться сумасшедшим. Больше в этом не было никакого смысла. Римская курия дала испанцам опасный прецедент, когда, осудив Кампанеллу, показала, что не считает его безумным. Если вице-король и не торопился закончить дело, то только из опасения, что представители папы в трибунале, следуя тайным инструкциям, не согласятся на смертный приговор. А любое другое наказание,

вплоть до самого тяжелого — пожизненных каторжных работ, вело к тому, что осужденный будет переведен в Рим. Он, как духовное лицо, даже пожизненную каторгу был обязан отбывать на галерах, принадлежащих святому престолу.

Кампанелле создали самые невыносимые условия. Комендант крепости, казалось, испытывал удовольствие от его страданий. Пятьдесят отборных испанских солдат, которых Томмазо в насмешку называл «леопардами», стерегли его денно и нощно. К нему были приставлены самые жестокие и бдительные тюремщики. Ни один посторонний человек не имел права спуститься к нему в подземелье. Даже тюремный священник или врач могли посетить его только с особого разрешения вице-короля. Двадцать три крутые ступеньки вели на дно ямы, где должен был заживо сгнить опасный бунтарь.

Тщетно власти то и дело повторяли приказы о строжайшем режиме. Кампанелла обладал удивительной способностью располагать к себе людей. Постепенно он добился, что надзиратель Джованни стал оставлять ему светильник на несколько лишних часов. Потом Кампанелла привлек на свою сторону сержанта Бартоломео Морона. Священники Серафино ди Ночера и Уго Берилларио, которым время от времени вице-король поручал позаботиться о его душе, стали его искренними друзьями и верными помощниками. Он снова получил возможность тайком писать. К концу 1604 года, того самого года, в июле которого Кампанелла был переведен в Сант-Эльмо, он смог полностью восстановить обширный трактат «О смысле вещей», написать стихи о Прометее и канцоны о презрении к смерти.

Он не боялся умереть, но его очень тяготила мысль, что он сделал еще слишком мало для распространения идей «Города Солнца». Неужели смерть скоро заставит его навсегда отказаться от борьбы? Люди удивляются его воле. Но сколько он еще здесь протянет? Год, два, три? Теперь даже одиночки Кастель Нуово казались ему раем. Оттуда можно было бежать. А здесь все мысли о побеге были пустой мечтой — даже и в том случае, если бы друзья ему помогли, он не смог бы бежать. Он сам был уже настолько плох, что с трудом передвигал ноги. Надо было во что бы то ни стало вырваться из этой адской ямы!

В борьбе, которая идет не на жизнь, а на смерть, умный полководец применяет любые военные хитрости. Ведь и солярии, чтобы обмануть врага, делают вид, что отступают, а потом, приказав артиллерии начать обстрел раскаленными ядрами, с обоих флангов нападают на неприятеля и разбивают его наголову. Пусть хитрость с трактатом «Испанская монархия» и не

удалась. Он будет продолжать доказывать властям, что он одержим пылкой любовью к испанцам и что его политические советы могут принести громадную пользу Неаполитанскому королевству.

Он стал настойчиво добиваться, чтобы его принял сам вице-король. Он имеет сообщить сведения необычайной важности и знает средства, при помощи которых легко преодолеть все затруднения, стоящие перед правительством. Он обещал вице-королю открыть секрет, как в несколько раз увеличить доходы казны, и специально написал сочинение «Об управлении королевством». Но его не пожелали выслушать.

В конце марта все духовные лица, сидевшие в тюрьме по делу о калабрийском заговоре, кроме Петроло, выплатив крупный залог, были освобождены после почти пятилетнего заключения. Петроло, как «сильно заподозренный в ереси», был приговорен дополнительно к трем годам каторжных работ и послан в Рим, чтобы отбывать наказание, работая гребцом на галерах, являющихся собственностью самого папы, ряд мирян — участников заговора — все еще сидели в тюрьме. Над несколькими калабрийцами, которые были схвачены позже остальных, следствие продолжалось.

Кампанелла часто думал о Дионисии. Несмотря на неудачи с Ланца и Червеллоне, он все еще надеялся, что рано или поздно, но Дионисий найдет возможность помочь ему. Тем более невыносимым стал для Томмазо тот день, когда он узнал, что Дионисий Понцио убит в Константинополе во время ссоры с каким-то янычаром.

Молчание вице-короля не заставило Кампанеллу отказаться от задуманного плана. Он должен убедить испанцев, что им невыгодно сгноить в карцере человека, огромные познания которого в политике и экономике могут быть им так полезны. С этой целью он стал писать «Монархию Мессии» и «Рассуждение о правах, которые имеет католический король на Новый Свет». Он продолжал доказывать свою приверженность к испанской короне и защищал архикатолические взгляды.

Кампанелла хотел во что бы то ни стало вырваться из подземелья.

Он рассчитывал не только на испанцев, но и на папу. Он готов был сыграть на любой слабости своих врагов — на их симпатиях и антипатиях, на их денежных затруднениях, на Их суеверии и фанатизме, на их тщеславии или на страхе перед неминуемым концом света.

Осенью 1605 года ему удалось добиться свидания с апостолическим нунцием и с комиссарием святой инквизиции в

Неаполитанском королевстве. Кампанелла обещал открыть им «важнейшие вещи». Они поддались на его заявления и пришли в Сант-Эльмо. Он наговорил им целый короб разных разностей. Он окажет христианству великую службу, подтвердив правильность веры доводами философии, почерпнутыми из сочинений перипатетиков, стоиков, сторонников Платона, Телезия. Он брался исследовать все секты — древние и новые, — сопоставляя с христианством законы евреев, турок, персов, мавров, китайцев, японцев, индусов, перуанцев, мексиканцев, абиссинцев и татар.

Он называл себя часовым, охраняющим Божье дело, говорил, что настало время, когда должны исполниться слова о единой пастве и одном пастыре, упоминал о земных и небесных симптомах приближающегося конца света. Ему известны божественные откровения, потому что в результате длительного поста на него снизошла Благодать Господня.

На этот раз все его красноречие пропало впустую. Нунций упрекнул его в гордыне, а комиссарий прямо сказал, что хорошо знаком с материалами процесса и расценивает все теперешние уверения Кампанеллы как хитрые уловки, рассчитанные на то, чтобы спастись от заслуженного наказания и избежать близкой смерти. Узника водворили обратно в подземелье.

Месяц шел за месяцем, а его положение оставалось по-прежнему отчаянным. Неужели его все время так и будут держать в этой яме? То, как реагировали нунций и комиссарий на его слова, не оставляло места для надежды. Десять месяцев спустя после разговора с нунцием, в августе 1606 года, он обратился с большим письмом к папе Павлу V. Он жаловался, что тщетно добивается аудиенции и у вице-короля и у нунция, — над ним издеваются и не хотят его выслушать.

Он написал нескольким влиятельным кардиналам. Он опять говорил о пророчествах, о конце света, о необходимости бороться с еретиками-лютеранами. Он уверял, что знает способ, как вернуть в лоно католической церкви могущественных протестантских князей и обратить в христианство язычников Ост-Индии и Нового Света. Он заявлял, что по злобе оклеветан врагами. Признания в ереси, которые делались обвиняемыми во время процесса, объясняются только одним — желанием любыми путями избежать светского суда.

Он пытался заинтересовать папу и кардиналов своими сочинениями, как написанными, так и только еще задуманными. Он клялся, что за двадцать пять месяцев совершит ряд подвигов и напишет книги, которые принесут всему христианскому миру неоценимую пользу. Неустанно подчеркивая, что именно теперь настало время объединить всех людей в «единую паству» под

властью римского папы, Кампанелла обещал написать специально для Павла V и испанского короля секретные книги о том, как этого достичь. Он брался подготовить пятьдесят учеников, которые будут легко побивать в богословских спорах кальвинистов и лютеран.

Он знает метод, как за один год обучить желающих философии, политике, поэтике, астрологии, медицине и космографии. Он создаст новую астрономию и так изложит все естественные науки, что они окажутся в полном соответствии с библией.

Он укажет, каким образом легче всего склонить к христианству евреев и мусульман. Каких только секретов он не откроет людям, которые ему помогут!

Всех этих обещаний ему казалось мало. Он написал, что ему неоднократно являлся дьявол то под видом ангела, то под видом Бога. Он, Кампанелла, знает множество вещей, скрытых от всех остальных людей. Пусть его только призовут к себе — он докажет, что обладает сверхъестественной силой!

Обращения остались без ответа и имели своим последствием только одно: римская инквизиция снова повелела властям Неаполя самым строжайшим образом следить за тем, чтобы Кампанелла не писал ни строчки.

Тюрьма обрекала его на молчание и бездеятельность. Но разве мог он, всю жизнь видевший свое призвание в борьбе с несправедливостью и невежеством, опустить руки? Его окружали безмолвные стены одиночки. Далеко в прошлом было то время, когда он своими речами воспламенял слушателей, издеваясь над людской косностью и высмеивая предрассудки.

Телезий не нападал на религию и называл себя добрым католиком. Не словесная оболочка, а новые факты заставляли людей глубже размышлять над сущностью явлений и рождали вольнодумцев.

В подземелье Кампанелла нашел путь, как, сидя в тюрьме, увеличивать число вольнодумцев. Прикрываясь фразами об ортодоксии, он напишет богословское сочинение и назовет его «Побежденным атеизмом». Он будет ревностно опровергать атеистов. А главное — он не пожалеет сил и подробно изложит их мерзостные положения, пусть читатель видит, до чего договариваются проклятые богохульники. Работа над «Побежденным атеизмом» доставила Кампанелле большое удовлетворение. Он старательно изничтожал атеистов.

Кампанелла многословно опровергал атеистов, а в душе был убежден, что атеизм, который он назвал «побежденным», в борьбе с мертвой христианской схоластикой окажется победителем.

Однажды осенью 1606 года Томмазо из разговора тюремного цирюльника с солдатами случайно узнал, что давнишние распри Павла V с Венецианской республикой достигли кульминационной точки. Папа подверг Венецию церковному отлучению. Кампанелла тут же придумал новый план. Рим не внемлет его обещаниям сотворить чудеса, но, может быть, он не останется глухим, если Кампанелла потрафит ненависти папы к строптивым венецианцам?

Он решил использовать сложившуюся политическую обстановку и написал сочинение «Против Венеции». Сейчас папа особенно нуждался в поддержке итальянских князей. Томмазо вспомнил, как много лет назад, когда он вместе с Джамбаттистой Кларио сидел в тюрьме, он добился заступничества со стороны австрийского двора, написав «Речи к итальянским князьям», где призывал их всемерно помогать папе и Габсбургам.

Ему пришло в голову снова пустить в ход это сочинение. Он стал спешно восстанавливать «Речи к итальянским князьям» и переделывать их так, чтобы они подходили к изменившейся ситуации. Он считал, что ему будет выгодно, если об этих его работах, когда они будут закончены, станет широко известно в Риме. Он писал друзьям, чтобы они предприняли необходимые шаги.

В тот предрассветный час, когда на Кампо ди Фиоре палачи сжигали Джордано Бруно, на почетном месте недалеко от костра среди группы высших церковных сановников стоял немец Каспар Шоппе и внимательно наблюдал за казнью. Дикая расправа над гениальным Бруно не вызвала в его душе возмущения.

В одном из своих писем он даже позволил себе иронизировать: «…Я полагаю, что Джордано Бруно отправился в другие миры, которые выдумал, чтобы рассказать, как поступают римляне с богохульниками и грешниками…»

Каспар Шоппе был своим человеком при папском дворе. Ученый, известный своими сочинениями по грамматике, он был обуреваем честолюбием и жадностью. В 1598 году он написал восторженный панегирик папе Клименту VIII, отрекся от лютеранства и перешел в католичество. Ему положили солидную пенсию и осыпали милостями. Он принялся ревностно служить папе и Габсбургам. За годы, прошедшие со дня казни Бруно, Шоппе сделал большую карьеру. Римская курия доверяла ему различные щекотливые поручения, касавшиеся борьбы с протестантизмом. Он смог удовлетворять страсть к политическим интригам и обогащению. Он умел ловко продавать свое бойкое перо, восхваляя испанского короля, писал об истинности католической веры, о спасительности индульгенций, о юбилеях, о

верховенстве папы над светскими князьями.

Шоппе поддерживал отношения со многими людьми, знавшими Кампанеллу. Он встречался с братьями Персио, был знаком с Иоганном фон Нассау, Христофором Пфлугом, Иеронимом Тухером. Последние часто рассказывали ему о пребывании в Кастель Нуово, где они сидели в одной камере с Томмазо. Пфлуг привез с собой из Неаполя «Философию» Кампанеллы и трактат «Испанская монархия». Шоппе, тесно связанный со Святой службой, не разделял восторгов своих земляков.

Когда конфликт между Римом и Венецией обострился до крайности, Павел V предложил Шоппе выступить с сочинением против Венеции. Эта задача была для Шоппе связана с рядом трудностей, но он обязательно хотел угодить папе. В Ватикане он узнал о письмах Кампанеллы к папе и кардиналам. Шоппе оставил без внимания россказни о явлениях дьявола и обещания сотворить чудеса. Однако список сочинений о которых говорил Кампанелла, произвел на него неизгладимое впечатление. Знания этого еретика были поистине безграничны! Он мог быть полезен не только при работе над памфлетом против Венеции. Шоппе думал о личной выгоде и мечтал воспользоваться произведениями Кампанеллы.

В Риме поговаривали, что неаполитанский узник закончил острое злободневное сочинение «Против Венеции». Шоппе решил действовать. О, если бы на самом деле удалось какими-нибудь путями заполучить от Кампанеллы его работы, которые он тайком пишет в своей яме! Нет, не только те, что предназначались для папы, но и те, которые старательно прячет.

И, надев на себя лживую личину друга, Шоппе начал с Кампанеллой недозволенную переписку.

Не сразу Кампанелла понял, что за человек был Каспар Шоппе. Первое время он верил, что тот искренне интересуется его работами и принимает близко к сердцу его горькую участь. Он не сомневался, что Шоппе хочет ему действительно помочь и использует для этого свои обширные связи. Шоппе обещал добиваться освобождения Кампанеллы всеми возможными средствами. Он клялся, что будет хлопотать перед папой, перед императором, перед испанским королем и перед могущественнейшими князьями Германии. Он не пожалеет сил, чтобы обращения Кампанеллы передавались именно тем лицам, кому они были адресованы.

Шоппе сгорал от нетерпения, желая как можно скорей завладеть рукописями. Ради этого он задумал поехать в Неаполь. Он присоединился к группе молодых немецких дворян,

путешествовавших по Италии, и 17 апреля 1607 года прибыл в Неаполь. Он был очень осторожен и боялся скомпрометировать себя слухами о дружеских сношениях с осужденным еретиком.

Связаться с Кампанеллой оказалось значительно трудней, чем он предполагал. Попутчики-немцы уже уехали, а Шоппе еще оставался в Неаполе. Он не стал просить у вице-короля разрешения на свидание с арестантом, а предпочел действовать через третьих лиц. Он познакомился с тайными друзьями Кампанеллы, которые изредка имели к нему доступ, с Серафино ди Ночера и Уго Берилларио. Они свели Шоппе с сержантом Мороном, служившим в Сант-Эльмо, и с надзирателем Джованни. С их помощью Шоппе быстро и надежно обменивался записками с Томмазо. Он нашел верный способ заполучить желанные рукописи. Он уверял Кампанеллу, что приехал с единственным намерением — получить его сочинения и немедленно начать их публиковать. Нет, речь шла не только о работах, которые имели своей целью угодить папе или испанскому королю. Шоппе хотел вообще получить все рукописи. Он клялся, что сумеет напечатать их за границей.

Кампанелла поддался этим обещаниям. Он годами мечтал о том счастливом дне, когда где-нибудь за границей, во Франции или Германии, выйдет в свет «Город Солнца». Может быть, то, что он отдаст «Город Солнца» вместе с различными писаниями, в которых он доказывает свою крайнюю приверженность к папизму, только поможет маскировке и облегчит издание книги, где под прикрытием заголовка о пророчествах святых Екатерины и Бригитты проповедуются идеи, направленные на полное переустройство всех существующих порядков?

Кампанелла решил отдать Шоппе свои сочинения. Сделать это было не легко. Рукописи хранились вне тюрьмы у разных лиц. Опасаясь несчастных случайностей, он не хотел лишаться подлинников. Копировка пространных трактатов требовала много времени. Шоппе торопил его. Однако Кампанелла не пожелал целиком положиться на писцов и заявил, что сам должен проверить копии.

Шоппе обязался передать папе, кардиналам, императору и германским князьям новые обращения Кампанеллы. Он спорил с Томмазо о характере, который должны носить эти письма. Шоппе настаивал, чтобы Кампанелла смиренно просил об облегчении режима и переводе в другую тюрьму. Томмазо не соглашался. Он упрямо повторял, что берется оказать христианству великие услуги и обладает способностью творить чудеса. Пусть его сожгут, если он врет! Он готов, чтобы его привели в цепях к папе или к императору, и он убедит их, что говорит правду. В

доказательство он может пройти невредимым сквозь огонь!

Забрав с собой письма Кампанеллы, Шоппе после месячного пребывания в Неаполе отправился обратно в Рим. Они условились, что, как только переписка будет закончена, Томмазо перешлет рукописи Шоппе.

Дни были наполнены напряженной работой. Кто из ученых когда-нибудь готовил к печати свои сочинения в таких условиях? Кампанелла гордился тем, как хорошо все было организовано. Серафино привлек к работе нескольких земляков Кампанеллы, проживавших в Неаполе. Они помогали разыскивать людей, у которых годами хранились рукописи. Серафино сам нанимал переписчиков и следил, чтобы не было никаких задержек. Готовые копии сержант Морон или надзиратель Джованни, тщательно спрятав, проносили в тюрьму и вместе со свечами передавали в яму Кампанелле. Там он перечитывал рукописи и делал необходимые исправления. В следующее дежурство Морона или Джованни он возвращал им аккуратно завернутые в тряпку листки, и они относили их обратно в город к заботливому и преданному Серафино.

Помимо проверки переписанных рукописей, Кампанелла успел в то же самое время, отвечая на просьбу Шоппе, написать несколько сочинений по медицине «О способе уберечься от холода», «О чуме в Кельне», «О способе уберечься от летней жары». Многие свои сочинения и письма Кампанелла заканчивал указанием, что они были написаны «на Кавказе». Так, вспоминая о прикованном Прометее, он называл яму, в которой его гноили. Иногда он подписывался: «Сквилла», а иногда просто рисовал в конце письма маленький колокол.[18]

1 июня 1607 года Серафино отправил к Шоппе в Рим сочинения Кампанеллы. Здесь были различные работы по философии, медицине, политике, теологии и астрономии. Среди них находился и «Город Солнца».

Страшное подземелье не сломило Кампанеллы. Он был непоколебимо убежден, что со временем люди правильно поймут его и воздадут ему должное. Он верил в триумф своих идей.

Шоппе торжествовал. Наконец-то он завладел желанными рукописями! Разумеется, он и не думал публиковать их. Надо было совершенно потерять голову, чтобы затевать печатание произведений, принадлежащих перу еретика. Но Шоппе не хотел сразу порывать с Кампанеллой. Он надеялся и впредь получать его сочинения. Возможно, он найдет в них мысли, которые сумеет использовать в собственных целях.

Опасаясь повредить своей карьере, Шоппе предпочел не выполнять обещаний. Он не стал хлопотать за Кампанеллу ни

перед папой, ни перед императором. Но он продолжал хитрить и, поддерживая переписку с Кампанеллой, постоянно ссылался на бесконечные трудности, которые ему приходится преодолевать. Он находил множество причин, чтобы объяснить, почему книги Кампанеллы не выходят в свет. Он изворачивался и лгал, обманывал Кампанеллу и дурачил своих знакомых, которые относились к знаменитому узнику-ученому с более искренним участием, чем Каспар Шоппе.

Христофор Пфлуг много рассказывал о Кампанелле своим родственникам, богатейшим купцам и банкирам Германии. Один из них, Георг Фуггер, особенно жадно расспрашивал его о калабрийском философе. Христофор убеждал его, что Кампанелла может быть очень полезен в борьбе с немецкими протестантами. Нет, к этому Георг не испытывал большого интереса, другое дело — магия и астрология!

Позже, когда он узнал, что Кампанелла берется всего лишь за один год обучить человека множеству разных наук, в том числе и астрологии, то сразу же захотел попытать счастья. Мало ли какие еще секреты откроет благодарный Кампанелла людям, которые помогут ему получить свободу! Фуггер готов был пожертвовать на это изрядную сумму денег, но желал материальные затраты компенсировать известными гарантиями. Он поставил условие, что если затея с освобождением удастся, то Кампанелла должен будет в течение целого года неотлучно находиться рядом с ним и только по истечении этого срока сможет уехать, куда захочет. Фуггер хотел обеспечить себе монопольное право на «секреты» Кампанеллы. Он требовал, чтобы до тех пор, пока он не потеряет надежды его освободить, друзья Томмазо не обращались за помощью к кому-либо другому. Эти условия были приняты, и Георг Фуггер немедленно отправил в Неаполь своего агента Даниэля Стефано, снабдив его четырьмя тысячами скудо.

Стефано, как и Фуггер, бесконечно верил во всемогущество денег. Однако их расчетам не суждено было исполниться. Выкрасть узника из Сант-Эльмо было невозможно. Даниэль Стефано надеялся подкупить высокопоставленных чиновников и добиться замены тюремного заключения ссылкой. Серафино показал ему беспочвенность этих надежд. Ни один из чиновников вице-короля не в силах был этого сделать. Путем подкупа нельзя было даже перевести Кампанеллу в другую, более сносную камеру. В этом не было ничего удивительного. Сам вице-король следил за соблюдением строжайшего режима. Все же деньги фуггера кое в чем помогли Томмазо. Он не испытывал теперь недостатка в письменных принадлежностях и свечах, да и круг лиц, с которыми он мог передавать на волю записки, расширился.

Шоппе в это время был в Германии. Прошел уже почти год, а он до сих пор не опубликовал ни одной из книг. Кампанелла стал подозревать недоброе. Судя по всему, Шоппе и не думает держать свое слово.

До Шоппе дошли слухи, что Кампанелла им недоволен. В его планы не входило так быстро порвать с человеком, рукописями которого он очень интересовался. Воспользовавшись удобным случаем, Шоппе попросил австрийского эрцгерцога Фердинанда, чтобы тот написал вице-королю и походатайствовал бы о переводе Кампанеллы в другую крепость, где он был бы избавлен от чрезмерной жестокости коменданта.

Весной Томмазо получил от Шоппе письмо, которое его очень разозлило. Утешая его, он советовал больше надеяться на Бога, чем на людей.

В конце марта 1608 года вице-король счел возможным исполнить просьбу эрцгерцога Фердинанда. Он приказал перевести Кампанеллу в Кастель делль Ово. Три года и восемь месяцев провел Кампанелла в одном из страшнейших карцеров Неаполя. Его увезли в другую тюрьму, а подземелье, в котором он сидел, отныне навсегда стало называться «Ямой Кампанеллы».

Глава восемнадцатая. ТЮРЬМА НА ОСТРОВЕ

Окруженный со всех сторон морем, Кастель делль Ово лежал в Неаполитанском заливе недалеко от берега, на маленьком островке, соединенном с сушей длинным мостом. Камера, куда поместили Кампанеллу, была сравнительно неплохой, а режим был очень суровым. Перевод из Сант-Эльмо имел для Томмазо и свой минус. Он потерял возможность общаться с друзьями, через которых осуществлялась его связь с волей. Первое время в Кастель делль Ово, пока не удалось наладить контакт с новыми людьми, он вообще не мог писать. К счастью, это продолжалось недолго. Назначенный ему духовник, доминиканец Каспар Пенья, оказался близким товарищем Серафино и стал помогать Кампанелле.

Он был лично знаком с вице-королем. Не воспользоваться ли этим, чтобы возобновить попытки, неудавшиеся три года назад? Тогда Серафино тщетно пытался заинтересовать вице-короля политическими и экономическими рекомендациями, которые Кампанелла хотел сделать правительству.

Пенья имел больший успех. Князь Беневенте приказал начальнику тюрьмы снабдить Кампанеллу бумагой, чтобы он мог письменно изложить свои соображения, которые, как он обещал, были очень существенны. Томмазо несказанно обрадовался, хотя листы, выданные ему, были тщательно пересчитаны, а страницы перенумерованы. Ни один клочок не должен уйти на сторону, и все написанное должно представляться начальству.

Кампанелла не унывал. К дозволенной страничке он сумеет прибавить и десяток недозволенных. Главное, что теперь какое-то время можно писать и на глазах у надзирателей. А бумагу ему тайком принесет Пенья.

Он работал над «Тремя рассуждениями о том, как увеличить доходы Неаполитанского королевства». Вице-королю нужны деньги? Ничего не стоит получить лишние триста тысяч дукатов. Из них первые сто тысяч можно будет собрать дополнительно, упорядочив взимание налогов. Вторые сто тысяч дадут меры, направленные на борьбу с порчей монеты и хождением фальшивых денег. Наконец есть еще один способ увеличить доходы. В Неаполитанском королевстве слишком усердно вешают людей и рубят головы. Смертных казней так много, что если их заменить денежными штрафами, то это даст третьи сто тысяч дукатов!

Советники вице-короля изучили рекомендации Кампанеллы. На чем будет держаться Неаполитанское королевство, если отменить смертные казни? Кое-кому показалось, что в этом предложении Кампанеллы скрыта злая насмешка. Когда он стал настаивать, что должен лично встретиться с вице-королем и сообщить ему более важные вещи, ему категорически отказали. Начальник тюрьмы отобрал у него оставшиеся неисписанными листы.

С каждой неделей Кампанелле становилась ясней лживость Шоппе. Но они продолжали переписываться. Томмазо беспокоила судьба рукописей, а Шоппе надеялся лицемерными уверениями в дружбе сохранить благосклонность Кампанеллы и получить от него сочинения, над которыми тот работал. Особенно его интересовали «Статьи о пророчествах» и «Метафизика». Всячески торопя Кампанеллу с присылкой новых рукописей, Шоппе одновременно учил его быть терпеливым и во всем положиться на Бога. Иногда тон его писем был таким, что даже спокойный и выдержанный Серафино, через которого шла переписка, возмущался до глубины души. То чуть ли не угрозами Шоппе требовал присылки рукописей, то обнадеживал близким освобождением, сообщая, что Фуггер согласился пожертвовать на это десять тысяч скудо.

Георг Фуггер на самом деле не отбросил намерения в один-единственный год постичь науки и в том числе все тайны астрологии. Но он предпочел не тратить такой огромной суммы, а стал добиваться у австрийского эрцгерцога Фердинанда, который в денежных делах нередко прибегал к помощи Фуггеров, чтобы тот, используя свое знакомство с вице-королем, обратился бы к нему с просьбой освободить Кампанеллу. Фердинанд сперва отказывался, говоря, что слышал, будто Кампанелла занимался не только магией, а и другими весьма неподобающими делами, но в конце концов уступил и подписал письмо. Обращение успеха не имело. Граф Беневенте вежливо ответил эрцгерцогу, что, к сожалению, не может удовлетворить его просьбу.

Это был последний шаг, предпринятый Георгом Фуггером в защиту Кампанеллы. Его интерес к далекому узнику остыл. В Аугсбурге объявился некий Терренцио, который брался всего лишь за неделю обучить желающих астрологии, да и то при помощи игры в карты.

Наперекор неусыпной бдительности тюремщиков Кампанелла продолжал писать. Его работоспособность была поразительной. В короткий срок он написал две книги трактата «Медицина» и приступил к давно задуманному сочинению «Вопросы физиологии, морали и политики». Его никогда не покидала

мысль о судьбе «Города Солнца». Отсылая свои рукописи Шоппе, он верил, что тот исполнит обещание и издаст за границей «Город Солнца».

Теперь, когда все оставшиеся в живых участники калабрийского заговора были освобождены, Кампанелла не опасался, что «Город Солнца» повредит его товарищам, если попадет в руки врагов. С тех дней, когда в Калабрии готовилось восстание, прошло целых десять лет?

Больше, чем о свободе, мечтал Кампанелла об опубликовании «Города Солнца». Он знал, что на его голову падут новые кары, если где-нибудь за границей выйдет в свет это сочинение. Тем не менее он страстно желал, чтобы оно было напечатано. Идеи «Города Солнца» не должны погибнуть! Он просил друзей, чтобы они всячески содействовали распространению переписанных от руки экземпляров «Города Солнца». Когда приходил Серафино или Пенья, Кампанелла расспрашивал их о том, что говорят о его сочинении. Многочисленные списки «Города Солнца» холили по рукам не только в Неаполе и Риме, но и далеко за пределами Италии. Один из экземпляров находился в библиотеке самого Джамбаттиста делла Поста. Число восторженных почитателей Кампанеллы росло с каждым днем. О «Городе Солнца» много спорили. Одни приветствовали идею жизни общиной, другие озлобленно называли ее ложной и еретичной, Были и такие, кто доказывал, что уничтожение частной собственности противоречит человеческой природе и поэтому государство, где все будет общим, не сможет существовать. Кампанелла внимательно относился ко всем возражениям. Он не из тех, кто склонен прощать противникам их нападки. Пусть он и в тюрьме, но он не будет колебаться ни минуты и во всеоружии встретит врагов, чтобы защитить «Город Солнца»!

Свое новое сочинение Кампанелла назвал «О наилучшем государстве».

Противники жизни общиной утверждают, что такое государство, как описанное в «Городе Солнца», никогда не существовало и никогда не будет существовать. «Даже в том случае, — отвечал Кампанелла, — если бы мы и не смогли претворить полностью в жизнь идею такого государства, все же написанное нами отнюдь не было бы излишним, поскольку мы предлагаем образец для посильного подражания». Он высказывал уверенность, что жизнь общиной обязательно восторжествует в будущем. Он подчеркивал, что высшая нравственность — основа будущего Солнечного Государства: «Мы стремимся не к величине государства, которая большей частью проистекает из честолюбия и алчности, а к нравственности, на которой покоится Город

Солнца».

«Мы, — писал Кампанелла, — изображаем наше Государство не как государственное устройство, данное Богом, но открытое посредством философских умозаключений, и исходим при этом из возможностей, человеческого разума…»

На возражения, что Город Солнца никогда не будет построен, так как ни один из народов не придерживается такого образа жизни, Кампанелла отвечал, что описанные им порядки пока «не водворяются по причине злонамеренности государей, которые подчиняют державы своей власти, а не высшему Разуму. Возможность существования такого государства, как говорилось, доказана действительностью и опытом, так как более соответствует природе жить, руководствуясь разумом, чем страстями, жить добродетельно, а не порочно…»

Жизнь общиной «устраняет все пороки, ибо должностные лица освобождаются от честолюбия и всех дурных свойств, которые порождаются наследственностью должностей, или их выборностью, или же получением их по жребию, точно так же образ жизни в нашем Государстве устраняет мятежи подданных, которые обычно вспыхивают вследствие произвола должностных лиц, их своеволия либо вследствие бедствий и чрезмерного унижения народа и пренебрежения к нему.

Вместе с тем будут устранены все пороки, которые порождаются двумя противоположными злами — богатством и бедностью, по мнению Платона и Соломона — главными недостатками государственного строя. Таковы клятвопреступление, низкопоклонство, ложь, воровство, неопрятность, проистекающие из бедности, разбой, надменность, гордость, похвальба, праздность и другие пороки, проистекающие из богатства.

Равным образом будут уничтожены все пороки, вытекающие из злоупотребления любовью, как прелюбодеяние, распутство, содомия, убийство детей во чреве матери, ревность, супружеские ссоры и другое.

Точно так же — все пороки, проистекающие из чрезмерной любви к сыновьям и женам, из обладания собственностью, искореняющей любовь к ближнему, и из себялюбия, которое является причиной всех зол. К этим порокам относятся: скупость, ростовщичество, скряжничество, ненависть к ближнему, зависть по отношению к богатым и лучшим. Мы заменим их любовью к общине и истребим ненависть, которая порождается скупостью — корнем всех зол, и тяжбы, и обманы, и подделки завещаний, и прочее.

Таким же образом — все пороки тела и духа, которые у

бедных порождаются чрезмерным трудом, а у богатых праздностью, ибо мы распределяем труд поровну между всеми.

Так же пороки, проистекающие из праздности женщин, которые подтачивают их способность к деторождению, телесное и душевное здоровье, мы устраняем тем, что предписываем им подходящие упражнения и занятия. Равно и пороки, которые являются следствием невежества и глупости…

…Наконец поскольку мы неизменно избегали крайностей, мы все приводили к умеренности, в которой заключается добродетель».

Противники «Города Солнца» не отличались оригинальностью. Все те же доводы, почерпнутые из Аристотеля, давным-давно выступавшего против общности материальных благ! Кампанелла не уставал доказывать, что только уничтожение собственности и жизнь общиной сделают людей по-настоящему свободными и счастливыми: «…В нашем Государстве находит успокоение совесть, уничтожается жадность — корень всех зол, и обман, который присущ заключению сделок, и кражи, и грабежи, и излишество, и уничижение бедных, а также невежество, которое свойственно даже людям благородной породы вследствие того, что они принуждены работать в то время, как они желают заниматься философией, уничтожаются также излишние заботы, труды, деньги, которые добывают купцы, скупость, гордость и другие пороки, которые порождаются разделением имуществ, а равным образом — себялюбие, вражда, зависть, козни, как уже было показано. Вследствие распределения государственных должностей соответственно природным способностям мы достигаем искоренения зол, которые проистекают из наследования должностей, из их выборности и из честолюбия, как учит св. Амвросии, говоря о государстве пчел. И мы подражаем природе, которая ставит начальниками наилучших, как это происходит у пчел, ибо если мы и прибегаем к избранию, однако оно согласно с природой, а не является произвольным: это означает, что мы избираем того, кто возвышается благодаря своим естественным и моральным добродетелям.

…В нашем Государстве должностные лица распределяют ремесла и труды соответственно пригодности и силе, исполнение работ поручается начальникам ремесел совместно со всем множеством людей, как указывается в тексте. И никто не имеет возможности что-либо присвоить себе, так как все принимают пищу за общим столом и, получив у ведающих одеждой должностных лиц одежды нужного качества, пользуются ими сообразно с временами года и со своим здоровьем… Ведь никто не может отвергать такой способ распределения, так как все

совершается на основании разума. Более того, каждый любит то, что соответствует его собственной природе, как это присуще нашему Государству.

…Каждый с детства приобщается должностными лицами нашего Государства к различным ремеслам, соответственно своей естественной склонности, и каждый, после того как его наилучшим образом испытают опытом и учением, выдвигается на исполнение той должности, к которой он более пригоден. Но только наилучшие могут становиться высшими должностными лицами, согласно описанному в тексте порядку. И воин не пожелал бы стать предводителем, и земледелец — священником. В нашем Государстве должности доставляются, исходя из практических навыков и образованности, а не из благосклонности и родственных отношений, ибо мы свели на нет родственные связи. Каждый получает должность в той сфере, в которой он отличается своей добродетелью. И первые должностные лица не могут одних возвеличивать, а других унижать, так как они правят не по своему произволу, но, руководствуясь природой, и предназначают для каждого пригодную должность. Они не обладают собственностью, благодаря которой они нарушили бы чужие права, чтобы возвеличить своих детей. Но им свойственно хорошо поступать и таким образом достигать почестей. И поскольку они считают всех своими братьями, или сыновьями, или родителями, сохраняется любовь ко всем, а не обращается позорным образом на отдельных лиц. Никто не сражается ради жалованья, так как он имеет средства для жизни, но каждый потребует почестей, которые он вправе ожидать благодаря своей доблестной деятельности».

Враги кричат на все лады, что проповедь общности имущества есть страшнейшая ересь. Еще на Констанцском соборе был осужден как еретик и сожжен Ян Гус, отрицавший частную собственность. Старые уловки! «Невежды, — пишет Кампанелла, — тотчас же объявляют еретиками тех, кого они не могут победить с помощью доводов разума». Идею жизни общиной они называют ересью. Ересью?! Кампанелла берет на себя смелость и во всеоружии аргументов упорно доказывает, что, напротив, еретиками являются те, кто осуждает жизнь общиной!

Работая над трактатом «О наилучшем государстве», Кампанелла все время находился в приподнятом, воинственном настроении. Он радовался, что, даже сидя за решеткой, он в силах сокрушать врагов железной логикой своих аргументов.

Его все время держали в одиночке. В тюрьму периодически присылались приказы не ослаблять строгости по отношению к Кампанелле. Но время делало свое дело. Постепенно и здесь

Томмазо сумел расположить к себе некоторых надзирателей, а когда подходил к концу второй год его пребывания в Кастель делль Ово, даже сам кастелян, Педро Галарди, смотрел сквозь пальцы на нарушения режима. Он без лишней огласки разрешил свидания, и Кампанеллу стали навещать друзья.

Слава о Кампанелле разнеслась по многим странам Европы. Иностранцы, приезжавшие в Неаполь, старались всеми правдами и неправдами, при помощи рекомендательных писем или просто подкупа, получить с ним свидание. Это были разные люди. Одни приходили из любопытства посмотреть на знаменитого узника, другие мечтали стать его учениками. Эти встречи не были похожи на обычные свидания в тюрьме, когда соболезнующие визитеры вполголоса беседуют с несчастным арестантом. Если дежурил сговорчивый надзиратель, Кампанелла успевал прочесть какую-нибудь лекцию по философии или медицине. Тем, кто бывал регулярно, удавалось прослушать целый курс.

Разумеется, не со всеми Кампанелла был откровенен. Он знал, что его крайние взгляды могли оттолкнуть многих, чье заступничество было ему полезным. Естественно, что люди, вначале принимавшие на веру его архикатолические настроения, узнав его настоящее лицо, отходили в сторону. Каких только восторгов не выражали немцы-дворяне, с которыми он сидел в Кастель Нуово, когда он говорил об астрологии или развертывал перед ними грандиозные планы борьбы с протестантами. Они давали слово хлопотать за него перед папой, императором и князьями. Но стоило им только узнать, что все это была лишь маскировка, а в действительности он был осужден за ересь и бунт, как они тут же отреклись от него! А Шоппе? Он теперь открыто высказывал убеждение, что лучше, чтобы Кампанелла «оставался там, где он есть».

В мае 1610 года вице-король, приняв во внимание длительное заключение Кампанеллы, согласился несколько смягчить режим. Узнику было официально разрешено читать книги и получать свидания. Но эти послабления продолжались всего двенадцать дней. В дело самым решительным образом вмешалась инквизиция. Разве вице-король забыл, что Кампанелла приговорен к суровому пожизненному заключению?! По законам инквизиции еретик, осужденный на вечное заточение, приравнивался к замурованному заживо в стену — он не должен был ни с кем разговаривать. Его следовало «держать взаперти с такими предосторожностями, чтобы он не мог совратить других в ересь».

Представитель Святой службы в категорической форме потребовал введения дополнительных строгостей, которые бы

гарантировали, что впредь Кампанелла не будет ни писать, ни общаться с людьми. Он послал в Кастель делль Ово специальных агентов, чтобы те особенно старательно обыскали камеру Кампанеллы и изъяли находящиеся там рукописи.

С обыском явились ночью, когда он спал. Под матрасом они обнаружили рукопись «Метафизики». Да, с этим произведением ему определенно не везло! Он хотел изложить в нем основы философии, и сделать это так, чтобы его книга стала «библией философов». Семь лет тому назад, в Кастель Нуово, он написал «Метафизику» и передал ее дель Туфо еще до того, как тот был арестован. После его смерти Франческо — неблагодарный ученик! — не сумел сохранить рукописи. Кажется, у него ее украл слуга и кому-то продал.

Он заново написал «Метафизику». Он не успел ее закончить, когда ее отобрали. Рукопись отнесли инквизитору, а это означало, что она пропала навсегда. Навсегда? Пусть пройдут недели или месяцы, пока он снова изыщет возможность раздобыть бумаги — при всей своей нетерпеливости он умеет ждать! — но он обязательно еще раз восстановит «Метафизику». Чем сильнее его давят, тем упорней становится в нем дух сопротивления. За каждой написанной им строчкой постоянно охотятся инквизиторы. Он вынужден по нескольку раз писать одно и то же произведение. Но вопреки всему он будет восстанавливать потерянное. Каким бы безнадежно пустынным ни было пепелище, оно не заставит его опустить руки. Он всегда найдет в себе силы снова приниматься за стройку!

В июле 1610 года в Неаполь прибыл новый вице-король, граф Лемос-младший. Он слыл за мецената и любил опекать ученых. Но надеждам, которые возлагали на него друзья Кампанеллы, не суждено было исполниться. Вице-король оказался страшнейшим клерикалом и всей душой ненавидел еретиков. От него нельзя было ждать никаких поблажек. А Кампанелла и не ждал. Он снова тайком принялся за писание. Надо было быть очень осторожным. Серафино и Пенья, выносившие из тюрьмы написанное, приходили редко, зато надзиратели, охотившиеся за рукописями, могли нагрянуть каждую минуту. Как не вспомнить Дианору, которая по вечерам, опустив нитку, забирала к себе исписанные за день листки!

К концу года Кампанелла сделал то, что казалось невероятным даже для его друзей. Он в третий раз заново написал «Метафизику».

Каждого образованного человека, который приходил к нему, Кампанелла жадно расспрашивал о том, какие новые книги вышли в свет. Он радовался небывалым достижениям науки, но в

то же самое время тяжело переживал свою оторванность от мира и проклинал тюремные стены. До него только урывками доходили сведения о важных событиях. Работы астрономов и математиков все больше и больше подтверждали правильность теории Коперника о строении вселенной. С большим опозданием узнал он, что Галилео Галилей — тот самый преподаватель математики Падуанского университета, который в 1593 году передал ему письмо великого герцога Тосканы, — сконструировал замечательную подзорную трубу и с ее помощью, наблюдая за звездами, совершил великие открытия. Весной 1610 года вышла в свет книга Галилея «Звездный вестник». Но Томмазо узнал о ней только в январе следующего года, да и то случайно. Один из почитателей Кампанеллы, неаполитанец Джамбаттиста Мансо, глубокий старик, друг Торквато Тассо, добился свидания. Два часа рассказывал он Кампанелле о выдающемся труде Галилея. Мансо сравнивал Галилея с Колумбом и уверял, что его открытия так же важны для человечества, как и открытие Америки. Минувший век навсегда прославил себя открытием новых земель, а век нынешний будет по праву гордиться открытием новых небес!

Кампанелла не мог сдержать своего волнения. Да и как было не волноваться, когда наблюдения Галилея давали науке новые замечательные факты. Галилей обнаружил сотни раньше никем не виданных звезд наблюдал за поверхностью Луны и открыл четырех спутников Юпитера! Какой простор для новых теорий и гипотез! Томмазо не терпелось заглянуть в будущее. Не исключено, что все планеты населены людьми, которые тоже, вероятно, воображают себя находящимися в центре вселенной! Как они там живут, счастливей или несчастней, чем люди на Земле?

Гордость за Галилея сменилась чувством тревоги. Кампанелла слишком хорошо знал, как жестоко расправляется церковь со смельчаками, которые отстаивают истины, противоречащие священному писанию. Джордано Бруно, проповедовавший идею бесконечности миров, был после восьми лет сурового заточения сожжен на костре. Неужели инквизиторы вырвут из рук Галилея его подзорную трубу, бросят его в темницу и будут силой заставлять отречься от истины?

Судя по всему, инквизиторы еще не разобрались в сущности его наблюдений. Ни сам Галилей, ни его друзья не отдавали себе полностью отчета в том, какую грозу они навлекут на себя в недалеком будущем. Кампанелла предвидел события, которые разразились несколько месяцев спустя. Он считал, что надо действовать без промедления. Позволительно было идти на

любую хитрость, лишь бы спасти большого ученого от неминуемых преследований. Он считал, что для этого есть только один путь. Надо было с самого начала утверждать, что открытия Галилея предсказаны отцами церкви и совершенно не противоречат суждениям св. Климента, Хризостома и др. Разве объективная сущность открытий Галилея потерпит большой вред от того, что будет снабжена благочестивыми высказываниями?

Кампанелла написал Галилею письмо. Он вспомнил об их встрече в Падуе, восторженно отозвался о его открытиях и тут же дал совет, на каких из отцов Церкви следует ссылаться.

Кампанелла напрасно ждал ответа. Писать осужденному еретику Галилей побоялся.

Все строгости по отношению к Кампанелле были недостаточно действенны. В конгрегацию Святой службы постоянно поступали сведения, что, несмотря на надзор, Кампанелла продолжает писать и его сочинения в списках широко расходятся по Италии и даже проникают за границу. То и дело из Рима в Неаполь приходили приказы, ставшие трафаретом:

«Произвести в тюрьме тщательный обыск, отобрать рукописи и принять меры, чтоб Кампанелла был лишен всякой возможности писать…»

Чаще всего обыски не давали никакого результата. Иногда удавалось найти огрызок пера или чернильницу, вылепленную из хлеба. А где его писания?! Томмазо невозмутимо пожимал плечами: мало ли что можно обнаружить в камере, где до него сидели десятки людей. Сам-то он, помня строжайшие приказы, давно уже ничего не пишет.

Но в мае 1611 года Кампанеллу постигла неудача. Он не успел, передать на волю законченных книг «Астрономии», и во время внезапного обыска они были схвачены служителями инквизиции.

Этот случай вызвал новые осложнения. Апостолический нунций, ссылаясь на то, что испанские власти не в состоянии обеспечить должной изоляции опаснейшего еретика, настоятельно потребовал, чтобы вице-король приказал закончить дело о заговоре и передать узника римской инквизиции. В Неаполе снова стали усиленно распространяться слухи, что это всего лишь очередная попытка Рима вырвать Кампанеллу из рук испанцев. Вице-король, чтобы отвязаться от нунция, повелел запереть Кампанеллу в более надежную камеру.

Еще два года прошло в сырой одиночке, которая заставляла его часто вспоминать подземелье Кастель Сант-Эльмо. Свидания были категорически запрещены. Он месяцами никого не видел,

кроме надзирателя и солдат. Лишь изредка навещал его духовник, приносивший записки от Серафино. Кампанелла почти ничего не знал о том, что творилось за стенами тюрьмы. Его очень беспокоила судьба Галилея. Он уверен, что вокруг его открытий началась ожесточенная борьба. Как жаль, что он не может принять в ней участия!

Все силы он отдавал тому, чтобы, перехитрив тюремщиков, продолжать работать. Свою «Медицину», состоявшую первоначально из двух частей, он так дополнил и расширил, что она теперь насчитывала целых семь книг. Он написал «Диалектику», «Риторику» и «Поэтику». В Италии вряд ли бы нашелся человек, который взял бы на себя смелость нелегально издавать книги узника инквизиции. Поэтому Кампанелла все чаще и чаще возвращался к мысли, что книги следует напечатать за границей. Многие его произведения, в том числе и «Город Солнца», были написаны по-итальянски. Это, разумеется, затрудняло знакомство с ними читателей, не владевших итальянским языком. Кампанелла решил перевести свои работы на латынь. Он перевел трактат «О смысле вещей» и теперь переводил «Великий эпилог». Желание во что бы то ни стало дожить до того дня, когда где-нибудь за границей, во Франции или Германии, выйдет в свет «Город Солнца», помогало ему переносить самые тяжелые испытания.

Год 1613 принес Кампанелле некоторое облегчение. Новый комиссарий инквизиции не так ревностно, как его предшественник выполнял приказы, присылаемые из Рима, и Кампанелла не замедлил этим воспользоваться. Почему бы кастеляну опять не разрешить ему свидания с теми, кто высказывает охоту его видеть? Разве дон Педро имел когда-нибудь повод быть недовольным их благодарностью? Люди едут издалека, иногда даже из-за границы, и не останавливаются перед значительными расходами, лишь бы повидать Кампанеллу. Дон Педро не пожалеет, если потихоньку от нунция начнет снова пускать к нему посетителей.

Успех превзошел все ожидания. Среди лиц, которым удалось получить от кастеляна разрешение навещать Кампанеллу, оказался и Товий Адами. Раньше они никогда не были знакомы. Уроженец Саксонии, Адами, человек очень образованный и любознательный, занимался разными науками, но особенно хорошо знал филологию. Еще в Германии ему посчастливилось прочесть в рукописи несколько произведений Кампанеллы. Он понял, что их написал человек исключительный по своим дарованиям в смелости мысли. Его потрясла трагическая судьба ученого, который уже четырнадцать лет подряд сидел в тюрьме и,

несмотря на самые тяжелые условия, ухитрялся продолжать работу. Товий Адами мечтал когда-нибудь встретиться с Кампанеллой. Бедность вынуждала его служить гувернером юного мейссенского дворянина Рудольфа Бинау, знакомого и земляка Христофора Пфлуга. Адами сопровождал Рудольфа в его многочисленных путешествиях. Осмотрев Падую и Венецию, они захотели взглянуть на священные камни Эллады, потом побывали в Сирии и Палестине. С Мальты они возвращались на родину. Но ведь в Германию можно ехать и через Неаполь!

В феврале 1613 года Адами и Бинау прибыли в столицу Неаполитанского королевства. Адами нашел общий язык с комендантом Кастель делль Ово, и тот разрешил свидания. Первые же встречи с Кампанеллой заставили Адами и Бинау изменить их планы. Они думали быстро возвратиться на родину, а задержались в Неаполе целых восемь месяцев. Кампанелла покорил их не только своими знаниями и остротой ума. Они увидели в нем мужественного, волевого и несгибаемого человека. Они много времени проводили в его камере. Он читал им лекции по медицине, астрономии, философии.

Адами проявлял живейший интерес к сочинениям Кампанеллы и искренне возмущался Шоппе, который с помощью лживых обещаний завладел рукописями и так и не напечатал ни одной из них. Тесная дружба связала Кампанеллу с Адами. Им совсем не мешало, что еретик Кампанелла нередко при посторонних проповедовал самые архикатолические взгляды, а Адами был убежденным лютеранином. Напротив, их сближала горячая ненависть к папизму. Адами говорил, что считает своим долгом опубликовать сочинения Кампанеллы. Он не пожалеет сил, чтобы, презрев все запреты папистов, напечатать в Германии «Город Солнца»!

Это были очень хорошие месяцы. Стосковавшийся по людям Кампанелла наслаждался откровенными беседами с Адами, чтением лекций, общением с молодежью. Сговорчивость кастеляна и деньги Бинау открыли двери камеры многим посетителям. Кампанеллу часто навещали его земляки-калабрийцы — Коста, Северино, Виа, Фаилла. Они упорно изучали астрономию и медицину и с радостью называли себя его учениками.

Томмазо напряженно работал. Иногда он диктовал свои сочинения кому-нибудь из молодых людей. Он писал первые книги «Рациональной философии». Адами поражался его разносторонностью. В новой работе под заглавием «Историография» Кампанелла излагал принципы, которые должны быть положены в основу написания истории. Друзьям-

немцам он посвятил несколько сонетов. Он верил Адами и был убежден, что тот, не в пример Шоппе, сделает все возможное, чтобы опубликовать его сочинения в каком-нибудь из протестантских городов Германии. Опять Серафино, наняв переписчиков, снимал с рукописей копии.

Адами был знаком с Галилеем. Он рассказал Кампанелле о борьбе, которая началась вокруг открытий великого астронома. Галилей ездил в Рим и встречался с видными церковными деятелями. Из осторожности он старался публично не заострять вопроса об отношении коперниковой теории к религии. Церковь не разобралась еще окончательно в тех выводах, которые следовали из наблюдений Галилея. Однако все громче и громче начинали раздаваться голоса невежд и мракобесов, стремившихся опорочить Галилея. Он видит в свою подзорную трубу то, о чем нет ни слова в священном писании?! Он осмеливается подтверждать правильность учения Коперника о движении Земли вокруг Солнца?! Неслыханная наглость!

Противники Галилея ничего не хотели и слышать о существовании ранее неизвестных звезд. Многие из них даже отказывались посмотреть в подзорную трубу, заявляя, что она порождает только оптические обманы и показывает вещи, которых вообще нет, поскольку их не знает ни Библия, ни Аристотель. С церковных кафедр начались нападки на Галилея. Но Галилей не прекращал своих наблюдений. Истинные друзья науки могли только восхищаться его работами. Он не ограничивался астрономией и математикой, много занимался физикой. В апреле 1612 года он опубликовал «Рассуждение о телах, пребывающих в воде, и тех, которые в ней движутся». Адами принес это сочинение Кампанелле. Тот воспринял его с радостью. Хотя отдельные мысли Галилея и вызывали у него возражения, книга показалась ему прекрасной. Как убедительно Галилей опровергал физические воззрения Аристотеля и углублял учение Архимеда! Книга эта была очень важна не только для физиков. Наряду с блестящим разрешением многих специальных проблем, связанных с движением тел в воде, Галилей, ставя вопрос о научном методе, подвергал самой резкой критике способ отвлеченных доказательств, к которому прибегали последователи Аристотеля. На эту книгу Томмазо откликнулся «Четырьмя статьями о «Рассуждении» Галилея».

Когда в октябре Адами собрался уезжать из Неаполя. Кампанелла отдал ему много своих рукописей. Кроме того, он просил, чтобы Товий вручил Галилею его письмо и «Четыре статьи».

Во Флоренции Адами часто бывал у Галилея. Он рассказал

ему, в каких тяжелых условиях находится знаменитый калабриец. Галилея взволновал этот рассказ. Он пообещал похлопотать перед великим герцогом за узника и выразил желание послать ему денег.

Томмазо был признателен Галилею за выказанное участие, о котором ему сообщил Адами, но от предложенных денег отказался. Переданная тайком записка — пусть даже написанная чужим почерком — была бы для него во сто крат дороже любого кошелька с золотом, хотя он месяцами сидел впроголодь и каждое карлино казалось ему целым состоянием.

Галилею — великому ученому — Кампанелла мог простить многое. Даже чрезмерную осторожность, граничившую с малодушием.

Шел пятнадцатый год заключения. Если прибавить к ним и годы, проведенные в тюрьме во время первых процессов, то он уже сидел по темницам почти два десятилетия. А он был еще совсем не стар. Ему исполнилось сорок шесть лет.

В надежде, что Адами напечатает за границей его сочинения, Кампанелла переводил на латинский язык «Город Солнца», «Этику» и «Политические афоризмы». В ту же пору он написал «Математику».

Он постоянно интересовался Галилеем. Придавая наибольшее значение его астрономическим наблюдениям, он побуждал его заниматься планетами, а не плавающими телами. Узнав от друзей, что Галилей болеет, Томмазо снова обратился к нему с письмом. Он полагал, что может принести пользу своими консультациями, и просил, чтобы ему прислали историю болезни. Но Галилей не воспользовался его советами.

Оживленная переписка с Адами на философские темы совершенно неожиданно прервалась. Неужели Товий не может найти средства, чтобы переправить ему записку хотя бы в несколько слов? Не хотелось думать, что Адами станет вторым Шоппе.

Даже двадцать лет тюрьмы не могли заставить Кампанеллу изменить самому себе. С ранней юности жил он идеями равенства и свободы. Он нигде не прекращал борьбы — ни в тюремной камере, ни в застенке. Он использовал каждый случай, чтобы раскрывать людям глаза. Кто бы ни был рядом с ним, любой хоть немного внушавший доверие солдат, надзиратель, монах или горемыка-арестант, Кампанелла всегда старался пробудить в них любовь к родине, ненависть к угнетателям-иноземцам и к тому несправедливому порядку вещей, который установлен в мире. Строгие приказы то и дело повелевали содержать Кампанеллу в условиях, которые не давали бы ему возможности «совращать

людей в ересь». А он, напротив, всеми средствами старался делать именно это.

Сведения о том, что вопреки запрещению Кампанелла общается с людьми, все же дошли до правительства. Он у себя в камере устроил чуть ли не целый университет. Его посещают иностранцы, он диктует им свои суждения. И пишет! Пишет! Даже когда его приводят в тюремную церковь, чтобы слушать мессу, он своими крамольными речами отравляет других узников.

Дон Педро Галарди получил отменный разнос. Видно, за шесть с половиной лет, которые Кампанелла пробыл в Кастель делль Ово, он так сумел окрутить кастеляна и солдат, что того и гляди сбежит. Или сделает всех арестантов еретиками, а надзирателей — государственными преступниками.

Однажды ночью, в конце 1614 года, приняв массу предосторожностей, беспокойного узника, который доставлял тюремщикам столько неприятностей, тайно перевели обратно в Сант-Эльмо.

Его принял новый комендант. Кампанелла обрадовался, что его давнишний враг, дон Толедо, жестокий и тупой, отправился, наконец, к праотцам. По крайней мере среди тех, кто наслаждался его мучениями, одним человеком стало меньше.

Радость Кампанеллы была преждевременной. В коридоре, играя ключами, его встретил старый знакомый — Микель Алонзо. А он-то думал, что Алонзо как и прежде, живет вместе с семьей в Кастель Нуово.

Сумрачное лицо надзирателя никогда не улыбалось. Но на этот раз, увидя Кампанеллу, Алонзо осклабился. Усмешка его была искренней и зловещей. Томмазо живо вспомнил ту ночь, когда долгая охота Алонзо увенчалась столь неожиданным успехом и он застал в его камере свою собственную жену. После этого Кампанеллу немедленно отправили на «Кавказ» в вонючее подземелье, наполненное водой. Его не тревожило, чего больше — неприятностей по службе или отличий — получил Алонзо за свою удачливую охоту. Но вот мысли о Лауре долго не давали ему покоя.

Алонзо с явным удовольствием гремел замками, запирая за ним дверь. Солома, лежавшая на полу, была сухой и чистой, но Кампанелла не спал. Он никак не мог побороть волнения.

А что, если и Лаура живет где-то здесь рядом, на нижнем этаже башни или в конце коридора?!

Глава девятнадцатая. ГОЛОС В ЗАЩИТУ ГАЛИЛЕЯ

Злой и мстительный Алонзо не жалел сил, чтобы сделать жизнь Кампанеллы совершенно невыносимой. Он с превеликим рвением выполнял приказания начальства о суровом режиме и бдительно следил за тем, чтобы Кампанелла не имел никакой связи с внешним миром. Он по нескольку раз в сутки устраивал обыски. Даже во время дежурства другого надзирателя он не ленился приходить ночью, поднимал Кампанеллу, обшаривал всю одежду перерывал солому, ощупывал стены. Он не подпускал никого близко к его двери. И мог поклясться, что еретик не пишет ни строчки. И это была правда.

Три недели он, чем мог, отравлял Кампанелле существование. Но в один прекрасный день Алонзо вдруг исчез. Новый надзиратель в ответ на настойчивые расспросы сказал, что Алонзо, примерный служака, проворовался и вице-король упек его в тюрьму.

«Все мы не без греха», — смиренно промолвил Кампанелла и перекрестился. Он посочувствовал семье арестованного. Ведь теперь ее, вероятно, выселят из казенной квартиры? Надзиратель ответил, что этого не произошло, — Лаура с детьми по-прежнему живет здесь, в крепости.

Он был уверен, что она придет. С тех пор как они виделись в последний раз, пролетело больше десяти лет!

Однажды его окликнули из коридора. Через глазок он мог видеть только часть ее лица. Прижимаясь к двери, Лаура торопливо шептала. Ей лишь чудом удалось пробраться к нему — надзор строгий, а ей хочется ему столько рассказать! Она хлебнула много горя. Чего она только не перенесла из-за старшего своего сына! Но теперь, слава богу, Джованни Альфонсо, которому скоро исполнится десять лет, живет в Риме и учится у хороших учителей. Он носит ее девичью фамилию — Борелли. Все восхищаются его редкими способностями. Она счастлива, что он не станет, как Алонзо, надзирателем, а будет ученым.

Они не успели как следует поговорить. Заслышав подозрительный шум, Лаура поспешно отскочила от двери и убежала. А Кампанелла еще долго думал о маленьком мальчике, который со временем станет большим ученым.

Положение Кампанеллы ненамного изменилось к лучшему. Новый надзиратель, опасаясь неприятностей, не поддавался ни на

какие уговоры. За несколько листков бумаги Кампанелла сулил ему бог весть что, но все было напрасно. Еретик, избежавший смертной казни, должен жить как замурованный в стену — он пожизненно обречен на молчание.

Приходский священник Карло Форлей, назначенный ему духовным отцом, вел себя подчеркнуто сухо и официально. Тюремный врач тоже не намерен был вступать в посторонние разговоры. Лауре проникнуть к нему больше не удавалось, а связаться через окошечко нельзя было, потому что внизу, на дворе, круглые сутки стоял караул.

Вице-король, граф Лемос-младший, любивший при каждом удобном случае изображать себя великодушным покровителем наук и искусств, не забывал о Кампанелле. Он лично то и дело издавал приказы строго-настрого следить, чтобы «Кампанелла не мог ничего писать, посылать записки или устно передавать что-либо, чтобы он, наконец, ни с кем не общался и видел бы лишь надзирателя, который приносит ему есть, — надзиратель должен быть особенно проверенным и надежным человеком».

Приказы вице-короля выполнялись точно. Весь 1615 год Кампанелла почти ничего не писал. В его камере клочок бумаги стал величайшей редкостью. Он был совершенно отрезан от мира. Это его очень мучило. Именно теперь, когда развернулась ожесточенная борьба между представителями новой науки и толпой мракобесов, он не получал о ней даже самых скупых известий. На какие крайние средства пошли хулители теории Коперника? Что еще учинили погромщики попы, проклинающие с церковных амвонов богопротивные открытия математиков? Что делает Галилей? Сидит ли он еще по ночам со своей подзорной трубой или уже видит только краешек неба сквозь тюремную решетку?

Из месяца в месяц терпеливо и настойчиво Кампанелла завоевывал расположение надзирателя. Прошло больше года, пока, наконец, тот принес ему первый раз весточку от друзей. Прерванную надолго переписку удалось восстановить, и Кампанелла вскоре узнал много вещей, которые очень его взволновали.

Сколько важнейших событии совершилось за это время! Как и предвидел Томмазо, церковники после нескольких месяцев замешательства, в которое их ввергли необыкновенные открытия Галилея, перешли в наступление. В римскую инквизицию был подан донос на Галилея. Ему пришлось поехать в Рим. Обвинения, как и думал Кампанелла, не отличались оригинальностью. Как это Земля может вращаться вокруг Солнца, когда в библии говорится об обратном!

24 февраля 1616 года одиннадцать теологов-квалификаторов, весьма несведущих в вопросах астрономии, признали учение Коперника, разделяемое Галилеем, «глупым и абсурдным в философском и еретичным в формальном отношении, так как оно явно противоречит изречениям святого писания во многих его местах, как по смыслу слов писания, так и по общему истолкованию святых отцов и ученых богословов».

Галилей отделался сравнительно легко. Его не посадили в тюрьму, но ему запретили защищать и развивать учение Коперника, которое в декрете, опубликованном 5 марта, расценивалось как одно из проявлений опасной ереси, «распространяющейся мало-помалу на пагубу католической истины».

Свершилось! Галилея не бросили в темницу, но фактически его лишили возможности свободно продолжать исследования, которыми всегда будет гордиться Италия. Кампанелла возмутился до глубины Души. Невежественные попы преграждают дорогу гениальному ученому, чьи открытия безмерно обогатили мировую науку. Не сделал ли Галилей ошибки и не пренебрег ли его советом, когда он предлагал единственно возможную тактику защиты? Надо было с самого начала доказывать, что учение Коперника находится в полном соответствии со священным писанием! Неважно, что в Библии есть места, которые с этим не согласуются. Церковники всегда толкуют ее в угодном для себя смысле. Поэтому и следует воспользоваться их собственным оружием. Может быть, Галилей не чувствует себя достаточно искушенным в тонкостях богословской казуистики? Но он, Кампанелла готов спорить с целым сборищем теологов и неопровержимо бы доказал, что квалификаторы, осуждающие мысль о вращении Земли вокруг Солнца просто неучи и не понимают истинного смысла, скрытого в священном писании.

Мартовский декрет не означал окончания борьбы. Впереди еще были самые ожесточенные схватки. Надо было употребить все силы, чтобы Галилей мог работать, не опасаясь, что не сегодня-завтра инквизиция потянет его к ответу. Он, Кампанелла, выступит в защиту Галилея.

Он знал, чем рискует. Тем же декретом была запрещена книга неаполитанца Антонио Фоскарини, вышедшая в 1615 году, в которой доказывалось, что мнение пифагорейцев и Коперника о движении Земли согласно с истиной и не противоречит Святому Писанию.

Неудача Фоскарини не обескураживает Кампанеллу. Значит, надо более искусно подбирать аргументы! Теперь, после осуждения книги Фоскарини и опубликования декрета, выступать

против официального решения церкви — это шаг, подобный самоубийству. Кампанелла, кроме того, прекрасно помнит постановление Тридентского собора, где любое толкование священного писания, отличающееся от принятого католической церковью, квалифицируется как протестантская ересь. А для человека, уже однажды наказанного за еретические высказывания, «повторное впадение в ересь» означает неминуемую смерть.

Но он не может не выступить. Этого требует его совесть, его страстность борца, его долг ученого. Да, Галилей не отвечает на его письма, боится неприятностей. Но ведь не каждый прошел такую школу мужества, как Кампанелла!

Он взвешивает все. Даже если квалификаторам и трудно будет придраться к его аргументам, то сам факт, что он вопреки всем запрещениям снова изыскал возможность писать и дерзко оспаривает сущность декрета, навлечет на него жестокие кары. Но может ли ухудшиться его и без того отчаянное положение? В каких бы страшных условиях ни находился узник, ему всегда можно создать еще худшие. А ведь «Кавказ» был совсем рядом, в той же крепости, в нескольких десятках шагов от его камеры.

Кампанелла написал «Апологию Галилея». Собрав все свое умение искусно оперировать цитатами из библии, он упрямо доказывал, что позиция Галилея ни в чем не противоречит священному писанию.

Он обратился с письмами к Галилею, к кардиналу Гаэтано, к своим римским друзьям. Он настаивал, чтобы «Апология» была опубликована. Тем временем события приобретали очень серьезный оборот. 2 июня в Неаполе был арестован Лаццаро Скориджио, издатель, напечатавший в прошлом году книгу Фоскарини. Это было грозным предупреждением тем, кто еще не понял всей важности обнародованного в марте декрета. Но Кампанелла не образумился. Он хотел, чтобы как можно дальше разнесся его голос, поднятый из тюрьмы в защиту Галилея.

Томмазо был готов к любым неприятностям. Тем более неожиданным явилось для него то, что произошло. Рим еще никак не реагировал на «Апологию Галилея», а в это время в Неаполе многое изменилось. В результате придворных интриг граф Лемос-младший был отстранен от должности. Вице-королем был назначен герцог Оссуна. Он еще не выехал из Испании, а о нем уже говорили как о человеке эксцентричном, крайне неуравновешенном и самовластном. Корабль, который привез часть его вещей, породил среди неаполитанцев тьму толков. Из трюма выгрузили три десятка лошадей и целый зверинец — верблюдов, медведей, невиданных заморских птиц и даже льва.

Две недели спустя с огромной свитой в двести человек прибыл сам герцог Он остановился в окрестностях Неаполя.

Там он принимал самых различных лиц и в беседах неоднократно подчеркивал, что не считает себя связанным распоряжениями своего предшественника. Хорошо было бы воспользоваться тем, что Оссуна — новый человек в Неаполе, и добиться от него хоть каких-нибудь облегчений!

Друзья Кампанеллы рассказали о нем вице-королю, представили его «Консультации об увеличении доходов» и трактат «Испанская монархия», который, как они утверждали, был написан задолго до ареста. Какая вопиющая несправедливость! Ученый-монах, до мозга костей преданный испанской короне, оклеветанный, личными врагами, сидит без всякого приговора уже целых семнадцать лет в самой мрачной темнице Неаполя!

Однажды в середине августа в камеру Томмазо явился собственной персоной начальник тюрьмы. Он имел высочайшее повеление привести Кампанеллу к вице-королю. Кастелян заметно волновался. Он приказал снять с арестанта рваное рубище, снабдить его другой одеждой и придать ему приличный вид. Цирюльник тщательно побрил Кампанеллу. Кастелян морщился. Не дай бог, если вице-король рассердится, почувствовав, что от арестанта воняет тюрьмой! Он распорядился опрыскать Кампанеллу благовонной водицей.

Путь предстоял долгий. Узника надо было доставить в Позилиппо. Но кастелян оказался на высоте. Снаряженный им конвой был таким сильным, что он мог бы сопровождать огромную партию пленных турок.

Кампанелла наговорил герцогу Оссуна кучу разных разностей. Он и не думал каяться в каких-либо преступлениях. Именно враги Испании, желая причинить монархии вред, запрятали его в тюрьму. Он может оказать государству величайшие услуги. Ему открыты все науки, он сведущ не только в прошлом, но и в будущем. Он знает, как увеличить доходы короля и как наилучшим образом управлять.

Кампанелла был в ударе. Он одинаково убедительно и страстно говорил о политике, экономике, астрологии. Он требовал немедленного и полного освобождения. Герцог Оссуна был ошеломлен его логикой и нечеловеческими познаниями. На самом деле, какое безумие по ложному обвинению держать в темнице человека, который может быть полезен государству!

Вице-король не имел времени, чтобы сразу разбирать запутанное клеветниками дело. Когда-нибудь он этим займется. А сейчас он повелевает перевести Кампанеллу из его нынешней тюрьмы обратно в Кастель Нуово и не гноить его круглыми

сутками в камере, а разрешить ему ходить по всей крепости.

Кастель Нуово! Он вернулся в эту тюрьму с радостью, словно в родной дом, настолько легче здесь были условия заключения, чем в Сант-Эльмо. Да и как много в прошлом он пережил в этой крепости! Здесь, истерзанный «вельей» и чуть живой, он написал «Город Солнца». В этой камере сидел благородный Маврицио. Отсюда бежали Дионисий и Битонто. Вот через это окно Дианора спускала ему корзиночку с грушами и забирала рукописи, чтобы их понадежней спрятать. А по этому коридору, выкрав у спящего мужа ключи, осторожно пробиралась босая Лаура…

Он не был в Кастель Нуово целых двенадцать лет. Многое здесь изменилось, а многое осталось как было. Особенно тяжело видеть тех же самых горемык-узников, осужденных на пожизненное заключение, или захваченных в плен турок, которых почти два десятилетия морят в тюрьме добиваясь богатого выкупа.

А как выросли дети! Дон Альваро де Мендоза, наследовавший должность кастеляна после смерти Отца, был совсем еще карапузом, когда Кампанеллу привезли из Калабрии в Кастель Нуово.

Томмазо нашел в крепости много знакомых. Братья Маньяти жили на прежнем месте, а их мать, Ипполита Каванилья, столь страстно любившая стихи Кампанеллы, к сожалению умерла в прошлом году.

Кампанелла мог ходить по двору, общаться с людьми, писать. Это казалось ему почти свободой. Хотя он и продолжал требовать у вице-короля полного освобождения, в глубине души он знал, что этим вольностям скоро придет конец. Его не покидала мысль о побеге. С досадой смотрел он на свои искалеченные ноги и на палку, служившую ему костылем.

Его удивляла пассивность нунция. Почему он не бьет тревоги из-за самоуправства вице-короля? Ведь как-никак Кампанелла считается узником инквизиции. Томмазо был уверен, что такая бездеятельность продлится недолго, и старался использовать время: восстанавливал старые связи, вел обширную переписку, разузнавал о судьбе рукописей, спрятанных у различных лиц.

Он прилагал много усилий, чтобы «Апология Галилея» возымела свое действие. Обращался с письмами в Рим, хотел добиться поддержки влиятельных людей. Он мечтал, что вместе с Галилеем сумеет защитить открытия, составляющие славу Италии, от всех невежд и завистников.

Кампанелла всегда горячо приветствовал каждое достижение науки и не оставался равнодушным к судьбе изобретателей и умельцев. Когда он узнал, что доминиканец Пьетро ди Ночера

изобрел особую конструкцию корабля, который мало боялся бурь и ядер неприятельских пушек, он тут же попросил Галилея, чтобы тот заинтересовал этим проектом великого герцога Тосканы.

Томмазо упорно добивался аудиенции у вице-короля. Ведь он ничем не рискует, если еще раз будет настаивать на освобождении. Лишь бы ему вырваться за ворота тюрьмы — тогда только его и видели!

Известие, что из Рима прибыл в Неаполь кардинал Цапата, встревожило Кампанеллу. Никто не знал, с какими поручениями папской курии явился кардинал. Поговаривали, что Святая служба облекла его особыми полномочиями.

Кампанелла заколебался: подходящий ли момент возобновлять хлопоты о встрече с вице-королем? Не поздно ли? Но он решил, что бездеятельность никакой пользы не принесет. Даже если Цапата привез с собой из Рима какие-то новые распоряжения, касающиеся Кампанеллы, то и тогда наступление — лучший вид обороны. Томмазо настойчиво требовал аудиенции. Он ссылался на плохое состояние здоровья и обещал открыть герцогу много важного.

Вице-король согласился его выслушать. Во дворце Кампанеллу ждал неприятный сюрприз. От былого благожелательного любопытства вице-короля не осталось и следа. Рядом с ним сидел кардинал Цапата. Все красноречие Кампанеллы оказалось бесполезным. Теперь герцог Оссуна был в деталях осведомлен о деле. Мерзкий мятежник и еретик хочет хитростью и обманом добиться свободы. Вице-король не стеснялся в выражениях. Он очень сожалеет, что Кампанелла клирик, и поэтому он не может отправить его немедленно на эшафот. Он заслуживает самой жестокой казни. Мало того, что он в прошлом проповедовал ересь и призывал народ к восстанию, он и теперь, сидя в тюрьме, продолжает свои богопротивные козни. Кардинал Цапата не отставал от вице-короля. Казалось, они соревнуются друг с другом, засыпая его угрозами. Герцог кричал, что если бы он имел право, то сразу же приказал сжечь его живьем. Но пусть Кампанелла не радуется. Он найдет средства, чтобы и на этом свете создать ему такие условия, по сравнению с которыми и ад будет не особенно страшен.

Кампанеллу прямо из дворца отправили в Кастель Сант-Эльмо. Приказ был прост: бросить его в подземелье, откуда он выбрался восемь лет назад и которое с тех пор называлось «Ямой Кампанеллы».

Те же двадцать три ступеньки, та же кромешная темнота, вонь, грязь, вода, хлюпающая под ногами мокрый соломенный тюфяк. Те же цепи…

Еще утром он грелся на солнце во дворе Кастель Нуово, а теперь снова «Кавказ»! Ему было ясно, что удар, который обрушился на его голову, и на этот раз исходил от Рима. Недаром: кардинал Цапата с раздражением и злостью упоминал об «Апологии Галилея».

Томмазо не жалел, что написал ее. Он не мог поступить иначе. Как ни велика была цена, заплаченная за «Апологию Галилея», он бы и здесь, в похожем на могилу подземелье, почувствовал себя счастливым» если; бы узнал, что хоть в какой-то степени помог Галилею отбиться от врагов.

Глава двадцатая. «ГОРОД СОЛНЦА» ВЫХОДИТ В СВЕТ

Яма наполненная водой, отняла у Кампанеллы последние остатки здоровья. Он был чуть ли не при смерти, когда через полтора года из римской инквизиции пришло разрешение перевести его обратно в Кастель Нуово. Было предписано и здесь держать его взаперти и строго следить, чтобы он не совращал никого в ересь.

Желая усыпить бдительность Рима, он, едва оправившись, принялся за сочинения по богословию. Он завершил работу об обращении в христианство различных народов, которую назвал, использовав слова псалма: «Вспомнят и возвратятся к Господу все концы земли». Томмазо переводил на латинский язык «Монархию Мессии». Он готов был воспользоваться любой возможностью, чтобы вырваться на свободу.

Верный Серафино сообщил, что друзья собрали значительную сумму, чтобы подкупить тюремных служителей и устроить побег. Как ни соблазнительна была эта мысль, но Кампанелла, не набравшийся еще сил после пребывания в подземелье, считал, что сейчас ее не осуществить. Может, снова обратиться к вице-королю? Шансов на успех было мало. Хотя со времени калабрийского заговора прошло почти двадцать лет и большинства людей, которые вели следствие или выступали свидетелями, уже давным-давно не было в живых, тем не менее стоило только открыть следственные материалы, как любому сразу же становилось ясно, какими опасными идеями руководствовались заговорщики, вдохновляемые Кампанеллой. Все красноречивые уверения в невиновности разбивались о факты, изложенные в протоколах. Самые хитроумные оправдания всегда будут обречены на провал, пока в архивах вице-короля находится в целости и сохранности следственное дело. Вот если бы деньги, предназначенные для надзирателя, удалось бы истратить на подкуп какого-нибудь чиновника, который согласился бы выкрасть из архива протоколы или тайно их уничтожить!

Прибывший в Неаполь из Германии энергичный саксонец Иоганн Блюм сумел получить свидание с Кампанеллой. Он привез добрые вести. Как оказалось, Товий Адами совсем не был повинен в том, что переписка между ними прервалась. Ему пришлось много ездить по различным странам, и он несколько лет не мог ничего узнать о судьбе Кампанеллы. Нашлись люди, которые

уверяли, что калабрийский философ умер в тюрьме. Вернувшись из Англии, Адами дважды безрезультатно писал Галилею и просил, чтобы тот сообщил ему все, что о нем знает.

Адами в Саксонии основал целую школу последователей Кампанеллы. Он с успехом читает лекции, где излагает его учение. Число людей, которым становятся известны его идеи, растет с каждым днем.

Блюм привез еще одну очень важную новость: Адами издал работу Кампанеллы «Предвестник восстановления философии». Первая ласточка! Товий, по словам Блюма, намерен в самое ближайшее время напечатать «Город Солнца» и трактат «О смысле вещей». Он только опасается, не очень ли повредит Кампанелле тем, что будет без разрешения инквизиции издавать его работы в Германии. Повредит?! Да он, Кампанелла, и живет ради того, чтобы увидеть «Город Солнца» вышедшим в свет и узнать, что идеи, за которые он борется, не умерли, а получили среди людей широкое распространение! Он благословляет любой печатный станок — будь то у англичан или турок! — который напечатает «Город Солнца». Да, он знает, что грозит католику, отдающему свои книги для опубликования еретикам — протестантам, а тем более грозит узнику, которому вообще запрещено что-либо писать! Но он тысячи раз говорит «да» и всем своим существом ждет счастливейшего дня, когда будет напечатан «Город Солнца».

Кампанелла вручил Блюму для передачи Товию несколько рукописей и просил предупредить его, что он хочет сделать ряд добавлений к тому «Реальной философии», куда входит и такая важная работа, как «О наилучшем государстве», служащая прямым дополнением «Города Солнца».

Он рад был услышать от Блюма, что Галилей никаких особенно жестоких преследований не претерпел и по-прежнему живет во Флоренции, состоя в качестве «первого математика» на службе у великого герцога.

Одна из рукописей, предназначающихся для пересылки в Германию, заставила Томмазо задуматься. Тяжело было вспоминать, что даже на письма Адами, обеспокоенного судьбой Кампанеллы, Галилей не захотел ответить. Нет! Напечатайте и ее. Он отдал Блюму «Апологию Галилея». Обязательно напечатайте!

Кампанелла постоянно нуждался в самом необходимом. Он не имел ни теплой одежды, ни приличной пищи. С годами, когда не стало здоровья, было все трудней и трудней переносить недоедание и зимнюю стужу. По существовавшей практике правительство вице-короля должно было регулярно выдавать начальнику тюрьмы деньги на содержание заключенных. Но

выплата денег обычно задерживалась, и тогда кастелян, вынужденный кормить арестантов в кредит, не давал им почти никакой еды. Часто денег не платили по нескольку месяцев подряд. За долгие годы заключения Кампанелле не раз приходилось напоминать вице-королю, чтобы тот распорядился выплатить те жалкие гроши, которые причитаются ему на пропитание, потому что он совсем умирает с голоду.

В один прекрасный день Серафино сообщил Кампанелле, что чиновник, служивший в архиве, за щедрое вознаграждение уничтожил протоколы.

Огромная удача! Надо было ждать, пока герцог Оссуна, в прошлом лично знакомившийся с делом, будет за свой самовластный характер отстранен от должности. К счастью, ждать пришлось недолго.

4 мая 1620 года гром пушек с крепостных укреплений Неаполя возвестил жителям города о начале правления кардинала Борджиа, нового вице-короля. Кампанелла мог энергично требовать, чтобы его дело было пересмотрено. Пусть, наконец, испанцы вынесут ему приговор!

Ведь это же страшная жестокость держать безвинного человека в тюрьме целых двадцать один год! Да, верно, его обвиняли в подготовке восстания, но все эти обвинения основаны на лживых показаниях его личных врагов. Кампанелла по-своему изложил события, имевшие место в Калабрии. Конечно, там не было никакого заговора, никаких антиправительственных выступлений, никакой ереси! То, что он написал, он назвал «Рассказ об истории, на которой основана выдумка о восстании».

Он настойчиво требовал пересмотра дела. Каждый может убедиться, что он говорит чистейшую правду, стоит только взглянуть, из чего состоят протоколы, — ложь, выдумки, клевета, противоречие на противоречии! Он осаждал кардинала Борджиа своими прошениями. Ему показалось мало одного «Рассказа», и он написал еще «Сообщение о протоколах, составленных в 1599 году в Калабрии». Он уверял, что отстаивает справедливость и бесхитростно рассказывает всю правду.

Уверения были очень страстными, а изложение дела — последовательным и логичным. Действительно, не закончив процесса, столько лет мучить человека в тюрьме! Кардинал Борджиа решил разобраться. Он велел принести ему дело. Чиновники перерыли весь архив, но ничего не нашли. Протоколы бесследно исчезли.

Когда об этом официально уведомили Кампанеллу, тот изобразил величайшее негодование. Он так и знал, что мошенники-прокуроры, чтобы скрыть свои преступления, сожгут

все документы.

Кардинал Борджиа не знал, что делать. Как закончить процесс, когда все следственные материалы потеряны, а события, о которых идет речь, происходили больше двадцати лет тому назад и о них никто ничего не помнит? Кампанелла продолжал настаивать на освобождении. Борджиа так и не успел принять никакого решения. Его правление было недолгим. Уже в декабре его сменил кардинал Цапата.

Новый вице-король был хорошо осведомлен о делах, за которые сидел Кампанелла. Ясно, что он ничего не сделает для его освобождения. Может быть попытать счастья в Риме, тем более, что Павел V умер и на престол взошел Григорий XV? Насколько легче было бы добиться свободы, если бы он сумел убедить папу в своих архикатолических взглядах.

Разве сочинения по теологии не доказывают его преданности папизму? Для Кампанеллы было очень важно получить разрешение на печатание этих произведений. Оно сразу же сделало бы его имя менее одиозным для итальянских издателей. А там, смотришь, среди каких-нибудь богословских работ удалось бы напечатать и «Город Солнца» под видом идеи «преобразования христианской республики в соответствии с обетованием бога, данным святым Екатерине и Бригитте!».

Самое главное для него заключалось в том, чтобы показать людям идеальную форму государственного устройства.

Он был убежден, что люди смогут отделить существенное от несущественного и отбросят прочь ту словесную оболочку, к которой он вынужден был прибегать в целях маскировки.

Он не оставлял папу в покое, писал прошение за прошением. Оклеветанный врагами, он двадцать два года сидит в заключении, тогда как протоколы, из которых была видна его невиновность, злонамеренно сожжены прокурорами! Теперь к его аргументам прибавился еще один: он уверял, что кардинал Борджиа хотел его освободить. Он попытался сыграть на тщеславии папы и посвятил ему свое сочинение «Вспомнят и возвратятся к Господу все концы земли». Не полагаясь на действенность писем, он послал в Рим своего ученика Пьетро Фаиллу со своими рукописями. Тот должен был добиваться его освобождения и требовать разрешения на издание богословских сочинений.

Затея эта кончилась неудачей. «Конгрегация индекса», занимавшаяся вопросами печати, устами кардинала Роберто Беллармино, одного из тех изуверов, кто поставил свою подпись под смертным приговором Джордано Бруно, высказалась о представленных рукописях отрицательно и печатать их не позволила. Узнав об этом, Кампанелла имел дерзость не

согласиться с самим кардиналом Беллармино и направил ему возражения, озаглавленные «Против цензуры моих книг». Но и это ничего не изменило к лучшему.

В центре Европы свирепствовала страшная война, которая позже получила название Тридцатилетней. Многие районы Германии и Чехии подверглись невиданному опустошению. Переписка Кампанеллы с Адами снова прервалась. Но все-таки до Кампанеллы, хотя и с большим опозданием, дошли известия, что Товий, верный своему слову, в 1620 году напечатал во Франкфурте трактат «О смысле вещей», а два года спустя издал сборник философских стихов Кампанеллы и «Апологию Галилея».

Слава о Кампанелле, о его выдающихся талантах и трагической судьбе, разносилась все дальше и дальше. Его рукописи переписывали в Германии, Италии и Франции. Иностранцы, приезжавшие в Неаполь, старались добиться с ним свидания. Одни были движимы просто любопытством, другие искренне надеялись ему помочь, третьи хотели извлечь какую-нибудь пользу из знакомства с ним. Особенно радостно Кампанелла встречал людей, которые высказывали желание, не обращая внимания на запреты, публиковать его сочинения. Лионский издатель Антуан Суброн, посетивший Кампанеллу в 1622 году, получил от него несколько рукописей. Но Суброн оказался ненамного лучше Шоппе. Его обещания остались на словах. Боясь неприятностей, он так до самой своей смерти и не выпустил в свет ни одной из работ Кампанеллы.

В январе 1623 года в Риме появились первые печатные экземпляры «Апологии Галилея». Инквизиция тут же наложила на них лапу. «Апология Галилея» была запрещена. Кроме того, все рукописи Кампанеллы, привезенные из Неаполя Фаиллой, были отобраны, конфискованы и также запрещены.

Кампанелла неоднократно обращался с письмами к Григорию XV, подкрепляя красноречивые уверения ссылками на свои богословские сочинения, писал в Мадрид и, настойчиво напоминая о «Испанской монархии» и «Речах к итальянским князьям», доказывал свою извечную любовь к испанской короне. А в это же самое время, оставаясь наедине с учениками, которым он доверял, Кампанелла говорил совсем о другом. Целой группе молодых людей удалось получить разрешение приходить к Кампанелле в тюрьму, чтобы слушать его лекции по физике, математике, астрономии и медицине. Большинство из них были калабрийцами — Контестабиле, Пиромалло, Пиньятелли. От своих отцов они слышали о восстании, которое четверть века тому назад готовил в Калабрии Кампанелла.

Перед своими юными земляками Томмазо не притворялся

человеком, одобряющим папскую власть и притязания испанской монархии на мировое господство. Он говорил им правду. Он пробуждал в их сердцах ненависть к иноземцам и желание бороться за свободу. Он рассказывал им об идеях жизни общиной, о прекрасном Городе Солнца. Он учил их, что идеи, какими бы возвышенными они ни были, не могут восторжествовать без борьбы. Перед тем как строить новое, надо покончить со старым — уничтожить строй, узаконивший несправедливость. Кто, как не они, продолжит борьбу и приблизит окончательную победу! Всю свою жизнь он мечтает о том, чтобы Неаполитанское королевство освободилось от ига испанцев. Речи Кампанеллы находили горячий отклик. Среди его учеников самым нетерпеливым и страстным был восемнадцатилетний Томмазо Пиньятелли.

Маттео Барберини, вступивший в августе 1623 года под именем Урбана VIII на папский престол, был иной политической ориентации, чем его предшественник. Он мечтал посадить на трон Неаполитанского королевства своего племянника. Испанский король, владевший значительной частью Италии, был помехой его далеко идущим планам, и Урбан VIII относился к нему враждебно. Желая найти сильного союзника в своих интригах против Испании, папа стремился к тесному сближению с Францией.

Кампанелла внимательно следил за ходом событий. Казалось бы, как может эта высокая политика отразиться на судьбе узника, которого одинаково преследовали и испанские вице-короли и папские нунции? Но он был другого мнения. Он всегда умел ловко использовать малейшие противоречия, возникавшие между вице-королем и Римом. Именно благодаря этому он и избежал смертной казни. Неужели теперь, когда назревал серьезный конфликт между папой и испанским двором, он не сможет извлечь из него выгоды?

Положение, в котором он очутился, было весьма затруднительным. Если он будет продолжать настаивать на своих происпанских взглядах, то навлечет: на себя ненависть Урбана, а если станет активно восхвалять политику папы, то испанцы обрушат на его голову очередные репрессии. Даже если ему каким-нибудь путем и удалось добиться благорасположения Урбана, то это, однако, не означало бы, что он выйдет на свободу. Он был в руках у испанцев, и те не подумают его выпустить, несмотря ни на какие распоряжения папы, а, скорее, напротив, запрут его в еще более надежную темницу. Кроме того, копии процесса о ереси по-прежнему находились в архивах римской инквизиции, и стоило лишь новому папе пожелать навести справки, как все уверения Кампанеллы в ортодоксии разлетелись

бы в прах, а богословские сочинения, на которые он возлагает столько надежд, оказались бы неискренними и фальшивыми. Другое дело — незавершенный процесс о заговоре, все протоколы которого бесследно исчезли. Вице-короля он может уверять в своей невиновности и, ссылаясь на «Испанскую монархию», распинаться в своей любви к Испании. Попробуй, проверь, когда нет ни приговора, ни следственных материалов, когда со времени несостоявшегося восстания прошло четверть века и когда не только в Неаполе, но и в Мадриде давно уже ходят по рукам распространяемые друзьями Кампанеллы списки «Испанской монархии», написанной, судя по дате, еще до роковых калабрийских событий.

При таких условиях не исключалось, что испанцы согласятся его освободить. Ведь как-никак он уже столько отсидел! Но это было еще далеко не все. По делу о ереси Кампанелла был приговорен к пожизненному тюремному заточению и содержался в тюрьмах Неаполя как узник инквизиции. Если бы испанцы и выпустили его на свободу, то нунций сразу же отдал бы приказ о его новом аресте. О, только бы вырваться за ворота тюрьмы, а там ищи ветра в поле!

Он решил действовать в двух направлениях, но так, чтобы при мадридском дворе не знали тех идей, которые он проповедует в письмах папе, а в Риме бы не догадывались об аргументах, предназначенных для Мадрида. Он снова стал посылать прошения вице-королю — кардинала Цапату сменил герцог Альба — и в Рим. При всей сложности ситуации Кампанелла не терял надежды, что в конце концов добьется успеха. Протоколы-то его все-таки исчезли!

На территории Германии шла жестокая война, и от Товия Адами опять не было никаких известий. Томмазо уже думал, что его верный друг погиб, когда неожиданно узнал новость, которая наполнила все его существо чувством беспредельного счастья.

В 1623 году Адами опубликовал во Франкфурте том сочинений Кампанеллы, включавший и «Город Солнца». Больше двадцати лет ждал он в тюрьме этого счастливого дня и с нечеловеческой стойкостью переносил все страдания, какие только могли придумать для него враги, желавшие создать ему жизнь, которая была бы хуже смерти. И наперекор всему он дожил до этого прекрасного дня, когда, размноженный благословенным печатным станком, «Город Солнца» вышел в свет.

Новые конфликты, связанные с давним спором о подсудности светскому суду духовных лиц, совершивших уголовные преступления, сделали отношения между правительством вице-короля и Римом еще более натянутыми. Кампанелла старался

воспользоваться этим и продолжал через друзей хлопотать в Мадриде о пересмотре дела.

Многочисленные друзья помогали ему. Особенно активными были земляки. Летом 1625 года они послали от имени доминиканцев Калабрии петицию испанскому королю, в которой просили освободить несчастного узника. Сам Томмазо писал в Мадрид одно письмо за другим. Король недоумевал. Что за неразбериха в Неаполе? Там более четверти века без всякого приговора мучают в тюрьме монаха, который утверждает, что враги преследуют его именно за безграничную преданность испанской короне.

Благодаря друзьям Кампанеллы кое-кто из членов Совета по делам Италии получил возможность познакомиться с «Испанской монархией» и «Речами к итальянским князьям». Совет был склонен отнестись к прошениям Кампанеллы положительно. Король написал в Неаполь и повелел, чтобы его дело было пересмотрено.

Вице-король не торопился выполнять приказание. «Пересмотрено»! Легко сказать! А как его пересмотреть, когда не сохранилось ни одного протокола?

Кампанелла стал еще настойчивее осаждать вице-короля письмами. Пусть, наконец, назначат судью, который закончит его дело, как повелел монарх! Его давно пора выпустить, как бы на это ни реагировал нунций и все те, кому он ненавистен своими происпанскими взглядами.

Момент был выбран удачно. Герцог Альба окончательно рассорился с Трамалли, замещавшим нунция, и готов был сделать все, что угодно, лишь бы досадить надменным попам, чьи притязания не знали никаких границ. Кампанелла заставил вице-короля поверить в его любовь к Испании. Большую роль в этом сыграла «Испанская монархия». Если в первый раз, еще во время процесса, надеждам, которые возлагал Кампанелла на это сочинение, написанное задним числом специально для того, чтобы ввести в заблуждение членов трибунала, и не суждено было исполниться, то зато теперь они оправдались полностью.

Пересмотреть дело из-за исчезновения следственных материалов было невозможно, и герцог Альба приняв во внимание длительное заключение Кампанеллы, решил его освободить. Наиболее осторожные из советников вице-короля указывали ему, что он не должен этого делать без ведения Рима, поскольку Кампанелла считался узником инквизиции. Но вице-король не хотел ничего слушать. Он не намерен советоваться с Трамалли, который и так слишком часто сует свой нос в чужие дела! И герцог Альба приказал освободить Кампанеллу.

В три часа пополудни 23 мая 1626 года Кампанелле был зачитан приказ вице-короля об освобождении. Дежурный офицер велел солдатам открыть засовы.

На тюремном дворе стояла группа людей. Многие из старожилов крепости знали Кампанеллу очень давно. Сколько раз они поражались его безграничной энергии, а ведь он без посторонней помощи с трудом идет! Два ученика, поддерживая с обеих сторон, вывели Томмазо за ворота Кастель Нуово.

Свобода! Двадцать семь мучительных, бесконечно долгих лет мечтал он об этом дне.

Он знал, какая опасность грозила ему со стороны инквизиции, и поэтому думал, выйдя из тюрьмы, тут же тайком покинуть Неаполь. Но условия, на которых его освободили, полностью разрушили все эти планы. Ему было предписано поселиться в монастыре Сан-Доминико Маджоре и по первому требованию вице-короля являться в Кастель Нуово. Оказалось, что его освободили под залог огромной суммы — в две тысячи дукатов, которую, к счастью, смогли собрать друзья. Он, разумеется, пренебрег бы распоряжениями вице-короля и махнул рукой на любые деньги, но его освобождение, было заранее обусловлено еще одним: герцог Альба потребовал, чтобы за Кампанеллу поручились близкие ему люди. Это сделали Доминико Кампанелла, сын Джампьетро, племянник Томмазо, способный молодой врач, и адвокат Антонио Карневале, родственники которого три десятилетия тому назад принимали участие в калабрийском заговоре. Это связало Кампанеллу по рукам и ногам. Бежав из Неаполя, он бы поставил под удар благородных людей, которые за него поручились. И Кампанелла был вынужден остаться в монастыре Сан-Доминико Маджоре.

Здесь его в первый раз схватили служители инквизиции. Он вернулся опять туда, где в далекой юности начались его беды.

Он сразу заметил, что монахи следили за каждым его шагом. Его не запирали в келью, и он мог свободно расхаживать по двору, но надзор за ним не прекращался ни на минуту. Это отравляло ему радость от общения с учениками и от бесед с Серафино, которому он был стольким обязан.

Но даже эта относительная свобода была очень недолгой. В тот же день, как он вышел из тюрьмы, Трамалли немедленно послал донесение в Рим. Папа и кардиналы, члены конгрегации Святой службы, молниеносно реагировали на это сообщение. Такой опасный еретик — и вдруг на свободе! Урбан VIII, напоминая, что «Кампанелла в высшей степени хитер и что у него много людей, которые служат ему пособниками», приказал установить за ним непрерывное наблюдение, с тем чтобы при

первом же удобном случае арестовать его и доставить в Рим.

Апостолическому нунцию не просто было выполнить это приказание. Он не рискнул действовать в открытую, боясь, что его слугам друзья Кампанеллы окажут сопротивление. Больше недели выжидал нунций подходящего момента. Наконец 22 июня Кампанелла был схвачен и тайком приведен в тюрьму нунция. Здесь никакие приказы вице-короля не имели силы. Тюрьма принадлежала церкви, и только папа и его уполномоченные могли распоряжаться ее узниками.

Снова мрачный подвал красивого особняка на Пьяцца делла Карита! Те же «секретные» камеры лишенные окон, те же сырые стены. Так же глухо раздаются шаги надзирателя, и так же звучит имя узника, вызываемого на допрос: «Кампанелла…» А ведь прошла почти целая жизнь, прожитая в тюрьме жизнь!

Это была первая темница, в которую он угодил. Отсюда началась его тюремная одиссея, бесконечные мытарства по камерам-одиночкам, карцерам и застенкам многочисленных тюрем различных городов и городков Италии. Тридцать пять лет тому назад, когда его привели в этот подвал, он был полон сил, здоровья, молодости, а сейчас он больной старик. Жесточайшая борьба за жизнь сделала его опытным и хитрым, но не сломила его. В его темных глазах по-прежнему часто загораются задорные огоньки, как и у того юноши, который на вопрос: «Откуда ты знаешь то, чему тебя никогда не учили?» — дерзко и гордо бросил в лицо инквизиторам: «Я больше сжег в светильниках масла, чем вы за свою жизнь выпили вина!»

Кампанелла не сомневался, что его отправят в Рим, хотя нунций говорил обо всем, что угодно, но, конечно, не о намерениях инквизиции. А в это время в порту Неаполя уже стояло наготове специальное судно, обычно перевозившее узников Святой службы. Нунций нервничал. Море было неспокойным. Пускаться в плавание было рискованно. Разумеется, не забота о жизни Кампанеллы тревожила нунция. Он боялся, что разыгравшаяся буря пригонит корабль обратно в порт, и тогда испанские власти обнаружат, что он пытался потихоньку от вице-короля отправить Кампанеллу в Рим. Или, не дай бог, приверженцы Кампанеллы разнюхают о происшедшем и силой его освободят. А если он упустит еретика, Святая служба ему этого не простит!

Погода не устанавливалась целую неделю. Только ночью 5 июля Кампанеллу, переодев и заковав цепи, доставили в порт. Его сопровождала надежная охрана. Вся операция проводилась в обстановке величайшей секретности. Ни хозяин судна, ни начальник стражи не знали, кого они везут. В документах,

которые были у них на руках, важный преступник значился как «дон Джованни Пиццуто».

Плавание продолжалось двое суток. В Риме узник был сдан под расписку представителям инквизиции. Снова перед глазами Кампанеллы встала мрачная громада Замка св. Ангела. Сколько достойнейших людей мучили в этом проклятом месте!

Здесь терзали Джордано Бруно, отсюда его отправили на костер. Да и сам Кампанелла провел здесь несладкие годы.

Кампанеллу снова заперли в одиночку хорошо ему знакомой тюрьмы римской инквизиции. Выйдет ли он вообще когда-нибудь на свободу или его вытащат из тюрьмы только завернутым в саван? Мог ли он надеяться на что-либо, кроме смерти? Теперь им целиком и полностью распоряжалась Святая служба. А приговор, который она давно ему вынесла, был предельно ясен и не оставлял места сомнениям: «Пожизненное тюремное заключение без права на амнистию или сокращение срока».

Глава двадцать первая. «КАК ИЗБЕЖАТЬ СУДЬБЫ, ПРЕДСКАЗАННОЙ ЗВЕЗДАМИ»

Испанский вице-король освободил Кампанеллу не только без согласия, но и вопреки воле апостолического нунция. То, что в Неаполе было благом, в Риме стало злом. Урбан VIII ненавидел Испанию, и поэтому узнику, сумевшему добиться снисхождения у его врагов, нечего было рассчитывать на милость папы. А без этого освобождение было невозможным. Ему удалось выйти на свободу, уверив вице-короля в своих происпанских настроениях. Но будут ли и во второй раз его уловки иметь успех, если он начнет доказывать папе прямо противоположное? Он тщательно взвешивал все, что знал об Урбане, и выискивал слабости, на которых можно сыграть.

Урбан был человеком одаренным и безгранично самонадеянным. Он считал, что ему судьбой предназначено совершить великие дела и вернуть папству былое могущество. Деспотичный, вспыльчивый, хитрый, он способен был на самые низкие интриги, подозрительно и враждебно относился к каждому, кто хоть в чем-то превосходил его. Он был жаден до денег и неутомимо придумывал новые средства, чтобы увеличить доходы. Он обложил население пятьюдесятью двумя различными налогами, и народ прозвал его «Папа-подать». Он носился с множеством политических планов и изображал из себя папу-воителя. Он каждый день совершенствовался в кавалерийском искусстве, носил латы, в садах Палатиана упражнялся во владении оружием и страстно любил заниматься с военными инженерами вопросами фортификации.

Его окружала толпа ненасытных родственников, и Урбан всячески помогал им расхватывать выгодные должности, наследства, имения, земельные угодья, виноградники, виллы. Три племянника Урбана пользовались большим влиянием. Франческо и Антонио были прелатами, а Таддео папа мечтал увенчать короной Неаполитанского королевства.

Кардинал Франческо занимал должность статс-секретаря и, хотя не разделял антииспанских устремлений своего дядюшки, умел это тщательно скрывать. Антонио, возомнивший себя превосходным оратором, несмотря на сан, проводил все свое время в кутежах. В народе любимцам папы дали меткие прозвища: Франческо называли «святым без чудес», Антонио —

«оратором без красноречия», а Таддео — «генералом, не умеющим держать в руках шпагу».

Кампанелла знал, что легче всего сыграть именно на ненависти Урбана VIII к Испании, но сейчас это стало несвоевременным и опасным.

В Риме слишком хорошо помнили, что Кампанеллу освободил испанский вице-король. Какой еще выбрать путь, чтобы заручиться расположением папы и перехитрив его, вырваться на свободу?

Урбан был глубоко убежден, что его личная судьба весьма важна для процветания всего католического мира. Он намерен был жить долго и очень пекся о своем здоровье. Он любил повторять поговорку: «Один живой папа стоят больше, чем десяток мертвых». Он был крайне мнителен. Любое легкое недомогание вызывало у него тревогу, и он поднимал на ноги врачей. Но, разумеется, арестанту-еретику нечего было надеяться, что папа, окруженный прославленными медиками Италии, захочет вдруг воспользоваться его врачебными советами.

По слухам, рядом с чертежами фортификационных сооружений на рабочем столе Урбана VIII всегда лежали стихи. Маттео Барберини с юношеских лет питал страсть к сочинительству. Он составил целый сборник ив собственных стихотворений. Тщеславный и самовлюбленный, он считал себя выдающимся поэтом и приказал даже, чтобы сочиненные им гимны были положены на музыку. Стихи были его слабостью. А что, если попробовать ею воспользоваться?

Комментарий к стихам Урбана VIII потребовал от Кампанеллы много труда. Он был не первым, кто хотел завоевать благосклонность папы, восхваляя его поэтический дар. Томмазо особенно тщательно редактировал свой комментарий. Рукопись составляла уже несколько сот страниц, а до конца работы было еще далеко. При всей своей ненависти к еретикам папа не устоит перед учеными комплиментами, поданными в такой огромной дозе! Он называл Урбана «божественным поэтом», «новым Орфеем» и ратовал за то, чтобы его стихи изучались в школах. Кое-что из написанного папой действительно нравилось Кампанелле. Будучи еще кардиналом, Маттео Барберини поддерживал знакомство с Галилеем и относился одобрительно к его работе. В одной из своих од Барберини выразил восхищение его открытиями. Он с удовлетворением воспринял выход из печати «Пробирщика». Его избрание на папский престол заставило многих надеяться, что теперь для сторонников учения Коперника настанут лучшие времена.

Кампанелла думал, что Урбан в вопросе о запрещении

коперниковой теории стоит на иных позициях, чем Павел V, при котором был издан позорный декрет 1616 года. Разве может Урбан, покровитель наук и искусств, позволить исступленным невеждам, носящим поповские рясы, окончательно изгнать из Италии всех муз? Составляя комментарий к первой оде «божественного поэта», где говорилось об открытиях Галилея, Кампанелла так увлекся, что чуть было не погубил всей затеи. Разбор оды был очень хорошим поводом для того, чтобы еще раз выступить в защиту Галилея и идей Коперника. Его не остановил грозный декрет. Он снова стал доказывать, щедро цитируя богословские тексты, что коперниково учение не противоречит писаниям святых отцов. Он имел дерзость не соглашаться с категорическим постановлением инквизиции. Но он слишком увлекся.

Условия заключения в тюрьме римской инквизиции были значительно строже и тяжелей, чем в Кастель Нуово. Кампанелле, правда, разрешили писать, но каждую написанную им строчку внимательно проверяли. А много ли толку от бумаги, когда нет надежного человека, который переправлял бы записки на волю? Служители инквизиции были подобраны очень тщательно и держались неприступно. Но за плечами Кампанеллы было больше тридцати лет, проведенных в различных тюрьмах. Самый свирепый страж, до бесконечности измывающийся над своими арестантами, утихомирит свое рвение, когда повстречает человека, который властен предсказать ему судьбу.

Кампанелла возобновил занятия астрологией. Первыми его клиентами были надзиратели, потом зачастили различные тюремные чиновники, таившиеся друг от друга, и, наконец, к нему под благовидным предлогом пришел сам комиссарий инквизиции Ипполито Акванегра.

Время стояло неспокойное. Рим был полон самых невероятных слухов, каждый день приносил кучу неожиданностей. Комиссарий знал много больше, чем простые смертные, но будущее было для него закрыто. Может быть, звезды помогут ему разгадать грядущее и уберегут его от неправильных шагов, гибельных для карьеры? Кампанелла давно уже слыл большим знатоком астрологии, и Акванегра пожелал воспользоваться его услугами.

Томмазо не упустил редкого случая. Он так искусно опутал комиссария своими речами, что тот не только стал часто приходить к нему, «он пускался с ним в откровенность. Кампанелла выудил у него немало важных сведений о событиях, волновавших папский двор. А ситуация была очень напряженной. Опасаясь, что союз испанского короля и германского императора

настолько усилят Габсбургов, что они захватят всю Италию и сведут на нет политическую власть папства, Урбан VIII вступил в тайное соглашение с Ришелье. Испанцы, не идя на прямой разрыв с папой, повели против него яростную борьбу. Они готовы были употребить любые средства лишь бы свалить Урбана. Это не легко было сделать. Подозрительный и осторожный, он всегда вовремя принимал необходимые меры, чтобы обезопасить себя от возможных покушений.

Испанцы тратили огромные деньги на подкуп кардиналов. Они хотели создать среди высших церковных деятелей сильную оппозицию папе. Однако все это желанных результатов не давало. Многочисленные шпионы разоблачали злоумышленников. Урбан разрушал козни врагов и, лицемерно уверяя испанского монарха в своей любви, по-прежнему за его спиной помотал Франции.

Казалось, на папу не найдется никакой управы. Но тут кто-то из людей, хорошо знавших Урбана, предложил новую тактику. Если не удается ни убить его выстрелом из аркебуза, ни подмешать в пищу яда, ни рассыпать незаметно по спальне «столченного в пыль стекла, то следует прибегнуть к средству, против которого будет бессильна и бдительность шпионов и ловкость вышколенных телохранителей. Пусть надежные стражи неусыпно стерегут его. Слухи, упорные, тревожные слухи, минуя караулы, проникнут сквозь закрытые двери, посеют беспокойство и отравят Урбану душу. Враги были прекрасно осведомлены, что папа далеко не безразлично относился к предсказаниям астрологов.

Золото Габсбургов сделало свое дело. Широко задуманный план энергично и настойчиво проводился в жизнь. В Риме вдруг появилась уйма прорицателей. Один за другим составлялись гороскопы, предвещавшие Урбану зловещий конец. Некроманты, хироманты, астрологи и маги на все лады твердили одно и то же: папа скоро умрет! Многие даже точно высчитывали, сколько месяцев ему еще осталось жить. К астрологам присоединились кликуши, юродивые, блаженные. О смерти папы говорили не только в каморках астрологов, но и на папертях церквей. Неизвестные типографии печатали брошюры с предсказаниями. Ночью по улицам Рима разбрасывались листовки, в которых писалось, что расположение небесных светил сулит несчастья дому Барберини.

Папа потерял покой. Он приказал преследовать людей, распространяющих слухи о его близкой смерти. Начались аресты. Но страх перед будущим не покидал Урбана. Разве, засадив в тюрьму нескольких астрологов, уйдешь от собственной судьбы? Преследования астрологов еще больше распространили среди

жителей Рима уверенность, что дни Урбана сочтены. В народе никто не имел ничего против, чтобы «Папа-подать» побыстрей отправился к праотцам. Суеверия подкрепляли надежды. Приближенных папы очень волновала мысль, как отравится его смерть на их личной карьере. Они пребывали в нерешительности: лишь бы не совершить поступка, скомпрометирующего их в глазах партии, которая захватит власть после кончины Урбана. О, если бы знать будущее!

Деликатная должность коммисария инквизиции требовала особой осмотрительности. Ипполито Акванегра боялся оплошать. Неужели Урбан, еще полный сил, скоро умрет? Комиссарий нуждался в советах знатока астрологии, который к тому же гарантировал сохранение тайны. Для этого никто не подходил лучше, чем Кампанелла, бывший у него в руках.

Акванегра рассказал ему обо всем, что происходило в Риме. Кампанелла внутренне торжествовал: вот, наконец, появляется реальная возможность ему, узнику, воздействовать на всемогущего папу. Теперь он найдет средство, куда более сильное, чем льстивый комментарий к выспренным стихам. Теперь он сыграет не на чрезмерном тщеславии Урбана, а на его паническом страхе перед неведомой судьбой и дурным влиянием звезд.

Он не дал сразу Акванегре определенного ответа, сослался на сложность создавшейся обстановки, уверял, что надо внимательно и долго изучать расположение планет. Но под большим секретом он сообщил комиссарию, что знает средства, как противодействовать судьбе, даже если звезды называют ее неминуемой.

Не одного Акванегру волновала судьба папы. По тому, как к нему зачастили различные высокопоставленные деятели церкви, Кампанелла понял, насколько велика тревога, обуявшая папский двор. Один из самых близких к Урбану людей — Никколо Ридольфи, магистр Святого дворца, — тоже посетил Кампанеллу. И ему Томмазо сообщил по секрету, что знает способ, при помощи, которого можно избежать дурного влияния звезд. Кампанелла не собирался быстро и просто открывать свои «секреты». Он хотел, чтобы сам папа заинтересовался ими. Конечно, ему ничего не стоило привести множество хитроумных астрологических доводов, чтобы опровергнуть гороскопы, в которых предсказывалась близкая смерть Урбана. Он ничем не рисковал и мог совершенно безбоязненно утверждать, что папа умрет не скоро. Если так и случится на самом деле, Кампанелла сможет рассчитывать на милость папы. А если он умрет, невелика и беда! Мертвый он уже не накажет Кампанеллу за то, что тот

ввел его в заблуждение.

Но план, который придумал Кампанелла, был сложнее и тоньше. Не в его интересах было восстанавливать душевное спокойствие Урбана. Ведь если он, искусно оперируя туманными и растяжимыми аргументами астрологии, убедит папу, что ему не грозит близкая смерть, так тот успокоится, и Кампанелла будет ему больше не нужен. Другое дело, если он, соглашаясь с астрологами, что расположение планет не благоприятствует дому Барберини и грозит гибелью, в то же самое время будет утверждать, что одному ему известны средства, позволяющие сделать недейственным дурное влияние звезд. Кампанелла так прямо и озаглавил сочинение, которое только что написал — «Как избежать судьбы, предсказанной звездами».

Томмазо хотел, чтобы его рукопись вручили папе. Это было не простым делом. Люди, которые приходили к Кампанелле, интересовались судьбой Урбана, но не желали брать на себя такую смелость. Они боялись навлечь гнев на свои головы. Что, если папа вдруг вздумает выяснить, в силу каких причин они пытаются исподтишка разузнавать о его грядущей судьбе?

Кампанелла не отчаивался: теми или иными путями он добьется, что слух о его новом произведении дойдет до Урбана. Следовало набраться терпения. Тех, кто вдохновлял и организовывал «заговор астрологов», разумеется, не остановят начавшиеся преследования. Они будут продолжать распространять слухи о близком конце папы. И Урбан, боясь смерти, рано или поздно обратится к Кампанелле. На это именно и была рассчитана его рукопись, носившая такое красноречивое заглавие: «Как избежать судьбы, предсказанной звездами».

Надежды Кампанеллы, что Урбан, на словах называвший себя доброжелателем Галилея, согласятся отменить варварский декрет, были напрасными. Он убедился в этом, как только одна из тетрадей с его «Комментариями» была передана папе. Сперва все шло хорошо. «Новый Орфей» был в восторге от восхвалений. Почему бы на самом деле не ввести в школах изучение его стихов?! Но скоро настроение его переменилось. От маски «защитника ученых» не осталось и следа. Кампанелла осмеливается спорить с единодушным решением конгрегации Святой службы, признавшим мысль о вращении Земли глупой и абсурдной в философском отношении и еретичной по существу!

Какие бы вольности ни позволял себе кардинал Барберини, он, сделавшись папой, стал главой воинствующей католической церкви, жестоко преследующей каждого, кто посягает на ее догматы. Урбан был очень недоволен.

Кампанелле пришлось бить отбой. В длиннейшем письме он

постарался смягчить неприятное впечатление, произведенное на папу комментарием к первой оде. Он уверял, что не защищал правильность идеи о вращении Земли вокруг Солнца, а только пытался доказать, что она не является ересью. Он не хотел особенно распространяться о Копернике и нарочно сделал основной упор на другое: он стремился всеми силами дать папе почувствовать свою великую эрудицию в вопросах астрологии. Он настаивал, чтобы его выслушали. Ему было известно, что папа уже знает о его работе «Как избежать судьбы, предсказанной звездами». Кампанелла удачно выбрал момент.

Беспокойство Урбана VIII за собственную жизнь достигло апогея.

Знакомство с Ипполито Акванегра было для Кампанеллы очень важным. Он умудрялся выведывать у комиссария тайны, разглашение которых являлось тягчайшим преступлением. Акванегра рассказал ему, что инквизиция снова подвергла особенно тщательной цензуре его произведения. Это секретное поручение было возложено на одного из любимцев папы, руководителя богословской школы Никколо Риккарди, которого испанский король прозвал «отец Мостро» — «отец Чудище». Прозвище звучало очень двусмысленно. Одни уверяли, что Филипп III, восхищенный его проповедями, отдал должное его необыкновенной, прямо-таки чудовищной памяти, а другие скептически замечали, что король не вникал в суть речей, а просто был поражен редкой тучностью удачливого попа и окрестил его «Чудищем». В Риме Риккарди сделал блестящую карьеру. Человек совершенно беспринципный, он способен был на любую подлость, лишь бы угодить начальству. Он с великим рвением взялся цензуровать работы Кампанеллы. Больше всего досталось трактату «О смысле вещей». «Побежденный атеизм» он воспринял как произведение, истинный дух которого был очень далек от католицизма. Риккарди отыскал в сочинениях Кампанеллы целых восемьдесят положений, противоречащих религии. Акванегра показал Кампанелле письменное заключение цензора, поступившее в инквизицию. Проклятый Мостро!

Нет, богословие не такая точная наука, чтобы он позволил какому-то Риккарди доказывать ложность выдвинутых им положений. Кампанелла должен всеми силами сопротивляться каждой мере, направленной на то, чтобы помешать распространению его работ. Он тут же написал опровержение. Особенно яростно он защищал от нападок цензора свой трактат «О смысле вещей».

В тюрьме римской инквизиции вместе с Кампанеллой сидел Джироламо Веккиетти. Это был очень интересный и

образованный человек. Он хорошо знал математику, историю, философию. Он много путешествовал, два раза был в Египте. Он презирал богатство и, подражая древним философам, раздарил Друзьям свое состояние. Джироламо был не без странностей: всю жизнь он мечтал о сыне и всегда избегал женщин!

Теперь ему было около восьмидесяти лет, но, несмотря на преклонный возраст, он стойко переносил все тяготы заключения. В 1621 году Веккиетти опубликовал в Аугсбурге книгу, где имел смелость высказать собственное суждение о тайной вечере и Христе. Эти мысли привлекли к нему внимание инквизиции. Веккиетти был арестован. Восемнадцать богословов квалификаторов признали его мнение еретичным. На следствии он продолжал упорствовать. Ему грозила смертная казнь. Он готов был умереть, и, когда ему предложили представить защиту, он отказался.

Как, он без борьбы соглашается, чтобы эти дикари сожгли его?! Если он не хочет писать защиту, то это сделает за него Кампанелла! Веккиетти напомнил, чем грозит Томмазо, осужденному за ересь, защита положений, которые восемнадцать квалификаторов признали еретичными. Но Кампанелла ничего не хотел и слышать. Его долг — спасти человека от костра, а с квалификаторами — будь их и сто восемнадцать! — он сумеет поспорить.

Он написал защиту Веккиетти. Мастерски толкуя богословские цитаты, Кампанелла доказывал, что мнение, высказанное старым философом, отнюдь не является еретичным и находится в полном согласии с отцами церкви. Он сумел ослабить тяжесть предъявленных Веккиетти обвинений. Благодаря смелому вмешательству Кампанеллы Джироламо избежал верной смерти и отделался семью годами тюрьмы.

Еще один человек был вырван из рук изуверов, толкавших его в костер!

Несмотря на аресты и преследования астрологов, слухи о близкой смерти Урбана не прекращались. Теперь в гороскопах точно указывалось, что он скончается в сентябре 1628 года. Пана не находил себе места от тревоги. Каждое недомогание — плохой желудок или легкая простуда — казалось ему началом конца. Он не верил даже лучшим медикам. Что толку от их клистиров и полосканий, если звезды предсказывают неминуемую смерть в сентябре?! Но ведь говорят, Кампанелла знает секрет, как избежать дурного влияния звезд! Он схватился за эту мысль, точно утопающий за соломинку. Пусть Кампанелла и еретик, но он необычайно сведущ в астрологии. Урбан распорядился, чтобы его доставили к нему в Монтекавалло.

Кампанелла долго ждал этого дня. Теперь все зависело от того, сможет ли он полностью воспользоваться растерянностью и подавленным настроением папы. Он должен заставить Урбана поверить, что спасение находится в его руках. Драгоценная жизнь наместника св. Петра всецело зависит от тайного искусства противодействовать звездам, которым обладает один лишь Кампанелла!

Он ничем не выдал своего нетерпения. Во время первых свиданий с Урбаном он и не думал опровергать астрологов, утверждавших, что расположение планет грозит дому Барберини величайшими бедствиями. Напротив, он добавил несколько тонких наблюдений, которые еще сильнее подчеркивали исключительную опасность, нависшую над папой. А. когда Урбан от суеверного страха уже совсем не владел собой, Кампанелла зародил в душе его искорку надежды. Расположение планет крайне неблагоприятно, но человек, знакомый с соответствующими секретами, может, применяя ряд специальных астрологически-терапевтических приемов, свести на нет дурное влияние звезд и поддержать здоровье папы.

Урбан согласен был на все. Кампанелла не отказывался помочь, но дал понять, что, находясь в условиях тяжелого заключения, он не имеет сил, чтобы с наибольшим эффектом применить для спасения папы известные ему средства. Урбан не колебался. Он велел отпереть камеру Кампанеллы и позволил ему свободно расхаживать по всей тюрьме.

Только всего? Наблюдая за папой, Томмазо понял, что может еще выжидать. До сентября оставалось недолго. С каждой неделей Урбан становился все беспокойней. Кампанелла проделал над ним кое-что из своих «астрологически-терапевтических» манипуляций, однако применять главные средства, о которых упоминал неопределенно, с оттенком таинственности, все еще находил несвоевременным. Да и будут ли они достаточно действенны, когда многое зависит от внутреннего состояния астролога-врача? А разве Кампанелла, находящийся до сих пор в тюрьме, может оказать, что душа его обрела равновесие и уверенность, необходимую для успешной борьбы с вредоносным влиянием звезд?

Кампанелла не торопился. Пусть поторопится Урбан — сентябрь не за горами! Расчеты оказались правильными. Листовки с гороскопами и тревожные слухи еще сильнее будоражили Рим. Папа не выдержал. 27 июля 1628 года он приказал выпустить Кампанеллу из тюрьмы.

Теперь Кампанелла со спокойной совестью мог гарантировать Урбану, что тот в сентябре не умрет. Ну, а если и случится такая

напасть и черти будут вынуждены подраться с ангелами за душу римского первосвященника, то ведь тогда «божественному поэту» не нужно будет никаких гарантий!

Глава двадцать вторая. КОЗНИ И МИЛОСТИ ВРАГОВ

Необычайные события происходили в Квиринальском дворце в один из душных августовских вечеров. Вдали от посторонних глаз, запершись в спальне самого папы, два человека, наряженные в белые одежды невиданного покроя, совершали какие-то замысловатые церемонии, напоминавшие то языческое богослужение, то черную мессу. Вся спальня была задрапирована белым шелком. В огромном камине трещали поленья теревинда, лавра и мирта. Две гигантские свечи и пять горящих факелов изображали планеты, Луну и Солнце. Комната была заставлена редкими растениями из ботанического сада. На стенах висели изображения двенадцати знаков зодиака и бесчисленного количества звезд. Кругом были рассыпаны драгоценные камни. Плошки с благовонными маслами источали одурманивающий аромат. Откуда-то издали доносились звуки приятной музыки…

Урбан беспрекословно делал асе, что требовал Кампанелла: произносил молитвы, обращенные к Солнцу, кланялся факелам, становился на колени перед камином, пел, нюхал растения, перебирал самоцветы, старательно повторял тарабарщину магических формул.

Кампанелла намеренно долго готовился к этой процедуре. Чего только страх смерти не делает с человеком?! Когда Томмазо сказал, что нужно прибегнуть к приемам некромантии, папа тоже не стал протестовать. А ведь за подобные вещи инквизиция, не зная милосердия, жгла на кострах ведьм, магов, колдунов и тех, кто им верил!

Кампанелла не спускал с Урбана глаз. Римский первосвященник, до смерти напуганный астрологами, простирался ниц перед изображениями знаков зодиака и молил их о спасении?!

Гордого и высокомерного папу, всемогущего главу церкви, он, Кампанелла, вечный еретик, вырядил в одежды особого покроя и заставляет его делать все, что хочет. Папа повторяет за ним и формулы заклинаний, и сопровождаемые веселой музыкой движения, похожие на пляску.

Томмазо не ограничился астрологией и некромантией. Он сделал папе несколько основательных припарок, которые, как он говорил, очень помогают против «плохого настроения и меланхолии».

Когда он закончил свои манипуляции, он заявил папе, что

непосредственная угроза смерти теперь ликвидирована, но надо быть очень осторожным и постоянно находиться под наблюдением. Для укрепления достигнутого успеха он рекомендовал Урбану в качестве полезной меры общение с людьми, не подверженными дурному влиянию звезд. Среди таких людей он в первую очередь назвал самого себя.

Папа Урбан VIII, как и клялся Кампанелла, то ли благодаря его «астрологически-терапевтическим» средствам, то ли вопреки им, в сентябре 1628 года не умер. Убедившись на деле, что, имея под рукой такого ученого человека, как Кампанелла, можно избежать верной смерти, Урбан открыто выказывал благоволение своему спасителю. Он часто вызывал его к себе во дворец и пускался с ним в откровенные беседы. Он знал, что приближенные небескорыстно интересовались его судьбой, и запретил Кампанелле разговаривать с кем-либо на темы астрологии или публиковать об этом работы.

Томмазо не замедлил воспользоваться стесненным положением папы. Он добился, что ему вернули его сочинения, которые были конфискованы и запрещены инквизицией. Он оспаривал правильность их осуждения, хотел снова представить их на цензуру магистру Святого дворца и выражал уверенность, что на этот раз они будут одобрены. Под давлением папы Святая служба была вынуждена возвратить Кампанелле рукописи, многие из которых хранились в ее архивах уже долгие годы. Приказ Урбана был исполнен, но это вызвало новую волну ненависти к Кампанелле со стороны очень могущественных лиц. Они стали изыскивать средства, чтобы обезопасить папу от пагубного влияния закоренелого еретика, хитростью вырвавшегося на свободу.

Сразу же после освобождения Кампанелле было предписано поселяться в одном из римских монастырей. За ним продолжали следить. Но все-таки это была свобода!

По его собственному признанию, за свою жизнь большую часть которой он провел в заключении, он побывал в пятидесяти тюрьмах Италии. В общей сложности он просидел в темнице тридцать три года.

Он был счастлив, что его окружали преданные ученики. Многие, прослышав о выходе Кампанеллы на свободу, немедленно приехали в Рим. Среди них был и его любимец — Томмазо Пиньятелли. Продолжавшая и после смерти мужа жить в Неаполе Лаура Борелли прислала в Рим своего сына Филиппо, смышленого и энергичного четырнадцатилетнего юношу. Тот рассказал, что старший его брат, Джованни Альфонсо, учившийся у Кастелли, ближайшего друга Галилея, уехал на юг и там

продолжает усиленно заниматься математикой, физикой и медициной. На него возлагают большие надежды. Вероятно, он скоро станет знаменитым ученым.

Выдав Филиппо за своего племянника, Кампанелла оставил его у себя. Он хотел дать юноше хорошее образование да и, кроме того, сам нуждался в человеке, который бы ухаживал за ним во время болезни и помогал передвигаться, когда совсем отказывали ноги.

Он жадно расспрашивал всех, кто приезжал с юга, о жизни в Неаполитанском королевстве. Он не мог спокойно слышать о притеснениях, которые чинили народу испанцы. Он всю жизнь мечтал о счастливом дне, когда последний испанский солдат будет изгнан с итальянской земли. Очутившись на воле, он не изменил своим планам освобождения Италии от господства иноземцев. Надо было любыми путями обессилить Испанию. В борьбе с Испанией можно было рассчитывать на помощь французов. Кампанелла знал, что папа был бы очень рад, если бы испанцы убрались из Неаполитанского королевства, и использовал свое влияние на Урбана, чтобы еще больше восстановить его против Испании.

Когда Кампанелле вернули его ранее конфискованные рукописи, он принялся упорно настаивать, чтобы Святая служба отменила решение о запрете его произведений. Только профаны могут верить, что инквизиция блюдет какие-то высокие интересы церкви, исходя из постоянных и твердых принципов! Инквизиторы никогда не забывают о личной выгоде. Хотя постановления Святой службы и изрекаются с безапелляционным авторитетом, они, если потребуется, могут быть в любую минуту изменены.

Он хотел, пользуясь близостью с папой, получить разрешение на печатание своих произведений. Если бы это удалось сделать, то многие его работы, в том числе и «Город Солнца», сразу же начали широко распространяться, так как книготорговцы в католических странах больше бы не боялись их продавать. А это значило, что у «Города Солнца» появились бы тысячи новых читателей.

Сперва надо было добиться отмены запрета, который лежал на его работах. Кампанелла не оставлял Урбана в покое, и тот приказал еще раз проверить его сочинения. Теперь ситуация была совсем иной: раньше Кампанелла сидел в тюрьме, а сейчас он вхож к самому папе! Деятели Святой службы, которые с радостью сожгли бы не только книги Кампанеллы, но и его самого, поторопились изменить свое мнение.

Новый главный цензор, магистр Святого дворца Никколо

Риккарди, тот самый «отец Мостро», который еще совсем недавно отыскал в произведениях Кампанеллы целых восемьдесят положений, противоречащих религии, отрекся от своих прежних заключений и стал рассыпаться в комплиментах, восхваляя ученость Кампанеллы и называя его «мудрейшим человеком». Такова была истинная цена богословию, этой «науке наук», во имя «неизменных» и «божественных» принципов которой на протяжении столетий мучили и жгли людей.

Хотя предсказание астрологов, что Урбан VIII умрет в сентябре 1628 года, и не исполнилось, однако листовок с гороскопами папы, подбираемых на улицах и площадях Рима, не стало меньше. По рукам ходил печатный «Альманах», где утверждалось, что папа обязательно умрет в 1629 году. Когда миновал июнь, о котором говорили, что именно в этом месяце Урбан переселится в лучший мир, а столь желанных похорон папы так и не произошло, новые предсказания не заставили себя долго ждать. Роковым для Урбана был объявлен октябрь. Опять досужие люди стали судачить о его преемнике. Толки о близкой смерти папы вспыхнули с новой силой. Кое-кто полагал, что эти слухи ползут из испанского посольства. Шла молва, что недавно назначенный посол не жалеет денег и что только для подкупа кардинала он привез с собой из Испании огромную сумму в тридцать тысяч скудо. В Риме постоянно говорили об опасных болезнях, которые будто бы свалили папу в постель. Чтобы рассеять эти слухи и доказать народу, что он совершенно здоров, Урбан нарочно совершал верхом на лошади поездки по городу.

Но чувствовал он себя прескверно. Душу его разъедал суеверный страх перед будущим. Не благодаря ли тайному искусству Кампанеллы ему удается избежать смерти, несмотря на зловещее расположение планет? Урбан назначил Кампанелле пенсию и оказывал ему разные милости. Томмазо не терял времени зря. Он решил осуществить еще одно дерзкое намерение. Тюрьмы инквизиции полны узниками, судьба которых во многом зависит от того, сочтут ли богословы-квалификаторы их суждения еретичными или нет. Он помнил историю Джироламо Веккиетти. Если бы не он, Кампанелла, то от старика философа давно бы не осталось даже и пепла! А скольких людей он мог бы уберечь от костра, если бы ему была поручена квалификация их преступлений!

Он не хотел упустить удобного момента и стал всерьез требовать от папы, чтобы тот назначил его полномочным консультантом инквизиции и квалификатором. Урбан, испытывая постоянную необходимость в его целительных припарках и спасительных манипуляциях с изображениями планет, готов был

согласиться. А кто посмеет открыто возражать, когда Кампанелла уберег папу от смерти и когда даже Мостро, главный цензор, отрекся от прежних своих заключений и повсюду называет его «мудрейшим человеком»?! Вопрос о его назначении казался уже решенным. Но тут руководители Святой службы внезапно нанесли Кампанелле удар в спину.

Среди врагов Кампанеллы, которые лишь с трудом скрывали свою ненависть, видя, что он сумел хитростью выйти на свободу и подчиняет своему влиянию папу, трое были особенно опасны и коварны. Это были племянник Урбана Франческо Барберини, Мостро и Ридольфи. О кардинале Барберини говорили, что стоит дядюшке обласкать какого-нибудь человека, как он тут же начинает люто ненавидеть счастливца и строить против него козни. Он опасался, что новые фавориты нанесут ущерб семейству Барберини. Франческо обычно притворялся, что одобряет все решения папы, но часто потихоньку от Урбана принимал меры, чтобы свести их на нет. Если он и не был «святее самого папы», то по отношению к протестантам-еретикам испытывал большую непримиримость, чем Урбан, и не соглашался на сближение с Ришелье, поддерживающим отступников-шведов. Он считал, что интересы католической церкви требуют прочного союза святого престола с испанским монархом. У кардинала Барберини было много оснований для вражды к Кампанелле. Он видел в нем опасного ересиарха, место которому в тюрьме, его путал необычный авторитет, завоеванный им у папы. Терпению кардинала пришел конец, когда он узнал, что. Кампанелла всячески восстанавливает папу против Испании.

«Отец Мостро» не мог простить Кампанелле, что ему пришлось признать ошибочными собственные суждения и восхвалять еретика. Чувство зависти еще более усиливало его вражду. Он был очень тщеславен и жаждал успеха. Пока Кампанелла был в тюрьме, о Мостро говорили, что он был самым ученым среди всех доминиканцев. Но теперь Кампанелла не только затмил его, но и оставил в дураках. Мостро лишь на словах ценил аскетизм. Он охотно разглагольствовал о радостях небесной жизни и жадно стремился к земным утехам. Графиня Перетти, влюбленная в его проповеди, подарила ему роскошную карету. Злые языки говорили, что этим она выразила высокую оценку не только его качествам проповедника.

Последним среди этой тройки был Никколо Ридольфи. Любимец папы, ограниченный и честолюбивый, он был воплощением двуличия. Во время капитула доминиканцев, когда должен был быть избран новый генерал ордена, Урбан преподнес капитулу вытканный серебром покров и поставил сорок бочек

вина, чтобы помочь монахам избрать Ридольфи на пост генерала. Ридольфи лебезил перед папой, а в душе не разделял его взглядов. Он был самым доверенным лицом кардинала Барберини, и тот использовал его для тайных сношений с Испанией. Ридольфи надеялся, что император и испанский король помогут ему получить кардинальскую мантию.

Враги Кампанеллы побоялись действовать в открытую. Им больше был по нраву путь хитростей и коварства. Папа строго-настрого приказал Кампанелле ни с кем не беседовать об астрологии и никому не показывать сочинения «Как избежать судьбы, предсказанной звездами». В тот день, когда папа согласился назначить Кампанеллу консультантом инквизиция, Урбану сообщили, что Кампанелла постоянно нарушает высочайшее повеление и разглашает вещи, которые обязался держать в тайне. Папа не хотел верить. Тогда ему представили неопровержимое доказательство: экземпляр трактата «Как избежать судьбы, предсказанной звездами», напечатанный автором нелегально в одной из римских типографий. И этого лживого и опасного человека папа хочет назначить консультантом Святой службы! Урбан отменил решение.

Напрасно Кампанелла убеждал папу, что его обманули. Урбан ничего не хотел слышать. Томмазо не мог отказать врагам в находчивости и ловкости: они воспользовались рукописью его работы, хранившейся в инквизиции, и сами тайком ее напечатали!

В октябре 1629 года Урбан VIII вопреки предсказаниям тоже не умер. Тогда не замедлили появиться новые гороскопы: смерть отодвигалась до февраля следующего года. Казалось, Урбану надо было бы уже перестать бояться этих слишком настойчивых предсказаний, но его суеверность была беспредельной, да и Кампанелла, великий знаток астрологии, не особенно торопился разубеждать папу в неблагоприятном расположении планет. Несмотря на все наговоры, папа не мог обходиться без его помощи. Томмазо потребовал, чтобы квалификаторы высказали свое мнение о трактате «Как избежать судьбы, предсказанной звездами». Пусть кто-нибудь осмелится осудить средства, которые спасли папе жизнь!

Как он и предполагал, открыто выступать против него враги побоялись. Было объявлено, что трактат не содержит никаких ошибочных и ложных положений. Однако сколько Кампанелла ни настаивал, чтобы расследование обстоятельств, при которых в Риме была нелегально напечатана эта работа, велось энергично и тщательно, кардинал Барберини затянул следствие и в конечном итоге сумел его совсем замять.

Враги Кампанеллы не гнушались ничем. По городу распускались самые невероятные слухи, противоречивые и вздорные. Цель их была одна: восстановить против Кампанеллы возможно большее число людей и сделать так, чтобы папа прогнал его от себя. Кампанеллу называли вдохновителем всех колдунов и магов. Ведь он сам, обманывая папу, тайком печатает свои астрологические сочинения! Во многих гороскопах, которые оказывались в руках инквизиции, предсказатели ссылались на авторитет Кампанеллы. Но этого было мало: листовки с гороскопами стали подписывать его именем. С другой стороны, когда в народе начался ропот в связи с увеличивающимся числом арестов, кое-кто из приближенных папы недвусмысленно намекнул, что преследования астрологов происходят по вине Кампанеллы. Испанский посол не остался безразличным к этой кампании. У него были точные сведения, что Кампанелла самым решительным образом доказывает Урбану необходимость окончательно порвать с Испанией и перейти, опираясь на помощь Франции, к открытой борьбе.

Молва приписывала Кампанелле честолюбивые намерения. Одни говорили, что он хочет стать кардиналом, а другие, что он метит даже на папский престол.

Франческо Барберини и его единомышленники старались использовать любой предлог, чтобы помешать Кампанелле встречаться с Урбаном.

Еще в Неаполе Кампанелла узнал, что Галилей работает над новым большим сочинением, где рассматривает причины отливов и приливов в тесной связи с вопросом о вращении Земли и подвергает критике систему Птолемея. Эта новость очень обрадовала Кампанеллу. Он хотел, чтобы сочинение Галилея вышло в свет, но предвидел, с какими это сопряжено трудностями. Декрет 1616 года осуждал учение Коперника как абсурдное и еретическое. Томмазо написал Галилею письмо и посоветовал придать сочинению форму диалога, один из участников которого излагал бы факты, доказывающие вращение Земли, а другой опровергал бы их доводами сторонников птолемеевой системы. Важно было пустить в научный обиход новые факты, которые красноречиво говорили за себя! В то же самое время Галилей, прикрываясь фигурой противника коперниковых идей, мог защищаться утверждением, что именно этот персонаж диалога выражает истинные мысли автора. Галилей последовал совету Кампанеллы.

В мае 1630 года по настоянию друзей, среди которых Кампанелла играл далеко не последнюю роль, Галилей снова приехал в Рим. Его уверяли, что есть надежда получить от папы

разрешение на опубликование «Диалога». Наконец-то Кампанелла мог повидать Галилея! С момента их первой и единственной встречи в Падуе, когда они были еще молодыми людьми, пролетело почти целых сорок лет!

Кампанелла советовал Галилею приложить максимум усилий и напечатать «Диалог». Он брался сам поговорить об этом с папой. Его положение было не из легких. Он помнил, как попал впросак, когда, комментируя первую оду Урбана, имел смелость восхвалять открытия Галилея и не соглашаться с известным декретом, который объявил, что мысль о вращении Земли противоречит священному писанию. Но на этот раз стоило снова рискнуть!

Томмазо сдержал слово. Он собрал все свое умение убеждать, когда доказывал Урбану, какой огромный вред наносит его политике декрет 1616 года. Почему ему не отказаться от ошибок своих предшественников?! Ведь образованный человек не должен бежать от фактов, которые легко проверить, глядя на небо в подзорную трубу!

К его аргументам прибавился еще один. Отрицая вращение Земли, папство никогда не вернет в лоно католицизма еретиков-протестантов. Он рассказал Урбану, что ему уже удалось было склонить нескольких видных немецких дворян к отказу от лютеранства, но дело закончилось скандалом. Узнав, что церковь запрещает учение Коперника, немцы и слышать ничего не захотели об обращении в католицизм.

Кампанелла считал, что разговор с папой прошел удачно.

Урбан благожелательно принял Галилея и увеличил ему пенсию. Он согласился, чтобы «Диалог о приливах и отливах», если в нем не будет найдено никаких еретических идей, был опубликован. Папа поручил Мостро произвести цензуру. Мостро, видя благоволение папы к Галилею, сделал несколько замечаний и разрешил книгу к печати. Довольный успехом, Галилей вернулся во Флоренцию.

Лето 1630 года не принесло Урбану успокоения. Мало того, что слухи о его близкой кончине возобновились с невиданной настойчивостью — папа осязательно умрет в августе! — теперь еще к ним прибавились толки о предстоящем в самом недалеком будущем конклаве, где будет избран его преемник. Обычной темой разговоров стали рассуждения о том, кто из возможных кандидатов имеет больше всего шансов на папскую тиару. Чего только не творилось в Риме! Во время одной из религиозных процессий, когда следовало петь за здравие папы, толпа затянула «по ошибке» за упокой. И это при живом-то папе!

Урбан приказал продолжать аресты. Его поставили в

известность, что к гороскопам, предрекающим ему гибель, прибавились и другие. Кардиналу Скалья, ярому стороннику испанской партии, астрологи предсказали, что после смерти Урбана он станет папой.

Одно событие чуть было совсем не доконало Урбана. Из Испании в Рим приехала группа кардиналов, чтобы принять участие в конклаве по избранию нового папы. Словно он уже умер! К тому же стояла страшная жара и в городе было замечено несколько случаев заболевания чумой. От чего ему суждено умереть — от мора или от руки подосланного убийцы? Он подозревал, что враги готовят ему насильственную смерть. Он боялся засад и выстрелов из-за угла. По его приказу постройки вокруг прохода из Ватиканского дворца в Замок св. Ангела были разрушены.

В те дни, когда Кампанелла был в силах выходить из монастыря, он посещал различные ученые собрания, принимал горячее участие в диспутах и всегда удивлял слушателей своими познаниями. Не было ни одной отрасли науки, к которой он не проявлял бы интереса. Он писал о медицине и политике, о праве и военном искусстве, об астрономических наблюдениях и об извержении Везувия. Он очень внимательно следил за тем, что делал Галилей. Он был уверен, что рождающееся в муках новое мировоззрение открывает перед человечеством счастливую эру. Перед его мысленным взором вставал будущий Город Солнца.

Как он был молод, этот больной, искалеченный пытками старик! Со своими верными учениками он говорил не о теологии — все его мысли принадлежали борьбе. Италия должна стать вольной!

Он часто думал о бегстве из Рима, прекрасно понимая, что благоволение папы не будет продолжаться вечно. Он хотел иметь свободные руки. Ему надоело тратить уйму сил на то, чтобы различными уловками разрушать козни завистников и врагов. Но куда бежать? Ни в одном из городов Италии он не мог чувствовать себя в безопасности, а покинуть родину он согласился бы только в крайнем случае.

Кардинал Барберини и его окружение продолжали всеми силами вредить Кампанелле. Они сделали невозможным опубликование его сочинений, даже тех, которые были разрешены цензурой. А когда Кампанелле с большим трудом удалось напечатать «Побежденный атеизм», то они вскоре после выхода книги в свет запретили ее, хотя это произведение дважды получило одобрение цензоров. Враги ставили ему в вину, что больше двадцати мест «Побежденного атеизма» противоречат булле, недавно изданной против астрологов, и в то же самое

время распускали молву, что именно Кампанелла подбил Урбана на опубликование этой буллы. Противникам Кампанеллы надо было во что бы то ни стало запретить «Побежденный атеизм». Для этого годились и неуклюжие ссылки на противоречие с буллой. Другие аргументы подобрать было трудно — Кампанелла так старательно изничтожал безбожников! Однако истинный смысл его книги был правильно понят читателями. Как только «Побежденный атеизм» вышел в свет, ему дали другое название — «Побеждающий атеизм»!

Кампанелла добивался своего всеми средствами: прикрываясь опровержением безбожных взглядов, он ловко одурачил цензоров. Теперь сам вид книги приводил церковников в ярость.

Жестокие репрессии по отношению к астрологам в значительной мере уменьшили число любителей поболтать на тему о смерти папы, но совершенно уничтожить злонамеренных слухов не смогли. Если февраль 1631 года и сошел для папы благополучно, то для его брата Карло он оказался роковым. Более того, в конце августа умерла маленькая дочь Таддео. Скоро смерть заберет и третьего из Барберини!

Урбан чувствовал в помощи Кампанеллы большую нужду. Его опять стали часто вызывать во дворец. Когда тяжело заболел сынишка Таддео, Кампанелле снова пришлось пустить в ход свои «астрологическо-терапевтические средства».

В день св. Рокко какая-то чудовищная птица невиданных размеров села на фигуру ангела, которая венчала купол замка, где жил папа. Птица долго не улетала. Весь Рим сбежался поглазеть на нее. Зловещее предзнаменование!

Мостро, Ридольфи и кардинал Франческо Барберини без устали изыскивали способы, чтобы отдалить Кампанеллу от папы. Они нашли некого францисканца по имени Инноченцио, славившегося безупречной жизнью, редкой набожностью и даром предсказывать будущее. Если папа не может жить без кудесников и волхвов, то пусть он лучше пользуется услугами фра Инноченцио, который черпает свою силу из общения с католическими святыми, а не из преступного сговора с дьяволом, как это делает Кампанелла.

Тайные интриги продолжались с неослабевающей силой. Кампанеллу не допускали к папе, мешали ему работать, злили постоянной слежкой, не разрешали печатать книг. Инквизиция, несмотря на заступничество Урбана, по-прежнему видела в нем опаснейшего человека, мятежника и ересиарха, которого лишь безвыходное положение заставляло надевать маску благочестия и ортодоксии. Ему старались чинить препятствия, где только могли. Он собирался прочесть курс лекций о Фоме Аквинском —

ему запретили их. Мотивировка была несложной: он не является последователем его учения.

Он хотел принять участие в издании сочинений Альберта Великого, но его кандидатуру отвели как неподходящую. Урбан, который стал более спокойно относиться к предсказаниям — уж слишком многие из них не исполнялись! — начал внимательно прислушиваться к тому, что говорили о Кампанелле Франческо и Мостро. Томмазо чувствовал, что отношение папы к нему портится с каждым днем.

Ему тем более досаждали происки врагов, что здоровье его никуда не годилось, и недуги то и дело сваливали его в постель. Он часто думал о Галилее. Как было бы чудесно прожить целый год в каком-нибудь загородном доме и заниматься разрешением важнейших проблем, стоящих перед наукой! Он согласился бы переселиться во Флоренцию, если бы великий герцог не имел ничего против. Кампанелла написал об этом Галилею. Но ответа не получил — то ли из-за того, что в некоторых районах Тосканы свирепствовала чума, то ли из-за плохой работы почты.

Глава двадцать третья. СНОВА ЗАГОВОР!

Тяжелые обстоятельства, окружавшие Кампанеллу, постоянно заставляли его тратить драгоценное время на занятия, к которым не лежала душа. Однако его сокровенные мысли были те же, что и в юности. Он по-прежнему мечтал об изгнании испанцев с родной земли. Внимательно следя за событиями, происходившими на юге Италии, он обдумывал планы освобождения. Да, Неаполитанское королевство было действительно хитрой приманкой, которую дьявол бросил, чтобы поссорить испанцев с французами. Кампанелла видел, что справиться с Испанией будет не легко. Обсуждая с молодыми калабрийцами создавшуюся обстановку, он все больше приходил к выводу, что выступить против испанцев следует тогда, когда можно будет рассчитывать на помощь Франции. Томмазо Пиньятелли, самый нетерпеливый из учеников Кампанеллы, весь горел от страстного желания немедленно ринуться в борьбу. Сколько же придется ждать, пока будет достигнута секретная договоренность с Францией?

Кампанелла убедил его, что на это не потребуется много времени. Не зря он давно уже вступил в тесные сношения с французским послом, часто бывает в его резиденции и ведет долгие беседы. В посольстве он встречает людей, которые проявляют большой интерес к его философским сочинениям и политическим идеям. Граф Брассак, посол, сообщил о Кампанелле своему правительству и постоянно пишет о нем влиятельным родственникам и друзьям. Пиньятелли с радостью воспринял это известие, и Кампанелла, отправляясь к Брассаку, стал брать его с собой.

Среди знакомых французов находился и Габриэль Ноде, молодой поэт, изучавший медицину в Париже и Падуе. Он служил библиотекарем у кардинала Баньо. Ноде относился с великим уважением к Кампанелле и не жалел усилий, чтобы слава о нем широко распространилась по Франции. Они настолько сблизились, что встречались два-три раза в неделю. Ноде умолял Кампанеллу, чтобы тот использовал его в качестве секретаря и позволил бы ему помогать в работе над новыми произведениями. Он обещал быстро опубликовать их в Париже или Лионе. Кампанелла внял его просьбам и продиктовал ему «Книгу о моих собственных сочинениях» и автобиографические заметки, озаглавленные «Жизнь Кампанеллы».

Видный французский философ Пьер Гассенди, несмотря на

молодость, известный своей смелой критикой Аристотеля, сперва через Ноде прислал приветы Кампанелле, а потом вступил с ним в переписку. Гассенди старался быть в курсе работ итальянских ученых и высоко ценил Галилея. Кампанелла ответил Гассенди письмом, где не только выразил свою полную уверенность в правильности системы Коперника, но и высказал горечь, что ее нельзя исповедовать в открытую. Вскоре Кампанелла стал обмениваться письмами и с другом Гассенди, Клодом Пейреском, который учился у Галилея в Падуе и теперь, живя в своем поместье в Провансе, продолжал испытывать пристрастие к естественным наукам и философии. Чем больше укреплялись связи Кампанеллы с французами, тем сильнее и ожесточеннее становились нападки со стороны его римских врагов.

Мостро всегда и везде оправдывал свое прозвище. Его двуличие, непостоянство, лживость и злость были воистину чудовищными. Ему ничего не стоило сегодня проклинать то, чем он восторгался вчера. И каждый раз он ссылался при этом на «непреложные» истины богословия. Кампанелла чувствовал, что кардинал Барберини и его помощники достигли желаемого. Двери дворца, где жил Урбан, были передним закрыты. Желая оттянуть окончательный разрыв с папой, Томмазо решил ответить ударом на удар. Мостро обычно подкреплял свои нападки на Кампанеллу ссылками на теологию. Он, верховный цензор, считал свой авторитет неоспоримым. А так ли уж он силен в богословии? При известном умении не трудно было доказать, что его собственные суждения содержат ересь. Кампанелла внимательно разобрал книгу Мостро «Литании». В ней чрезмерное самомнение мешалось с невежеством. Он нашел кучу ошибок. Вот здесь Мостро стоит на точке зрения язычников, а здесь прямо проповедует ересь, почерпнутую из талмуда. Он то и дело насмехается над вещами, священными для истинного католика.

Во время свидания с папой Кампанелла убедительно и логично доказал Урбану, что сам Мостро — еретик и богохульник. Это было уже слишком. Любимец папы и выдающийся теолог, которым гордится католическая церковь, объявляется еретиком! Папа дал волю своему гневу. Давно уже известно, что Кампанелла, используя свое дьявольское умение спорить, может доказать все, что угодно! Его речи — это сплошное издевательство над богословием!

Урбан назвал Кампанеллу лжецом и выгнал его вон. Для кардинала Барберини и всей испанской партии настали дни злорадного торжества. Они старательно, неделя за неделей, делали все, чтобы ускорить разрыв. Теперь они задумали обрушить на его голову новый удар. Специальным

постановлением запрещались не только его произведения, не прошедшие цензуры, но и те, которые, имея одобрение Конгрегации индекса, были или будут изданы в любом месте, помимо Рима. На деле это означало, что запрету подлежали вообще все книги Кампанеллы, и изданная в Неаполе «Философия, основанная на ощущениях» и сочинения, опубликованные за границей. Постановление было составлено очень хитро. В Риме, разумеется, не издадут ни одной из его работ, даже одобренных цензурой, а если он попытается напечатать их в каком-нибудь городке, лежащем хотя бы и поблизости от столицы, они все равно, считаясь запрещенными, будут конфискованы.

В апреле 1632 года Кампанелла узнал, что в январе во Флоренции было закончено печатание «Диалога о приливах и отливах». Книга Галилея вышла в свет под новым названием — «Диалог о двух главнейших системах мира, птолемеевой и коперниковой». Радость, которую испытал Кампанелла от этого известия, не смогло даже омрачить чувство горечи: сообщение об опубликовании «Диалога» он получил не от самого Галилея, а из Франции, от философов, с которыми поддерживал переписку.

А разве это был первый случай незаслуженного и обидного невнимания со стороны Галилея? Два года тому назад, когда Галилей приезжал в Рим, он многим показывал рукопись «Диалога», а Кампанеллу, который всегда принимал так близко к сердцу все, что касалось Галилея, он обошел. Кампанелла упрекнул его, что он не прислал ему своей новой книги.

Из-за чумы первые два экземпляра «Диалога» прибыли в Рим только в конце мая. Но они предназначались Чиамполи и кардиналу Барберини. Хотя Галилей и ответил, что книгу выслал, ждать ее пришлось долго. Лишь в июле Филиппе Магалотти передал «Диалог» Кампанелле. Он с жадностью набросился на книгу. Его поразила смелость и глубина мысли Галилея. Учение Коперника о движении Земли получило в этом трактате дальнейшее развитие. А как тонко и остроумно Галилей высмеивал Простака — Симпличио, который схоластическими доводами защищал систему Птолемея! Кампанелле было ясно, какое огромное значение будет иметь «Диалог» для утверждения и распространения нового мировоззрения. Однако он не сомневался, что крайне реакционное крыло церковников, которые все больше и больше прибирали к рукам Урбана, встретят «Диалог» ненавистью и проклятьями.

В письмах к Галилею Кампанелла выражал свое восхищение «Диалогом», говорил о начале нового века, снова повторял свое давнее желание пожить вместе с ним где-нибудь в загородном

доме, занимаясь наукой. Он не скрывал от Галилея нависшей над ним опасности. Урбан, прочтя «Диалог», высказал неудовольствие. Книгой занялась инквизиция. Мостро, тот самый Мостро, который еще совсем недавно не нашел в книге ничего предосудительного, теперь развернул бурную деятельность, чтобы ее запретить. Он повелел типографу Ландини, издавшему «Диалог», немедленно прекратить продажу книги. В инквизицию был вызван Магалотти и допрошен о восьми экземплярах «Диалога», которые он привез в Рим. Особенно рьяно действовали против Галилея иезуиты. Они обвиняли его в сознательном нарушении декрета 1616 года и возмущались еретическим Духом его книги. Их оружием были не только богословские аргументы. Они не гнушались никакими средствами, чтобы восстановить папу против Галилея. С этой целью иезуиты нарочно распустили слух, что в своем сочинении под видом Симпличио Галилей вывел самого Урбана.

Кампанелла извещал Галилея о работе комиссии, которая занималась его делом. Надо было быть готовым ко всему. Позиция Кампанеллы в этой борьбе была с самого начала совершенно определенной: он намерен был без всяких колебаний выступить на стороне Галилея, невзирая ни на собственное тяжелое положение, ни на ссору с папой, ни на декрет 1616 года. Он гордился тем, что был автором запрещенной церковью «Апологии Галилея», что он был единственным из друзей великого ученого, кто не испугался репрессий и напечатал книгу в его защиту. Он не побоялся этого сделать, даже когда сидел в тюрьме. Теперь тем более он отдаст все свои силы, чтобы помочь Галилею в беде. Кампанелла предложил, если дело дойдет до процесса, выступить защитником Галилея.

23 сентября конгрегация Святой службы под председательством самого папы потребовала, чтобы Галилей лично явился в Рим.

Мостро старался всеми средствами помешать Кампанелле защищать Галилея. Когда Томмазо понял, что ни папа, ни комиссия не хотят его выслушать, он сумел уговорить одного из кардиналов, чтобы тот поддержал Галилея. Но из этой затеи ничего не вышло. Инквизиция настаивала, чтобы Галилей, не откладывая, приехал в Рим.

Кампанелла хотел, чтобы его «Апология Галилея» была рассмотрена комиссией. Что за неслыханная дерзость представлять в Святую службу запрещенное сочинение, напечатанное еретиками в Германии, и наперекор декрету доказывать, что в приверженности к учению Коперника нет ничего преступного!

Мостро грозил Кампанелле страшными карами. Но тот не унимался и повсюду объявлял, что намерен выступать на процессе в качестве официального защитника Галилея. Терпение Урбана иссякло. Кампанелле велели немедленно убраться из Рима, молча сидеть во Фраскати и не совать носа в дела инквизиции, если он не хочет окончить дни свои в тюрьме. Ему пришлось подчиниться. Другого выхода не было. Во Фраскати Кампанелла постоянно думал о Галилее. Сделал ли он в его защиту все, что мог? Временами ему даже казалось, что он вел себя недостаточно мужественно. Его не утешало сознание, что никто из сторонников Галилея не защищал его так горячо и так самоотверженно, как он.

Вызов в Рим был передан Галилею флорентийским инквизитором.

Из-за плохого самочувствия Галилей медлил с отъездом. В декабре он совсем слег в постель. Врачи опасались за его жизнь. Не обращая внимания на свидетельства врачей, инквизиторы продолжали настаивать на его приезде. Они не постыдились угрожать насилием ученому с мировым именем, старому и совершенно больному. Если Галилей не приедет сам, то «его арестуют и отправят в Рим в кандалах».

Он прибыл в Город св. Петра 13 февраля. Здесь он увидел, что тучи над его головой сгустились до предела. Урбан, который когда-то милостиво с ним беседовал и с любопытством расспрашивал о его открытиях, теперь не пожелал взять его под защиту. Да, в былые времена Маттео Барберини даже в своих стихах хвалил Галилея, но тогда он не был папой, а Галилей не написал «Диалога о двух системах», где собрал новые аргументы в пользу коперниковой теории, которую церковь осудила как «глупую, абсурдную и еретичную».

С формальной стороны обвинить Галилея было не очень просто. «Диалог» дважды был разрешен цензурой — сперва в Риме, потом во Флоренции. Но это не смутило инквизиторов. Галилею поставили в вину, что он, написав работу о системе Коперника, сознательно нарушил декрет 1616 года. На допросах Галилей умело защищался. Кто может доказать, что в «Диалоге» истинные мысли автора выражает Сагредо, а не Симпличио, приверженец Птолемея? Ему очень помогло, что он внял совету Кампанеллы и написал свое сочинение в форме диалога. Галилей категорически заявлял, что он написал «Диалог» с единственной целью: чтобы всем стало ясно, насколько доводы Коперника неубедительны и ошибочны!

От него все время требовали признаний, что намерения его были преступны. Он упорно не соглашался. Ему начали грозить

пытками. Но Галилей по-прежнему стоял на своем: он не разделяет взглядов Коперника. Он хорошо знал, что в его положении легче всего было защищаться настойчиво отрицая наличие злого намерения.

21 июня 1633 года Галилею был зачитан приговор. Инквизиционный трибунал объявлял его «сильно заподозренным в ереси» и приговорил к отречению, покаянию и лишению свободы на неопределенный срок. «Диалог о двух главнейших системах мира» вносился в список запрещенных книг. На следующий день Галилей в церкви св. Марии-над-Минервой, в той самой церкви, где и Кампанелла в молодости совершал обряд покаяния, на коленях публично покаялся и подписал акт отречения. На долгие годы, вплоть до самой смерти, он стал узником инквизиции. Ему навсегда запретили в беседах с кем бы то ни было касаться вопроса о движении Земли и что-либо писать на эту тему.

Время от времени Урбана VIII, как и прежде, охватывали приступы суеверного страха: то звезды снова предсказывали гибель, то вдруг в опочивальне папы — дурная примета! — нашли неизвестно откуда взявшуюся сову. Но теперь Урбан обходился без услуг Кампанеллы. Разрыв между ними был полным. Во дворец Кампанеллу больше не пускали. Враги продолжали его травить. Он обращал на это мало внимания. Его помыслы были заняты другим.

Всю свою жизнь он тяжело переживал неудачу калабрийского восстания. Тридцать три года он провел в тюрьме, и всегда мечта о свободе была для него мечтой о продолжении борьбы за освобождение родины от ига иноземцев. Его не покидала уверенность, что Италия станет свободной. То, чего не смог сделать он, совершит новое поколение борцов!

Он окружал себя молодежью и употреблял все свое влияние, чтобы воспитать из земляков-калабрийцев смелых людей, которые не пожалеют жизни ради торжества справедливости. Томмазо Пиньятелли, любимый ученик, должен был осуществить его замыслы. Они часто говорили о восстании. Надо было привлечь к участию в нем возможно большее число людей. На родине еще оставался кое-кто из старых заговорщиков. Многие, правда, умерли, но ведь жили их дети! С Калабрией поддерживалась постоянная и надежная связь. Там очень активно действовал Джузеппе Грилло, который еще в 1599 году был одним из верных помощников Кампанеллы. Его друг, Антонио Пепе, приехав в Рим из Сквиллаче, рассказал об обстановке в Калабрии.

Первое восстание не удалось, потому что правительство вице-

короля было заранее предупреждено о выступлении. Помня о роковой неудаче, надо было теперь так организовать заговор, чтобы и в самом Неаполе нанести испанцам неожиданный удар и лишить их отряды руководства. Томмазо Пиньятелли ратовал за необходимость устроить покушение на вице-короля и его ближайших сподвижников. Насколько легче будет бороться с испанцами, когда их главари будут заколоты, застрелены или отравлены!

В Неаполе план Пиньятелли энергично поддерживал Микеле Червеллоне. Червеллоне! Тридцать лет тому назад он потерпел провал, когда устраивал побег Кампанеллы из Кастель Нуово. Эта попытка стоила ему десяти лет каторги. Он полностью отбыл на галерах свой срок и остался все таким же безрассудно смелым.

Кампанелла предостерегал, что не следует особенно увлекаться идеей покушения на вице-короля. Здесь малейшая неосторожность сразу погубит все дело. Он хотел придать заговору широкий размах. Очень ли будет опасен вице-король, когда в порт Неаполя войдет грозная армада союзников? Кампанелла строил свои планы на военной помощи восставшим со стороны Франции и Венеции. Вместе с Пиньятелли он обсуждал их в доме французского посла. Граф Брассак относился к ним положительно. Джузеппе Грилло поехал в Венецию, чтобы вести там переговоры.

Наконец настал долгожданный день, когда Томмазо Пиньятелли отправился на юг. Обнимая любимого ученика и единомышленника, Кампанелла волновался. Вновь наступила пора действий, а не слов!

Первые месяцы все шло хорошо. Многие калабрийцы готовы были взяться за оружие. Снова в Россано, Сквиллаче, Стиньяно и Катанцаро стали собираться заговорщики.

Не получая окончательного ответа от Синьории, Грилло завязал в Венеции сношения с французским послом, и тот передал ему обещание Людовика XIII оказать помощь. Об этом же говорил Кампанелле и новый французский посол в Риме. Обстановка была благоприятной для подготовки выступления. Только не следовало излишне торопиться.

Поэтому Кампанеллу очень обеспокоило известие, которое неожиданно пришло из Неаполя. Пиньятелли передавал, что Микеле Червеллоне знает секрет приготовления сильнейшего яда, испарения которого, лишенные запаха, незаметно убивают людей. Достаточно нескольких суток, чтобы отравить вице-короля и все его правительство.

Кампанелла немедленно послал в Неаполь гонца: Пиньятелли не должен делать никаких необдуманных шагов и предпринимать

слишком рискованных и поспешных действий.

Но было уже поздно. Томмазо Пиньятелли был арестован испанскими властями 15 августа.

В Рим, спасаясь бегством, тайно прибыл брат Кампанеллы Джампьетро. Он принес вести о непоправимом. Один из заговорщиков, капитан Помпео Мацца из Катанцаро, сообщил вице-королю о готовившемся покушении. Роль самого Червеллоне во всем этом деле была крайне двусмысленной и непонятной. Так или иначе, его подробнейшие показания очень повредили другим. Чего он только не нагородил! Он рассказал и о сношениях с французским послом и о людях, которые в Риме сочувствовали заговору. Калабрийцам, по его словам, была обещана помощь не только французов и венецианцев, но и голландцев. Вице-король с самого начала был убежден, что главный вдохновитель и руководитель заговора — это Кампанелла.

Пиньятелли держался молодцом и не признавался. Тем не менее число арестованных росло с катастрофической быстротой. В Калабрию были посланы сильные войсковые части. Следы привели карателей в родные места Кампанеллы. Испанцы стали хватать его друзей и родственников. Начались насилия и грабежи. Кое-где произошли жаркие стычки, но испанских солдат было слишком много. Дом Джампьетро был разграблен. Ему самому чудом удалось спастись, но его сын Доминико, любимый племянник Кампанеллы, попал в руки испанцев. Теперь он сидел в тюрьме.

Джампьетро был очень встревожен судьбой самого Кампанеллы. В Неаполе упорно ходили слухи, что вице-король намерен решительным образом требовать от папы его выдачи. Неужели опять тюрьма, допросы, пытки — и в довершение всего — смерть на плахе или виселице?

Несчастье, разразившееся в Калабрии, глубоко потрясло Кампанеллу. На задний план ушли и его обычные занятия, и работа над задуманным десятитомным собранием сочинений, и неприятности, связанные с продолжающимися кознями врагов. Кардинал Барберини и Мостро следили за каждым его шагом. В обход строгого запрещения публиковать книги Кампанелла сумел напечатать «Монархию Мессии» в Иези, маленьком городке, расположенном на севере Италии. Агенты инквизиции — на этот раз им следовало отдать должное — работали усердно. Книга не успела выйти в свет, как была конфискована, хотя раньше она дважды получала одобрение самого Мостро, и тот называл ее верхом учености и лицемерно ратовал за ее распространение. Правда, тогда Кампанелла был еще в фаворе у папы.

Кампанелла делал все возможное, чтобы помочь Пиньятелли

и его товарищам. Он был в курсе того, как шло следствие. Пиньятелли вел себя мужественно. Вице-король никакими средствами не мог заставить его признаться, что он связан с Кампанеллой. Однако Джампьетро убеждал Томмазо бежать, пока папа не выдал его испанцам. Кампанелла решительно отказывался: побег будет доказательством его участия в заговоре и сделает еще более угрожающим и без того тяжелое положение Пиньятелли и других арестованных!

Внешне Кампанелла не подавал и виду, что имеет хоть малейшее отношение к процессу, затеянному в Калабрии. Он, когда был здоров, по-прежнему посещал ученые собрания, беседовал на философские темы, навещал французского посла. Граф Ноаль не отличался большими способностями к дипломатии, и. если бы не его связи при дворе, никогда не удержался бы на посту посла. Однако человек он был неплохой и относился к Кампанелле с искренней симпатией. Ноаль провел студенческие годы в Падуе и считал себя учеником Галилея. Он аккуратно доносил правительству о своих политических беседах с Кампанеллой, в которых тот постоянно выражал страстную приверженность к Франции, и, ведя обширную переписку, информировал своих многочисленных друзей о знаменитом философе. Он уверял Кампанеллу, что если тому когда-нибудь доведется побывать во Франции, то там он встретит самый радушный прием как со стороны образованного общества, так и со стороны официальных кругов.

Весна 1634 года принесла Кампанелле новые беды. В марте по распоряжению церковных властей в ответ на настойчивые домогательства вице-короля был арестован в Риме и направлен в Неаполь Антонио Пепе. Одновременно вице-король официально потребовал от Венецианской республики выдачи Джузеппе Грилло. Может статься, не сегодня-завтра папа прикажет арестовать Кампанеллу. Различные люди советовали ему бежать. Если следственные материалы покажут участие Кампанеллы в заговоре, то Урбан, разумеется, не замедлит его выдать. Но он не хотел слышать ни уговоров, ни предостережений. Пиньятелли все еще держался. Неужели ему изменит выдержка?

В апреле Кампанелла узнал, что большая партия его земляков и родственников, содержавшихся в тюрьмах Калабрии, была переведена в Неаполь. Процесс вступал в решающую фазу. Джампьетро умолял брата бежать, пока не поздно. Он снова отказался. На людях Кампанелла ничем не проявлял ни своего горя, ни своей тревоги. Когда наступила жара, он, как обычно, уехал во Фраскати.

В сентябре дело Томмазо Пиньятелли было закончено.

Представитель Святой службы заявил, что следствие надо продолжать, поскольку добытых материалов недостаточно, чтобы считать Пиньятелли изобличенным. Вице-король был против дальнейших затяжек. Было решено лишить Пиньятелли сана и передать в руки светской власти. Приговор не заставил себя долго ждать: Пиньятелли надлежало обезглавить на Рыночной площади. Перед казнью его следовало подвергнуть страшнейшей пытке, которая вынудила бы его назвать соучастников.

Пиньятелли последней пытки не выдержал. Он признался, как вместе с Кампанеллой вынашивал планы заговора. Он рассказал, что Кампанелла, смертельный враг Испании, мечтает об освобождении Неаполитанского королевства и ждет помощи французов, «как евреи ждут мессии». Он упомянул и о переговорах, которые велись с французским послом. Секретарь тщательно запротоколировал его слова. Как только пытка кончилась, Пиньятелли с ужасом понял, что он почти погубил учителя. Он собрал свои силы и отрекся от показаний. По закону его должны были через двадцать четыре часа снова пытать, чтобы он еще раз подтвердил вырванные пыткой слова. Нет, никакие муки не заставят его этого сделать! Вице-король не захотел рисковать. Для него было достаточно тех протоколов, которые были уже налицо. Пиньятелли и на Рыночной площади перед толпой будет отказываться от своих признаний?! С ним надо было немедленно кончать!

Томмазо Пиньятелли был удавлен прямо в своей камере. Власти распустили по городу слух, что вице-королева, вняв его мольбам, смилостивилась над ним и помогла ему избежать позора публичной казни.

Известия о трагедии, разыгравшейся в Неаполе, застали Кампанеллу во Фраскати. Пиньятелли уже не было в живых! Вероятно, скоро папе будет вручено официальное требование о выдаче Кампанеллы, подкрепленное ссылками на признания Пиньятелли. Больше ждать было нечего. Кампанелла рассчитывал, что сам Урбан не поторопится выдать его испанцам из страха, что он знает слишком многое о планах папы, направленных против короля Филиппа.

Опасность от этого не становилась меньше. Стоит только испанцам заметить, что Урбан тянет, как они тут же найдут средства прибрать Кампанеллу к рукам. Испанский посол содержал, такую сильную стражу, что она не пускала римских полицейских на улицу, где находилось здание посольства, и нередко затевала с ними кровавые столкновения. А сколько было секретных агентов, шпионов, наемных убийц! Похищения людей и убийства из-за угла были обычным явлением. Кампанелла не

чувствовал себя в безопасности ни в Фраскати, ни в монастыре. Куда бежать?

Единственно надежным пристанищем казалось ему французское посольство. Он спешно поехал в Рим. Граф Ноаль принял его хорошо, но не утаил от него своей озабоченности. Он, конечно, вправе воспользоваться его гостеприимством, а дальше что? Ведь он не может остаться в здании посольства навсегда! Кампанелла попросил Ноаля, чтобы тот добился у Урбана аудиенции и раскрыл папе глаза на то, к каким опасным последствиям поведет выдача его испанцам.

Ноаль немедленно отправился в Кастельгандольфо, в загородную резиденцию Урбана. Папа обещал поддержку, но очень скоро передумал. Ночью он прислал к Ноалю гонца и уведомил его, что берет свое обещание обратно. В настоящий момент он не может рисковать новым обострением отношений с Испанией, что неминуемо, если он открыто станет защищать Кампанеллу. Урбан попросту умывал руки. Пусть французский посол сам делает, что в его силах, если хочет спасти своего протеже. Ноаль колебался. От правительства на этот счет он не получал никаких инструкций. А если взяться помочь Кампанелле на свой страх и риск, то как это сделать? Он согласен дать ему документы, необходимые для въезда во Францию, но это вовсе не означает, что Кампанелла благополучно доберется до границы.

Кампанелла не мог больше ждать. Вместе с Филиппо Борелли он бросился во Дворец св. Марка, в посольство Венецианской республики. Он знал, что Венеция решительно отказалась выдать Грилло испанцам. Кампанелла не побоялся поднять посла с постели. Он просил разрешения приехать в Венецию. Альвизо Контарини выслушал его благожелательно и учтиво. Он сказал ему несколько комплиментов, но в то же самое время дал ему ясно понять, что не хочет доставлять своему правительству новых осложнений, которые неизбежно возникнут, если Кампанелла укроется в Венеции.

Надо было попытаться достичь Франции. Дороги изобиловали заставами, караулами, патрулями. Без документов нельзя было ехать. А оставаться дальше в доме Ноаля было тоже опасно. Посол предупредил его, что среди слуг есть испанские шпионы.

Кампанелла должен был во что бы то ни стало получить от папы документы на выезд. Вероятно граф Ноаль недостаточно энергично показал папе, что ему грозит, если Кампанелла попадет в руки испанцев. Он не имел ни желания, ни времени особенно церемониться с Урбаном. Он поставил его в известность, что Урбан может оказаться в очень щекотливом

положении. Нет никаких гарантий, что в Неаполе слабый, больной Кампанелла захочет под пытками скрывать истину об известных ему секретных сношениях папы с французами. Он просил немногого — только паспорт на беспрепятственный выезд из Италии.

Ему прислали требуемые документы. Кампанелла усмехнулся: паспорт был подписан кардиналом Барберини. Для пущей осторожности документы были оформлены на фальшивое имя. Отныне Кампанелла звался Лючио Берарди. Ему настойчиво рекомендовали взять путь на Чивитавеккья. Он принял к сведению этот совет.

Сборы проходили в безумной спешке. Не было времени собрать даже самого необходимого. Он вынужден был оставить и весь свой скромный гардероб, и рукописи, и книги, и небольшую коллекцию старинных медалей и монет, которую очень любил. Врач Пьер Бурдело объяснил ему, как лучше всего добраться до живущего в Провансе Клода Пейреска, где ему обеспечено гостеприимство. Посол вручил ему несколько рекомендательных писем. В эти тревожные часы Кампанелла по-настоящему оценил дружбу Ноаля. Он сам вникал во все мелочи и старался сделать отъезд Кампанеллы по возможности безопасным. Он не доверял слугам и хотел, чтобы во время сборов не было чужих глаз. Кампанелла сбросил свою обычную доминиканскую одежду и напялил на себя рясу капуцина. Было решено, что Филиппо Борелли поедет с ним под видом слуги.

Глубокой ночью к черному ходу особняка был подан экипаж. Ноаль предоставил в распоряжение Кампанеллы собственную посольскую карету. Но это было еще не все. Он приказал четверым молодцам из своей личной охраны сопровождать Кампанеллу, пока он, целый и невредимый, не поднимется на корабль. Мало ли какие неожиданности подстерегают в дороге путника, даже если он и снабжен паспортом, где красуется подпись кардинала Барберини!

Быстро несущаяся карета прогромыхала колесами по улицам спящего Рима и, миновав заставу, выехала за город. Кампанелла не думал, что его враги горят особенным желанием выпустить его за границу, хотя это и было равносильно пожизненной ссылке. Они не выдали его испанцам, потому что побоялись возможных разоблачений. Они упорно советовали ему держать путь на Чивитавеккья. Но он слишком хорошо знал всю эту компанию — Урбана, кардинала Барберини, Мостро. Ему совсем не улыбалась мысль, что они с удовольствием вычитают в «Аввизи», как ночью неизвестные бандиты в пустынном месте напали на карету и зарезали старика капуцина, который случайно оказался

переодетым Кампанеллой. Они, может быть, даже обвинят в происшедшем испанцев.

Выехав из Рима, Кампанелла тут же приказал кучеру повернуть на другую дорогу. Да, он знает, что она и длиннее и хуже, но он все-таки предпочитает оставить в стороне Чивитавеккья и направиться в Ливорно!

Глава двадцать четвертая. НА ЧУЖБИНЕ

Через неделю после бегства из Рима, 29 октября 1634 года, Кампанелла в сопровождении Филиппе Борелли благополучно прибыл в Марсель. Дорожные расходы, непомерная жадность судовладельца и дороговизна в тавернах съели все его деньги. В Марселе ему нечем было заплатить за комнату и не на что нанять лошадей. К счастью, на помощь пришли люди, с которыми он уже давно состоял в переписке. Кампанелла письмом уведомил Клода Пейреска о своем приезде. Тот сразу же пригласил его к себе и прислал ему портшез.

В Эксе, древней столице Прованса, Кампанеллу ждал радушный прием. Пьер Гассенди, гостивший у Пейреска, вместе с хозяином сердечно приветствовал знаменитого ученого. Несколько дней, проведенных в гостеприимном доме, пролетели незаметно: беседы о философии и физике, астрономические наблюдения за Меркурием и рассказы Кампанеллы о пережитом заняли все время. Он не хотел долго оставаться в Эксе, зная, что в Лионе печатают его сочинения. Пейреск показал ему первые листы трактата о медицине, Кроме того, в Лионе должна была находиться и его «Метафизика».

Он выехал из Экса снабженный на дорогу всем необходимым. Пейреск поручил одному из своих доверенных лиц, Пьеру Руффи, ехать вместе с ним. Кампанелла, все еще одетый в рясу капуцина, продолжал выдавать себя за Лючио Берарди. Даже в Лионе он не поторопился назвать своего настоящего имени. Он испытал приятное волнение, когда разыскал типографию, где печатали его сочинение по медицине. Но для него явилось полнейшей неожиданностью, что типографы и в глаза не видели «Метафизики», которую он надеялся здесь найти. Издатели в один голос утверждали, что так и не получили ее из Рима. Снова обман! Человек, клявшийся, что быстро перешлет рукопись во Францию, оставил: ее у себя.

В Лионе, решив воспользоваться кредитом, который предоставил ему Пейреск, Кампанелла обратился к банкиру. Здесь он не счел нужным скрывать своего имени. Банкира звали Роберто Галилей, он был двоюродным братом великого ученого. Роберто слышал о Кампанелле и раньше. Они долго говорили о Галилее. Новости были малоутешительными: «узник инквизиции» жил под строгим надзором в Арчетри, здоровье его все больше и больше сдавало, зрение стало совсем слабым, а после недавней

смерти любимой дочери Ливии, которая за ним ухаживала, он чувствовал себя совершенно одиноким.

Роберто Галилей произвел на Кампанеллу хорошее впечатление. Расставшись с ним, он стал писать ему и позже попросил, чтобы Роберто наблюдал, как идет в Лионе печатание его произведений. Деньги, полученные от банкира, были Кампанелле крайне необходимы. Он почти ничего не оставил себе, основную сумму тотчас же переслал надежным людям в Неаполь для передачи своим землякам и родственникам, томящимся в тюрьме. Никто так хорошо, как Кампанелла, не знал, что значит для арестанта каждый грош и каждый кусок хлеба.

Он держал путь на Париж. До Руана благодаря рекомендациям Пейреска он ехал в карете эксского архиепископа. Богатей архиепископ любил беседовать с Кампанеллой на возвышенные темы, однако не забывал получать с него путевые издержки. Вероятно, почтовый экипаж обошелся бы ему дешевле!

В Руане Кампанелла сел на барку и плыл вниз по Луаре вплоть до самого Орлеана, а оттуда уже лошадьми добрался до Парижа. Путешествие давалось ему с трудом, он ехал совсем больным, но тем не менее внимательно приглядывался к окружающему.

В Париже Кампанеллу радостно встретили его почитатели. Он временно поселился в доме, принадлежавшем брату Ноаля. Он вызывал всеобщее любопытство, знаменитый ученый, просидевший в тюрьмах инквизиции тридцать три года.

Джулио Мазарини, будущий кардинал и всесильный правитель, начинал свою деятельность во Франции с того, что, выполняя секретные инструкции Рима, установил за Кампанеллой тайную слежку и принялся его всячески травить. Урбан VIII не довольствовался наличием в Париже обычного нунция, которым был тогда Болоньетти, и направил туда нунция экстраординарного — Мазарини.

Кампанелла еще не успел приехать в Париж, а кардинал Барберини уже послал Болоньетти письмо, где требовал принятия неотложных мер. Он характеризовал Кампанеллу как «мятежный ум» и предупреждал, что надо любыми средствами помешать ему печатать книги. «Позаботьтесь заиметь, — приказывал кардинал Барберини, — какое-нибудь доверенное лицо в том месте, которое будет назначено Кампанелле для жительства; обеспечьте, чтобы это лицо завязало с ним дружбу и знало бы его мысли о том, что он намерен писать». Кардинал Барберини выразил уверенность, что нунций «сознает всю важность дела и поэтому не даст Кампанелле заделаться ересиархом». Неослабный надзор над

опаснейшим вольнодумцем был крайне необходим. Но это показалось кардиналу Барберини недостаточным. В своих последующих инструкциях обоим нунциям он настаивал, чтобы они попытались под любым благовидным предлогом добиться высылки Кампанеллы из Парижа. Это было бы большой удачей упрятать Кампанеллу в какой-нибудь отдаленный монастырь, где он будет под надзором иезуитов, где ему не дадут книг, где настоятель будет выполнять роль тюремщика. Кардинал Барберини уже имел на примете такие монастыри в Авиньоне и Провансе. Но он рассчитывал и на худшее: если нельзя будет выслать Кампанеллу и он останется в Париже, то надо держать его подальше от двора и по возможности ограничить круг лиц, с которыми он будет общаться.

Следовало пустить в ход все средства, чтобы дискредитировать Кампанеллу в глазах французов. Инструкции, присылаемые из Рима, пестрели этим словом: «дискредитировать». Казалось, что это стало навязчивой идеей кардинала Барберини. И оба нунция старались как могли. Они не гнушались ни подкупом, ни угрозами, ни шантажом. Они клеветали на Кампанеллу и старались отвадить от него друзей. Болоньетти умудрился узнать от Пьера Руффи, которому так доверял Пейреск, о всех обстоятельствах поездки Кампанеллы из Экса в Париж.

Кампанелла не сомневался, кто наносит ему удары исподтишка, но не подавал и виду, что знает истинных вдохновителей травли. Он осторожно и умно противодействовал происка нунциев и в то же самое время писал в Рим хитрые письма, где называл папу своим защитником и просил, чтобы ему выплачивали пенсию. Ему очень нужны были деньги: в тюрьмах Неаполя голодали десятки его земляков.

Сразу же после прибытия в Париж он должен был явиться к папскому нунцию, но он не торопился это делать. Ему совсем не улыбалась перспектива быть запрятанным в какой-нибудь монастырь. Он направил Болоньетти записку с извинениями, сослался на тяжелую болезнь ног, которая мешает ему выходить из дому, и на отсутствие подходящей одежды, поскольку его багаж все еще оставался в Риме. Он нарочно оттягивал визит, а тем временем его друзья хлопотали у Ришелье об аудиенции. Он не хотел, чтобы его дальнейшей судьбой распоряжались слуги кардинала Барберини. Встрече с первым министром Людовика XIII он придавал большое значение. Ришелье согласился его принять. Свидание произошло в Руэле, в резиденции Ришелье. Кампанелла сумел произвести на фактического правителя Франции сильное впечатление. Он дал ему почувствовать, что

может быть очень полезен в качестве политического советника. Он всю жизнь борется с испанским владычеством и знает, насколько слабы позиции испанцев в Италии. Ришелье отнесся к нему очень милостиво. Он подарил ему от имени короля шестьдесят дублонов. Надо же поддержать такого заклятого врага Испании, у которого к тому же столько тайных и явных сторонников в Неаполе. Когда речь зашла о том, в каком из монастырей Кампанелла будет в дальнейшем жить, ему не стоило большого труда получить от Ришелье разрешение остаться в Париже. Кардинал не имел ничего против того, чтобы Кампанелла поселился в доминиканском монастыре, расположенном на улице Сен-Оноре.

Нунции были поставлены перед свершившимся фактом. Они не в силах были отменить приказа кардинала. Несколько дней спустя после беседы с Ришелье Кампанелла нанес визит Болоньетти. Нунций сделал ему строгое внушение и распорядился не отдавать в печать ни одной рукописи без его личного дозволения. Кампанелла не возражал. Он еще раз извинился за запоздалый визит и заверил Болоньетти, что сразу же поспешил навестить его, как только ему позволили это сделать его старые больные ноги.

На Кампанелле висел большой лионский долг, который ему нечем было погашать, но тем не менее почти все деньги, полученные в подарок от короля, он тут же послал в Неаполь сидящим в тюрьме землякам.

В Париже Кампанелла чувствовал себя значительно лучше, чем в Риме. Он многое бы отдал, чтобы Галилей был рядом с ним. Он писал об этом Роберто, а тот пересылал его приветы и добрые пожелания узнику в Арчетри. Находясь в Париже, Кампанелла продолжал думать о родине. Он делал все, что мог, чтобы мысль о необходимости помочь итальянцам в их борьбе с Испанией овладела умами представителей влиятельных французских кругов. В беседах с политическими деятелями, учеными и придворными он без устали доказывал, что король должен послать свой флот — и чем быстрее, тем лучше! — к берегам Неаполитанского королевства. Это предприятие не будет стоить Франции много сил — недовольство испанским владычеством достигло предела и как только военные корабли освободителей высадят десант, поднимется весь юг Италии.

Людовик XIII высказал желание лично поговорить с Кампанеллой. Визит к королю прошел как нельзя лучше. Беседа была очень оживленной, несмотря на то, что Кампанелла говорил по-итальянски. Король не поскупился на знаки благорасположения. Он обещал ему свою защиту и помощь и

сказал, что прикажет выплачивать ему пенсию.

Ясно, что не из любви к философии Людовик принял с почестями нищего эмигранта. Он видел в нем смертельного врага Испании и считал, что в будущем Кампанелла может быть полезен. Денег, обещанных королем, пришлось ждать очень долго: военные расходы вконец опустошили казну. Однако приемом короля Кампанелла остался доволен. Милостивое отношение Людовика помогало ему бороться с тайными кознями, чинимыми Мазарини и Болоньетти.

Он очень нуждался. По его собственным словам, он жил «благотворительностью и славой». Но не только поэтому ему важно было получить пенсию от папы — у него родился еще один план, как противодействовать той кампании травли и клеветы, вдохновителями которой были оба нунция.

Кампанелла несколько раз писал в Рим, добиваясь пенсии. Ему не отвечали. Тогда он поставил в известность Мазарини, что несколько книготорговцев проявляют очень большой интерес к его сочинениям. Он не намерен умирать от голода и будет вынужден вопреки запрещению издавать свои книги во Франции. Это подействовало. Ему выдали пятьдесят скудо, предупредив, что выплата пенсии будет продолжаться только в том случае, если без согласия святого престола он не станет публиковать ни одного своего сочинения. Денежной подачкой они хотели заставить его замолчать. Им надо было бы уже знать Кампанеллу! Он взял деньги, выразил согласие. Мазарини не забыл ему напомнить, что пенсию, получаемую из Рима, он должен держать в секрете. Кампанелла пообещал. Так вот чего они опасаются: если в Париже узнают, что папа выплачивает ему пенсию, то трудно будет продолжать «дискредитировать» его в глазах влиятельных придворных, среди которых много набожных и клерикально настроенных людей. Это соответствовало его планам.

Когда он узнал, что при дворе стали особенно часто вестись разговоры, инспирируемые Мазарини, о том, что ни один истинный христианин не должен общаться с Кампанеллой, безбожником и бунтовщиком, он тут же нанес ответный удар. Он объявил, что вся эта клевета распространяется со злым умыслом его личными врагами. У него были неоспоримые тому доказательства, и он не делал из них тайны: сам папа выплачивает ему пенсию!

Он снова посадил в лужу сразу обоих нунциев. «Дискредитировать» Кампанеллу было не так-то уж легко!

Отвечая хитростью на хитрость, Кампанелла отбивался от врагов и продолжал делать свое дело. Он по-прежнему всеми

силами стремился, чтобы Франция оказала помощь его землякам в их борьбе с испанцами. Одновременно он разыскивал свои рукописи, приводил в порядок и готовил собрание сочинений. Его рукописи находились у разных лиц, в разных городах и разных странах. Он старательно их собирал: ведь они писались в таких нечеловеческих условиях и стоили ему столько труда!

Остаток своих дней он хотел посвятить тому, чтобы издать во Франции свои книги. Не обращая внимания на запреты Рима и на настойчивые напоминания нунциев, он стал потихоньку от всех с помощью Филиппо Борелли вести переговоры с типографами.

Он написал «Афоризмы о политических нуждах Франции», где сделал ряд рекомендаций, как легче всего обеспечить победу над Испанией, и передал их Ришелье.

Пользуясь дружескими связями с французскими учеными и благожелательным отношением Сорбонны, Кампанелла предпринимал энергичные усилия, чтобы именно Парижский университет одобрил его сочинения. Таким путем в обход Рима он получил бы разрешение на опубликование во Франции своих работ. Сорбонна согласилась дать свое заключение. Несколько сочинений, в том числе «Побежденный атеизм», были одобрены к печати. Это было большой победой. Нунций забил тревогу. Он снова поставил Кампанелле на вид, что Рим ни в коем случае не даст разрешения публиковать даже те работы, которые, как «Побежденный атеизм», в былые времена получили одобрение папской цензуры. Он напомнил, на каких условиях выплачивается пенсия. Кампанелла просил нунция не волноваться: он просто хотел узнать мнение Сорбонны о своем комментарии к стихам «Божественного поэта». О печатании каких бы то ни было произведений не может быть и речи!

Вскоре он отправил рукопись «Побежденного атеизма» в типографию. Кроме него, об этом знал только Филиппо Борелли.

Болоньетти был неприятно поражен; когда узнал, что в конце 1635 года в Лионе вышла в свет «Медицина» Кампанеллы. Он вызвал его к себе и устроил разнос. Кампанелла невозмутимо пожал плечами: он не может нести ответственности за всех книготорговцев Франции. Выход «Медицины» для него самого полная неожиданность. Вероятно, издатели, воспользовавшись украденной рукописью, начали ее самовольно печатать еще в то время, когда он жил в благословенном Риме!

Нунций прилагал все силы, чтобы оказать давление на профессоров Сорбонны. Ни при каких условиях они не должны давать одобрения писаниям Кампанеллы! Но Париж — это был не Рим. Многие профессора заупрямились. Почему они должны быть святее папы? Ведь ряд работ Кампанеллы был официально

одобрен магистром Святого дворца! Нунций был в затруднении. Как объяснить этим упрямцам, что богословие богословием, а попробуй-ка не посчитайся хотя бы с мимолетным настроением Урбана!

Меры предосторожности, принятые Кампанеллой и Филиппе, принесли свои плоды. Печатание «Побежденного атеизма» прошло в полной тайне, и нунции, несмотря на кучу шпионов, узнали об этом только тогда, когда экземпляры книги стали распространяться по Парижу. На Кампанеллу обрушилась новая гроза. Болоньетти и Мазарини были вне себя от ярости. Они заявили, что впредь он не получит больше пенсии. Странные люди! Неужели они всерьез могли думать, что он ради денег откажется от опубликования своих работ и от возможности еще раз среди других произведений издать «Город Солнца»?!

Оба нунция соревновались друг с другом, чтобы любыми средствами отравить Кампанелле жизнь. Они встречали самую горячую поддержку со стороны кардинала Барберини, Мостро и Ридольфи. Кампанелле приходилось тратить много времени и сил, чтобы противодействовать их интригам. Хотя борьба с врагами и была успешной, тем не менее широкая кампания по его дискредитации не проходила для него бесследно. Случалось, что на слухи и клевету поддавались и друзья. Отношения с Пейреском и Гассенди стали более прохладными, а с Ноде, который, невзирая на все требования Кампанеллы, не присылал ему ни «Книги о моих собственных сочинениях», ни «Жизни Кампанеллы», дело даже дошло до разрыва. Но ничто не могло заставить Кампанеллу отказаться от своих намерений. С поразительной трудоспособностью готовил он свои объемистые рукописи к опубликованию и с помощью Филиппо Борелли ухитрялся их печатать. Он очень торопился, чтобы использовать благоприятный момент. Он знал, что Рим в конечном итоге найдет средства лишить его возможности печататься. Уже чувствовалось давление, оказываемое Римом на профессоров Сорбонны.

Кампанелла жил в крайней нужде. К мукам, перенесенным в тюрьме, теперь еще прибавились тяготы жизни на чужбине. Пенсия папы была у него отобрана, а деньги, назначенные королем, не выплачивались помногу месяцев подряд. Да и враги не оставляли в покое ни на минуту старика эмигранта. Видя, что ему удается срывать их планы один за другим, они изощрялись в придумывании новых козней. Они не довольствовались тем, что Кампанелла в монастыре на улице Сен-Оноре был постоянно окружен шпионами. Они шли на любую подлость, чтобы досадить ненавистному упрямцу, который никак не хочет угомониться,

невзирая на недуги и преклонный возраст. Ридольфи, генерал ордена, обещал настоятелю монастыря, что сделает его провинциалом, если тот сумеет вынудить Кампанеллу уехать из Парижа. Кампанелла жалуется в письмах, что скоро умрет от голода. Ну что же, надо нанести ему удар в самое уязвимое место!

Хроническая болезнь почек причиняла Кампанелле много страданий. Он нуждался в диете. Диету такому злоумышленнику и бунтарю?! Приор категорически запретил готовить на монастырской кухне необходимую Кампанелле пищу. Пускай он, сидящий без гроша, наймет себе слугу.

Цинизм настоятеля не знал предела: Кампанелла довольствовался самым малым, а он нарочно повсюду разглагольствовал о его привередливости и расточительности.

Летом 1636 года Кампанелла тяжело заболел. Острое воспаление почек грозило смертельным исходом. Восемь дней врачи с минуты на минуту ждали конца. Недруги уже потирали от удовольствия руки. Мазарини и Болоньетти все время интересовались новостями из монастыря на улице Сен-Оноре. Им было от чего испытывать радость: их старания во что бы то ни стало доконать Кампанеллу приносили свои результаты. Ведь недаром уже давно сам кардинал Барберини с истинно христианским человеколюбием писал из Рима, что усердие Мазарини в отношении Кампанеллы «заслуживает высшей похвалы Бога и людей»!

Как только кризис миновал, Кампанелла снова принялся за работу. Судьба не зря даровала ему отсрочку: он держал корректуру первых листов «Города Солнца»! Он был доволен, что в трудную минуту кардинал Ришелье оказал ему материальную помощь. Зеленый кошелек со ста дублонами был очень кстати.

Кампанелла хотел, чтобы «Город Солнца» получил самое широкое распространение. Он опасался, что Рим в конце концов вынудит Сорбонну изменить свое отношение к его работам. Он мог рассчитывать только на заступничество Ришелье. Осмелятся ли враги открыто мешать продаже его книг, если они будут посвящены всесильному правителю Франции? Подготавливая к печати новое, дополненное издание трактата «О смысле вещей», Кампанелла посвятил его Ришелье. Во вступлении, предпосланном работе, он восхвалял кардинала, называя его покровителем наук и защитником муз. Кампанелла желал вдохновить Ришелье идеями Города Солнца. Он писал, что если Ришелье осуществит начертанные Кампанеллой планы и построит Город Солнца, то он на веки вечные прославит свое имя.

В том же самом предисловии Кампанелла с благодарностью

вспомнил Товия Адами, о котором, не имея никаких сведений, думал, что он погиб в войне.

Энергия Кампанеллы была неиссякаемой. Готовя к печати свои сочинения, он успевал делать и многое другое. По поручению Ришелье, он принимал активное участие в ученых собраниях, которые привели к образованию Французской Академии. Враги тем временем не унимались. Когда до Рима дошли слухи, будто Кампанелла собирается перебраться в Англию, кардинал Барберини тут же велел своим агентам в Лондоне принять все необходимые меры, чтобы не допустить его въезда в страну, где он был бы еще более свободен от контроля Рима, чем во Франции.

1637 год был для Кампанеллы счастливым: в одном томе с «Реальной философией» вышел в свет «Город Солнца», а вскоре вслед за ним и трактат «О смысле вещей».

Вопрос о наследнике престола давно уже волновал Людовика XIII. Королева Анна Австрийская все двадцать два года замужества оставалась бездетной. После смерти Людовика корона должна была перейти к его брату, Гастону Орлеанскому. Поразительное известие, что королева — теперь не без оснований — ждет ребенка, взбудоражило весь двор. Поговаривали, будто Кампанелла предсказал, что Гастону Орлеанскому не суждено сесть на трон, так как Анна Австрийская родит сына.

Младенец, вошедший в историю под именем короля Людовика XIV, появился на свет 5 сентября 1638 года. Ришелье счел не лишним обратиться к Кампанелле с просьбой составить для новорожденного гороскоп. Кампанелла согласился и вскоре объявил, что царствование нового Людовика будет долгим и счастливым. По этому случаю он написал длинную латинскую эклогу, где, подражая стихам Вергилия, обещал дофину славу и процветание.

Даже «Эклогу» враги Кампанеллы пытались использовать, чтобы дискредитировать его в глазах двора. Стихи были преподнесены королю, тот просмотрел их и дал читать своим приближенным. Недоброжелатели стали выискивать в «Эклоге» места, к которым можно было бы придраться. Говоря о дофине, Кампанелла употреблял латинский эпитет, означавший «необыкновенный». Но ведь это же самое слово применяется и в дурном смысле, как «чудовищный», «уродливый»! Они принялись убеждать короля, что Кампанелла называет дофина «чудовищным». Людовик не хотел верить. Не может этого быть! Главный королевский библиотекарь сразу же сообщил об этом разговоре Кампанелле. О, он не спустит врагам ни одного выпада против себя! В ту же ночь Кампанелла написал опровержение,

где, ссылаясь на многочисленные примеры из Варрона и Вергилия, доказал, что эпитет «необыкновенный» употреблен им в самом наилучшем смысле.

Врачи не скрывали удивления: казалось, ни старость, ни тяжелый недуг не могут подорвать его энергии и трудоспособности. Он, как и раньше в подземельях и карцерах, жил не только работой. Он, как прежде, находил в себе силы бороться с врагами.

Жизнь все время заставляла его быть конспиратором: в юности он организовывал заговор, в тюрьме, несмотря на запреты, умудрялся писать, а теперь он ловко водил за нос агентов Мазарини, которые безуспешно пытались разнюхать, в какой из типографий он негласно печатает свою очередную книгу.

В Риме Мостро задыхался от ярости. Он рассматривал Кампанеллу и печатников, дерзко осмеливающихся издавать его книги без санкции Рима, как еретиков. С каким удовольствием отправил бы он все эти сочинения, а с ними вместе их автора и издателей на костер! Но сколько Мостро ни бесновался, в Париже продолжали одна за другой выходить книги Кампанеллы. Вслед за «Реальной философией» была издана «Рациональная философия», а вскоре читатель получил и многострадальную «Метафизику». В этой книге, которую Кампанелла называл «библией философов», он, разбирая множество вопросов физики и техники, этики и философии, чаще всего ссылался на двух ученых, которых всю жизнь ценил выше всех остальных, — на Телезия и Галилея.

Из Арчетри приходили печальные вести. Галилео Галилей окончательно ослеп, но, несмотря на это, инквизиция все еще считает его своим узником и не разрешает переехать во Флоренцию.

До последних дней своей жизни Кампанелла верил, что золотой век человечества впереди, что идеи «философского образа жизни общиной» со временем восторжествуют повсюду и Город Солнца, о котором он мечтал и за который боролся, будет построен.

В «Эклоге», предсказывая дофину великое будущее, Кампанелла связывал его с осуществлением двух своих сокровеннейших чаяний — с освобождением Италии от испанского ига и с созданием Города Солнца. Так даже в пророчествах, сделанных по просьбе Ришелье, он не изменил самому себе.

Силы Кампанеллы убывали с каждым днем, и он чувствовал, что долго уже не протянет. Болезнь почек прогрессировала, не

помогали никакие лекарства. В конце апреля он совсем слег. Его тревожило приближающееся затмение солнца, которое, по его вычислениям, должно было произойти 1 июня 1639 года. Он думал, что это затмение будет для него роковым. Он хотел использовать все средства, чтобы побороть недуг. Монахи суеверно крестились, когда видели, как Филиппо убирает келью белыми драпировками и растениями, зажигает канделябры со свечами и плошки с благовониями и, наняв на последние деньги музыкантов, просит их негромко играть в коридоре приятную музыку.

Но все было напрасно. Он больше не встал. К резким непрекращающимся болям прибавился жар. Кампанелла не дожил до солнечного затмения. Да и почему он, человек, который так любил солнце и свою самую страстную мечту о счастье людей воплотил в «Городе Солнца», должен был закончить свои дни среди мрака и тьмы?!

Он умер 21 мая, в четыре часа утра, когда, знаменуя начало нового дня, над городом во всей своей красе поднималось СОЛНЦЕ.

Томмазо Кампанелла скончался в том самом монастыре, который сто пятьдесят лет спустя стал клубом якобинцев. В этом можно увидеть определенный символический смысл: якобинцы — ум и сердце Французской революции — собирались в тех же стенах, где провел последние годы великий калабриец. Идеи, за осуществление которых боролся Кампанелла, не умерли. Великая Французская революция всколыхнула всю Европу.

В мрачную эпоху суеверий и религиозного фанатизма он с удивительной прозорливостью говорил о прекрасном будущем человечества. «Город Солнца» был для Кампанеллы не просто мечтой, а реальным планом переустройства жизни, за осуществление которого он и боролся.

Некоторых историков, занимавшихся изучением творчества Кампанеллы, иногда ставила в тупик кажущаяся противоречивость его взглядов.

Многие произведения Кампанеллы будут вызывать недоумение, если их пытаться осмыслить в отрыве от конкретных обстоятельств его жизни. Почти все свои работы Кампанелла писал в тюрьмах. Безвыходное положение заставляло его хитрить и притворяться. Из-под его пера нередко выходили вещи, в которых он, желая обмануть судей, давал заведомо неверное истолкование и своим действиям и своим мыслям. Всю свою жизнь, с юности вплоть до смертного часа, он стремился, чтобы идеи «Города Солнца» не погибли и получили широкое распространение.

И он добился своего. Потомки правильно поняли Кампанеллу. В памяти людей он навсегда остался как автор «Города Солнца».

Читая «Город Солнца», мы находим в нем мысли, которые вызывают у нас живой отклик — минувшие века не состарили их. Общественное воспитание детей, наглядность обучения, тесная связь школьных занятий с приобретением трудовых навыков и участием в производстве — какие верные мысли!

Томмазо Кампанелла не только «Городом Солнца», но и всей своей жизнью мыслителя и борца заслужил право на благодарную память потомков. Ни страшнейшие пытки, ни тридцать три года тюремного заключения не смогли поколебать в нем уверенности, что будущее принадлежит общинной жизни. Большую часть своей жизни Кампанелла провел в самых нечеловеческих условиях и, несмотря на это, был одним из крупнейших ученых своего времени.

Рассказывая о жизни граждан Государства Солнца, Томмазо Кампанелла написал слова, которые теперь, звучат особенно пророчески: «Весь мир придет к тому, чтобы жить по их обычаям».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КАМПАНЕЛЛЫ

• 1568, 5 сентября — родился Кампанелла.
• 1581 — первые стихи.
• 1582 — вступление в монастырь.
• 1585 — приезд в Никастро.
• 1587 — первое знакомство с работами Телезия.
• 1588 — элегия на смерть Телезия.
• 1589, январь — август — работа над «Философией, основанной на ощущениях».
• конец года — бегство из монастыря.
• 1591 — выход в свет «Философии, основанной па ощущениях», первый арест инквизицией.
• 1592, 28 августа — освобождение после первого процесса.
• сентябрь — пребывание в Риме.
• октябрь — пребывание во Флоренции.
• ноябрь — кратковременный арест в Падуе.
• 1593, август — снова схвачен инквизицией.
• конец года — неудачная попытка побега из тюрьмы.
• 1594, январь — перевод в римскую инквизицию.
• 1595 — сослан в монастырь св. Сабины.
• 1596, декабрь — Кампанелла как «сильно заподозренный в ереси» приговорен к публичному отречению.
• 1597, 5 марта — снова арестован инквизицией.
• 17 декабря — освобожден с приказом возвратиться в Калабрию.
• 1598, март — июль — пребывание в Неаполе я отъезд в Калабрию.
• конец года — подготовка калабрийского восстания.
• 1599, 6 сентября — арестован испанскими властями.
• 1599, 9 ноября — заточен в Кастель Нуово.
• 1600, 2 апреля — начало симуляции сумасшествия.
• май — начало процесса о ереси, работа над трактатом «Испанская монархия».
• 1601, 4 и 5 июня — пытка «велья».
• вторая половина — работа над «Городом Солнца».
• 1603, 8 января — оглашение приговора.
• 1604, июль — переведен в подземелье Сант-Эльмо.
• 1605 — работа над «Побежденным атеизмом».
• 1607 — знакомство с Шоппе.
• 1608, март — переведен в Кастель делль Ово.

• 1609 — пишет трактат «О наилучшем государстве».
• 1613 — знакомство с Товием Адами. (?)
• 1614 — перевод на латинский язык «Города Солнца».
• 1616 — «Апология Галилея».
• 1622 —Адами издает «Апологию Галилея» и сборник стихов Кампанеллы.
• 1623 — выходит в свет «Город Солнца».
• 1626, 23 мая — испанский вице-король освобождает Кампанеллу.
• 27 июня — его снова арестовывает инквизиция.
• 1628, 2/7 июля — Кампанелла окончательно освобожден.
• 1633 — заговор Пиньятелли.
• 1634, октябрь — бегство во Францию.
• 1637 — новое издание «Города Солнца».
• 1639, 21 мая — смерть Кампанеллы.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ [19]

• Волгин В. П., История социалистических идей, 1928. Волгин В. П., Очерки по истории социализма, 1935. Волгин В. П., Коммунистическая утопия Кампанеллы.

• Вступительная статья к академическому изданию «Города Солнца», 1954.

• Волгин В. П., Гуманизм и социализм, 1955. Квачала И. И., Фома Кампанелла. «Журнал Министерства народного просвещения», 1906, октябрь; 1907, январь, май, август и декабрь.

• Ковалевский М. М., Развитие идей государственной необходимости и общественной правды в Италии. Ботеро и Кампанелла. «Вопросы философии и психологии», 1896, январь.

• Лафарг П., Томас Кампанелла, пер. с франц., 1926.

• Рутенбург В. И., Кампанелла, 1956.

• Рутенбург В. И., Рецензии на академическое издание «Города Солнца», сб. «Средние века», V, 1954 и «Вопросы истории», 1955, № 6.

• Сказкин С. Д., К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма, сб. «Средние века», XI, 1958.

• Чиколини Л. С., Социально-политические воззрения Томмазо Кампанеллы. Кандидатская диссертация, 1946. Рукопись.

• Сочинения Кампанеллы многократно издавались как на языке подлинника, так и в переводах. Библиографии сочинений Кампанеллы посвящена работа L. F lr p o, Bibllografia degll scntti di Tommaso Campanella, Torino, 1940.

• Двухтомное собрание сочинений Кампанеллы было издано A. D'Ancona, Opere di T. Campanella scelte.ordlnate ed annotate da A. D'Ancona, Torino, 1854, I–II.

• В настоящее время предпринято издание полного собрания сочинений, первый том которого вышел в Милане в 1954 году — T. C am p ane'l I a, Tutte Ie opere, a cura dl L. Firpo.

• Из отдельных изданий следует назвать: La Citta c'el Sole (ed. E. Solmi, Modena, 1901; ed. J. Kvacala, Jurjew; 1911; ed. G. Paladino, Napoll, 1920; ed. N. Bobblo, Torino, 1941.) Lettere, Barl, 1927; Del senso delle cose e della magia, Barl, 1925; De libris proprils et recta ratione studenti syntagma, Milano, 1927; Poesie, Firenze, 1939; Antivenett, Firenze, 1944; Discorsi al principi d'Italia ed altri scritti filo-ispanici, Torino, 1945; Aforismi politici, Torino, 1941; (Xuscoli inediti, Firenze, 1951).

• На русском языке существует несколько изданий «Города Солнца». Из них лучшее — Кампанелла, Город Солнца, Перевод с

латинского и комментарии Ф. А. Петровского. Перевод Приложений М. Л. Абрамсон, С. В. Шервинского и В. А. Ещина, 1954. (В Приложениях дан перевод части трактата «О наилучшем государстве» и нескольких сонетов.)

• Отрывок из сочинения De sensu rerum опубликован в русском переводе в «Книге для чтения по истории философии», составленной А. М. Дебориным, т. I, 1924.

• Amabile L., Fra Tommaso Campanella, la sua congtura, l suoi processi e la sua pazzia, Napoli, 1882, I–III.

• Amabile L., Fra Tommaso Campanella ne castelli di Napoll, in Roma ed in Parigi, Napoli, 1887, I–II.

• Amabile L., Il codice delle lettere del Campanella, Napoll, 1881.

• Amabile L., Del carattere di Fra Tommaso Campanella, Napoli, 1890.

• Blanchet L., Campanella, Paris, 1920.

• E. C. (E. Carusi), Nuovi documenti sul processi di T. Campanella. GCFI (Giornale critico della Filosofia italiana), 1927, fasc. V.

• Corsano A., Tommaso Campanella, Milano-Messina, 1944. Denticeze, 1921.

• Dentice D'Accadia C., Tommaso Campanella, Firenze 1921 scritti di T. Campanella.

• Dentice D'Accadia C., G scritti di T. Campanella GCFI, 1921, fasc. I ed III.

• Doren A., Campanella als Chiliast und Utopist. (Kultur — und Universalgeschichte. Festschrift fьr W. Goetz, 1927.)

• Firpo L., I primi processi campanelliani in una ricostruzione unitaria, GCFI, 1939, fasc. 1.

• Firpo L. II Campanella scrittore di cose militari e un Inedito discorso giovanile, GCFI, 1939, fasc. V–VI.

• Firpo L., Appunti Campanelliani, GCFI, 1940, fasc. VI. Pirpo L., Ricerche Campanelliane, Pirenze. 1947. Gothein E., Thomas Campanella. Ein Dichterphlilosoph der Italienischen Renaissance. (Zeitschrift fьr Kulturgeschichte. Berlin, I, 1894.)

• Kvacala J., Thomas Campanella und die Pдdagogik. (Die Deutsche Schule.1905, X–XI.)

• Kvacala J., Ьber die Genese der Schriften T. Campanellas. — «Ученые записки Юрьевского Университета», Юрьев, 1912, IX; там же дополнения к этой статье — 1912, VI и 191?

• Kvacala J., Thomas Campanella, ein Reformer der ausgehenden Renaissance, Berlin, 1909

• Nys E. Thomas Campanella, sa vie et ses theories philosophiques, Bruxelles et Paris, 1901

• Thomas Campanella und seine polltischen Ideen. (Kleine Schriften. Erste Reihe, Freiburg, 1889.)

СОДЕРЖАНИЕ

• ПРЕДИСЛОВИЕ
• Глава первая. ДУХ ТЕЛЕЗИЯ
• Глава вторая. КРЕПОСТЬ, РАЗРУШЕННАЯ ДО ОСНОВАНИЯ
• Глава третья. ВПЕРВЫЕ В ИНКВИЗИЦИИ
• Глава четвертая. РИМ, ФЛОРЕНЦИЯ, ПАДУЯ
• Глава пятая. ЗАМОК СВЯТОГО АНГЕЛА
• Глава шестая. ЗАГОВОР
• Глава седьмая. ИЗМЕНА
• Глава восьмая. ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ — ЗНАЧИТ СПАСТИСЬ!
• Глава девятая. ТЮРЕМЩИКИ, СВЯЩЕННИКИ, ПАЛАЧИ
• Глава десятая. «КРОКОДИЛЬЯ ЯМА»
• Глава одиннадцатая. УЗНИК СХОДИТ С УМА
• Глава двенадцатая. БЕЗУМЕЦ ИЛИ СИМУЛЯНТ?
• Глава тринадцатая. ДИАНОРА
• Глава четырнадцатая. ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА
• Глава пятнадцатая. НЕОЖИДАННЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ
• Глава шестнадцатая. ПОБЕГ ИЗ КАСТЕЛЬ НУОВО
• Глава семнадцатая. ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ
• Глава восемнадцатая. ТЮРЬМА НА ОСТРОВЕ
• Глава девятнадцатая. ГОЛОС В ЗАЩИТУ ГАЛИЛЕЯ
• Глава двадцатая. «ГОРОД СОЛНЦА» ВЫХОДИТ В СВЕТ
• Глава двадцать первая. «КАК ИЗБЕЖАТЬ СУДЬБЫ, ПРЕДСКАЗАННОЙ ЗВЕЗДАМИ»
• Глава двадцать вторая. КОЗНИ И МИЛОСТИ ВРАГОВ
• Глава двадцать третья. СНОВА ЗАГОВОР!
• Глава двадцать четвертая. НА ЧУЖБИНЕ
• ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КАМПАНЕЛЛЫ
• КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
• СОДЕРЖАНИЕ

notes

Примечания

1

Доминиканцы, или братья-проповедники, — католический монашеский орден, основанный в XIII веке для борьбы с еретиками.

2

Францисканцы — один из монашеских «нищенствующих» орденов. Основан в XIII веке Франциском Ассизским.

3

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) — великий древнегреческий философ. В средние века католическая церковь приспосабливала его учение для собственных нужд. Аристотель, изуродованный христианскими комментаторами, был воплощением мертвой схоластики.

4

Провинциал — глава всех монастырей провинции, принадлежащих одному ордену.

5

Приор — настоятель монастыря.

6

Перипатетики — ученики или последователи философской школы Аристотеля.

7

Вальденсы — религиозная секта в южной Франции. Вальденсы были объявлены еретиками.

8

Фуорушити — буквально: спасшиеся бегством.

9

Стихотворные переводы сонетов Кампанеллы, отрывки из «Города Солнца» и трактата «О наилучшем государстве» здесь и в дальнейшем даются по изданию: Кампанелла, Город Солнца. Перевод с латинского и комментарии: Ф. А. Петровского. Перевод Приложений: М. Л. Абрамсон., С. В. Шервинского и В. А. Ещина. Вступительная статья: В. П. Волгина. Москва, 1954.

10

Гороскоп — таблица расположения планет в момент рождения человека, употребляемая астрологами для предсказания судьбы.

11

Нунций — посол римского папы.

12

Геомантия — предсказания по фигурам на песке.

13

Апокалипсис (греч. «Откровение») — заключительная часть Нового завета. Автор Апокалипсиса, называющий себя Иоанном, заявляет, что бог открыл ему будущее человечества. Он рисует фантастические картины пришествия Христа, борьбы Христа с антихристом, страшного суда и конца света.

14

Аудитор — член церковного суда.

15

Откровения Иоанна — Апокалипсис.

16

Каукакина — так европейцы называли южную часть Вьетнама (Кохинхина). Каликут — город на малабарском побережье Индии.

17

Анабаптисты («перекрещенцы») — секта, возникшая в Германии в начале XVI века. Анабаптисты выступали против католической церкви, отрицали частную собственность. Многие из них активно участвовали в Крестьянской войне.

18

Сквилла — по-итальянски синоним слова «кампанелла», то есть «колокол», «колокольчик».

19

В библиографии много ошибок в названиях на иностранных языках — Прим.